

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

6

Ноябрь — Декабрь

1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. главн. редактора),
Д. А. Ольдерогге, **А. И. Першиц**, **Л. П. Потапов**, **В. К. Соколова**,
С. А. Токарев, **Д. Д. Тумаркин** (зам. главн. редактора)

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

С. В. Хармандарян, В. П. Шерстобитов

ЮБИЛЕЙ БРАТСКОГО СОЮЗА СОВЕТСКИХ НАРОДОВ

Образование многонационального социалистического государства — продолжение дела Великого Октября, выдающийся результат революционного творчества всех народов советских республик, исторический подвиг Коммунистической партии. Именно Коммунистическая партия явилась руководителем и организатором создания интернационального братства народов, сплочения их во имя решения главной социальной задачи рабочего класса — построения коммунистического общества.

Разработанные В. И. Лениным и Коммунистической партией революционная теория, программные положения по национальному вопросу, принципы пролетарского интернационализма и советского федерализма явились идеологической, теоретической основой образования СССР.

С созданием ленинской партии освободительная, революционная борьба народов Российской империи приобрела целенаправленный и организованный характер. Под руководством партии в классовых битвах крепло боевое единство пролетариев всех национальностей, зарождался союз рабочего класса и трудового крестьянства всех народов как могучая интернациональная революционная сила.

Партия соединила в один поток различные революционные движения — рабочее, крестьянское и национально-освободительное. Рабочий класс выступил в Октябрьской революции как подлинный гегемон национально-освободительного движения всех народов.

Рабочий класс России и его революционная партия выступили последовательными защитниками справедливого решения национального вопроса, защитниками национального суверенитета народов. Коммунистическая партия рассматривала национальный вопрос как часть общего вопроса о социалистической революции, подчиненного задачам демократии и социализма, видела в национальных массах один из резервов революционной борьбы против самодержавия и капиталистического строя. В. И. Ленин уделял большое внимание национальному вопросу, конкретным его проявлениям в России. Он требовал ясной постановки национального вопроса, четкого разграничения пролетарского интернационализма и буржуазного национализма.

Объективный закон исторического развития человеческого общества ведет к постепенному уничтожению национальной замкнутости, к культурно-экономическому, духовному сближению наций, а затем к их слиянию при всемирном коммунизме. Однако в условиях империалистической экспансии, захватов и насилия угнетенные народы стремились к национально-государственной независимости и обособленности. Сочетание этих двух противоречивых тенденций составляло суть национального вопроса во всемирном масштабе. На основе научного анализа взаимодействия указанных тенденций В. И. Ленин всесторонне обосновал положение о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Это положение, основанное на безусловном признании равноправия и свободы волеизъявления наций, стало программным в национальной политике Коммунистической партии.

Однако признание права наций на самоопределение, вплоть до отделения, вовсе не было равнозначно признанию необходимости их отделения. Маркс, Энгельс, Ленин считали, что для успешной борьбы пролетариата за социалистическую революцию и построение коммунизма предпочтительнее нужно отдать крупным демократически централизованным государствам вместо мелких децентрализованных государств. Ленин, Коммунистическая партия в национальном вопросе всегда боролись на два фронта — против великодержавного шовинизма и местного буржуазного национализма. При этом В. И. Ленин считал, что долг коммунистов господствующей нации, — прежде всего, бороться против проявлений великодержавного шовинизма и подчеркивать право народов на свободное отделение вплоть до образования своего независимого государства, а долг коммунистов угнетенной нации — выступать против проявлений местного национализма и, отстаивая право народов на самоопределение, добиваться не отделения, а свободного, добровольного объединения народов. Претворение в жизнь Коммунистической партией этих интернациональных принципов явилось мощным стимулом объединительного движения народов за образование СССР.

Великая Октябрьская социалистическая революция, победа рабоче-крестьянской Советской власти, утверждение диктатуры пролетариата, общественной собственности на средства производства были той базой, на которой могло быть налажено братское сотрудничество народов в едином государственном союзе. Только социалистическая революция обеспечила тесное объединение всех народных сил во главе с рабочим классом в целях ликвидации системы капиталистической эксплуатации и вместе с ней — системы национального гнета. Победа Великого Октября явилась главным политическим фактором осуществления коренных социально-экономических преобразований, претворения в жизнь ленинской программы по национальному вопросу, возникновения советских национальных республик и их сплочения в братскую семью.

В столь многонациональной стране, как Россия, национальный вопрос выступал в качестве одного из коренных вопросов строительства социалистического общества, от правильного решения которого во многом зависела судьба нового строя. Мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по осуществлению национальной политики способствовали созданию подлинно революционного единства народов для закрепления и расширения завоеваний Октября, послужили основой возникновения и развития объединительного движения народов советских республик.

II Всероссийский съезд Советов в обращении к рабочим, солдатам и крестьянам торжественно заявил о предоставлении всем народам права на самоопределение. Для практического осуществления национальной политики Советской власти был создан Народный комиссариат по делам национальностей. 2(15) ноября 1917 г. Совнарком во главе с В. И. Лениным принял «Декларацию прав народов России», в которой провозглашались равенство и суверенность народов России; их право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств; отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России¹.

Совнарком уделял огромное внимание воплощению этих принципов в жизнь; постоянная забота о развитии народов, их братском сближении стала неотъемлемой частью советской государственной политики.

¹ См. «История Советской Конституции (в документах)», М., 1959, стр. 42—47, 57—58.

10 июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов принял первую Советскую Конституцию — Конституцию РСФСР. Конституция отражала завоевания Советской власти, в том числе в области осуществления принципов ее национальной политики. Ст. 2 главы I Конституции закрепляла исторический факт создания союза свободных наций, а ст. 11 главы V предоставляла народам РСФСР право организации своих автономий². РСФСР — первая советская федеративная республика — стала для других советских республик примером сплочения и способствовала росту доверия, солидарности между трудящимися всех наций и народностей. Все советские республики брали в качестве прообраза своих конституций Конституцию РСФСР. Практическое разрешение национального вопроса в РСФСР имело огромное значение для успешного развития объединительного движения за образование СССР.

Образование СССР — результат разностороннего опыта советских народов, в том числе исторического опыта их совместной борьбы за социальное и национальное освобождение.

Трудящиеся массы всех национальностей, воодушевленные победой Великого Октября в центральной России, под руководством партии Ленина установили Советскую власть на своих территориях. Реализуя право на самоопределение, многие из них создали свои национально-государственные объединения и вступили в союз.

Антисоветская коалиция бывших господствующих классов, буржуазно-националистических партий и иностранных интервентов ввергла страну в пучину гражданской войны. При этом весьма характерно, что если до Октябрьской революции буржуазно-националистические контрреволюционные партии были сторонниками «единой неделимой» буржуазной России и стремились лишь к внутренней автономии, то после победы социалистической революции они в своих классовых интересах пошли по пути политического и национального сепаратизма, превратились в ярых приверженцев политического отделения от Советской России и раздробления бывшей Российской империи на отдельные национальные буржуазные государства-лимитрофы. Это была антинародная политика, ибо она шла вразрез с мощным объединительным движением, вызванным победой Октябрьской революции.

Это движение в условиях гражданской войны и интервенции усилилось и приняло форму тесного военно-политического союза советских республик. Объединение экономических и военных ресурсов, братская солидарность советских народов обеспечили им победу над внутренней и внешней контрреволюцией.

В 1920—1921 гг. федеративные связи независимых советских республик были закреплены в ряде договоров, учитывающих задачи мирного социалистического строительства. Российская федерация, оказывая советским республикам военно-политическую, дипломатическую и хозяйственно-культурную помощь, являлась центром их притяжения, играла колоссальную роль в укреплении и развитии братских связей между всеми народами. Объединяя к 1922 г. 10 автономных республик и 11 автономных областей, РСФСР наглядно демонстрировала невиданный в истории образец добровольного сплочения народов во имя достижения общих целей.

В марте 1922 г. по идее Ленина создается федерация закавказских советских республик как орган национального мира и построения социализма в Закавказье. Закавказская федерация, подобно Российской, являлась результатом объединительного движения народов после Октября, она учитывала условия и особенности исторического развития Закавказья в тот период. Закавказская федерация как первый опыт создания советского союзного национально-государственного образования была шагом

² Там же, стр. 143, 145.

вперед на этом пути и сыграла значительную роль в процессе образования СССР.

В начале 1922 г. советские республики во главе с РСФСР дополнили свой военно-политический союз дипломатическим союзом, который дал им возможность устоять перед объединенным натиском империалистических государств на международных конференциях в Генуе, Гааге и Лозанне.

Таким образом, создание СССР имело в своей основе постоянно нараставшее движение народов за развитие братских связей, сплочение в тесный государственный союз. Объединительное движение не было стихийным. Его направляла и возглавляла Коммунистическая партия, для которой были ясны историческая обусловленность и назревшая необходимость образования единого Советского государства и которая своей политикой подводила народные массы к решению этой задачи. Образование многонационального государства рабочих и крестьян диктовалось объективным ходом исторического развития.

Экономическим, хозяйственным стимулом образования СССР являлось стремление народов к мирному социалистическому созиданию, решению исторической задачи ликвидации их фактического неравенства, построению социализма, коммунизма. Это требовало дальнейшего сближения, более тесного объединения советских республик. Только общими усилиями всех республик можно было восстановить разрушенные войной производительные силы, построить материально-техническую базу социализма, опираясь на взаимовыгодную специализацию производства, разделение труда и эффективное использование природных богатств. В условиях капиталистического окружения без теснейшего союза советских республик невозможно было отстоять их существование. Объединение советских республик диктовалось также необходимостью организации общей для них системы экономического планирования с целью выработки наиболее эффективных путей социалистического строительства. Таким образом, в 1922 г. объединительное движение советских народов переросло договорные отношения, и встал вопрос о государственно-политическом объединении советских республик.

Образование СССР было подготовлено опытом развития отношений между советскими республиками. Однако процесс его непосредственного создания осложнялся рядом трудностей, связанных с экономической и культурной отсталостью страны, остатками национальной розни, проявлениями великодержавного шовинизма и местного национализма, вредными действиями национал-уклонистов внутри партии. Одна из трудностей состояла в поисках форм федеративного устройства Советского многонационального государства.

В 1918—1922 гг. во взаимоотношениях советских республик сложились следующие типы федеративных связей: договорная федерация независимых советских республик, федерация, построенная на автономии, с вхождением в состав РСФСР и союзная федерация (Закавказская). Накопленный опыт развития федеративных связей между советскими народами вначале не был в полной мере учтен. В концентрированном виде это было выражено в идее «автономизации», предусматривавшей вхождение всех советских республик в состав РСФСР на автономных началах.

Взгляды Ленина и Коммунистической партии на советскую федерацию развивались и дополнялись в соответствии с практикой разрешения национального вопроса. В. И. Ленин руководил национально-государственным строительством советских республик и на основе обобщения его опыта искал новые пути укрепления советской федерации. Ленин подчеркивал существенное различие между федеративными связями автономных и независимых советских республик, из чего вытекала необходимость развития этих федеративных связей. Ленин сформулировал идею созда-

ния нового, высшего типа советской федерации, обосновал принципы организации союзного государства.

Ленинская идея образования СССР предполагала добровольный союз равноправных и суверенных республик, основанный на принципе последовательного советского демократизма. В условиях советского строя самостоятельность республик и их тесный союз на равноправных началах не противоречили друг другу. Поэтому Ленин решительно отвергал буржуазно-националистическое понимание самостоятельности — национально-государственное обособление, сепаратизм, местничество. Он считал, что объединение советских республик в едином союзном государстве вполне сохранит их суверенитет (при условии последовательной борьбы с проявлениями великодержавного шовинизма и местного национализма, препятствующими сближению народов), обеспечит преодоление фактического неравенства народов, подведет их к социализму.

Октябрьский (1922 г.) пленум ЦК РКП(б) единодушно поддержал позицию Ленина, принял резолюцию, в основе которой был ленинский проект образования СССР, и поручил комиссии выработать проект закона об образовании СССР для внесения его на обсуждение Всесоюзного съезда Советов. В единое Советское государство объединялись Российская и Закавказская Советские федерации, Украинская и Белорусская Советские республики.

С октября по декабрь 1922 г. объединительное движение народов советских республик приняло необычайно широкий размах. В результате огромной работы Коммунистической партии трудящиеся массы пришли к пониманию целесообразности и необходимости образования нового типа советской федерации — единого союзного государства с соответствующими законодательными и исполнительными союзными органами власти. Партийные конференции, съезды Советов, собрания и митинги трудящихся во всех советских республиках проходили под знаком солидарности с решениями Октябрьского пленума ЦК РКП(б). Ленинская идея создания союзного федеративного государства на основе добровольного объединения равноправных и суверенных республик получила всенародное одобрение.

13 декабря 1922 г. VII Всеукраинский съезд Советов принял Декларацию, а I Закавказский съезд Советов — Постановление об образовании Союза ССР. 18 декабря IV Всебелорусский съезд Советов также принял Постановление об образовании СССР. 27 декабря X Всероссийский съезд Советов признал своевременным государственное объединение советских республик. 30 декабря 1922 г. в Москве состоялся I съезд Советов СССР, который утвердил Декларацию и Договор об образовании СССР, избрал ЦИК Союза ССР. Сессия ЦИК избрала Президиум ЦИК и, по предложению В. И. Ленина, четырех председателей ЦИК — от РСФСР, Украины, Белоруссии, ЗСФСР. ЦИК СССР образовал правительство СССР — Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина. 10 января 1923 г. при ЦИК СССР была создана Конституционная комиссия, в состав которой были введены представители всех союзных республик. Комиссия подготовила проект Конституции СССР, принятый II сессией ЦИК СССР 6 июля 1923 г. и утвержденный затем II съездом Советов СССР 31 января 1924 г.

Таким образом, теоретическая и политическая деятельность Коммунистической партии, опыт упрочения федеративных связей советских республик, стремление народов к объединению привели к созданию союзного государства. В едином Советском многонациональном государстве как добровольному союзу равноправных и суверенных советских республик нашла свое практическое воплощение воля советских народов к всестороннему сотрудничеству и взаимопомощи в строительстве коммунистического общества.

Советская федерация, созданная Коммунистической партией и Советской властью, коренным образом отличается от буржуазной федерации как формы диктатуры буржуазии, создаваемой насилием, угнетением и войнами, основанной на национальном и расовом неравенстве. Советская федерация является социалистической по своему существу, зиждется на принципах пролетарского интернационализма, добровольности объединения и равноправия всех членов федерации.

Коммунистическая партия, руководствуясь учением марксизма-ленинизма, выражая насущные интересы рабочего класса, всех трудящихся, сплотила все нации и народности страны в единое интернациональное братство и направила их усилия на создание нового общества.

* * *

Федерация советских республик обеспечила возможность экономического подъема как отдельных республик, так и федерации в целом. Появилась возможность учитывать все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития, и в зависимости от этого использовать тот или иной подход к их социалистическому преобразованию; федерация способствовала также укреплению дружбы и сотрудничества народов в процессе строительства социализма.

Из многих сторон, характеризующих созидательную роль советского многонационального государства, выберем одну, наиболее определяющую — деятельность союзной федерации по индустриальному подъему национальных окраин, рациональному размещению производительных сил и обеспечению ускоренных темпов индустриального развития прежде отсталых национальных республик. Освещение этой проблемы представляет значительный интерес, поскольку социалистическая индустриализация явилась важнейшим средством решения исторической задачи ликвидации фактического неравенства народов СССР, задачи, которая могла быть успешно решена только их совместными усилиями, в рамках государственного союза советских республик.

Социализм несовместим с делением территории страны на промышленно-развитые и отсталые районы. Он создает новое социалистическое разделение труда, предусматривающее наиболее рациональное использование сырьевых и трудовых ресурсов в интересах строительства социализма, сохраняя при этом принцип равенства, братского сотрудничества всех наций и народностей.

Индустриализация была важнейшим средством решения не только технико-экономических, но и социально-политических проблем: устранения экономическую отсталость национальных окраин, она также обеспечивала формирование национального рабочего класса, подъем культуры национальных масс, изживание многоукладности в национальных районах путем кооперирования крестьянства и кустарей, обобществления торговли, вытеснения и последующей ликвидации эксплуататорских классов. Индустриализация расширяла сферу действия социалистических производственных отношений, повышала роль, политические и экономические возможности союзного государства в регулировании социалистических преобразований на окраинах.

В ходе социалистической индустриализации осуществлялось более равномерное распределение промышленности на территории страны; национальные районы переставали быть сырьевыми придатками промышленности центра. И хотя при этом не устранялась экономическая специализация районов (это шло бы во вред делу социализма), в национальных республиках и областях решительно преодолевалась былая односторонность производства, связанная лишь с первичной

обработкой сырья, и создавалось современное промышленное производство.

Социалистическая индустриализация страны была связана с таким перераспределением материальных ресурсов, которое обеспечивало быстрый подъем промышленности в национальных районах, более высокие, чем в центре, темпы их промышленного развития. В этом проявлялся подлинный интернационализм социалистического общества, направленный на оказание бескорыстной помощи ранее отсталым народам в обеспечении их экономического, социально-политического и культурного прогресса.

Промышленное строительство в национальных районах коренным образом меняло их облик, преобразовывало старую промышленную структуру. Этот процесс шел и в старых промышленных центрах, поскольку партия проводила линию на превращение их в мощный арсенал все более расширявшегося промышленного строительства на отсталых окраинах.

Так, на Украине выросли крупные Харьковский и Криворожский промышленные центры. Помимо традиционных для Украины каменноугольной, железорудной и металлургической промышленности, получили развитие новые отрасли — машиностроительная, цветная металлургия, химическая, энергетическая, а также легкая и пищевая промышленность. Унаследованное от прошлого деление республики на промышленно развитые и аграрные районы было изжито, повсюду было создано многоотраслевое хозяйство. К концу переходного периода УССР давала продукции в 11 раз больше, чем в 1913 г.³

Украина вместе с РСФСР стала базой развертывания промышленного строительства на национальных окраинах. Шахтеры Донбасса активно помогали становлению угольной промышленности в Средней Азии и Казахстане. Металлурги и машиностроители России и Украины непосредственно участвовали в создании тяжелой промышленности в национальных районах (Средняя Азия, Закавказье и др.). В свою очередь индустриальное развитие Украины осуществлялось при содействии других национальных республик. Так, крупнейшая в Европе Днепровская гидростанция была детищем всех народов нашей страны.

Коренным образом изменилась промышленная структура БССР, закавказских республик. Яркий пример преобразующей роли союзного государства на отсталых окраинах являет собой Советский Казахстан. В годы первых двух пятилеток в промышленность Казахстана было вложено свыше 2,1 млрд. рублей, причем во вторую пятилетку в 4 раза больше, чем в первую. Крупные капиталовложения обеспечили ускоренный подъем промышленности в республике. Социалистическая индустриализация полностью преобразила лицо среднеазиатских республик.

В процесс ликвидации фактической отсталости интенсивно вовлекались народы Крайнего Севера. В отдаленных труднодоступных районах возникали важные промышленные отрасли: рыбная, морская (зверобойная), пищевая, лесная, химическая, горная, топливно-энергетическая, судостроительная и др. Создавались промышленные очаги в районах расселения малых народов, оленеводческие и звероводческие совхозы. Уходила в прошлое вековая изолированность Крайнего Севера. Большую роль в этом играл Северный морской путь, развитие транспортной связи во внутренних районах⁴. Крайний Север постепенно становился органической составной частью страны, устанавливая с ней тесные хозяйственно-культурные связи и внося свой вклад в общесоюзное народное хозяйство.

³ И. Ф. Воробьев, Украинская социалистическая нация, в кн. «Формирование социалистических наций в СССР», М., 1962, стр. 104.

⁴ М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. XXVII, М., 1955, стр. 403, 405.

Для индустриализации отсталых национальных республик и областей надо было преодолеть колоссальные трудности, связанные с неразвитостью энергетической базы, отсутствием удовлетворительных транспортных средств, малочисленностью квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров.

Последовательно осуществлялся ленинский принцип рационального размещения производительных сил в стране с целью эффективного использования сырья и сокращения дальних перевозок, планомерного разделения труда между отдельными районами, подъема их экономики и культуры, наиболее полного учета интересов национальных республик и государства в целом.

И хотя в годы первой пятилетки еще не удалось устранить унаследованную от прошлого диспропорцию в размещении производства, успехи были огромны: при непрерывном росте производства в старых промышленных районах на долю быстро развивающихся новых промышленных районов Востока (особенно Урало-Кузнецкого промышленного комплекса) и национальных республик приходилось уже 34,1% всего объема промышленной продукции страны⁵.

В период второй пятилетки произошли крупные изменения в размещении топливной промышленности. Благодаря интенсивному освоению угольных месторождений в Караганде, Средней Азии, Дальневосточном крае, Восточной Сибири, на Печоре и в Закавказье удельный вес Донбасса снижался, хотя угледобыча в этом бассейне и возросла в 1932—1940 гг. в два раза. Быстро увеличивалась добыча нефти в Башкирии и Татарии («Второе Баку»), на Дальнем Востоке, в Казахстане и в Средней Азии.

Подъем электроэнергетики в Средней Азии, Казахстане, республиках Закавказья обеспечивал базу для развития энергоемких производств — химической промышленности, цветной металлургии. Принимались реальные меры к продвижению на Восток металлургического производства. В связи с этим удельный вес Южного промышленного района в выплавке чугуна (при возросшем в несколько раз его производстве) снизился с 69,9% в 1932 г. до 64,7% в 1940 г.⁶

В результате крупного железнодорожного строительства и создания мощной промышленности на Урале и в Западной Сибири стало возможным развернуть интенсивное освоение лесных, угольных и рудных богатств Восточной Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии. К концу второй пятилетки на Востоке страны была создана крупнейшая промышленная база, имевшая огромное народнохозяйственное и оборонное значение.

Таким образом, целенаправленная деятельность союзного государства по созданию промышленности в национальных районах и на Востоке страны обеспечила более рациональное размещение производительных сил, эффективное использование сырьевых и трудовых ресурсов, изменение характера экономических связей между районами, ускорение социально-экономического и культурного развития народов национальных окраин и их перехода к социализму.

Если валовая продукция крупной промышленности увеличилась в среднем по стране с 1913 по 1940 г. почти в 12 раз, то за это же время в Казахской ССР она возросла в 19,6 раза, в Киргизской ССР — в 15,3 раза и в Таджикистане — в 27,7 раз⁷.

⁵ «Построение фундамента социалистической экономики в СССР, 1926—1932», М., 1960, стр. 166.

⁶ «Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг.», М., 1963, стр. 296—297.

⁷ С. Е. Толыбеков, Ликвидация экономической отсталости республик Средней Азии и Казахстана в процессе социалистических преобразований и их экономическое развитие в период перехода к коммунизму, «Материалы к Всесоюзной научной сессии „Закономерности перехода ранее отсталых народов к социализму и коммунизму, минуя стадию капитализма“», М., 1962, стр. 23.

Сближение уровней экономического развития национальных районов и центра происходило не только в производстве, но и в распределении, обмене и потреблении материальных благ. В ходе индустриализации в стране возникла единая хозяйственная система, укрепился социалистический сектор, стало возможным плановое регулирование экономики.

В связи с индустриализацией в национальных республиках происходил процесс бурного роста рабочего класса, местных инженерно-технических кадров, а также городских центров и городского населения.

Даже на Украине, располагавшей многочисленными кадрами рабочих, рабочий класс рос весьма интенсивно, что повышало его роль в качестве руководящей силы общества и ускоряло темпы социалистических преобразований⁸. Тот же процесс шел в Белоруссии⁹, Закавказье¹⁰, Азербайджане¹¹.

Большой сложностью отличался процесс формирования национально-го рабочего класса в таких республиках, как Казахстан, Киргизия и др., где в промышленность вовлекались вчерашние кочевники, не имевшие опыта индустриального труда. Несмотря на это, например, в Казахстане за 10—12 лет сложился крупный отряд рабочего класса; в 1940 г. в республике насчитывалось 914,7 тыс. рабочих и служащих, половину которых составляли казахи¹². В Киргизии в 1937 г. имелось уже 146,6 тыс. рабочих и служащих¹³, в то время как до революции рабочих было учтено чуть больше тысячи.

О чрезвычайно высоких темпах роста рабочего класса в национальных районах свидетельствуют следующие данные: за вторую пятилетку рабочие ряды выросли по СССР на 36%, а по республикам Средней Азии и Казахстану — в 2 раза¹⁴.

Коренные народности Севера были заняты в первую очередь в отраслях, связанных с их традиционными занятиями: в рыбодобывающих и рыбоперерабатывающих предприятиях, совхозах, специализировавшихся на оленеводстве и звероводстве. Постепенно рабочие из местных народностей вовлекались в лесную, пищевую, строительную, горную, металлургическую, судостроительную промышленность. Они овладевали специальностями механиков, дизелистов, шоферов, радистов и т. д. К промышленному труду приобщались также и женщины¹⁵. Для национальных районов привлечение женщин к производственному труду в промышленности представляло сложную социальную задачу. Но индустриализация помогла ее успешно решить.

В республиках вырастали кадры инженерно-технических работников. Это коренным образом меняло социальный состав населения, характеризовало неуклонный рост индустриально-культурного уровня национальных окраин. Исключительную роль играли промышленные центры страны в подготовке квалифицированных рабочих, инженеров и техников для отсталых в прошлом районов. Посланцы многих народов овладевали различными специальностями, сложными индустриальными профессиями в учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Сверд-

⁸ И. Ф. Воробьев, Указ. раб., стр. 106—107.

⁹ З. У. Докторов, Белорусская социалистическая нация, в кн. «Формирование социалистических наций в СССР», стр. 151.

¹⁰ Г. В. Брегадзе, Из истории формирования грузинской социалистической нации, в кн. «Формирование социалистических наций в СССР», стр. 292, 296.

¹¹ «История Азербайджана», т. 3, ч. 1, Баку, 1963, стр. 409, 410.

¹² «Народное хозяйство Казахской ССР. Статистический сборник», Алма-Ата, 1957, стр. 255.

¹³ «История советского рабочего класса Киргизстана», Фрунзе, 1966, стр. 162.

¹⁴ Б. М. Митупов, Некоторые вопросы формирования рабочего класса в республиках Советского Востока (на примере Средней Азии и Казахстана), «Научная сессия по истории формирования и развития советского рабочего класса (1917—1961 гг.). Тезисы докладов и сообщений», М., 1962, стр. 87.

¹⁵ М. А. Сергеев, Указ. раб., стр. 406—408.

ловска и других городов. В то же время в районы промышленных новостроек из центра ехали квалифицированные рабочие.

В глухих степях, в безлюдных прежде горах вырастали новые индустриальные центры, в национальных республиках увеличивалась численность городского населения. Различие между республиками по удельному весу городского населения резко уменьшилось. В Средней Азии появились крупные центры топливной, химической, электротехнической промышленности и цветной металлургии — города Чирчик, Алмалык, Кенсай, Кара-Богаз-Гол, Небит-Даг, Кызыл-Кия, Сулюкта и др. Старые города Ташкент, Фрунзе, Душанбе, Ашхабад, Фергана, Андижан и др. превратились в центры машиностроения, легкой и пищевой промышленности. В ходе индустриализации в Армении крупными городами стали Леникан, Кировакан, Кафан, Алаверди.

В основе сближения уровней материального благосостояния трудящихся всех республик лежала ликвидация разрыва в потреблении на душу населения важнейших продуктов питания, в развитии товарооборота и медицинского обслуживания.

Таким образом, в годы довоенных пятилеток была решена сформулированная X съездом партии задача последовательной ликвидации всех остатков национального неравенства во всех сферах общественной и хозяйственной жизни. В национальных республиках и областях возникли современные отрасли промышленности, оснащенные передовой техникой, исчезло деление страны на индустриально развитые и аграрные районы, был последовательно проведен принцип социалистического разделения труда между республиками. Высокие темпы индустриального развития национальных районов позволили в кратчайшие сроки поднять экономику и культуру их населения до уровня передовых наций.

Во всех этих всемирно-исторических достижениях решающая роль принадлежала союзному Советскому государству, его хозяйственно-организаторской, культурно-воспитательной деятельности. Победа социализма явилась результатом объединения усилий всех советских народов, сплотившихся в могучий Союз ССР. Это был выдающийся итог последовательного осуществления ленинской национальной политики.

* * *

Утвердился новый тип национальных отношений, основанный на дружбе и сотрудничестве народов. Рабочий класс и его испытанный авангард — Коммунистическая партия последовательно претворили в жизнь ленинские заветы в национальном вопросе: 1) на путях строительства социализма ликвидировали причины социальных антагонизмов в отношениях между народами — эксплуатацию человека человеком — и подвели под национальные взаимоотношения прочный фундамент новых, социалистических отношений, основанных на взаимном уважении и всестороннем сотрудничестве; 2) в соответствии с ленинским программным принципом о праве наций на самоопределение осуществили выработку форм устройства национальной жизни и воплотили их в действительность, обеспечив тем самым подлинный расцвет экономики и культуры советских народов и в то же время невиданное ранее стремление их к единству, сближению; 3) поставили на службу национально-государственному строительству великие возможности социалистического демократизма, интернациональную природу Советов, созданных революционным творчеством масс; 4) обеспечили на базе единства экономической, социально-политической и культурной жизни, марксистско-ленинской идеологии, интересов и коммунистических идеалов рабочего класса сплочение народов СССР в единую многонациональную историческую общность — советский народ, которому свойственны преданность делу коммунизма, социалистический патриотизм и интернационализм, высокая трудовая и об-

щественно-политическая активность, непримиримость к эксплуатации и угнетению, национальным и расовым предрассудкам, классовая солидарность с трудящимися всех стран; 5) создали прочные гарантии охраны суверенных прав народов в рамках союзной федерации; советская система федерализма обеспечивает гармоничное сочетание национальных интересов народов СССР с общими интересами союзного государства, дает возможность на основе принципов демократического централизма широко использовать силы, заложенные в национальной государственности, для достижения общенародных целей строительства коммунизма.

Развитой социализм, всестороннюю характеристику которого дал XXIV съезд КПСС, усиливает диалектическое взаимодействие процессов расцвета и сближения наций, составляющих суть национальных отношений в СССР. «В истекшие годы под руководством партии, — говорил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС съезду, — были сделаны новые шаги по пути всестороннего развития каждой из братских советских республик, по пути дальнейшего постепенного сближения наций и народностей нашей страны. Это сближение происходит в условиях внимательного учета национальных особенностей, развития социалистических национальных культур. Постоянный учет как общих интересов всего нашего Союза, так и интересов каждой из братских республик — такова суть политики партии в этом вопросе»¹⁶.

О подлинном расцвете советских наций свидетельствуют многие данные. За восьмую пятилетку промышленное производство РСФСР, Украины, Эстонии, Туркмении, Таджикистана и некоторых других республик увеличилось в полтора раза. Еще более высокие темпы роста промышленной продукции были достигнуты в Грузии, Латвии, Молдавии и Казахстане. В Белоруссии, Армении, Литве и Киргизии объем промышленного производства возрос на 74—82,5%¹⁷.

Во всех республиках в первую очередь развивались те отрасли, которые определяют технический прогресс в народном хозяйстве. Так, если промышленное производство в Таджикистане в целом выросло в полтора раза, то выработка электроэнергии за последнее пятилетие увеличилась здесь в 2,1 раза, производство продукции машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности — 2,3 раза. Возникли новые промышленные отрасли¹⁸. За последнее пятилетие две трети прироста промышленного производства на Украине получено за счет повышения производительности труда, связанного с техническим перевооружением промышленности¹⁹. В Молдавии развивались машиностроение и приборостроение, играющие важную роль в техническом прогрессе, в национальном использовании трудовых ресурсов, которыми богата республика²⁰. За минувшую пятилетку в Казахстане введены в действие энергетические мощности, равные шести Днепрогэсам²¹.

Партия последовательно продолжает линию на выравнивание уровней экономического развития республик, темпов подъема их материально-культурного развития. Решающую роль здесь играет перераспределение общесоюзных материальных ресурсов. Если в РСФСР, на Украине в восьмой пятилетке капиталовложения увеличились в 1,4 раза, то в Армении и Киргизии — в 1,6 раза, в Литве, Молдавии и Белоруссии — в 1,7 раза, в Грузии — в 1,9 раза²².

¹⁶ «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I. М., 1971, стр. 101.

¹⁷ М. И. Куличенко, Развитие наций и национальных отношений в СССР на современном этапе, «Вопросы истории», 1971, № 9, стр. 5.

¹⁸ «Коммунист Таджикистана», 19 и 21 февраля 1971 г.

¹⁹ «Правда Украины», 22 марта 1971 г.

²⁰ «Советская Молдавия», 26 февраля 1971 г.

²¹ «Казахстанская правда», 25 февраля 1971 г.

²² М. И. Куличенко, Указ. раб., стр. 5—7.

В результате соотношение между максимальным и минимальным уровнем промышленного развития экономических районов СССР сильно изменилось в сторону сближения.

В Отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС Л. И. Брежнев сказал: «Улучшилось размещение производительных сил страны. Seriously вырос экономический потенциал Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана. Шагнуло вперед народное хозяйство всех республик, увеличился вклад каждой из них в решение общегосударственных задач. Это значит, что расширилась экономическая основа союза и братства всех народов»²³. Развитие промышленности восточных районов СССР также шло вперед. Удельный вес (в процентах) Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского, Дальневосточного, Среднеазиатского и Казахстанского районов в общем производстве СССР в 1965 и 1970 гг. выглядит следующим образом²⁴:

	1965 г.	1970 г.
Мощность электростанций	28,6	30,1
Производство электроэнергии	24,3	26,0
Добыча нефти	7,1	18,1
Добыча природного газа	14,5	29,8
Добыча угля	39,3	43,2
Выплавка чугуна	9,7	10,5
Выплавка стали	9,0	10,3
Производство готового проката черных металлов	9,2	12,3
Добыча железной руды	14,6	15,9
Производство минеральных удобрений	16,2	17,0
Производство тракторов	12,0	13,6
Вывозка деловой древесины	30,4	33,1
Производство целлюлозы	10,2	20,8
Выпуск картона	10,4	17,8
Производство шерстяных тканей	2,9	3,7
Производство кожаной обуви	12,8	14,7

Эти данные свидетельствуют о высоких темпах форсирования в восточных районах страны энергоемких производств, связанных с интенсивным использованием сосредоточенных здесь огромных природных богатств в интересах каждого советского народа, союзной федерации в целом.

Так же высоки темпы роста производства и уровня культуры в районах расселения народов Крайнего Севера.

Во всех республиках наблюдается подъем сельского хозяйства.

Процесс сближения наций пронизывает все сферы их жизни — социальную, экономическую, культурную. Во всех национальных республиках происходят единые по своей сущности социально-демографические процессы, выражающиеся в повсеместном росте городского населения, доли рабочих и служащих, в том числе занятых в промышленной сфере, квалифицированных кадров. Все большее значение для характеристики социальной однородности социалистических наций приобретают показатели, связанные со стиранием различий между республиками по квалификации работников, образовательному уровню населения, между умственным и физическим трудом, городом и деревней. Имеющиеся здесь различия связаны главным образом с удельным весом промышленного и сельскохозяйственного производства в той или иной республике, что определяется разделением труда, производственной специализацией, сочетающейся с разносторонним кооперированием в экономической области,

²³ «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, стр. 58.

²⁴ «Народное хозяйство СССР в 1970 г. Статистический ежегодник», М., 1971, стр. 152—156.

в интересах каждого народа и всего их братского содружества — Союзу ССР.

Приведем некоторые данные, отражающие эти процессы. В 1971 г. уже в 8 союзных республиках удельный вес горожан составлял половину или более половины всего населения (РСФСР, УССР, Казахская ССР, Азербайджанская ССР, Латвийская ССР, Литовская ССР, Эстонская ССР и Армянская ССР). Самый низкий процент городского населения остается в Молдавской ССР (32%), но и здесь число горожан растет высокими темпами²⁵. В целом по СССР к началу 1971 г. на долю городского населения приходилось 57%, а сельского — 43%²⁶.

Во всех республиках возрос удельный вес рабочих и служащих в составе населения. За восьмую пятилетку отряд рабочих и служащих в Литовской ССР увеличился на 240 тыс. человек, в Молдавии — на 280 тыс. Профессионально-технические училища Узбекистана подготовили в 1966—1970 гг. в 2,5 раза больше квалифицированных рабочих, чем за предыдущие пять лет²⁷. Эти сдвиги отражались и на общесоюзных показателях. Если к началу восьмой пятилетки рабочие и служащие составляли 76,4% всего населения СССР, то к 1969 г. — 78,4%²⁸. На долю колхозного крестьянства в 1970 г. приходилось 20% населения страны²⁹. Совершенствование социальной структуры советского общества в целом и каждой республики в отдельности обуславливалось техническим прогрессом, ростом производительности труда. Здесь зримо проявляются черты развитого социализма, располагающего мощной производственно-технической базой.

Рабочий класс является самым многочисленным классом советского общества. Рабочие составляют в настоящее время 55% всего занятого населения страны. Только за тоды восьмой пятилетки численность рабочих возросла на 8 млн. человек. Но дело, разумеется, не только в неуклонно прогрессирующем росте рабочего класса.

«Рабочий класс, — подчеркивается в Отчетном докладе ЦК XXIV съезду партии, — был и остается основной производительной силой общества. Его революционность, дисциплинированность, организованность и коллективизм определяют его ведущее положение в системе социалистических общественных отношений»³⁰.

Происходящие сдвиги в степени урбанизации населения, соотношении промышленного и сельскохозяйственного труда и др. влекли за собой во всех республиках внутриклассовые изменения (рост промышленного персонала и пр.), а также повышение удельного веса интеллигенции, квалифицированных кадров. Различия между республиками по этим показателям продолжали сглаживаться.

Особое внимание было обращено на развитие культуры у тех народов, которые по каким-либо ее показателям отставали от других. По данным переписи 1970 г., уровень образования населения больше всего вырос в Таджикистане, Киргизии, Узбекистане, Туркмении, Молдавии, Казахстане и на Крайнем Севере³¹. В восьмой пятилетке на социально-культурные мероприятия затрачено в этих республиках в среднем в 1,5—2 раза больше средств, чем в предыдущей. В бюджете Таджикистана на 1971 г. расходы на социально-культурные мероприятия составляли 54%, Туркмении — почти 60%, Киргизии — более 65% (по стране в це-

²⁵ «Народное хозяйство СССР в 1970 г. Статистический ежегодник», стр. 11.

²⁶ «СССР в цифрах в 1970 году», М., 1971, стр. 7.

²⁷ М. И. Куличенко, Указ. раб., стр. 12.

²⁸ «СССР в цифрах в 1970 году», стр. 23; «Страна Советов за 50 лет», М., 1967, стр. 3.

²⁹ «Коммунист», 1971, № 17, стр. 58.

³⁰ «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, стр. 97.

³¹ «Правда», 17 января 1971 г.

лом 37,5%). Дальнейшее выравнивание уровней происходило и в отношении подготовки специалистов с высшим и средним (полным и неполным) образованием. За 1959—1970 гг. темпы подготовки таких специалистов (на 1000 занятых) превышали общесоюзный уровень (147,7%) в 9 союзных республиках (Узбекистан, Таджикистан, РСФСР, Киргизия, Украина, Белоруссия, Молдавия, Литовская ССР, Казахстан) и лишь в 6 республиках были несколько ниже (Армения, Грузия, Азербайджан, Латвийская ССР, Эстонская ССР, Туркмения). Во всех автономных республиках (за исключением Коми, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской АССР) темпы подготовки специалистов опережали общесоюзный уровень³².

В условиях развертывания научно-технической революции и осуществления курса партии на всемерную интенсификацию производства происходит углубление экономической специализации и кооперирования, разносторонних связей между республиками и экономическими районами. Ныне экономика СССР — это взаимосвязанный народнохозяйственный комплекс, который может успешно функционировать как единый организм, охватывающий экономику всех республик и обеспечивающий высокоэффективное общественное производство на основе учета интересов союзной федерации в целом и каждой республики в отдельности. Это обуславливает дальнейшее развитие и укрепление содружества народов СССР.

На XXIV съезде КПСС первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов говорил: «Хлопок — это бесценный дар нашей солнечной земли. Хлопок — это главное богатство Советского Узбекистана. Его по праву называют «белым золотом». В нем — наша гордость, важнейший источник процветания республики, символ и материальное выражение ее братского единения со всеми народами СССР. В обеспечении страны этим ценнейшим сырьем во все возрастающем количестве трудящиеся Узбекистана видят свой первейший интернациональный долг перед братскими народами»³³. О дружбе советских народов хорошо сказал с трибуны XXIV съезда КПСС первый секретарь ЦК Компартии Латвии А. Э. Босс: «Залежи торфа и водные ресурсы Даугавы — вот, по существу, и все наши богатства. Надо ли говорить, какое решающее значение в этих условиях имеет тот факт, что республика наша развивает свою экономику в едином строю с братскими советскими народами, входит в единый народнохозяйственный комплекс СССР, опирается на сотрудничество со всеми народами Советской страны при едином планировании и централизованном руководстве»³⁴.

Все глубже проникает интернационализация и в культурную жизнь советских народов, способствуя развитию общесоюзной культуры нашего общества. Взаимообмен гастролями театральных коллективов, декады культуры, радиопереключки, фестивали дружбы и т. д. не только знакомят народы СССР с духовными достижениями друг друга, но и способствуют взаимообогащению национальных культур, углублению их интернационального социалистического содержания, выработке общих художественных форм, стилей, освоению богатств искусства социалистического реализма.

Каждый из народов СССР, развивающий свою культуру в национальных формах, вносит неповторимый вклад в сокровищницу общесоветской духовной культуры. В отчетном докладе ЦК КП Казахстана XIII съезду партии Казахстана в феврале 1971 г. отмечалось, что «... современный этап коммунистического строительства характерен дальнейшим

³² М. И. Куличенко, Указ. раб., стр. 9.

³³ «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, стр. 196, 197.

³⁴ Там же, стр. 292.

сближением социалистических наций, развитием процессов взаимообогащения их культур и упрочением их интернациональной основы.

...При этом мы исходим из программного положения нашей партии — не допускать ни игнорирования, ни раздувания национальной специфики.

Пролетарский интернационализм предполагает органическое сочетание бережного отношения ко всему лучшему и ценному в национальной культуре со всемерным развитием и укреплением социалистических, общественных начал во всех сферах экономической и культурной жизни. Только такой подход обеспечивает сплочение трудящихся всех наций и народностей в единую, несокрушимую армию борцов за коммунизм. Поэтому необходимо воспитывать непримиримость к любым проявлениям местничества, национальной кичливости и ограниченности, ко всем и всяким проявлениям национализма и шовинизма»³⁵.

Советский народ как новая историческая межнациональная общность представляет собой гармоничное сочетание национального и интернационального. В этой общности созданы самые благоприятные условия для расцвета национальной жизни, национальной культуры и национальных языков. По итогам переписи 1970 г., около 90% лиц из национальностей, имеющих свои союзные республики, называли родным язык своей национальности. Преподавание в школах страны ведется в настоящее время на 57 языках. Но вместе с тем растет роль русского языка как языка межнационального общения. В 1970 г. 13 млн. чел. нерусского населения страны считали русский язык своим родным языком (вместо 10 млн. — в 1959 г.). Кроме того, 41,9 млн. чел. свободно владеет русским языком³⁶. Таким образом, на русском языке объясняются 183,7 млн. человек, или более 75% всего населения СССР. Среди народов страны широкое распространение получило двуязычие и многоязычие, являющиеся результатом роста подвижности населения, взаимовлияния национальных культур.

Историческая роль союзного государства в осуществлении задач, выдвинутых условиями развитого социализма и развернутого строительства коммунистического общества, очень велика. Прежде всего, это — организация создания материально-технической базы коммунизма; всемерное сочетание достижений современной научно-технической революции с великими преимуществами социализма. Союзное государство на основе углубления специализации и кооперирования общественного производства содействует укреплению и расширению экономических и культурных связей советских народов, их братского сотрудничества и взаимосвязей. Советский федеративный строй обеспечивает правильное сочетание национального и интернационального в жизни народов СССР, стимулирует процессы их всестороннего расцвета и сближения. Кроме того, в составе единого союзного государства быстрее и лучше реализуются потенциальные возможности развития экономики и культуры наций и народностей, вносящих свой вклад в дело построения коммунистического общества.

В союзной федерации ускоряются важные социальные процессы: рост социальной однородности наций, стирание межклассовых различий. Идет дальнейшее сближение народов по уровню образования и квалификации кадров, условиям материальной жизни; совершенствуются принципы демократического централизма на основе выявления новых возможностей, заложенных в национальной государственности народов, и подлинного единства ее с союзной государственностью. Союзное государство преобразует социалистические отношения в коммунистические, осуществляет контроль за мерой труда и мерой потребления, обеспечивает под-

³⁵ «Казахстанская правда», 25 февраля 1971 г.

³⁶ «Правда», 17 апреля 1971 г.

ем благосостояния и культуры народов, охраняет права и свободы советских граждан, социалистический правопорядок и социалистическую собственность, осуществляет воспитание масс в духе сознательной дисциплины и коммунистического отношения к труду.

Внутри союзной федерации организуется рациональное использование общегосударственных материальных ресурсов в интересах каждой республики и союзной федерации в целом.

Советское союзное государство обеспечивает защиту мирного труда советских народов, выступает активным поборником укрепления интернациональных связей со странами социалистической системы, с народами, вставшими на путь социального прогресса; оно проводит политику мирного сосуществования со странами капиталистической системы, борется за сохранение и упрочение мира.

На своем XXIV съезде партия выразила твердую решимость и впредь укреплять Союз Советских Социалистических Республик, воспитывать всех трудящихся в духе социалистического интернационализма, непримиримости к проявлениям национализма и шовинизма, в духе глубокого уважения ко всем нациям и народностям. В постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик» подчеркивается: «В ходе коммунистического строительства возрастает значение СССР как исторически полностью оправдавшей себя государственной формы совместной борьбы свободных народов за программные цели партии, коммунистические идеалы»³⁷.

Исторические успехи народов СССР в подъеме экономики и культуры, их всестороннее сближение обеспечиваются последовательным проведением ленинской национальной политики, предусматривающей гармоничное сочетание общесоюзных и национальных интересов, совершенствование системы советского федерализма.

THE ANNIVERSARY OF THE FRATERNAL UNION OF SOVIET PEOPLES

The paper deals with the history of the formation of the USSR. The role of the Union State in the great achievements of the Soviet peoples in socialist construction is shown especially in the Soviet republics of the East. Certain problems of national relations in the USSR at the present-day stage of development are characterized.

Problems of national development have a great topical importance with regard to the inner evolution of the multinational Soviet State. This is characterized by impressive achievements in the national life of the peoples of the Soviet Union and, at the same time, by their ceaseless mutual rapprochement in the economic, social and cultural spheres. The historic experience in solving the national problem in the USSR is of great international importance, it is increasingly being adopted by the world freedom movement, serves the progress of Humanity.

³⁷ «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик». Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 г., М., 1972, стр. 19.

В. В. Антропова

УЧАСТИЕ ЭТНОГРАФОВ В ПРАКТИЧЕСКОМ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЛЕНИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ (1920—1930 гг.)

Одним из величайших достижений Великой Октябрьской социалистической революции является успешное решение национального вопроса. Декларация прав народов России, опубликованная 16 (3) ноября 1917 г. за подписью В. И. Ленина, провозгласила равенство и суверенитет всех народов бывшей царской России. Декларация предусматривала свободное национальное развитие не только наиболее крупных народов, сформировавшихся в нации, но и национальных меньшинств и этнографических групп. В 1921 г. В. И. Ленин, характеризуя окраины России, писал: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»¹.

В те годы население Крайнего Севера, распыленное на огромных пространствах тайги и тундры, состояло из малочисленных разноязычных групп. Большинство их вело кочевой или полукочевой образ жизни, занималось охотой, рыболовством и оленеводством. Отсталым формам натурального хозяйства соответствовали не менее отсталые формы общественных отношений, сочетавшие доклассовые и раннеклассовые уклады.

Ленинское учение о возможности непосредственного перехода отсталых народов к социализму, минуя капитализм, определило дальнейший путь развития народов Севера. Эти народы стали предметом особой заботы со стороны Коммунистической партии и Советского государства. Для наблюдения за проведением в жизнь национальной политики партии на Севере в начале 1922 г. при Отделе национальных меньшинств Народного комиссариата по делам национальностей был создан специальный орган — Подотдел по охране и управлению первобытными племенами севера России². К работе этого органа были привлечены видные ученые, в том числе и этнографы Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз. Последний участвовал в разработке проектов строительства новой жизни у народов Крайнего Севера. В марте 1923 г. на коллегии Народного комиссариата по делам национальностей он выступил с докладом «Об изучении и охране окраинных народов», к которому были приложены практические предложения³. Большую работу среди коренного населения Красноярского края вел И. М. Суслов, который в те годы возглавлял подотдел исследований в Красноярском отделе по делам национальностей⁴.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 228.

² В. Д. Новиков, К истории освоения Северного морского пути в первые годы Советской власти, «Летопись Севера», М.—Л., 1949, стр. 35.

³ «Жизнь национальностей», 1923, № 3—4.

⁴ О деятельности И. М. Суслова см.: А. Лазебников, Далеко за Угрюм-рекой, М., 1970.

С первых шагов своей деятельности работники Подотдела по охране и управлению первобытными племенами установили, что отсутствуют самые необходимые сведения о расселении, численности, хозяйстве, культуре и быте северных народов. Сбор этих материалов был поручен Этнографическому бюро, созданному при Подотделе⁵.

С 1924 г. работу по преобразованию хозяйства и быта народов Севера возглавляет Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), организованный при ВЦИК. При краевых, областных и окружных исполнительных комитетах были созданы «местные комитеты содействия народностям северных окраин» (Архангельский, Томский, Иркутский, Дальневосточный и др.)⁶.

В состав Комитета Севера вошли этнографы старшего поколения В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберг, в дальнейшем были введены Я. П. Кошкин, П. Е. Терлецкий, И. М. Сулов (одновременно возглавлял Красноярский Комитет Севера), М. А. Сергеев, являвшийся также членом Дальневосточного Комитета. Они оказали большую помощь в разработке важнейших законодательных актов по организации управления у народов Севера, в создании учебных заведений для этих народов, в подготовке материалов для национального районирования и т. д. В работе Дальневосточного Комитета Севера деятельное участие принимал В. А. Авропин, а с 1928 по 1930 г. консультантом по вопросам районирования был этнограф К. Б. Шавров.

Комитет Севера и его местные органы осуществлял различные практические мероприятия по ликвидации отсталости народов Севера: организовывали снабжение и медицинское обслуживание, создавали школьную сеть, развертывали культурно-просветительную работу и т. д. В этих условиях, этнография приобрела практическое значение и была тесно связана с задачами социалистического строительства на Крайнем Севере. В. Д. Виленский-Сибиряков (член Комитета Севера) говорил: «Современная советская этнография имеет перед собой почетную задачу содействовать своей творческой научной работой возрождению малых туземных племен советского Севера»⁷.

Основную информацию о расселении, состоянии хозяйства и жизни разных групп населения Севера давали, во-первых, специальные экспедиции и командировки, организованные Комитетом Севера, во-вторых, материалы в виде объяснительных записок, актов обследования, писем, личных отчетов товарищей, возвратившихся из командировок с мест⁸. Экспедиционные исследования велись особенно интенсивно с 1925 по 1931 г., изучались самые отдаленные и глухие места тайги и тундры.

В мае 1925 г. Комитет Севера принял решение послать на Север выпускников и студентов этнографического факультета Ленинградского географического института. Энтузиастом этого начинания был В. Г. Богораз. «Мы должны посылать на Север не ученых, а миссионеров, миссионеров новой культуры и советской государственности. Не старых, а молодых, не испытанных профессоров, а начинающих, только что окончивших курс работников, воспитанных новой советской средой и готовых нести на Север весь пыл энтузиазма, рожденный революцией...»⁹. В ре-

⁵ М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. сер., т. XXVII, 1955, стр. 214.

⁶ Комитет Севера организован 20 июня 1924 г. (Собрание Указаний 1924, № 57, ст. 556), местные комитеты Севера— 23 февраля 1925 г. (Собрание Указаний 1925, № 18, ст. 113).

⁷ В. Д. Виленский-Сибиряков, Задачи изучения малых народностей Севера, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 60.

⁸ В настоящее время эти материалы находятся в Центральном Гос. архиве Октябрьской революции и социалистического строительства в Москве, Гос. архиве Красноярского края, Гос. архиве Томской области и др. Они являются ценнейшим источником для изучения начальных этапов социалистического строительства на Крайнем Севере.

⁹ В. Г. Богораз, Подготовительные меры к организации малых народностей, «Северная Азия», 1925, кн. 3, стр. 48.

золюции по докладу В. Г. Богораза «Ленинградский географический институт и подготовляемые им работники» было записано: «Северный Комитет считает необходимым содействовать развитию северного цикла обучения с соответственным рабфактом при этно-географическом факультете Ленинградского государственного университета... с тем, чтобы окончившие студенты привлекались для длительной работы среди малых народностей Севера»¹⁰.

В соответствии с новыми требованиями на этнографическом факультете Географического института, а с 1925 г. на этнографическом отделении университета были пересмотрены учебные планы: созданы циклы специализации по этнографии народов Севера, введено изучение их языков, в программе обучения предусматривалась длительная производственная практика (2—3 года) или стажировка после окончания, также в течение нескольких лет, в районах Севера.

Студенты регулярно ездили в экспедиции, во время которых выполняли разнообразные задания Комитета Севера: собирали демографические данные, обследовали культурно-просветительные учреждения, готовили материалы для разработки письменности.

Так, например, в 1929 г. тунгиро-олекминскому отряду, руководимому Г. М. Василевич, было поручено выяснить состав населения, расселение и места кочевок эвенков с целью определения границ деятельности будущей культбазы; нижеамурский отряд в составе В. И. Цинциус и К. М. Мыльниковой (1926—1927 гг.) должен был выяснить возможность объединения тунгусов с негидальцами и пути перехода к оседлому образу жизни оленеводческого населения. Е. П. Орлова в 1934 г. по заданию Дальневосточного Комитета Севера обследовала состояние школ и больниц Чукотского национального округа и т. д.

Молодыми этнографами 20-х годов были собраны очень интересные и важные в научном плане материалы для практического осуществления ленинской национальной политики. Изучением ненцев занимались В. Н. Чернецов, Н. А. Котовщикова, Г. А. Старцев; манси — В. Н. Чернецов; хантов — Г. А. Старцев; кетов — Г. Н. Прокофьев и Н. К. Каргер; саамов — З. Е. Черняков; тунгусо-маньчжурскими народами — И. М. Суслов, В. И. Цинциус, К. М. Мыльникова, Я. П. Кошкин, Н. М. Ковязин и др.

Особо следует отметить многолетние экспедиционные исследования Г. М. Василевич, побывавшей в 1926—1930 гг. у разных групп эвенков. Собранные ею материалы оказали большую помощь в проведении национального районирования. Поездки Г. М. Василевич в 1931, 1935 и 1936 гг. были связаны с разработкой письменности на эвенкийском языке и школьным строительством¹¹.

В результате исследований этнографов был уточнен список племен, населяющих северные окраины. К группе «малые народы Севера» были отнесены: саамы, ханты, манси, ненцы, энцы, нганасаны, селькупы, кеты, эвенки, эвены, негидальцы, нанайцы, ульчи, орочи, ороки, удэгейцы, нивхи, чукчи, коряки, ительмены, чуванцы, юкагиры, эскимосы, алеуты, долганы, тофалары.

Находясь в «поле», этнографы нередко сочетали исследовательскую работу с общественной деятельностью, имевшей большое практическое значение. Например, сотрудники нижеамурского отряда В. И. Цинциус и К. М. Мыльникова занимались в 1926—1927 гг. ликвидацией неграмотности среди негидальцев. То же самое делали студентки Е. Ершихина и Л. Осипова во время экспедиции к сымским эвенкам в 1930 г., Г. М. Василевич выступала переводчиком на районном Съезде Советов витимо-олекминских эвенков (1929 г.). Студент В. Я. Вецкактин, будучи

¹⁰ «Северная Азия», 1925, кн. 3, стр. 107.

¹¹ О работе Г. М. Василевич см.: сб. «Г. М. Василевич — крупнейший советский тунгусовед» (К 70-летию со дня рождения), Якутск, 1965.

участником Большеземельской экспедиции (1923—1924 гг.), состоял членом правления ненецкого кооператива «Кочевник»¹². Сотрудник Таймырской экспедиции Института этнографии АН СССР А. А. Попов во время избирательной кампании 1937 г. выполнял обязанности переводчика. Он знакомил долган и нганасан с Конституцией СССР 1936 г.

В 1926—1927 гг. на Крайнем Севере было проведено очень важное демографическое и экономическое обследование — Приполярная перепись, в которой участвовали в качестве регистраторов две группы этнографов. Одна из них проводила работу на севере Западной Сибири: Б. О. Долгих — в низовьях Подкаменной Тунгуски и на Таймыре, В. Н. Чернецов в Березовском районе Уральской обл. Н. А. Котовщикова и Р. П. Митусова — у лесных ненцев, Г. И. Каминский — у казымских хантов; другая группа в составе Е. П. Орловой, К. И. Бауэрмана, К. Б. Шаврова и Ф. М. Физика — на Камчатке. Н. Ю. Серк проводил перепись у тунгусоязычного населения Советского района Хабаровского округа. Каждый из переписчиков преодолел тысячекилометровые маршруты¹³. В обработке материалов Приполярной переписи по Дальнему Востоку активное участие приняли П. Е. Терлецкий и К. Б. Шавров.

Весьма многогранной была в 1920—1930 гг. деятельность этнографов на фронте советского и культурного строительства на Крайнем Севере. Работая учителями, в органах советского аппарата или культурно-просветительных учреждениях, молодые специалисты быстро осваивали языки северных народов, устанавливали тесный контакт с населением, изучали его быт. Таким образом, достигалось единство научно-исследовательской и практической работы.

Знание языка открывало путь к сердцу народа. Об этом образно пишет в своем дневнике М. Г. Левин: «...когда стал я говорить по-тунгуски — фурор полнейший, сразу же оживление. Здорово сближает язык», — заключает он¹⁴.

Г. Н. Прокофьев, обобщая итоги своей работы среди селькупов, пишет: «Ученики за два года очень привыкли ко мне... Иначе как «рус соль куп» — «русский самоед» они меня не называют. Это, по-видимому, очень почетное звание для русского»¹⁵.

Педагогами в корякских школах начали свою трудовую деятельность этнографы С. Н. Стебницкий¹⁶, Н. А. Богданова, Я. К. Коровушкин, И. С. Вдовин, М. И. Шабурова; в эвенкийских — А. Ф. Анисимов¹⁷, А. В. Федорова, В. Ф. Курочкина, П. И. Смирнов и др. В школах на Чукотке (у чукчей и эскимосов) работали супруги А. С. и К. М. Форштейн, Т. А. Молл, И. С. Вдовин, Н. Б. Шнакенбург, В. Д. Нескучаева; у чуванцев — В. И. Иванчиков. У селькупов преподавали Г. Н. и Е. Д. Прокофьевы¹⁸, у эвенов — Л. Д. Ришес, у народов Амура — Я. Минц, на Сахалине — Е. А. Крейнович.

Работа учителя в северных районах протекала в сложных условиях. Часто нужно было преодолеть отрицательное отношение родителей к

¹² Ленинградское отделение Архива АН СССР (далее ЛОА АН СССР), ф. 250, оп. 4, ед. хр. 173.

¹³ «Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.)», Благовещенск, 1929, стр. XVII—XX.

¹⁴ И. С. Гурвич, Этнографическая деятельность М. Г. Левина на Охотском побережье в 1930—1932 гг., «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. IV, М., 1968, стр. 116.

¹⁵ Г. Н. Прокофьев, Культурный очаг далекого Севера, «Северная Азия, 1927, кн. 5—6, стр. 78.

¹⁶ С. Н. Стебницкий, У коряков на Камчатке, М., 1931.

¹⁷ А. Ф. Анисимов, Два года у тунгусов, «Сов. этнография», 1932, № 2.

¹⁸ Г. Н. Прокофьев, Три года в самоедской школе, «Советский Север», 1931, № 7—8; В. Г. Богораз, Работа Г. Н. Прокофьева среди остяко-самоедов, «Этнография», 1928, № 2.

обучению детей, нередко самому организовать школу, выработать методы преподавания, поскольку учитель и ученики часто говорили на разных языках и не понимали друг друга. «Обучить чему-то учеников, почти не говорящих по-русски, часто и не знающих ни одного слова по-русски,— это задача далеко не легкая»¹⁹,— писал Г. Н. Прокофьев о своей работе в селькупской школе. Такое положение было типично для большинства северных школ. Одновременно с грамотой нужно было учить детей умываться, чистить зубы, т. е. прививать им навыки личной гигиены.

Учителя кочевых школ кочевали вместе со стойбищем. Краевед Чаунской культбазы И. С. Архинчеев писал в дневнике: «21 февраля 1934 г.... стойбище оленевода Вуатагина... В нем работает наша школа в собственной яранге с пологом. Оказывается, она во время нашей кочевки пострадала больше всех... Мел для классной доски превратился в порошок. Сильно побились аспидные доски и грифеля. Не выдержали испытания и переплеты школьных книг и тетради. Но школа работает.... Из-за недостатка кислорода в пологе тускло горит свеча, и в школе полумрак»²⁰.

Другим участком, на котором нашли применение своим знаниям молодые этнографы, были культурно-просветительные учреждения, имевшие, как и школа на Крайнем Севере, особые формы. Для обслуживания кочевого населения Комитетом Севера были созданы передвижные красные чумы, красные яранги, красные юрты, плавучие базы и т. д. Их основной задачей являлось проведение массовой воспитательной работы среди народов Севера и оказание помощи партийным и советским организациям. Политико-воспитательную и культурно-просветительную работу проводили также культбазы, комплексные учреждения, призванные осуществлять всестороннее обслуживание коренного населения.

Первым заведующим Большеземельским красным чумом в 1930—1931 гг. работал студент этнографического отделения Ленинградского университета Г. Д. Вербов, а в 1932 г.— В. Пανε-Братцев. Организатором и заведующим красным чумом на о. Колгуеве в 1931—1933 гг. был А. Г. Подэкрат. В Анадырской красной яранге (Чукотский национальный округ) в 1931 г. работала ученица В. Г. Богораза — Д. С. Цыбектарова²¹. Культурно-просветительной работой среди нанайцев занималась М. А. Каплан.

Сотрудниками культбаз в конце 20-х — начале 30-х годов состояли Н. М. и Н. Г. Ковязины, Н. П. Никульшин (Туринская культбаза); Г. И. Каминский (Казымская культбаза); Г. Н. и Е. Д. Прокофьевы (культбаза Хоседа-Хард); М. Г. Левин (Ногаевская культбаза); П. Ю. Молл и Н. Б. Шнакенбург (Чукотская культбаза); Н. Н. Билибин²² и В. М. Крылов (Корякская культбаза). В организации Туринской культбазы большую помощь оказал И. М. Суслов.

Не менее плодотворной была деятельность этнографов в органах советского аппарата. Им доверялись такие ответственные участки, как работа инструкторов или уполномоченных по туземным делам при ревкомах и исполкомах.

На этих должностях работали К. И. Бауэрман (в Быстринском районе Камчатской обл., 1925 г.), Е. А. Крейнович (на Сахалине, 1927 г.), Лебедев (в Благовещенском округе, 1927 г.), С. А. Бурегин (в Сретенском районе, 1928 г.), Г. Соколов (в Хабаровском округе, 1929 г.) и др.

¹⁹ Г. Н. Прокофьев, Культурный очаг далекого Севера, стр. 77.

²⁰ И. С. Архинчеев, Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства. «Сибирский этнографический сборник», II, М.—Л., 1957, стр. 81—82.

²¹ Об этом см.: В. Г. Богораз, Луораветланский (чукотский) язык, сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III, М.—Л., 1934, стр. 9.

²² Н. Н. Билибин не получил специального этнографического образования, но он известен как автор ряда интересных работ по общественному строю коряков.

Выполняя поручения партии, они участвовали в создании советских органов власти и помогали налаживать их работу у народов Крайнего Севера, знакомили население с политикой Коммунистической партии, проводили избирательные кампании и т. д.

После образования национальных округов (1930 г.) этнографов можно было встретить на постах инструкторов районных и окружных исполнительных комитетов, руководителей различных комиссий окружкомов. Здесь можно назвать имена Д. С. Цыбектаровой (Чукотский национальный округ), Н. М. Ковязина (Эвенкийский национальный округ), М. Г. Левина (Охотско-Эвенкийский национальный округ), Е. П. Орловой (Хабаровский край). Деятельность работников советского аппарата на местах была весьма разнообразной. Кроме своих прямых обязанностей им приходилось быть переводчиками на собраниях, выполнять секретарские обязанности, помогать национальным колхозам в составлении планов, вести статистическую отчетность и т. д.

В 1934 г. группа сотрудников Института народов Севера, воспитанников этнографического отделения Ленинградского университета, была направлена на укрепление партийного аппарата в Чукотский и Корякский национальные округа: Н. Точмин — в пос. Пенжино, С. А. Бурягин — в Марковский район, Ф. Н. Шабуров работал секретарем Карагинского райкома партии, а затем секретарем Корякского окружкома партии.

Следует отдать должное тому энтузиазму, с каким в суровых условиях Севера работало большинство этнографов. Об этом свидетельствуют письма, дневники, архивные документы.

В письме В. Г. Богоразу выпускник Московского университета В. И. Иванчиков просит дать ему возможность изучить чукотский язык, «...а затем ехать надолго, на большую работу в страну рожденных «от беломорской жены» и там хотя бы в малой степени продолжить Ваше дело, начатое Вами на Колыме в 1894 г.»²³. «Уеду в самую глушь тайги, к реке Ванкарема. Твердо уверен в себе и работе»²⁴, — писал студент Н. Б. Шнакенбург в 1931 г. с далекой Чукотки. Другой студент, Я. Минц, сообщал: «Не думайте, что я жалуясь на тяжелые условия и жалею о поездке. Ничуть не бывало. Достаточно сознания, что во всем районе только один грамотный туземец, чтобы работать не покладая рук. Я это и делаю и кое-что за это время успел организовать»²⁵. Упоминаемый здесь неоднократно К. И. Бауэрман после завершения Приполярной переписи поехал в самый отдаленный район Камчатки к паренским корякам для организации показательной кузницы. Коряки по настоянию шамана потребовали, чтобы он удалился из их селения, на что К. И. Бауэрман ответил: «...сам ни в коем случае не уйду из Пареня, и ежели я действительно мешаю корякам, то они могут связать меня, положить на нарту и вывезти из селения. Упорство подействовало...»²⁶. К. Бауэрман остался и стал лучшим другом и советчиком паренцев.

Вспоминая свою работу на о. Колгуеве, А. Г. Подэкрат заключает: «Годы, проведенные среди ненецкого населения, среди небольшого... но самоотверженного, полного энтузиазма комсомольско-молодежного коллектива работников были и остаются лучшими годами моей работы и жизни. Каждый из нас понимал, что любое его действие, любой поступок, каждое слово воспринимаются местным населением не только как поступок данного человека, а как поступок и действие посланца партии, комсомола, Советской власти»²⁷.

²³ ЛОА АН СССР, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 174, л. 45.

²⁴ Там же, оп. 4, ед. хр. 380, л. 7 об.

²⁵ С. Макарьев, На полевой работе (Из писем молодых этнографов), «Этнограф-исследователь», 1928, № 2—3, стр. 56.

²⁶ М. Поляновский, А. Литвинов, Скачок через столетия, М., 1931, стр. 70.

²⁷ Личное письмо А. Г. Подэкрат от 14 ноября 1969 г.

Практическая деятельность многих этнографов получила высокую оценку. Выступая в 1927 г. на расширенном пленуме Комитета Севера, А. В. Луначарский отметил преподавательскую работу «этнографа и языковеда» Г. Н. Прокофьева²⁸. Методикой его преподавания заинтересовалась Н. К. Крупская, которая лично беседовала с ним и одобрила его метод²⁹. В одной из статей журнала «Советский Север», посвященной работе студентов-этнографов, уехавших на Дальний Восток, было написано: «Этноотделение... может гордиться тем, что его работники на Севере являются пионерами советской культуры на крайних северных форпостах СССР, выполняющими свою работу с большой настойчивостью и энтузиазмом»³⁰.

Большой вклад внесли этнографы в дело создания письменности на языках народов Севера. Из стен этнографического факультета вышли такие крупные лингвисты, как Г. М. Василевич, В. И. Цинциус, В. А. Аврорин, Т. И. Петрова (тунгусо-маньчжурские языки), Г. Н. Прокофьев (самодийские языки), Е. А. Крейнович (нивхский, кетский, юкагирский языки), С. Н. Стебницкий (корякский язык) и др.³¹

Этнографы-лингвисты приняли деятельное участие в работе «Комитета нового алфавита» по разработке письменности на языках народов Севера. Ими были написаны первые буквари и многие другие учебные пособия на языках северных народов.

До издания печатной литературы некоторые национальные школы пользовались рукописными букварями, составленными Г. М. Василевич для эвенкийских школ, Г. Н. Прокофьевым — для селькупских, Н. А. Богдановой — для корякских. Первый печатный букварь (на нанайском языке), составленный Н. А. Липской, был издан в Хабаровске в 1928 г. В последующие годы выходят буквари на эвенкийском (Г. М. Василевич)³², на чукотском (В. Г. Богораз), на корякском (С. Н. Стебницкий), на эскимосском и ительменском (Е. П. Орлова), на эвенском (В. И. Цинциус), на удэгейском (Е. Р. Шнейдер), на ненецком (Г. Н. Прокофьев), на селькупском (Е. Д. Прокофьева), на хантыйском и кетском (Н. К. Каргер), на саамском (З. Е. Черняков), на мансийском (В. Н. Чернецов), на нанайском (В. А. Аврорин), на нивхском (Е. А. Крейнович) языках.

Вслед за букварями были изданы книги для чтения, грамматики, учебники арифметики и др. За выпуском учебных пособий на языках народов Севера последовало издание политико-массовой и художественной литературы. Из 140 названий книг, выпущенных в 1931—1934 гг. на этих языках, около 120 было написано, переведено или отредактировано этнолингвистами.

Кроме уже названных этнографов, в этой работе принимали участие Г. Д. Вербов (по ненецкому языку), И. С. Вдовин (по чукотскому), Н. А. Богданова (по корякскому), Н. Ф. Прыткова (по хантыйскому).

Создание письменности на языках народов Севера имело большое значение в борьбе за всеобщее начальное обучение, ликвидацию неграмотности и в подготовке кадров национальной интеллигенции. Последний вопрос заслуживает особого рассмотрения.

Подготовка кадров национальной интеллигенции являлась составной частью программы социалистического строительства на Крайнем Севере. Начало подготовки специалистов средней и высшей квалификации

²⁸ А. В. Луначарский, Задачи Наркомпроса на Крайнем Севере, «Северная Азия», 1927, кн. 3, стр. 20.

²⁹ В. И. Цинциус, Родной язык в начальных школах народов Крайнего Севера, сб. «Просвещение на Советском Крайнем Севере», вып. 8, Л., 1958, стр. 78.

³⁰ К организации первых туземных школ на северном побережье Чукотского полуострова, «Советский Север», 1931, № 1, стр. 51.

³¹ Кадры лингвистов-северников стали готовиться на Северном отделении Педагогического института им. А. И. Герцена (Ленинград) лишь с 1930 г.

³² В скобках указаны имена составителей.

было положено в 1925 г., когда на Рабфак Ленинградского университета впервые была принята группа учащихся из коренного населения Севера. В 1926 г. организуется Северное отделение при Рабфаке Ленинградского института живых восточных языков, куда были переведены и учащиеся Рабфака университета. Значение этого учебного заведения было определено А. В. Луначарским следующим образом: «Рабфак северных народностей — своего рода чудо, потому что, если совершенная правда то, что о нем рассказывают, то тут достигается два чуда. С одной стороны, с очень большой быстротой, свидетельствующей о естественной природной талантливости людей, происходит соприкосновение северных туземцев с культурой. С другой стороны, в молодых людях, детях Севера, появляется чрезвычайный интерес в смысле служения своей народности. Если мы привлечем теперь к работе среди туземцев молодую туземную интеллигенцию, если мы сосредоточим свои силы для достижения этой цели, мы добьемся больших и серьезных успехов»³³.

В 1930 г. Северное отделение Рабфака было реорганизовано в самостоятельное учебное заведение — Институт народов Севера (ИНС), в котором обучались исключительно представители коренного населения Севера.

Преподавательскую и воспитательную работу среди студенчества института вели многие этнографы — В. Г. Богораз, Е. Д. и Г. Н. Прокофьевы, Г. Д. Вербов, Н. К. Каргер, Н. Ф. Прыткова, В. И. Цинциус, Т. И. Петрова, Г. М. Василевич, В. А. Аврорин, Е. Р. Шнейдер, З. Е. Черняков, В. Н. Чернецов, Е. А. Крейнович и др.

Особенно много по подготовке национальных кадров сделал С. Н. Стебницкий, умело руководивший группой студентов-коряков. Под его руководством выросли такие видные корякские писатели, как Кецай Кеккетын и Лев Жуков. Деятельность С. Н. Стебницкого не ограничилась стенами Института народов Севера. Во время пребывания на Камчатке в 1933—1934 гг. он был одним из организаторов и преподавателем курсов по подготовке работников партийного и советского аппарата из коренного населения, созданных при Корякской культбазе.

Большую организаторскую и преподавательскую работу вел директор Института народов Севера Я. П. Кошкин.

Институт воспитал первых политических деятелей, ученых, писателей, художников из среды народов Севера. Это депутат Верховного Совета СССР I созыва чукча Тывлянто, эвенк В. И. Увачан — ныне депутат Верховного Совета СССР, доктор исторических наук; хант Н. И. Терешкин, манси М. П. Баландина и нанец С. Н. Оненко — кандидаты филологических наук; чукча Вуквол — талантливый художник; удэгеец Джанси Киманко — писатель, автор повести «Там, где бежит Сукпай», и др.

Кроме Ленинграда, специальные учебные заведения или отделения при педагогических институтах и техникумах для детей народов Севера были открыты и в ряде городов Сибири и севера Европейской части СССР. Во многих из них преподавательскую работу вели этнографы. В Нарьян-Марском техникуме (Ненецкий национальный округ), например, учебной частью в 1931—1932 гг. заведовал Г. Д. Вербов. В Дальневосточном техникуме народов Севера, в конце 20-х — начале 30-х годов преподавали Е. П. Орлова, Л. Н. Шаврова, Я. Минц, в годы Великой Отечественной войны — В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева.

В послевоенный период этнографы также работали по подготовке национальных кадров. В Ленинградском университете им. А. А. Жданова и Педагогическом институте им. А. И. Герцена преподавали И. М. Суслов, И. С. Вдовин, Н. М. Ковязин, Т. И. Петрова, Е. П. Лебедева, В. А. Аврорин, Т. А. Молл, М. О. Афонская и молодое поколение этнографов — Н. И. Гладкова, Л. В. Хомич, Ч. М. Таксами и др. Активно

³³ А. В. Луначарский, Указ. раб., стр. 21.

продолжала педагогическую деятельность, начатую еще в конце 1920 г., доктор филологических наук В. И. Цинциус. В Хабаровске подготовку национальных кадров вела Н. А. Богданова, которая в течение ряда лет возглавляла Северное отделение в Педагогическом институте.

* * *

Социалистические преобразования в районах Крайнего Севера, начатые в 1920-е годы, успешно продолжались и в послевоенный период. Поворотным этапом в развитии национального строительства в эти годы явилось Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» от 16 марта 1957 г. В подготовке Постановления вместе с другими специалистами участвовали и этнографы И. С. Вдовин, Б. О. Долгих, Е. Д. Прокофьев и А. В. Смоляк, хорошо знавшие положение на местах.

С конца 50-х годов в большинстве гуманитарных научно-исследовательских учреждений, связанных с Севером, расширяется тематика по изучению современности. В Институте этнографии Академии наук СССР создается специальный сектор. Этнографические исследования современного хозяйства, культуры и быта народов Севера дают центральным и местным организациям, министерствам и ведомствам богатый материал для составления перспективных планов развития промыслового хозяйства, преобразования быта населения, путей развития национальной культуры и т. д.

Этнографы широко привлекаются к работе конференций и совещаний, посвященных практическим проблемам развития экономики Севера, вопросам борьбы с вредными пережитками прошлого, разработке новых обрядов и т. д.

Научные консультации с каждым годом приобретают все более практический характер. Например, этнографы оказывают помощь архитектурным организациям, ведущим проектирование жилищного строительства на Севере. Особо следует отметить такие важные государственные мероприятия, как подготовка к Всесоюзным переписям населения.

Народы Крайнего Севера, среди которых работали первые советские этнографы, с помощью братских народов страны успешно преодолели вековую отсталость. Бурными темпами развивается индустриализация районов Севера, на социалистической основе преобразовано традиционное промысловое хозяйство коренного населения, изменился его быт, большие успехи достигнуты в культурном строительстве. Политическое развитие возрожденных народов Севера нашло свое выражение в образовании национальных округов, которые имеют своих представителей в Верховном органе страны. В результате претворения в жизнь ленинской национальной политики малые народы Севера стали равноправными членами великой семьи советских народов.

THE ROLE OF ETHNOGRAPHERS IN THE PRACTICAL REALIZATION OF THE LENINIST POLICY TOWARDS NATIONALITIES IN THE EXTREME NORTH (1920—1930)

The paper recounts the part played by ethnographers in realizing the Leninist policy with regard to nationalities in the Extreme North in 1920—1930. Numerous data are adduced showing the work enthusiastically carried on by ethnographers which was intimately linked with the aim of eliminating the all-round backwardness in the most remote and out-of-the-way regions of the taiga and the tundra and with socialist construction in these regions.

В. Т. Зинич, В. И. Наулко

КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЕ СБЛИЖЕНИЕ НАРОДОВ УКРАИНСКОЙ ССР

В постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик» говорится, что образование СССР по своей политической значимости и социально-экономическим последствиям занимает выдающееся место в истории Советского государства. «Это историческое событие — убедительная победа идей пролетарского интернационализма, плодотворный результат осуществления ленинской национальной политики Коммунистической партии»¹.

В годы Советской власти все украинские земли были воссоединены в едином социалистическом государстве. Проведение ленинской национальной политики в УССР, как и во всей советской стране, постоянно базировалось на двух взаимосвязанных тенденциях в национальном вопросе: дальнейшем развитии каждого народа и их всестороннем сближении. Эти процессы всегда были в поле зрения украинских советских этнографов.

Современный этнический состав населения УССР достаточно сложен: кроме украинцев, насчитывающих около трех четвертей всего населения республики, значительный процент составляют другие восточнославянские народы (русские, белорусы), а также западные и южные славяне (поляки, чехи, словаки, болгары). В УССР обитает и ряд неславянских народов².

За годы Советской власти на качественно новую ступень поднялось исследование культуры и быта украинского народа. От собирания фактического материала и его описания до комплексных историко-этнографических исследований народной культуры — таков более чем полувековой путь украинской советской этнографии.

Этнографы Украины изучают не только украинцев, но и другие народы, населяющие республику. Большое внимание уделяется изучению этнодемографических и этносоциальных процессов. Еще в 1920-х — начале 30-х годов Этнографическая комиссия при Украинской Академии наук, так называемый Кабинет национальных меньшинств, занималась проблемами инонациональных групп. В настоящее время ведется работа по созданию «Регионального историко-этнографического атласа Украины, Белоруссии и Молдавии». Это способствует значительному расширению этнографических исследований в республике. Проспект атласа предусматривает параллельно с изучением украинцев, белорусов и молдаван исследование других народов, живущих компактно в указанном регионе.

¹ «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС», «Коммунист», 1972, № 3, стр. 4.

² По данным Всесоюзной переписи населения 1970 года, в Украинской ССР при общей численности населения 47,1 млн. чел. украинцев насчитывается 74,9%, русских — 19,4%, евреев — 1,6%, белорусов — 0,8%, поляков и молдаван — по 0,6%, болгар — 0,5%, людей других национальностей — 1,6%. (См.: «Население нашей страны», «Правда», 17 апреля 1971 г.). О динамике численности народов в республике и их современном географическом размещении подробнее см.: В. И. Наулко, *Етнічний склад населення Української РСР*, Київ, 1965; е го же, *Карта сучасного етнічного складу населення Української РСР*, Київ, 1966.

Исследуются группы населения в этнически смешанных районах Украинской ССР с учетом особенностей их социально-экономического и исторического развития. Сбор материалов проводится на основании разработанного в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР опросного листа³ по вопросам соотношения национальной принадлежности и языка, межнациональных браков, половозрастной структуры, миграционных процессов, интернациональных черт в культуре и быту⁴.

Заметные изменения в географическом размещении народов республики произошли за годы Советской власти. Одной из причин, обусловивших это, была социалистическая индустриализация и связанный с ней рост городского населения. Если в дореволюционный период свыше $\frac{4}{5}$ населения Украины проживало в сельской местности, то теперь в городах республики живет свыше половины (56%) населения.

Усилившаяся в десятки раз в советское время интенсивность миграционных процессов способствовала усложнению этнического состава республики и расселению украинцев по всей стране. Коренным образом изменились характер и направление миграционных потоков вследствие плановых социально-экономических преобразований. С одной стороны, рост числа местных национальных кадров, особенно в среде рабочего класса⁵ и интеллигенции, сократил приток переселенцев из других советских республик, с другой — ускоренное развитие промышленности в ряде районов, например в западноукраинских областях, способствовало тому, что районы традиционного «оттока» постепенно сами становятся центрами притяжения населения.

Естественный прирост оказывает существенное влияние на динамику численности населения. Для Украинской ССР, как и для всей страны, характерно заметное сокращение смертности населения, что объясняется прежде всего улучшением благосостояния советского народа, достижениями медицины⁶. В то же время для населения республики в целом и для отдельных населяющих ее народов характерно уменьшение среднегодового прироста за счет снижения рождаемости. Например, в 1969 г. естественный прирост населения на Украине на 1000 человек составил 6,0, тогда как в Таджикистане — 28,6, Туркмении — 27,3 и т. д.⁷

Снижение рождаемости на Украине в послевоенные годы вызвано прежде всего нарушением вследствие второй мировой войны возрастной структуры населения и соотношения численности мужчин и женщин⁸. Данные, касающиеся показателей смертности, как справедливо отмечает С. И. Брук, существенно не различаются по отдельным советским республикам⁹.

При рассмотрении динамики численности народов в УССР бросаются в глаза тяжелейшие последствия второй мировой войны, в частности политики геноцида, проводившейся немецко-фашистскими оккупационными властями на временно захваченной территории.

³ «Опросный лист по изучению современных этнических процессов в СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», М., 1968.

⁴ См.: В. И. Наулко, К вопросу методики этносоциологических исследований в районах этнического смешения, «Всесоюзная научная сессия, посвященная полевым археологическим и этнографическим исследованиям 1970 г., Тезисы докладов», Тбилиси, 1971, стр. 9, 10.

⁵ Численность украинцев в среде рабочего класса УССР в настоящее время составляет около 70%. См.: М. П. Ким, С. Л. Синявский, Рост рабочего класса в 1953—1961 гг., «Вопросы истории», 1963, № 3, стр. 58.

⁶ «О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения 1970 года по Украинской ССР», «Правда Украины», 30.IV.1970 г.

⁷ С. И. Брук, Этнодемографические процессы в СССР, «Сов. этнография», 1971, № 4, стр. 15.

⁸ В. В. Бондаренко, Проблемы народонаселения Украинской ССР и задачи демографических исследований в республике, «Тезисы докладов первой республиканской конференции по демографии», Киев, 1966, стр. 6.

⁹ С. И. Брук, Указ. раб., стр. 16.

Современные процессы этнического развития в УССР проходят как в направлении консолидации украинской советской социалистической нации, так и в направлении дальнейшего всестороннего сближения со всеми народами СССР.

Расцвет украинской национальной культуры и дальнейшая консолидация украинцев не исключает наличия в их среде ряда этнографических групп (гуцулы, лемки, бойки и др.), сложившихся в определенных исторических, социально-экономических и естественно-географических условиях.

В зонах этнического смешения, особенно среди гетерогенных групп, идут процессы этнической ассимиляции. Они носят естественный характер и зависят от ряда факторов: численности и географического размещения народов, родства их языков, факта проживания в пределах Украинской ССР, социальной структуры населения и пр.

По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., в республике назвало своим родным языком украинский 32,7 млн. чел., в том числе 32,3 млн. украинцев и свыше 400 тыс. жителей других национальностей. Кроме того, 4,4 млн. чел. назвали его вторым языком, которым свободно владеют¹⁰. Некоторые этнические группы, живущие среди украинцев, сохраняют свой язык. Так, высокий процент белорусов, назвавших родным белорусский язык, по всей вероятности, связан с заметным увеличением их численности на Украине за последние десятилетия.

Украинский и русский языки являются важным средством межнационального общения, способствуют сближению народов Украины. По данным переписи 1970 г., 36,3% всех украинцев свободно владеют русским языком. Следует отметить, что в настоящее время для большинства народов УССР характерен трилингвизм (украинский, русский и язык своей национальности), причем родной язык распространен в основном в семейно-бытовой сфере. Проведенные нами исследования показали, например, что среди сельского молдавского населения Черновицкой области 22,7% свободно владеют одновременно своим языком, а также украинским и русским.

Степень распространения своего языка находится в прямой зависимости от социальной структуры этнической группы, национального состава и районов ее расселения. Среди инонациональных групп, расселенных в республике менее компактно, случается совпадения родного и основного разговорного языка, по нашим данным, значительно больше у лиц, занятых неквалифицированными видами труда. Среди украинцев, наиболее многочисленного народа республики, а также в однонациональных селах эти совпадения очень велики. Например, у болгар в Кировоградской области наблюдается меньшая степень совпадения родного и основного разговорного языков по сравнению с соседними молдаванами, что можно объяснить дисперсным характером расселения первых.

Одним из показателей всестороннего сближения народов в республике, постепенного исчезновения отдельных проявлений национальной замкнутости является значительный рост в советское время числа межнациональных браков.

Межнациональные браки в среде рабочего класса Украины уже в конце XIX — начале XX в. были довольно распространенным явлением. Они способствовали взаимообогащению семейно-бытовых традиций среди трудящихся разных национальностей, служили важным фактором формирования единой пролетарской культуры, развития интернациональных черт в семейной жизни — наиболее консервативном участке быта¹¹.

¹⁰ «О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения 1970 года по Украинской ССР», «Правда Украины», 30.IV.1970 г.

¹¹ См. подробнее: В. Т. Зінч, Соціалістичні перетворення, паростки нового, комуністичного в культурі та побуті робітників в Радянській Україні, Київ, 1963, стр. 143—148.

Сопоставление вычисленных украинскими советскими демографами индексов брачности¹² за 1969 г. с таковыми для середины 1920-х годов показывает, что число однонациональных браков уменьшилось более чем в два раза у украинцев (с 80,3 до 34,3%) и русских (с 67,8 до 30,4%), в полтора раза у евреев (с 95,0 до 66,3%) и т. д.¹³

На развитие межнациональных отношений на Украине в прошлом в значительной мере оказывали влияние социальные моменты. Нередко вследствие этого даже среди разных социальных категорий одного народа контакты усложнялись. Например, болгары, принадлежавшие к колони-стской прослойке и имевшие значительные привилегии, не вступали в брак с болгарями, входившими в состав так называемого Бугского ка-зачьего войска, которые были лишены этих привилегий.

Развитие межнациональных взаимоотношений на Украине, как и в других республиках, на современном этапе неразрывно связано с изме-нением социально-классовой структуры населения. При этом неизменно возрастает ведущая роль рабочего класса во всех сферах жизни общест-ва, существенно изменяется социальный облик и психология сельских жителей, в культуре и быте которых появляются многие черты, свойст-венные рабочим, быстрыми темпами растет научно-техническая интелли-генция. Все это способствует усилению социальной однородности нашего общества.

Важным показателем, отражающим характер социально-экономиче-ского развития населения, является уровень образования. Особенно убе-дительными выглядят достижения в осуществлении всеобщей грамотно-сти, особенно если учесть, что в первые годы Советской власти из всего населения Украины было только 44,8% грамотных (среди украинцев — 41,5%, русских — 65,5%, поляков — 48,0%, молдаван — 27,1% и т. д., данные переписи 1926 г.)¹⁴.

Процессы всестороннего сближения народов в республике на основе усиления их идейного единства, социальной консолидации и постепенного сглаживания различий между рабочим классом и крестьянством не унич-тожают самобытных национальных форм культуры.

Этнографические различия сохранились еще и в отдельных историко-культурных районах Украины. В частности, значительный интерес с эт-нографической точки зрения представляет украинское Полесье — район давних, недостаточно изученных этнокультурных взаимодействий. В силу специфических природных условий и своеобразия исторически сложив-шихся условий социально-экономического развития здесь известной устойчивостью отличаются отдельные элементы материальной культуры и быта.

В Полесье издавна обитали предки трех восточнославянских народов. Традиционное жилище украинцев и белорусов (в районах украинского и белорусского Полесья) восходит к общему субстрату. Вообще в тради-ционном жилище украинцев, белорусов и русских и в других районах их совместного обитания много общих черт. Например, в широкой зоне Западного Полесья, Черниговщины и Белоруссии были распространены двух- и трехкамерные постройки, состоящие из сеней и хаты, а также из двух смежных хат и пристроенных к ним сеней. Однако преобладала двухкамерная планировка украинско-белорусского типа.

¹² Суть идеи индексов брачности состоит в том, чтобы найти теоретически обосно-ванную степень влияния тех или иных черт личности на выбор брачной пары. См.: М. М. Птуха, *Вибрані твори*, Київ, 1971, стр. 86—95.

¹³ В. И. Наулко, Л. В. Чуйко, *Межнациональные браки в Украинской ССР, «Материалы ко II Всесоюзной конференции по проблеме „Изменение социальной струк-туры советского общества“*, вып. 6, М., 1972, стр. 50—53; П. Пустоход, М. Трацев-ский, Шлюбність на Україні, «Праці демографічного інституту», «Демографічний збір-ник», т. VII, Київ, 1930, стр. 178, 179, 186, 187.

¹⁴ «Короткі підсумки перепису населення України 17 грудня 1926 року», «Статисти-ка України», № 24, т. V, серія 1, вып. 2, Харків, 1928, стр. 62.

Такая же планировка характерна и для традиционного жилища русских быв. Слобожанщины (северо-восточные районы Украины), хотя, как известно, здесь поселились русские из различных районов России, в том числе и из тех, для которых такая планировка не была характерна¹⁵. Украинское влияние сказалось и на других особенностях жилища: его внутреннем убранстве, внешнем оформлении (обмазка стен глиной и побелка) и пр.¹⁶

Следует отметить, что и в других районах давнего смешанного расселения русских и украинцев, где проводились исследования, будь то Приазовье или Подолия, Буковина или Приднепровье, внутренняя планировка, да и типология жилища, в значительной мере была идентичной у обоих народов. Нередко различия касаются лишь терминологии («матинца» и «сволок», «земь» и «доливка», «потолок» и «стеля» и пр.). С другой стороны, некоторые черты, характерные для народного зодчества русских, получили определенное распространение на Украине¹⁷.

Хотя социалистические преобразования, охватившие всю страну, в том числе и «полесские» уголки, быстрыми темпами меняют лицо современного украинского Полесья, и в настоящее время здесь еще можно встретить некоторые архаичные элементы культуры: однокамерные жилища, дома из «кругляков» (круглых бревен), традиционный костюм и пр. В целом же даже в самых отдаленных полесских районах многое заметно изменилось. В настоящее время стены возводятся «в арцаб» (горизонтальная закладка обтесанных четырехгранных брусьев между вертикальными столбами), распространяется внутренняя и внешняя штукатурка стен или «обшивка» их досками и т. д.¹⁸

В полесской зоне при значительном культурно-хозяйственном единобразии издавна обитавших здесь народов сохраняются и некоторые их специфические черты. Например, в отдельных селах с польским населением, основанных при небольших заводах (гутах) или на разработках бурого угля и болотной руды, возник своеобразный тип жилища, представляющий собой четырехкомнатный квадратный в плане дом (так называемый «чвурак») с общим для всех комнат дымоходом («коминотом»). Этот тип жилища в отдельных селах бытовал наряду с традиционными двухкамерными домами, состоявшими из хаты и сеней.

С развитием колхозного строя значительные изменения претерпевают народные жилища, усадьба, поселение у всех этнических групп республики¹⁹. Исчезли некоторые подсобные постройки (клуні, конюшни и пр.), ставшие ненужными в новых условиях ведения хозяйства. Интерьер сельских жилищ в значительной мере сближается с внутренним убранством жилища горожан. Однако отдельные традиционные элементы интерьера, отражающие особенности семейного и общественного быта народов, имеются и в современном жилище. Это касается, например, специального глиняного или деревянного настила для спанья («софа» — у греков), круглых столиков («трапез» — у болгар, «софра» — у греков). По традиции с большой тщательностью убирается праздничная комната («велика хата» — у украинцев, «каса маре» — у молдаван, «гуляма кѣшта» — у болгар и пр.).

Результаты межнациональных этнокультурных взаимоотношений больше всего заметны у народов, издавна совместно обитавших (напри-

¹⁵ См.: Л. Н. Чижи́кова, Об этнических процессах в восточных районах Украины, «Сов. этнография», 1968, № 1, стр. 21, 28.

¹⁶ Там же, стр. 29.

¹⁷ М. Приходько, Житло українців у межіріччї Дністра та Дунаю, «Народна творчість та етнографія», 1972, № 3, стр. 30—33.

¹⁸ М. Приходько, Особливості сільського житла на Поліссі, «Народна творчість та етнографія», 1970, № 6, стр. 50.

¹⁹ См., например: Т. Ю. Стельмах, Історичний розвиток сільських поселень на Україні, Київ, 1964, стр. 157—160, 211.

мер, у упомянутых украинцев и белорусов Полесья, украинцев и молдаван Черновицкой области и др.). Этот фактор нередко имеет не меньшее значение, чем общность происхождения народов. В то же время в ряде случаев на «периферии» ареалов этнических территорий обнаруживается наибольшая устойчивость этнических традиций²⁰.

Терминологическая общность в различных сферах культурно-бытовой деятельности народов является одним из показателей межнациональных взаимоотношений и в известной мере отражает всю сложность этнообразовательного процесса. Она проявляется в наибольшей мере там, где представители тех или иных народов длительное время обитают на общей территории. Например, относящиеся к разным языковым группам украинцы и молдаване в Черновицкой области употребляют термины, относящиеся к двум языкам: «гринда», «стодола», «каприорь»; «драница», «клуня», «хлив», «горботка», «катринце» и пр.

У различных народов Украины можно проследить много общих черт в традиционных орудиях, способах обработки почвы и сбора урожая, системах земледелия, и особенно это характерно для земледельческой техники. Однако вплоть до недавнего времени, наряду с культурно-бытовой общностью, сложившейся здесь прежде всего под влиянием социально-экономических, исторических и естественно-географических факторов, отмечались и черты этнического своеобразия (двойные мешки для сеяния «дисаги» — у болгар, борона «сурму» — у греко-румеев²¹, веялка «астраханка» — у русских и пр.).

Интересный характер взаимовлияния в прошлом земледельческих культур украинцев и русских отмечен Л. Н. Чижиковой в северо-восточных районах республики. Здесь бытовала соха двух видов: односторонка с неподвижной полицей, или отвалом, укрепленной на одном из сошников, и двухлемешная соха с перекладной полицей. Соха, как известно в основном применялась русскими, однако в конце XIX в. в указанном районе она сосуществовала с тяжелым «малороссийским» деревянным плугом²².

В годы Советской власти современная сельскохозяйственная техника практически повсеместно заменила традиционные орудия, хотя в некоторых элементах современной техники, без сомнения, сохраняются черты, отражающие многовековой опыт хозяйственной деятельности народов.

Сохранение традиционных черт в области материальной культуры, как правило, определяется их экономической целесообразностью, а также сложившимися представлениями, вкусами, национальной психологией. В местах компактного расселения пришлых групп наблюдается унификация культуры в прошлом этнографически неоднородного населения. Например, у болгар междуречья Прута и Днестра, переселившихся из различных районов Болгарии и не отличавшихся там культурно-бытовым единообразием, на первых этапах заселения Бессарабии сформировался единый тип жилища, наиболее приемлемый в новых условиях. Обычно

²⁰ Например, в болгарских селах Гюневка и Андровка, расположенных на некотором удалении от компактного этнического массива приазовских болгар, как показали наши исследования, обнаруживается наилучшая сохранность традиционной народной культуры. В молдавском с. Троицкое (быв. Бахмутский уезд Екатеринославской губ.), также расположенном островком в украинской этнической среде, культура и быт населения, особенно одежда, длительное время отличались исключительным своеобразием (ГМЭ СССР, отд. рук., ф. 1, оп. 2, д. 27, стр. 67). Анализируя подобные факты, К. В. Чистов справедливо, на наш взгляд, отмечает, что иноэтническое окружение способствует «консервации традиционных форм материальной и духовной культуры» (см.: К. В. Чистов, Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры, «Сов. этнография», 1972, № 3, стр. 78).

²¹ «Румеями» назывались эллиноязычные греки, считавшие себя выходцами из Римской империи, в отличие от тюркоязычных греков («греко-татар»), усвоивших татарский язык в условиях длительного проживания в Крыму. См.: А. А. Белецкий, Греческие диалекты юго-востока Украины, сб. «Балканская филология», Л., 1970, стр. 5—12.

²² См.: Л. Н. Чижикова, Указ. раб., стр. 27.

такое жилище состояло из двух комнат, разделенных помещением с открытым очагом (аят). Значительная унификация коснулась и традиционной болгарской одежды. В большинстве сел, даже там, где прежде носили костюм различных типов (например, двупрестилочную одежду), распространился комплекс одежды видоизмененного сукманного типа — «рокля»²³.

Темпы начавшегося уже в капиталистический период процесса формирования новых территориальных общностей населения с единообразной культурой во многом зависели от национальных «традиций» и конкретной роли района в общественной и хозяйственной жизни страны. В народной культуре (особенно одежде и жилище) вначале сохранялись черты, характерные для мест прежнего обитания. В дальнейшем, особенно в годы Советской власти, с развитием социалистической индустрии, увеличением мобильности населения, подъемом его социально-экономического уровня, возникают многие общие черты, проявляющиеся в пределах тех или иных этнографических районов или культурно-хозяйственных областей Украины.

По мере расширения всесторонних контактов между народами УССР их культурно-бытовая общность становится все более заметной. Например, у греков, болгар и гагаузов длительное время сохранялось жилище южноевропейского типа, наиболее приспособленное к новым условиям расселения. К началу XX в. в их жилище появляются черты, сближающие его с украинским. В настоящее время в жилище указанных народов и украинцев (в технике строительства, внутренней планировке, типологии, художественном оформлении и пр.) больше общих черт, чем различий.

В ряде элементов культуры и быта населения Украинской ССР довольно устойчиво сохраняются традиционные черты. Это касается прежде всего особенностей интерьера и художественного оформления жилищ, отдельных элементов народного костюма, говоров, фольклора и т. п. В некоторых культурно-бытовых явлениях особенно отчетливо сохраняется этническая специфика (распространение русских бань, традиционные черты свадебной обрядности у разных народов, праздники песни у эстонцев Крыма и пр.).

Элементы традиционной народной культуры, в той или иной мере сохранившиеся у населения Украины, являются важным источником при изучении этногенетических процессов и этнической истории народов. Например, для традиционного костюма русских, живущих теперь во многих районах Украины, характерны различные виды сарафанов, что свидетельствует об этнографической неоднородности этого населения в прошлом. В то же время «колоколообразный» силуэт верхней распашной одежды дает основание говорить об общности традиционного народного костюма украинцев и русских.

В традиционной народной одежде населения Украины черты этнической специфики хорошо прослеживались. Их сохранность в значительной мере зависела от целого ряда факторов: естественной среды, степени этнокультурных взаимовлияний, направленности хозяйственной деятельности. Например, до середины XIX в. в костюме греков преобладали изделия из кожи и меха, чему способствовало развитое скотоводство²⁴.

²³ Л. В. Маркова, Некоторые тенденции развития культуры и быта болгар юго-западных районов СССР, «Первый конгресс балканских исследований», М., 1966, стр. 8, 9. Подробнее о названных комплексах одежды см.: М. Велева, Българската двупрестилочна носия, София, 1963; ее же, За произхода на една старина българска шевица с общославянско разпространение, «Известия на Етнографския институт и музей», кн. IV, 1961; Я. П. Прилипко, Етнокультурні зв'язки болгар і східних слов'ян, Київ, 1964, стр. 31—33.

²⁴ Е. И. Дружинина, Южная Украина, М., 1970, стр. 209, 210, 215; Ю. В. Иванова, Хозяйственный быт греков Приазовья, «Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г.», М., 1971, стр. 130.

Отмена царизмом в 1858 г. автономии греческого округа и бурное развитие капиталистических отношений на юге привели к нивелированию традиционных черт в одежде, сближению ее с костюмом горожан.

В прошлом этническая специфика в народном костюме достаточно стойко сохранялась и в ряде районов этнического смешения, где в других областях культуры и быта уже преобладали общие черты. Интересно в этом отношении сопоставление народной одежды в «кусте» разнонациональных сел Килийского района Одесской области: болгаро-гагаузского Новоселовки (быв. Еникой), украинского Шевченково (быв. Кара Махмет), молдавского Червоный Яр (быв. Китай) и русского Васильевки. Эти села были заселены примерно в одно и то же время, в конце XVIII — начале XIX в. Сопоставим лишь один из элементов одежды — рубаху. У украинок, русских и молдаванок рубахи по краю были поликовые, у болгарок — туникообразные. У первых рубахи разделялись поперечным швом (верх: «чехлик» у русских, «станок» у украинок, «стан» у молдаванок; низ соответственно — «станушка», «підтичка», «пали»), болгары же шили рубахи цельнокроеные. У украинцев вышивкой украшались перед и рукава, у молдаван — воротник, перед, манжеты. У болгар и русских вышивка отсутствовала.

В годы Советской власти в связи с расширением производства товаров широкого потребления среди всех народов, населяющих республику, распространяются городские элементы одежды. При этом, однако, остаются относительно устойчивыми художественное единство формы, силуэта. В одежду вносятся изменения, отвечающие современным представлениям о целесообразности при сохранении некоторых традиционных черт²⁵.

Отдельные виды народного костюма в той или иной мере сохраняются до настоящего времени: самодельные кожаные постолы, удобные для сельскохозяйственных работ, меховые шапки, цветные широкие шерстяные пояса у болгар, гагаузов, в меньшей степени у греков, сарафаны — у некоторых групп русского населения в качестве свадебной или погребальной одежды, поясная одноплатовая одежда «катринце» у молдаван и пр.

В современной одежде, созданной на традиционной народной основе, иногда проявляются давние этнокультурные влияния. Например, в рубахе «волошке», распространенной среди украинцев (Днепропетровская, Закарпатская обл.), прослеживаются черты, характерные для одежды молдаван, живущих в смежных селах²⁶.

Естественно-географические зоны Украинской ССР частично совпадают с историко-этнографическими. В прошлом роль географических факторов в формировании локальных культурно-бытовых особенностей была более ощутимой. Однако и в настоящее время они в известной мере определяют направленность хозяйственной деятельности и тем самым некоторые культурно-бытовые особенности живущего там населения. Достаточно сравнить, например, современное жилище на высоком каменном фундаменте русских, живущих в устье Дуная (Вилково) и в соседних степных районах той же Одесской области, где стены от основания возводятся из глиняного кирпича («лампач»). В некоторых селах средней полосы Украины, расположенных по долинам рек, нередко применяется турлучная техника строительства, в полесских районах — срубная.

Многие элементы материальной культуры населения Украины тесно связаны с особенностями семейного и общественного быта. Так, у греков и болгар с открытым очагом в прошлом были связаны некоторые обряды, семейные и общественные торжества, его роль широко освещена в народ-

²⁵ См.: В. В. Ми ро н о в, Развитие українського народного костюма за радянського часу, «Народна творчість та етнографія», 1972, № 2, стр. 19—21.

²⁶ Там же, стр. 24, 25.

но-поэтическом творчестве. Особенности семейного и общественного быта народов находят свое отражение в интерьере жилища, функциональном использовании комнат и пр. Например, представители большинства народов отличают парадную комнату от повседневной жилой комнаты. В убранстве первой наиболее заметны черты этнической специфики.

Много общих черт есть и в свадебной обрядности разных народов Украины. Они касаются главных этапов свадебного церемониала, его структуры, состава участников, обрядов, терминологии.

При изучении свадебной обрядности необходимо учитывать характер этнокультурных взаимодействий соседних народов. Например, в областях Украины, граничащих с Молдавской ССР, в украинской свадьбе имеется ряд обычаев и обрядов, широко распространенных среди молдаван. Они проявляются в общей терминологии (главное угощение называется «месамери», дружки — «кунакарии») и в ряде обычаев (приглашая на свадьбу, угощают вином из специальной обрядовой посуды, катают невесту на коляске и пр.). В областях, примыкающих к Белоруссии, наблюдаются элементы белорусской свадьбы (устраивание «запоин», прощание молодой с умершими родственниками, расплетание косы молодой вне дома и пр.). На Волыни в селах, граничащих с польскими поселениями, встречаются некоторые элементы польской традиционной свадьбы²⁷.

В то же время в польских селах на территории УССР, как и в ряде сел восточных областей Польши, многие обряды и обычаи почти не отличаются от украинских. Здесь выпекают каравай, бытуют «расплетание», «очепини» (надевание на голову молодой «очепка» — чепца) и т. д. Много общего в последовательности и названиях составных частей свадьбы.

В ряде венгерских сел Закарпатья, примыкающих к украинскому этническому массиву, в свадебной обрядности обоих народов также есть общие черты: обряды, символизирующие «куплю-продажу» невесты, обычай преграждения дороги жениху («переймы»), собрание молодежи в предсвадебный день («гуски»), «подмена» невесты, обряд принятия молодой в группу замужних женщин и пр. Подобное сходство тем более примечательно, что в прошлом бракам между украинцами и венграми препятствовала принадлежность к разным вероисповеданиям.

Современные свадебные обряды большинства народов, живущих на Украине, приобретают новые формы и новое содержание, в них используются лучшие народные традиции, которые передаются из поколения в поколение.

Интенсивный процесс взаимовлияния и взаимообогащения украинской и молдавской народных культур наблюдается в Черновицкой области в районах со смешанным населением (Глыбокский, Сторожинецкий, Новоселицкий). Здесь на Буковине издавна совместно живут украинцы и молдаване. Одинаковые формы общественной жизни, многовековое общение, тесные дружеские связи обусловили формирование общих черт в материальной и духовной культуре обоих народов²⁸.

За годы Советской власти процессы культурного взаимодействия здесь значительно углубились и расширились. В настоящее время в украинских и молдавских селах наблюдается процесс формирования единого свадебного обряда, одинакового репертуара главных циклов семейных обрядов. Сходные бытовые условия способствуют, таким образом, еще

²⁷ См.: О. М. Кравець, *Сучасне колгоспне весілля*, «Народна творчість та етнографія», 1958, № 2, стр. 70, 71.

²⁸ См.: А. Н. Веселовский, *Разыскания в области духовного стиха*, «Сборник отделения русского языка и словесности», т. XXXII, СПб., 1883; «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II, под ред. Ф. Волкова и др., 1916; В. С. Зеленчук, *Молдавско-украинские общности в традиционных обычаях и в фольклоре, семейной обрядности*, «Дружба народов, отраженная в фольклоре», Кишинев, 1961, стр. 74—90.

более интенсивному развитию общих черт в переосмысленных традиционных обычаях и фольклорных произведениях²⁹.

Идентичны в украинской и молдавской современной свадьбе и формы ее проведения, традиционный ритуал, распределение ролей между главными персонажами. Терминология многих молдавских свадебных обычаев заимствована у украинцев. Украинцы заимствовали молдавские свадебные декламации. На смешанных свадьбах поется множество украинских и молдавских народных песен, частушек, песен советских композиторов. В современном свадебном ритуале украинцев и молдаван полностью исчезли печальные песни о тяжелой женской доле. Свадебный репертуар обогащается новыми фольклорными произведениями, воспевающими нашу социалистическую действительность.

Многие из распространенных в прошлом негативных элементов черт культуры и быта народов, живущих в Украинской ССР, уже полностью исчезли. Это прежде всего касается ряда обычаев, идущих от патриархальных устоев и отсталых форм быта (например, закрывание невестами-болгарками лица во время свадьбы красным покрывалом «було»).

Постепенно исчезают также факторы, препятствующие сближению народов, связанные с отдельными проявлениями национальной ограниченности и замкнутости.

В советское время экономические и культурные достижения всех народов, живущих в республике, определяются прежде всего их вкладом в строительство коммунистического общества, успехами в различных областях хозяйственной, общественной и культурной деятельности. Все народы, населяющие Украинскую ССР, принимают активное участие в различных сферах общественной, политической и культурной жизни.

И в дальнейшем развитие культуры и быта всех народов, живущих на Украине, будет проходить не изолированно, а во взаимосвязи со всеми советскими народами. При этом новые черты будут развиваться на основе лучших прогрессивных традиций прошлого и способствовать всестороннему взаимообогащению народов и их культур.

THE RAPPROCHEMENT IN THE CULTURE AND EVERYDAY LIFE OF THE PEOPLES INHABITING THE UKRAINIAN SOVIET SOCIALIST REPUBLIC

Present-day processes of ethnic development in the Ukrainian SSR take the direction of consolidation within the Ukrainian Soviet Socialist nation and of a rapprochement between different peoples both within the Republic and within the Soviet Union as a whole.

Processes by which ethnocultural links were formed in the Ukraine have largely depended upon the type of relations between the peoples in the past and at the present time, upon the level of their social-economic development, upon historical, geographical and other factors.

The all-round rapprochement between the Republic's ethnic communities based upon their ideological unity, social consolidation, upon the gradual smoothing out of the differences between the working class and the peasantry, are manifested in the mutual influence exerted over each other by the people's cultures, in the internationalization of their everyday life.

With the development of socialist industry, the increased mobility of the population, the rise in its social and economic level, many new features appear in the culture and everyday life of the peoples inhabiting the Ukrainian SSR. Their evolution is based upon the best progressive traditions of the past; this promotes an all-round mutual enrichment of peoples' culture.

²⁹ См. подробнее: Г. Бостан, Українсько-молдавські паралелі в старовинній та сучасній весільній обрядовості, «Народна творчість та етнографія», 1971, № 6, стр. 24—28.

Л. Н. Терентьева

НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ПОВОЛЖЬЕ, ПРИУРАЛЬЕ И НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ СССР

Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика самая многонациональная в Советском Союзе. В РСФСР расселены более 60 наций и народностей нашей страны. Именно здесь особенно многогранны межнациональные контакты и активно развиваются все виды этнических процессов¹.

Сложность национального состава определила характер государственного устройства республики — это федерация, включающая 16 автономных республик, 5 автономных областей, 10 национальных округов, 6 краев и 49 областей.

Обширность территории РСФСР с четко выраженной географической зональностью, в значительной мере предопределявшей в прошлом типы хозяйственной деятельности населения, этническое многообразие его состава, особенности исторического развития народов — все это обусловило сложение ряда историко-культурных областей, не утративших своего значения и в настоящее время². Для Европейской части РСФСР характерны, например, Поволжье и Приуралье, Европейский Север, подразделяемые при экономгеографическом районировании на более дробные части³.

Поволжье и Приуралье делятся на шесть автономных республик — Удмуртскую, Марийскую, Чувашскую, Мордовскую, Татарскую, Башкирскую и на ряд областей, в которых население в этническом отношении очень неоднородно. Специфической чертой этого региона является то, что живущие в нем народы расселены чересполосно. Плотность сельского населения относительно высокая (от 14 человек на 1 км² в Башкирской АССР до 46 в Чувашской АССР).

Европейский Север включает две автономные республики — Карельскую и Коми АССР, два национальных округа — Ненецкий и Коми-Пермяцкий, а также шесть областей, где в некоторых районах и сельских советах живут многочисленные группы коренного населения края (саамы, вепсы, водь, ижора, финны)⁴. Этот регион по сравнению с Поволжьем и Приуральем характеризуется более однородным этническим составом населения и относительно компактным его размещением, но при этом гораздо более низкой плотностью сельского населения (от 0,8 чел. на 1 км² в Коми АССР до 1,4 в Карельской АССР).

¹ О понятии «этнические процессы» и о видах этнических процессов см.: И. С. Гурвич, Некоторые проблемы этнического развития народов СССР, «Сов. этнография», 1967, № 5, стр. 63; В. И. Козлов, Современные этнические процессы в СССР, «Сов. этнография», 1969, № 2, стр. 65; Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР, «Сов. этнография», 1970, № 1, стр. 7.

² М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса), «Сов. этнография», 1955, № 4.

³ См.: «Российская Федерация», серия «Советский Союз», М., 1971.

⁴ В статью не включены материалы об этих более малочисленных народах Европейского Севера.

Характеристике этнических процессов у народов Поволжья, Приуралья и Европейского Севера СССР предположим некоторые основные сведения о них: данные о численности и расселении, об этнической среде, о соотношении городского и сельского населения, о его социально-профессиональной структуре.

Для рассматриваемых регионов характерны значительные различия как в абсолютной численности народов, так и в ее динамике. Количественный фактор — абсолютная численность контактирующих народов — уже сам по себе оказывает влияние на ход этнических процессов. Так, длительное этническое взаимодействие народов, резко различающихся по численности, обычно приводит к растворению одного из них в среде другого. Динамика численности народов указывает на направление этнических процессов (см. табл. 1). По темпам прироста рассматриваемые народы могут быть подразделены на три группы. К первой, опережающей средние цифры прироста по стране и по русским РСФСР, относятся татары, башкиры, чуваша, марийцы; ко второй, с показателями несколько ниже средних, — удмурты и коми; к третьей, характеризующейся отрицательным балансом численности, — мордва и карелы⁵. Численность и темпы роста наряду с показателями естественного движения населения в значительной мере обусловлены особенностями этнического развития этих народов. Быстрое увеличение численности татар отражает процесс их консолидации (включение в состав татар в связи с изменением их самосознания мишарей, кряшен, тептярей, нагайбаков); уменьшение численности других народов — процесс постепенной ассимиляции, в частности карел и мордвы русскими (подробнее об этом ниже).

Спецификой расселения народов в этих регионах, особенно в Среднем Поволжье и Приуралье, является, как уже отмечалось выше, резкая чересполосица⁶. Степень компактности расселения отдельных народов различна. Наиболее компактно расселены удмурты и чуваша, наиболее раздробленно — мордва⁷. Все это вызывало в прошлом, а в известной мере и теперь, значительные трудности для этнической консолидации этих народов. Это видно на примере мордвы, основные группы которой — эрзя и мокша — территориально отделены одна от другой. Характерно в этом отношении и расселение татар в Среднем Поволжье и Приуралье, где они живут в одних случаях более компактно, в других — рассеянно, среди русских и других народов этого края⁸.

В царской России процессы консолидации народов Поволжья и Приуралья осложнялись еще раздробленностью этих народов по мелким административным единицам — уездам и волостям ряда губерний. Так, например, казанские татары были расчленены по 11 уездам трех различных губерний⁹.

В этой связи особенно велико значение созданных после Великой Октябрьской социалистической революции государственных образований в виде автономий и национальных округов.

⁵ С. И. Брук, Этнотомографические процессы в СССР (по материалам переписи населения 1970 года), «Сов. этнография», 1971, № 4.

⁶ См.: «Учебная карта народов СССР» (составлена в 1962 г. Главным управлением геодезии и картографии СССР и Институтом этнографии АН СССР), М., 1963.

⁷ Картоосхемы расселения этих народов опубликованы в следующих работах: по удмуртам — Э. К. Васильева, В. В. Пименов, Л. С. Христолюбова, Современные этнокультурные процессы в Удмуртии, «Сов. этнография», 1970, № 2, стр. 58; по чувашам — в кн. «Чуваши», Чебоксары, 1956, стр. 75, по мордве — В. И. Козлов, Расселение мордвы, в кн. «Вопросы этнической истории мордовского народа», «Труды Мордовской этнографической экспедиции», вып. 1, М., 1960, стр. 55.

⁸ Картоосхемы опубликованы в кн.: «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», М., 1967, стр. 38 и в кн.: В. И. Воробьев, Казанские татары, Казань, 1953, стр. 56.

⁹ Подробнее о расселении татар см. в кн.: «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 38—52.

Сложность расселения, этническая чересполосица чрезвычайно затрудняли государственное устройство этих народов. Наибольшее совпадение этнических границ с границами автономий достигнуто в Удмуртской АССР, наименьшее — в Татарской и Мордовской АССР. Степень компактности расселения отдельных народов определила меру различий между их общей численностью и численностью той их части, которая расселена в пределах своих республик. Наименьшее расхождение между этими двумя показателями отмечается у башкир и удмуртов, наибольшее — у мордвы и татар (табл. 2, левый столбец) ¹⁰.

Таблица 1*

Динамика численности народов Поволжья, Приуралья и Европейского Севера

Народы	Общая числен. (по СССР в целом)	В 1970 г. в процентах к			
		1970 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.
Татары	5,931	179,1	137,5	119,4	
Чуваши	1,694	151,7	123,7	115,3	
Мордва	1,263	94,3	86,7	98,3	
Башкиры	1,240	173,7	140,9	125,4	
Удмурты	704	137,0	116,1	112,7	
Марийцы	599	140,0	114,0	118,8	
Коми, коми-пермяки	475	126,3	112,4	110,2	
Карелы	146	58,9	57,8	87,4	

* Таблица составлена по: С. И. Брук, Указ. раб.

Таблица 2

Расселение народов Поволжья, Приуралья и Европейского Севера в 1970 г.

Народы	Живут в пределах своих республик, составляя:	
	% от своего народа	% от всех жителей республики
Башкиры	72,0	23,4
Удмурты	68,8	34,1
Карелы	57,5	11,8
Чуваши	50,5	70,0
Марийцы	49,9	43,6
Коми	48,7	28,6
Мордва	28,9	35,5
Татары	25,9	49,0

Существенное влияние на направление этнических процессов оказывает этническая среда. В этой связи представляют интерес данные о соотношении основных национальностей, название которых совпадает с названием данных автономий, и общего числа жителей названных автономных республик (табл. 2, правый столбец). Удельный вес основной национальности наиболее высок в Чувашской АССР, где чуваше составляют 70% к общей численности населения. По Коми же и особенно по Карельской АССР основные национальности составляли в 1970 г. в первом случае 28%, во втором — около 12% от общей численности населения. Приведенные цифры не являются постоянными величинами. Их изменчивость определяется показателями естественного прироста населения, миграционными и этническими процессами. Сравнительно устойчив состав населения в Башкирской АССР. В Татарской и Мордовской АССР — наибольший прирост удельного веса основной национальности; в остальных автономных республиках он снижается, особенно в Удмуртской, Коми и Карельской АССР. Это непосредственно связано с быстрым ростом населения этих республик за счет притока извне лиц другой национальности. Среди инонационального населения рассматриваемых автономных республик наиболее многочисленны русские ¹¹. Доля русских составляет от 24,5% в Чувашской АССР до 68% в Карельской АССР. Численность татар (в других республиках Поволжья, кроме Татарской АССР) колеблется в пределах 3—6% от общей численности населения; чувашей — от 3 до 5%. В Коми и Карельской АССР довольно

¹⁰ «Население России. Сообщение ЦСУ при Совете Министров РСФСР по данным переписи населения на 15 января 1970 г.», газ. «Советская Россия», 20 мая 1971 г.

¹¹ Инонациональным населением мы условно называем представителей всех тех национальностей, наименование которых не совпадает с наименованием автономной республики.

значителен процент украинцев и белорусов (до 9%). В целом наиболее однороден национальный состав Чувашской АССР, а наиболее многонациональны Карельская и Башкирская АССР. В Башкирской АССР самые многочисленные национальности — башкиры (23,4%) и татары (24,7%)¹².

При исследовании этнических процессов важно учитывать соотношение городского и сельского населения, ибо город и село заметно различаются по темпам и направлению этих процессов¹³.

Таблица 3

Степень урбанизации основных национальностей Поволжья, Приуралья и Европейского Севера в 1926, 1959, 1970 гг.*

Народы	По СССР			В пределах своих республик	Доля коренных национальностей в общей численности городского населения республик
	1926 г.	1959 г.	1970 г.	1970 г.	
Татары	14,4	47,3	55,0	38,6	29,7
Коми	2,6	24,4	36,4	33,1	13,6
Карелы	2,9	31,0	44,8	44,7	24,3
Мордва	2,2	29,1	36,1	17,2	8,3
Башкиры	2,1	19,7	26,6	17,6	7,8
Чуваши	1,6	19,7	29,1	23,0	36,0
Марийцы	0,8	11,7	20,5	14,6	11,3
Удмурты	1,2	22,3	32,1	28,0	14,5

* Таблица составлена по опубликованным материалам Всесоюзных переписей населения 1926, 1959, 1970 гг.

В царской России народы Поволжья, Приуралья и Европейского Севера в подавляющей массе были крестьянами, лишь среди татар было небольшое число горожан (в 1897 г. — 11%). С удельным весом городского населения у каждого из этих народов знакомит таблица 3. Как

видно из этой таблицы, за 44 года с момента переписи 1926 г. произошел быстрый рост городских жителей из числа коренных национальностей. При сравнении данных по СССР с теми же данными по республикам видно, что у карел, коми, чувашей эти показатели очень близки. У других народов городское население быстрее растет вне своих автономий: в местах прежнего дисперсного расселения, или в районах современных миграций. Ускоренный рост числа горожан за счет внутренней миграции сельских жителей основной национальности наиболее характерен для Чувашской АССР. Именно поэтому в Чувашии особенно высока доля коренного населения (36%) по отношению к общей численности горожан.

Сказанное о соотношении городского и сельского населения должно быть дополнено данными о социальной структуре исследуемых народов

Таблица 4

Самостоятельное население по национальностям и социальным категориям, 1959 г. (% к итогу)*

Народы	Общественные группы		
	рабочие и служащие	колхозники	прочие
Карелы	92,5	7,3	0,2
Коми	72,7	27,1	0,2
Татары	47,9	51,8	0,3
Мордва	27,5	71,7	0,8
Башкиры	37,4	62,4	0,2
Удмурты	40,9	58,9	0,2
Чуваши	25,0	74,0	1,0
Марийцы	22,8	76,7	0,5

* Таблица составлена по материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г.

¹² «Советская Россия», 20 мая 1971 г.

¹³ В. В. По к ш и ш е в с к и й, Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения, «Сов. этнография», 1969, № 5.

(см. табл. 4). При рассмотрении таблицы четко выявляются различия в соотношении общественных групп. Наибольший удельный вес рабочих и служащих в общей численности этих народов у карел. Ниже всего удельный вес рабочих и служащих у марийцев.

При сопоставлении по годам показателей о соотношении общественных групп отмечается быстрый рост рабочих и служащих в составе всех перечисленных народов. Так, с 1939 по 1959 г. он повсеместно возрос почти вдвое. Этот процесс связан главным образом с направлением развития народного хозяйства этих республик: с возникновением новых промышленных центров, развитием лесной промышленности и механизацией сельского хозяйства.

Представляют интерес и данные об удельном весе лиц коренных национальностей в общем числе работающих по отдельным отраслям народного хозяйства.

В целом же доля лиц коренных национальностей, занятых в общественном труде (не считая занятий в домашнем и личном подсобном хозяйстве), достигала высокого уровня в 1959 г. (от 48 до 52%; у русских РСФСР 47,8%). Среди них свыше 56% — женщины¹⁴. Больше всего женщин работает в сельском хозяйстве (в колхозах и совхозах), в здравоохранении, просвещении, бытовом обслуживании, жилищно-коммунальном хозяйстве. Но и в промышленности женщины из коренных национальностей составляют половину и более работающих.

Рассмотрение этнических процессов у народов Поволжья, Приуралья и Европейского Севера начнем с процессов консолидации. Для их характеристики (равно как и процессов ассимиляции) особенно показательны степень и темпы изменения такого важного компонента этноса, как этническое самосознание. Выше уже говорилось о происшедшей смене самосознания у различных обособленных групп татар. Это нашло отражение в переписи 1959 г. Идет активный процесс консолидации мордовской нации. Интенсивность этого процесса видна при сравнении материалов переписей населения 1939 и 1959 гг.¹⁵

У других народов Поволжья и Приуралья единство самосознания было зафиксировано уже предыдущими переписями. Тем не менее в бытовой сфере, особенно у сельского населения, кое-где еще сохраняется двойное самосознание: принадлежность ко всему народу и к той или иной его этнографической группе.

Важным свидетельством развития процесса консолидации являются изменения в языковой ситуации. Изживание диалектальных особенностей и сложение общего литературного языка свидетельствует обычно о преодолении барьеров между обособленными локальными группами того или иного народа и способствует их слиянию. В среде народов Поволжья, Приуралья и Европейского Севера, ранее бесписьменных (кроме татар и башкир, пользовавшихся арабской письменностью), эти сложные процессы теперь можно уже считать почти завершенными¹⁶. В условиях советской действительности они протекали не столько стихийно, сколько регулировались системой мер, обеспечивших максимальное расширение коммуникативных функций созданных литературных языков и совершенствование их структур. Быстрому распространению литературных языков способствовало их введение в сферу просвещения, делопроизводства, а также использование в области литературы, науки, средств массовой информации (пресса, радио, кино) и т. д. Условия для реального применения литературных языков возникли в результате общего повышения

¹⁴ «Материалы переписи 1959 г.»

¹⁵ См. также: О. И. Шкаратан, Этносоциальная структура городского населения Татарской АССР, «Сов. этнография», 1970, № 3, стр. 6, 7; В. Н. Белицер, В. А. Балашов. Некоторые особенности современного этнического развития мордовского народа, «Сов. этнография», 1968, № 1, стр. 123.

¹⁶ М. И. Исаев, Сто тридцать равноправных (о языках народов СССР), М., 1970.

грамотности населения и его активного вовлечения в сферу общественно-политической и общественно-производственной деятельности. Выявляется также прямая зависимость между степенью распространения общенациональных языков и характером расселения, удельным весом городского и сельского населения, его половозрастной структурой и т. д.¹⁷

Процесс языковой консолидации у рассматриваемых народов имеет не только общие, но и свои специфические черты. Так, среди мордвы взаимодействуют два близкородственных литературных языка: эрзянский и мокшанский при активном использовании русского языка. У марийцев, где вначале было создано два литературных языка, постепенно завершается переход на один из них — язык луговых мари. В среде башкирского населения Башкирской АССР, одна треть которого давно перешла на татарский язык, функционируют два литературных языка — башкирский и татарский. Консолидация карел в силу особенностей их этнического развития протекает на основе русского и финского языков.

С расширением функции литературных языков значительно сужалась сфера применения диалектов. В настоящее время они ограничены лишь бытовой сферой в наиболее отдаленных сельских населенных пунктах, причем на них говорят преимущественно лица старшего возраста. Использование диалектов в устной речи характерно также в местах дисперсного расселения этих народов, где в качестве литературных языков функционируют другие языки народов СССР (преимущественно русский).

В области материальной культуры процессы консолидации в современных условиях протекают следующим образом: те элементы материальной культуры, которые в наибольшей мере сохраняют традиционные черты, устойчиво несут в себе и прежние локальные отличия. Особенно отчетливо это прослеживается в одежде¹⁸.

Процессам этнической консолидации весьма способствует расцвет всех видов профессиональной культуры, развивающихся уже как общенародные. Особенно это относится к таким ее массовым формам, как драматургия, литература, музыка¹⁹.

Процессы ассимиляции в наибольшей мере затрагивают те группы населения, которые представляют собой хотя и компактные, но относительно малочисленные вкрапления в инонациональную среду, а также те, которые расселены дисперсно.

Наблюдаются два направления этих процессов: одна коренная национальность ассимилирует другую, обычно меньшую по численности, или русские ассимилируют те или иные народы. Оба эти направления действовали и в царской России. Но тогда существовала помимо естественной и насильственной ассимиляции. Вторая являлась следствием политики царизма, первая отражала естественные процессы взаимодействия этносов, чаще всего при их численном неравенстве. В современных условиях в СССР при обеспечении полного равноправия всех национальностей идет только естественная ассимиляция.

Конечным результатом всякой ассимиляции (как и консолидации) является изменение этнического самосознания. Важную стадию рассматриваемого процесса представляет языковая ассимиляция; имеет зна-

¹⁷ М. Н. Губогло, О влиянии расселения на языковые процессы, «Сов. этнография», 1969, № 5, стр. 16—29; Е. И. Клементьев, Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР), автореф. канд. дис., М., 1971.

¹⁸ «Татары Поволжья и Приуралья», стр. 52—162; «Чуваши», ч. I, Чебоксары, 1956, стр. 253—339; «Чувашское изобразительное искусство», Чебоксары, 1960, стр. 13—45; С. Н. Шитова, Народная одежда башкир, «Археология и этнография Башкирии», III, Уфа, 1968, стр. 125—227.

¹⁹ «Татары Поволжья и Приуралья», стр. 398—433, 446—451 и др.; «Народы Европейской части СССР», II (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1964, стр. 360, 433, 465, 504—509, 540—547, 587—597, 624—633, 688—691, 730, 741.

чение и изменение элементов культуры и бытовых особенностей. В интересующем нас регионе наблюдаются все эти стадии процесса ассимиляции в разнообразном сочетании. Прежде всего происходит языковая ассимиляция. Процессы ассимиляции в их завершающей стадии, т. е. со сменой этнического самосознания, в наибольшей мере отмечены у мордвы и карел. У мордвы это обусловлено, по-видимому, главным образом особенностями ее расселения и большой подвижностью. Процесс ассимиляции

мордвы (преимущественно русскими и татарами) очень давний, но в советских условиях, в силу расширения межэтнических контактов и возросшей активности мордвы в миграционных процессах, интенсивность его заметно повысилась.

О размерах современных ассимиляционных процессов у мордвы можно судить по изменению их общей численности: несмотря на высокий процент естественного прироста, общая численность мордвы с 1939 по 1959 г. сократилась на 15%. В качестве примера ассимиляции отдельных групп мордвы

русскими назовем этнографическую группу мордвы — терюхан, расселенную в Горьковской области (б. Нижегородской губернии). В середине XIX в. они заселяли 49 деревень. Общая численность терюхан составляла около 25 тыс. чел. С начала XX в. они переняли русский язык, но еще в 1920-е годы они считали себя мордвой. В настоящее время все они относят себя к русским: их материальная и духовная культура потеряла свои характерные черты и слилась с русской²⁰.

Ассимиляция карел русскими особенно резко выражена среди той их части, которая расселена в Калининской области (бывшей Тверской губ.). При естественном приросте несколько выше среднего по стране численность карел с 1939 по 1959 г. сократилась в целом по СССР на 30%, в Карельской АССР на 21%, а в Калининской области на 50%²¹. Относительно быстрая ассимиляция карел обусловлена рядом факторов: давними тесными контактами карел с русскими, особенностями формирования в Карелии этнической среды, их социальной структурой (преобладанием рабочих, в среде которых этнические процессы протекают значительно активнее, чем у крестьян). На интенсивность процесса существенно влияет и то, что сейчас у карел очень распространен русский язык.

У остальных народов рассматриваемого региона процессы ассимиляции менее заметны, так как затрагивают чаще не значительные группы населения, а лишь отдельных индивидуумов, например в случае их миграции в другую среду или смешанных браков.

Языковая ассимиляция широко распространенное явление в современных условиях и часто сочетается с этнической ассимиляцией, непосредственно следуя за нею или опережая ее. Процесс перехода на русский язык наиболее интенсивен у карел и мордвы (см. табл. 5). Так, у карел число лиц, признавших родным языком русский, достигало в 1926 г. — 4,5%, в 1959 г. — 28,0%, в 1970 г. — 36,1%; у мордвы в 1926 г. —

Т а б л и ц а 5

Соотношение национальностей и родного языка по данным переписей, % к итогу по РСФСР

Народы	Считают родным язык своей национальности		
	1926 г.	1959 г.	1970 г.
Марийцы	99,3	95,5	91,9
Татары	98,9	93,6	90,5
Чуваши	98,7	91,5	87,9
Коми	96,5	89,9	83,4
Удмурты	98,9	89,6	83,5
Мордва	94,0	79,9	79,7
Карелы	95,5	72,0	63,9
Башкиры	53,8	61,6	65,9

²⁰ В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 342, 343; е го ж е, Расселение мордвы, эрзи и мокшей, «Сов. этнография», 1958, № 2, стр. 50.

²¹ И. П. Покровская, Население Карелии в 1920—1969 гг., в сб. «50 лет советской Карелии», Петрозаводск, 1970.

6%, в 1970 г. — 21,3%²². В этой связи напомним о башкирах, треть которых уже несколько столетий назад перешла на татарский язык, стойко сохраняя при этом свое этническое самосознание. В известной мере это относится и к некоторым этническим группам мордвы — например, мордва-каратаи, живущие в ТАССР и воспринявшие татарский язык, но сохранившие свое самосознание²³. У других народов Поволжья и Приуралья показатели несовпадения родного языка с национальной принадлежностью колеблются у марийцев и татар от 8—9,5 до 17%; у коми, чувашей они составляют 13,5%²⁴. Эти показатели меняются в зависимости от многих факторов. Так, они значительно выше в городе, чем в селе, за пределами республики, чем в республиках. Очень заметны эти различия и по возрастным группам. У детей и молодежи несовпадение встречается гораздо чаще, чем у представителей старших поколений, и т. д.²⁵

Степень устойчивости компонентов традиционной материальной и духовной культуры крайне различна.

Для исследуемого региона особенно характерны процессы культурной интеграции. Это прежде всего обусловлено особенностями расселения народов Поволжья, Приуралья и Европейского Севера и общностью их исторических судеб. Современные народы в процессе своего формирования проходили путь физического и культурного смешения. В Среднем Поволжье и Приуралье на ранних этапах взаимодействовали местные финноязычные и пришлые тюркские племена.

Результаты взаимовлияния культур народов Поволжья и Приуралья, в частности, хорошо видны по многим чертам сходства их одежды. Женские рубахи мари по покрою и орнаментации близки к рубахам мордвы-мокши. Формы головных уборов чувашей сходны с мордовскими и марийскими: одежду горных мари трудно отличить от одежды верховых чувашей; распространение среди мари женских рубах с оборкой из пестряди — несомненное влияние татар или башкир и т. д.²⁶

Разная степень этнического родства этих народов, резкие отличия в хозяйственном укладе, тесное соприкосновение оседлого земледельческого и кочевого скотоводческого населения, значительные отличия в его социальной структуре и т. п. — все это приводило к особенно сложным и нередко неожиданным сочетаниям черт культуры у тех или иных этнических подразделений. Укажем, например, на факты восприятия оседлым земледельческим населением не свойственных им деталей костюма, типичных для кочевников, в частности штанов с широким шагом у южных удмуртов²⁷.

После включения Среднего Поволжья и Приуралья в состав Российского государства создались условия для широких контактов народов этого региона с русскими, преимущественно с сельским населением. Эти контакты, как и охарактеризованные ранее, охватывали сферу хозяйственной деятельности народов и некоторые стороны быта. Укажем, в частности, на сложение у народов Поволжья и Приуралья под воздействием русского зодчества единого типа жилища (близкого южновелико-

²² Материалы всесоюзных переписей 1926 и 1959 гг.; по 1970 г. — газ. «Советская Россия», 20 мая 1971.

²³ В. Н. Белицер, Мордва-каратаи и их культура, «Вопросы этнической истории мордовского народа», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LXIII, М., 1960, стр. 227—257.

²⁴ Материалы всесоюзных переписей 1926 и 1959 гг., газ. «Советская Россия», 20 мая 1971.

²⁵ О. И. Шкаратаи, Указ. раб., стр. 15; В. В. Пименов, Родной язык как фактор этнической интеграции (по удмуртским материалам), сб. «Ленинская национальная политика в действии», Сыктывкар, 1971, стр. 186—188.

²⁶ Т. А. Крюкова, Современная женская одежда народов Поволжья, «Сов. этнография», 1950, № 2; В. Н. Белицер, В. А. Балашов, Указ. раб., стр. 124.

²⁷ «Татары Поволжья и Приуралья», стр. 508.

русскому типу)²⁸. Интенсивность межэтнических контактов возрастала по мере развития товарного хозяйства и втягивания этих народов в орбиту капиталистических отношений. Факторами, тормозящими взаимовлияние, являлась малая подвижность (исключая отходничество, особенно у татар) населения, крайне незначительная прослойка горожан, различные религиозные запреты (особенно в среде мусульман), низкий уровень грамотности. Последнее обстоятельство, как и слабое знание русского языка, препятствовало приобщению этих народов к более передовой в то время русской культуре.

На севере Европейской части СССР процессы культурного взаимодействия протекали иначе. Карелы в отличие от народов Поволжья преимущественно общались с родственными финноязычными народами: саамами, вепсами, ижорой, воедой, финнами. Культура внутри отдельных локальных групп карел вследствие этого единообразнее. Различия между группами карел в большей мере сказываются в диалектах их языка. Карелы раньше, чем народы Поволжья и Приуралья, вошли в тесное соприкосновение с русскими. Это в значительной мере определило направление развития их хозяйства и многие черты материальной культуры. Вместе с тем в Карелии, как и в Поволжье, русское население испытывало воздействие культуры аборигенов края²⁹.

Этнические контакты коми с другими народами были в прошлом значительно слабее. Длительный период они ограничивались контактами с соседним ненецким населением (преимущественно северные группы коми). От ненцев коми восприняли оленеводство, тип меховой одежды, средства транспорта и некоторые другие черты их культуры. После заселения края русскими культура коми, как и карел, оказалась под активным воздействием русской культуры. У русских они восприняли тип севернорусского жилища, женскую одежду, некоторые традиции прикладного народного искусства (например, полихромную роспись по дереву)³⁰.

Национальная политика Коммунистической партии и Советского государства и ускоренное развитие экономики и культуры ранее отсталых провинций царской России (к которым относились и рассматриваемые регионы) способствовали беспрепятственному и всестороннему межэтническим контактам народов всей страны. Эти контакты охватили теперь самые различные сферы; примеры тому — совместное и равное участие в деятельности государственных органов, общение в труде, совместное обучение детей и молодежи разных национальностей в школах и вузах, контакты в семейном и общественном быту, всевозможные формы обмена культурными ценностями и пр.

Важным показателем (и вместе с тем основным условием) сближения народов является распространение единого языка общения. Таким языком в СССР, в частности в рассматриваемых регионах, стал русский язык. Согласно Всесоюзной переписи населения 1970 г., русским языком в качестве второго или родного языка владеют в среднем до 80% общего числа лиц нерусских национальностей (от 56,7% среди башкир до 96,0% среди карел)³¹.

Сферы применения русского языка очень различны. Остановимся подробнее на его использовании в сети просвещения. В СССР во всех республиках функционируют общеобразовательные школы с обучением

²⁸ Е. П. Бусыгин, Русское население Северного Поволжья, Казань, 1966, стр. 246—280; «Татары Поволжья и Приуралья», стр. 89—113.

²⁹ Р. Ф. Тароева, Материальная культура карел, М.—Л., 1965; В. В. Пименов, Р. Ф. Тароева, Этнические процессы в советской Карелии, сб. «50 лет Советской Карелии», Петрозаводск, 1970, стр. 215—247.

³⁰ В. Н. Белицер, Очерки по этнографии народов коми, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XV, М., 1958; Л. П. Лашук, Этническая история и национальная консолидация коми (зырян), Автореф. докт. дис., М., 1964.

³¹ «Советская Россия», 20 мая 1971 г.

на языках коренных национальностей и на русском языке. Их численное соотношение определяется рядом причин. Прежде всего национальным составом данного района. Существенное значение при определении языка обучения имеет и волеизъявление родителей. Есть определенное соотношение между относительным числом школ с обучением на языке коренной национальности и всеми другими показателями, определяющими направление этнических процессов. Для примера возьмем Татарскую и Мордовскую АССР. В Татарии из общего числа школ около 50% составляют школы с обучением на татарском языке, из них 60% начальных школ, 27% восьмилетних и 13% средних. В Мордовской АССР школы с обучением на мордовских языках составляют лишь 11,2% от общего числа общеобразовательных школ; и все это — только начальные школы. Начиная с 5-го класса обучение ведется на русском языке³². Преподавание в вузах в этих и других автономных республиках Поволжья и Европейского Севера ведется на русском языке.

Ниже приводятся данные, показывающие роль татарского и русского языков в домашней сфере и на производстве у татар Казани.

Таблица 6

Сферы использования русского и татарского языков татарами в Казани

	говорят дома	на производстве
на татарском языке	46,20	5,40
на русском языке	17,22	47,47
на обоих языках	36,46	47,27
на других языках	0,12	0,16

Приведенные цифры свидетельствуют как о большой роли русского языка, так и о широком распространении двуязычия, при этом не только в сфере производства, но и в быту³³.

С проблемой культурного взаимодействия тесно связан вопрос о судьбе традиционной культуры. Исследования показали довольно высокую степень приверженности рассматриваемых народов к традиционным формам материальной и духовной культуры. Вместе с тем подмечены два взаимодополняющих процесса, а именно интенсивное распространение среди городского и сельского населения этих народов общесоветских черт культуры и творческая переработка прежних традиционных форм культуры применительно к современным запросам и вкусам. Остановимся коротко на сущности этих процессов.

В области материальной культуры традиционные черты сохраняются в тех ее элементах, которые непосредственно связаны с бытом народа: в жилище, одежде, различных видах прикладного искусства. Так, в деревнях этих республик и теперь преобладают традиционные типы жилища. Основные традиции прежней застройки соблюдаются в этих деревнях и при сооружении новых индивидуальных домов. Особенно это относится к внешней отделке дома и к его интерьеру. Вместе с тем появилось много новых черт: усложнилась планировка жилища, в жилых помещениях сняты нары и полати, редким рудиментом стали вмазанные или подвесные котлы у хлебопекарных печей, широко внедрилась современная городская мебель. При стойком сохранении традиционных украшений жилых домов резьбой, полихромной росписью во многих случаях изменились сюжеты орнамента: в них внесены современные мотивы — изображение серпа и молота, голубя мира, заметны новые заимствования от соседних народов и т. д.³⁴

³² Архив Ин-та этнографии АН СССР, материалы С. Е. Чернякова.

³³ Архив Ин-та этнографии АН СССР, материалы конкретно-социологического исследования 1968 г.

³⁴ Е. П. Бусыгин, Указ. раб., стр. 280—290; Р. Г. Кузеев, С. Н. Титова, Современное колхозное жилище северных башкир, «Археология и этнография Башкирии», Уфа, 1962, стр. 268—282; Р. Г. Мухамедова, Татары-мишари, М., 1972.

В новых селениях (например, в рабочих поселках лесорубов Карелии, Коми) преобладают жилые постройки, выполненные по типовым проектам. Традиционные черты в жилищах этого типа сохранились лишь в интерьере — порядке расстановки мебели и внутреннем убранстве³⁵.

Степень сохранения традиционной одежды весьма различна. У народов Поволжья и Приуралья традиционный женский костюм бытовал дольше, чем у коми и особенно у карел. Во многих поволжских районах еще в начале 20-х годов он был широко распространен и нередко в самых архаичных формах. Мужской традиционный костюм исчез из быта большинства этих народов (за исключением татар и башкир) значительно раньше.

В настоящее время для всех социальных слоев городского и сельского населения этих республик характерен костюм городского типа, но с включением в него тех или иных элементов традиционной одежды. Приведем некоторые примеры. Элементы традиционной одежды в составе городского костюма наиболее выразительны у татар, башкир и южных удмуртов. У пожилых татарок и башкирок это пестрое широкое длинное платье, безрукавка или жилет, традиционная манера ношения головного платка, орнаментированные кожаные сапоги — ичиги, пальто в талию (обычно бархатное). У молодых женщин, при соблюдении в общем силуэте костюма требований современной моды, заметно предпочтение традиционной расцветки и покроя (например, цельнокроеное платье из пестрых тканей). Они носят также ичиги. В современном костюме мужчин татар и башкир старшего возраста сохранилась длинная рубаха навыпуск, жилет, тубетейка, сапоги. Молодые мужчины из традиционных частей костюма обычно носят только тубетейку³⁶.

В Чувашской АССР среди чувашей и русских весьма популярны мужские рубахи и женские платья из белого полотна, исполненные с учетом покроя и орнамента, характерных для чувашской традиционной одежды³⁷.

Традиционный женский костюм наиболее полно сохранился у мордвы-мокши, где его и теперь носят не только пожилые, но и молодые женщины и девушки. Но в структуру костюма внесены значительные изменения. Они затронули и покрой рубахи, и орнаментацию одежды, и цветовую гамму вышивки и т. д. В творческую переработку старого традиционного костюма вносят свою лепту и пожилые и молодые женщины³⁸. В 1940—1950 гг. процесс сложения новых типов женского народного костюма наблюдался и у марийцев, причем он протекал по-разному у горных и у луговых мари³⁹.

Различные виды прикладного искусства народов Поволжья, Приуралья и Европейского Севера не только не утратили своей значимости в современном быту этих народов, но и получили вторую жизнь благодаря организации специальных художественных артелей, где при участии народных мастеров создаются разнообразные предметы традиционного искусства. Таковы артели удмуртских ковровделов, чувашских и марийских вышивальщиц, татарских мастеров аппликаций по коже и т. д. Изделия этих артелей пользуются большим спросом как среди населения

³⁵ «Верхний Олонец — поселок лесорубов», М.—Л., 1964, стр. 146—150.

³⁶ В. И. Воробьев, Казанские татары, стр. 254—255; С. Н. Шитова, Указ. раб., стр. 182—216.

³⁷ «Чуваши», ч. I, Чебоксары, 1956 г., стр. 272—277.

³⁸ Т. А. Крюкова, Современная женская одежда народов Поволжья.

³⁹ Т. А. Крюкова, К вопросу об изучении современной одежды марийцев, «Уч. зап. Марийского НИИЯЛИ», вып. V, Йошкар-Ола, 1953; К. И. Козлова, Марийцы Горьковской и Кировской областей, «Труды Марийского НИИЯЛИ», вып. XVI, Йошкар-Ола, 1961; ее же, Полевые этнографические работы 1960, года по изучению марийского населения, там же, стр. 201.

этих республик, так и в других районах страны⁴⁰. Большую заботу о сохранении и развитии традиций народного прикладного искусства проявляет Центральный институт художественной промышленности в Москве⁴¹.

В области духовной культуры процессы взаимообогащения в современных условиях протекают значительно интенсивнее, чем в материальной культуре. При устойчивом сохранении каждым народом многих традиционных форм (например, в семейных обрядах, народных праздниках) происходит и их активная творческая переработка, и создание новых форм (изменение сюжетов и образов в произведениях современного фольклора, модернизация жанров и т. п.). Но что особенно характерно для современности — это активное восприятие ценностей духовной культуры одного народа другим. Последнее относится как к некоторым формам традиционной культуры (например, песенное творчество, танцы, музыка), так в еще большей степени к совсем недавно сложившимся у этих народов разнообразным формам профессиональной культуры. Обмен культурными ценностями, естественно, не ограничился взаимодействием соседних народов. Каждый народ вносит свой вклад в общесоветскую культуру и испытывает на себе ее благотворное влияние⁴².

Характеристика современных этнических процессов в рассматриваемых регионах будет неполной, если не затронуть сферы семейных отношений и, в частности, вопроса о национально-смешанных браках и их значении в развитии того или иного этноса. Семья как первичная социальная ячейка выступает одновременно и как субъект, и как объект этнических процессов. Межэтнические браки обычно ускоряют действие этнических процессов, будь то процессы консолидации, ассимиляции или интеграции, но само появление или учащение таких браков в значительной мере обусловлено направлением и ходом этих этнических процессов в макросреде.

Исследования семьи у народов Поволжья, Приуралья и Европейского Севера засвидетельствовали довольно высокий за последние 20 лет удельный вес межэтнических браков, а также тенденцию роста их частоты⁴³. Сказанное в равной мере относится как к городскому, так и к сельскому населению. Приведем некоторые примеры. В главных городах республик Поволжья и Приуралья — в Чебоксарах, Уфе, Саранске — национально-смешанные браки в 1960 г. составляли около 30% от общего числа заключенных браков, в Йошкар-Оле — 15%, в Казани — 12,0%⁴⁴. В сельской местности удельный вес межэтнических браков наиболее высок в Карельской и Коми АССР, где среди рабочих, занятых в лесной

⁴⁰ «Декоративное прикладное искусство башкир», Уфа, 1964; «Народное искусство башкир (альбом)», Л., 1968; «Чуваши», ч. II, Чебоксары, 1970, стр. 261—262; «Татары Поволжья и Приуралья», стр. 501—504; Т. А. Крюкова, Марийская вышивка, Л., 1951, стр. 82—88; е е же, Мордовское народное изобразительное искусство, Саранск, 1968; Н. С. Королева, Народное искусство пермских финно-угров (XIX—XX вв.), Автореф. канд. дис., М., 1969; е е же, Народная вышивка РСФСР, М., 1961.

⁴¹ «Русские художественные промыслы», М., 1965.

⁴² «Расцвет культуры мордовского народа», сб. «Под звездой Октября», Саранск, 1967, стр. 211—296; «Татары Поволжья и Приуралья», стр. 433—441, 452—480, 505—570; Н. В. Бикбулатов, Башкирский аул, Уфа, 1969, стр. 147—187; Е. И. Клементьев, Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР), Автореф. канд. дис., М., 1970; Л. С. Христовова, Семейные обряды удмуртов (опыт количественной характеристики), Автореф. канд. дис., М., 1971; П. И. Чисталев, Развитие музыкальной культуры и художественной самодеятельности в Коми АССР, сб. «Ленинская национальная политика в действии», стр. 171—173.

⁴³ Материалы получены автором в республиканских архивах, Архив Ин-та этнографии АН СССР.

⁴⁴ К. Х. Ханазаров, Об одном аспекте сближения наций, «Общественные науки в Узбекистане», 1968, № 6, стр. 25; Л. Н. Терентьева, Исследование семьи в республиках Поволжья и Приуралья в аспекте этнических процессов, сб. «Торжество ленинской национальной политики», Чебоксары, 1970; О. И. Шкарата, Указ. раб., стр. 113.

промышленности, в 1960 г. они достигали 45—50%, а среди колхозников 25—30% от общего числа вступивших в брак⁴⁵. Среди национально-смешанных браков и в городах и в сельской местности значительно число браков с участием коренных национальностей. Преобладают браки представителей этих национальностей с русскими. Только в Башкирии башкирско-татарские браки преобладают над другими вариантами национально-смешанных браков. Заметно выравнивается доля участия мужчин и женщин коренных национальностей в межэтнических браках. Так, в 1965 г. даже в Казани, где ранее браки татарок с иноверцами запрещались мусульманской религией, зафиксированы равные доли татар и татарок (в 1921 г. число татарок, вступивших в брак с иноверцами было в шесть раз меньше, чем число мужчин-татар), вступивших в подобные браки⁴⁶.

Для этнических процессов не менее существенно и то, представители каких этнических или этнографических подразделений данного этноса вступают в однациональные браки. В царской России при малой подвижности населения и преобладании крестьян браки русских или представителей коренных национальностей обычно заключались лишь в пределах той или иной локальной группы. Наряду с другими факторами это действовало тормозяще на процессы консолидации наций. В современных условиях среди однациональных браков значительное место занимают браки между представителями различных этнических подразделений одной и той же этнической общности: например, браки между мордвой эрзей и мордвой мокшей, низовыми и верхними чувашами, северными и южными удмуртами и т. п., что, несомненно, благотворно сказывается на консолидационных процессах у этих народов.

Воздействие на этнические процессы национально-смешанных браков или браков между представителями различных локальных групп того или иного народа особенно ощутимо во втором поколении. В потомстве от этих браков не только более отчетливо выступают черты интегрированной культуры, унаследованной ими от родителей, но, что особенно важно, у них формируется сознание своей принадлежности к одному из двух взаимодействующих этносов. В этой связи межнациональные браки выступают и как фактор, влияющий на изменение структуры населения с точки зрения его этнического состава. Исследования засвидетельствовали, что в данных районах предпочтение в выборе молодежью той или иной национальности родителей детерминировано общим направлением этнических процессов в макросреде, а не традициями принятия национальности по отцу, как это имеет место в некоторых других местах страны (например, в Туркмении). При всех вариантах браков у следующего поколения выявляются одни и те же тенденции: сокращение набора национальностей за счет избирательного предпочтения национальности, совпадающей с названием автономии или русской национальности (в Башкирии также и татарской национальности)⁴⁷.

⁴⁵ «Верхний Олонец — поселок лесорубов», стр. 105—107; В. В. Пименов, Р. Ф. Тароева, Указ. раб., стр. 237—239; В. Н. Белицер, В. А. Балашов, Указ. раб., стр. 124—125; А. П. Санникова, Изменения в структуре и численности семьи у рабочих Карельской АССР, «Сов. этнография», 1970, № 4, стр. 97—106; Л. Н. Жеребцов. Расширение межнациональных семейно-брачных контактов в Коми АССР в современный период, сб. «К истории осуществления ленинской национальной политики в Коми АССР», Сыктывкар, 1968, стр. 137—144; «Чуваши», ч. II, стр. 57; Н. В. Бикбулатов, Башкирский аул, стр. 114—115; Н. Кучерявенко, Семья и семейный быт русского населения Татарии, Автореф. канд. дис., Казань, 1969.

⁴⁶ Материалы республиканского архива Казанской АССР.

⁴⁷ Л. Н. Терентьева, Определение своей национальности молодежью из национально-смешанных семей, «Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 20—31; О. И. Шкаратан, Указ. раб., стр. 15; Л. Н. Жеребцов, К вопросу об определении национальной принадлежности детей в национально-смешанных семьях, сб. «Ленинская национальная политика в действии», стр. 184, 185.

Национально-смешанные браки, как и ряд других явлений в жизни этносов, относятся к области межличностных национальных отношений, действия которых регулируются и психологическими факторами. Рост частоты межэтнических браков, благоприятное отношение к ним окружающей социальной среды и тенденции, проявляющиеся при формировании этнического самосознания молодежи, свидетельствуют об отсутствии национальной предубежденности и о сложившихся прочных дружественных связях между рассматриваемыми народами⁴⁸.

Охарактеризованные выше этнические процессы у народов Поволжья, Приуралья и Европейского Севера в целом наблюдаются и в других историко-культурных областях Советского Союза. Но вместе с тем они имеют и свои специфические черты, обусловленные особенностями исторического развития этих регионов. Особенности расселения, наличие тесных экономических и культурных связей этих народов друг с другом, интегрирующая роль русского языка и русской культуры — все это определило направление и темпы этнических процессов. Для рассматриваемых регионов особенно типично органическое переплетение одновременно протекающих процессов консолидации наций и их интеграции, сближения, слияния. Равным образом характерно и особенно активное восприятие русской культуры и русского языка.

Сама же русская культура обладает в современных условиях развитой способностью к интеграции культурных ценностей и традиций братских народов. Происходит процесс интернационализации русской культуры, в котором на равных основаниях участвуют все народы страны.

CERTAIN ASPECTS OF ETHNIC PROCESSES IN THE VOLGA AREA, THE CIS-URALS AREA AND IN THE NORTH OF THE EUROPEAN PART OF THE USSR

The paper shows how the direction of ethnic processes in the Volga area, the cis-Urals area and in the European North are dependent upon the numerical strength of the peoples, their settlement pattern, the proportion of urban and rural population, the social structure of the population. In the regions investigated both consolidation processes and those of natural assimilation and inter-ethnic integration may be observed.

Consolidation processes are clearly manifested in the changes in ethnic consciousness, in a people's awareness of their unity (i. e. the consciousness of belonging to a single nation among the Moksha Mordvinians and the Erzia Mordvinians) as well as in the gradual elimination of dialect differences and formation of single written languages. Professional intellectual culture in all its branches plays a solidifying role.

Assimilation processes in the regions studied usually affect relatively small groups forming admixtures in an ethnically different environment (i. e. certain groups of Karels and Mordvinians).

Inter-ethnic contacts in the Volga area, the cis-Urals area and in the European North are of very long standing. The national policy of the Soviet State and the rapid development of economy and culture in these formerly backward regions of tsarist Russia have led to increased all-round contacts between the peoples.

An important indicator of the rapprochement between the peoples inhabiting this region is the spread of a single language of intercourse — Russian. An active process of mutual enrichment in cultural values (both in material and in intellectual culture) is taking place. Inter-ethnic contacts also embrace the field of inter-personality relations between nationalities; this is manifested, among other things, in the increased frequency of inter-ethnic marriages.

These processes are on the whole characteristic also of other historical-cultural regions of the Soviet Union. At the same time they have their own specific features due to the particular conditions of development in these regions.

⁴⁸ Л. М. Дробужева, Социально-культурные особенности личности и национальные установки (по материалам исследования в Татарской АССР), «Сов. этнография», 1971, № 3, стр. 3—16; Ю. В. Арутюнян, Социальная структура сельского населения СССР, М., 1971, стр. 189—202.

Л. Ф. Моногорова

**КОМПЛЕКСНАЯ ТИПОЛОГИЯ ГОРОДОВ
ТАДЖИКСКОЙ ССР В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ
ЭТНИЧЕСКОЙ МОЗАИЧНОСТИ ИХ НАСЕЛЕНИЯ**

Рост урбанизации в СССР делает все более актуальным этнографическое изучение городского населения. Процесс урбанизации характеризуется не только увеличением численности городов и возрастанием доли городского населения, но и изменением жизненного уклада сельского населения, влиянием городской культуры на сельскую, имеющую всегда более ярко выраженную традиционную национальную форму. Урбанизация трансформирует и социально-профессиональную структуру наций. Полное этнографическое описание народа сегодня невозможно без учета его городского населения. И если раньше при этнографическом исследовании города основное внимание уделялось культуре и быту рабочих, то сейчас стоит задача изучения этнографических особенностей и других социальных слоев современного города, доля которых под влиянием научно-технической революции возрастает. Однако такое исследование можно проводить только при дифференцированном подходе к социально-стратифицированному населению. Поэтому необходимо привлечение большого статистического материала и построение многоступенчатой типологической выборки, начиная от городов и кончая респондентами.

В. И. Ленин в своей работе «Статистика и социология» указывал на важность статистики при изучении национальных процессов: «Вопрос, которому посвящены очерки, — о значении и роли национальных движений, о соотношении национального и интернационального — вызывает теперь, естественно, особый интерес. Чаще всего и больше всего недостатком рассуждений по этому вопросу является отсутствие исторической точки зрения и конкретности... Мы думаем поэтому, что немного статистики окажется весьма неизлишним»¹.

Цель настоящей работы предложить методику построения типологии городов для этнографического их изучения и на основании этностатистической и экономико-географической характеристики построить типологию городов Таджикской ССР.

В городах происходят интенсивные этнические процессы. Поэтому этнографы² большое внимание уделяют изучению различных сторон

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 349.

² Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Использование анкетно-статистических данных при изучении города, «Сов. этнография», 1968, № 3; и х же, К вопросу о классификации городского населения при этнографическом изучении города, «Сов. этнография», 1970, № 2; В. И. Переведенцев, О влиянии миграций на этнический состав населения Сибири, «Труды VII Международного конгресса атропологических и этнографических наук», т. II, М., 1971, стр. 387—392; Э. К. Васильева, Этнодемографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 году, «Сов. этнография», 1968, № 5; Э. К. Васильева, В. В. Пименов, Л. С. Христолюбова, Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (программа и методика обследо-

этнических контактов в городах. Население города гораздо более пестро в национальном отношении, чем прилегающее к нему сельское население. Очевидно, что этническая пестрота населения приводит к интенсификации интерэтнических процессов (т. е. процессов между элементами разных этносов), а социально-профессиональная мобильность — и экстраэтническим (т. е. процессам, выходящим за рамки чисто этнических).

В. В. Покшишевский отметил, две общие тенденции этнического развития, наиболее интенсивно протекающие в городах. Первая заключается в том, что города являются активными центрами сближения наций; вторая — в том, что город является центром консолидации нации³. Это все особенно справедливо для народов, ставших на социалистический путь развития, минуя капитализм.

Естественно считать, что основой для типологии городов при этнографическом изучении должен быть их национальный состав. На наш взгляд, впервые предложенный В. В. Покшишевским «индекс этнической мозаичности» является основой структурного анализа национального состава города. «Индекс мозаичности» как этногеографическое понятие впервые предложен В. В. Покшишевским⁴.

В его исследовании показана методика определения этнической структуры города и подчеркнута важность нового понятия, но задача разработки методики конкретного определения индекса мозаичности только поставлена.

Попытка определить так называемый «уровень многонациональности» сделана в работе Э. С. Менабдишвили⁵. Однако предложенная им методика определения уровня многонациональности, т. е. степени этнической пестроты, не обоснована. Вот как выглядит описание оценки уровня многонациональности в данной работе: «...берутся абсолютные числа и количество национальностей, входящих в исследуемую единицу, и составляется ряд, в котором первое место занимает абсолютное число коренной национальности, а следующие места — абсолютные числа некоренных наций, расположенных по принципу увеличения их абсолютных величин; потом первый член ряда умножается на один, второй — на два и т. д. Полученные величины суммируются и делятся на абсолютное число людей, входящих в исследуемую социальную единицу.»⁶ Мы видим, что автор ограничивается словесным описанием. Для большей ясности

вания), «Сов. этнография», 1970, № 2; Н. Г. Волкова, Изменение в городском населении Закавказья в конце XIX—XX века, «Сов. этнография», 1968, № 6; О. А. Ганцкая, Г. Ф. Дебеч, О графическом изображении результатов статистического обследования межнациональных браков, «Сов. этнография», 1966, № 3; Д. М. Коган, Связи городского и сельского населения, как одна из проблем этнографии города, «Сов. этнография», 1967, № 4; Ю. И. Першиц, О методике сопоставления показателей однонациональной и смешанной брачности, «Сов. этнография», 1967, № 4; В. В. Покшишевский, Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения, «Сов. этнография», 1969, № 5; Я. С. Смирнова, Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкессии, «Сов. этнография», 1967, № 4; Л. Н. Терентьева, Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях, «Сов. этнография», 1969, № 3; А. В. Козенко, Л. Ф. Моногарова, Статистическое изучение показателей однонациональной и смешанной брачности в Душанбе, «Сов. этнография», 1971, № 6; «Выступления участников симпозиума по этнографии города и промышленного поселка», «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. XI, М., 1971, стр. 767—794 и др.

³ В. В. Покшишевский, Указ. раб., стр. 3—5.

⁴ Там же, стр. 15. Автор пользуется случаем выразить благодарность В. В. Покшишевскому за полезные советы и А. В. Козенко за практическую помощь в математическом оформлении настоящей статьи.

⁵ Э. С. Менабдишвили, Количественный подход к исследованию национальных отношений в производственном коллективе, «Тезисы к совещанию „Количественные методы в социальных исследованиях“», Тбилиси, 1967.

⁶ Там же, стр. 7.

сведем его рассуждения к формуле

$$Y = \frac{k + \sum_{i=1}^{i=m} (i+1) n_i}{k + \sum_{i=1}^{i=m} n_i}$$

где: Y — уровень многонациональности,

k — абсолютное число лиц коренной национальности,

n_i — абсолютное число лиц некоренной, по численности занимающей $(1+m-i)$ -ое место национальности,

m — количество некоренных национальностей, причем $n_1 \leq n_2 \leq n_3 \leq \dots \leq n_m$.

По формуле уже видно, что оценивать уровень многонациональности удобнее, если этническая структура исследуемой единицы представлена в процентах, а не в абсолютных числах, как это предлагает Э. С. Менабдишвили. Предложенная им методика для оценки этнической пестроты населения города непригодна и в силу наличия в городе лиц, не назвавших свою национальность. Внимательный анализ показывает, что методика Э. С. Менабдишвили неверна в своей основе: уровень многонациональности «исследуемой единицы» по его терминологии (например города) будет изменяться в зависимости от того, какая национальность принимается за коренную, что вообще недопустимо.

Пусть мы имеем город со следующей этнической структурой: 40 : 30 : 30. Если коренная национальность составляет 40%, то уровень многонациональности будет равен 1,9, а если 30% — то он будет 1,2, что не отражает действительной картины национальной пестроты. Чтобы было более понятно рассмотрим такой пример: два города имеют одинаковую этническую структуру, допустим 40 : 30 : 30. Но они расположены в разных республиках или в разных странах, где в одной из них коренная национальность составляет 40%, а в другой — 30%. По методике Э. С. Менабдишвили они будут иметь различный уровень многонациональности, тогда как в действительности он один и тот же. Ведь города, имеющие одинаковую этническую структуру, имеют и одинаковую степень этнической пестроты, так как последняя определяется только этой структурой и инвариантна относительно такого субъективного фактора, как коренная национальность. Применение метода Э. С. Менабдишвили делает невозможным сравнительный анализ. Кроме того, при сравнении двух городов со следующей этнической структурой: 50 : 30 : 20 и 40 : 35 : 25, и с коренными национальностями, соответственно, в 30% и 40% уровень многонациональности для первого города будет — 2,2 и второго — 1,95, что говорит о большей степени этнической пестроты первого города, а это противоречит объективной этнической структуре.

Вернемся к «индексу мозаичности», предложенному В. В. Покшишевским.

В своей работе он приводит пример для городов со следующим численным соотношением для трех народов: 50 : 30 : 20 и 40 : 35 : 25 и ставит вопрос о том «в каком городе население более мозаично». Прежде чем дать формальное определение проведем несколько эвристическое рассмотрение проблемы. При оценке этнического состава населения на мозаичность принимаются во внимание два фактора:

- 1) количество национальностей в рассматриваемом городе;
- 2) их процентное соотношение.

Казалось бы, что чем больше количество национальностей, зарегистрированных в городе, тем более мозаично его население.

С другой стороны, очевидно, что чем больше процент основной национальности (не обязательно местной для данного района), тем менее пестра этническая структура города.

Однако такой упрощенный подход при анализе и сравнении городов по какому-либо одному из отмеченных факторов, может привести к ошибочным выводам. А анализ последовательно по двум факторам может привести к прямо противоположным результатам. Приведем иллюстративный пример. Допустим, что нам даны два города со следующими численными соотношениями для населяющих их народов: $90:2:3:1:1$: $1:1:1:1$ и $60:30:10$.

Если мы примем во внимание только первый фактор, то первый город более мозаичен, а если только второй — то второй город. Мы получили противоречивые выводы, хотя, в действительности, здесь никакого противоречия нет. Все дело в том, что количество национальностей, представители которых зарегистрированы в данном городе, определяют его мозаичность только при учете их численности.

Представляется, что национальности, составляющие малый процент в численности населения города, можно не учитывать. Минимальная же численность группы населения, национальность которой должна учитываться при определении индекса мозаичности города, зависит не только и не столько от того, какой она составляет процент от населения города, а от этнической структуры всего ансамбля рассматриваемых городов. В нашей работе ансамбль будет представлять собой все города Таджикской ССР.

Степень мозаичности $>$ или $<$ определяется для города только по сравнению с другими городами ансамбля, т. е. как для элемента этого ансамбля городов. Выбор ансамбля может быть произвольным и в этом смысле он субъективен. Однако всегда имеются объективные факторы, определяемые задачами и регионами исследования, ограничивающие и селектирующие выбор элементов ансамбля. Теперь мы можем перейти к описанию предлагаемой нами методики определения индекса этнической мозаичности и формальному определению этого понятия.

Пусть у нас имеется ансамбль городов со следующей этнической структурой:

$$(1) \quad \left\{ \begin{array}{l} n_{11}:n_{12}:n_{13}:\dots:n_{1i}:\dots:n_{1\alpha} \\ n_{21}:n_{22}:n_{23}\dots\dots\dots n_{2i}\dots\dots n_{2\beta} \\ \vdots \\ n_{j1}:n_{j2}:n_{j3}:\dots:n_{ji}:\dots:n_{j\omega} \\ \vdots \\ n_{k1}:n_{k2}:n_{k3}:\dots:n_{ki}:\dots:n_{k\gamma} \end{array} \right.$$

где: n_{ji} — процентное содержание в j -м городе i -й по численности национальности.

$\alpha, \beta, \dots, \gamma$ — численность национальностей соответственно в первом, втором и т. д. до k -го города.

Вообще говоря $\alpha \neq \beta \neq \dots \neq \gamma$.

Очевидно, что для всех j от 1 до k справедливо:

$$\sum_{i=1}^{i=\omega} n_{ji} = 100\%,$$

где $\omega = \begin{cases} \alpha & \text{при } j = 1 \\ \beta & \text{при } j = 2 \\ \dots & \dots \\ \gamma & \text{при } j = k \end{cases}.$

Примем за количество национальностей в городах

$$m = \max \{ \alpha, \beta, \dots, \gamma \}.$$

Это надо понимать не совсем буквально, так как в каждом городе можно найти десятки национальностей, хотя бы малочисленно представленных, поэтому для каждого ансамбля варьируется численность еще учитываемой национальности (она может составлять от 10% до 1%, среди других национальностей города).

[illegible]

Очевидно

$$\sum_{i=1}^{i=m} n_{ji} = 100\%.$$

Теперь проведем анализ по второму фактору. Формально, это будет заключаться в том, что мы будем считать что город j будет иметь максимальную мозаичность M , если его структура $n_{j1}:n_{j2}:\dots:n_{jm}$ будет удовлетворять условию:

$$(3) \quad n_{j1} = n_{j2} = \dots = n_{jm} = \frac{100\%}{m} = n_m.$$

Отклонение от этой максимальной мозаичности естественно определять по формуле

$$(4) \quad \sum_{i=1}^{i=m} |n_{ji} - n_m|.$$

Тогда формула для определения индекса мозаичности M_j города j представляется в виде:

$$(5) \quad M_j = 1 - \frac{\sum_{i=1}^{i=m} |n_{ji} - n_m|}{100\%}.$$

Легко видеть, что если $M_i = 1$, то мы имеем город с максимальной мозаичностью населения, в рамках рассматриваемого ансамбля. Ясно, что чем больше M отличается от 1, тем меньше мозаичность города. M для одного и того же города может быть различным, если его рассматривать как элемент разных ансамблей городов. Однако последнее для нас несущественно, так как сравнительный анализ этнической мозаичности производится всегда внутри одного и того же ансамбля. Если же нужно сравнить города двух или нескольких ансамблей, то всегда можно составить общий ансамбль по методу, описанному выше, и провести необходимые сравнения по численным значениям индекса этнической мозаичности. Таким образом, предложенная нами методика для определения индекса этнической мозаичности решает задачу определения степени этнической пестроты города в самом общем случае.

Теперь нетрудно решить задачу о мозаичности городов, приведенных в работе В. В. Покшишевского.

¹ Напомним, что рассматриваются два города со следующей этнической структурой: 50 : 30 : 20 и 40 : 35 : 25.

Легко показать, что $n_m = 33\frac{1}{3}\%$, откуда находим $M_1 = 2/3$ и $M_2 = 5/6$. Второй город более мозаичен, что хорошо согласуется с общими представлениями.

Наличие формального аппарата для оценки степени национальной пестроты населения города — метода определения индекса этнической мозаичности как числа, позволяет провести сравнительный анализ для городов Таджикской ССР.

Таблица 1

Этническая структура городов Таджикской ССР (в %)

город	таджики	русские	узбеки	татары	прочие
Душанбе	26	42	11	5	16
Ленинабад	55	27	5	5	8
Куляб	79	11	6	2	2
Курган-Тюбе	25	30	20	6	19
Ура-Тюбе	80	7	9	2	2
Канибадам	70	15	8	4	3
Орджоникидзеабд	41	32	10	8	9
Исфара	62	22	3	8	5
Регар	18	26	35	11	10
Советабад	12	34	15	18	21
Пенджикент	75	13	5	3	4
Нурек	14	66	2	5	13
Кайраккум	6	60	7	10	17
Шураб	12	35	5	15	33
Калининабад	31	44	1	1	23
Пяндж	40	23	24	5	8
Хорог	92	3	0	0	5

* Города расположены в порядке уменьшения численности населения.

Не вызывает сомнения, что конкретное этнографическое изучение современного города невозможно без создания ясного представления о его этнической структуре, об истории ее изменения в прошлом и о тенденциях ее развития под влиянием

различных современных социально-политических, экономических и демографических процессов. На основании материалов переписи 1970 года нами была рассчитана этническая структура городов

Таджикской ССР (см. табл. 1). Этническая структура для наиболее крупных городов республики

рассчитана и по переписи 1959 года (см. табл. 2). Сопоставляя таблицы мы видим, что наиболее

близок по этнической структуре к Ленинабаду город Исфара, а к Ура-Тюбе — Канибадам. Индексы этнической мозаичности

определены для городов как по переписи 1970 года, так и по переписи 1959 года и представлены соответственно в таблицах 3 и 4. Ретроспективный анализ индексов мозаичности показывает, что несколько уменьшилась мозаичность населения Ленинабада и Исфары. В настоящее время города республики по степени пестроты их этнического состава можно разделить на четыре группы (города перечисляются по мере уменьшения этнической пестроты):

- 1) Курган-Тюбе, Советабад, Регар, Шураб;
- 2) Пяндж, Душанбе, Орджоникидзеабд, Калининабад, Кайраккум;
- 3) Исфара, Нурек, Ленинабад;
- 4) Канибадам, Куляб, Пенджикент, Ура-Тюбе, Хорог.

Это подразделение будет нами в дальнейшем использовано при создании комплексной типологии городов Таджикской ССР.

Таблица 2

Этническая структура городов по переписи 1959 г. (в %)

город	таджики	русские	узбеки	прочие
Душанбе	19	48	10	23
Ленинабад	51	30	4	15
Куляб	65	18	8	9
Курган-Тюбе	22	35	18	25
Ура-Тюбе	75	10	10	5
Канибадам	71	15	4	10
Исфара	50	28	3	20
Хорог	90	8	0	2

Комплексная типология городов при этнографическом изучении требует учета многих факторов. Ее основой, очевидно, является этностатистическая характеристика города. Однако ограничиться только ею представляется нам невозможным. Действительно, национальный состав населения города связан с его социальным составом. Основным социально-дифференцирующим фактором при социализме является характер труда.

Таблица 3

Индексы этнической мозаичности городов Таджикской ССР на 1970 г.

Название города	Индекс М	Название города	Индекс М
Душанбе	0,44	Советабад	0,70
Ленинабад	0,05	Пенджикент	-0,10
Куляб	-0,18	Нурек	0,08
Курган-Тюбе	0,70	Кайраккум	0,20
Ура-Тюбе	-0,20	Шураб	0,44
Канибадам	0,00	Калининабад	0,21
Орджоникидзебад	0,34	Пяндж	0,46
Исфара	0,12	Хорог	-0,44
Регар	0,58		

Таблица 4

Индексы этнической мозаичности городов Таджикской ССР на 1959 г.

Название города	Индекс М	Название города	Индекс М
Душанбе	0,54	Ура-Тюбе	0,00
Ленинабад	0,38	Канибадам	-0,02
Куляб	0,20	Исфара	0,45
Курган-Тюбе	0,80	Хорог	-0,20

С другой стороны, социально-профессиональная структура населения города определяется его функциональным типом. Основой функциональной типологии городов является анализ их народнохозяйственной структуры. Следует ожидать поэтому влияния функционального типа на этническую структуру города.

Город рассматривается как специфическая социологическая структура. Создание комплексной типологии позволит нам получить ряд городов, отражающих общие условия жизни городского населения Таджикской ССР. Кроме того, это даст основание для априорного утверждения, что исследование этнографических особенностей городского населения какого-либо другого города этой республики качественно ничего нового в общую картину не внесет.

В настоящее время репрезентативность выборки устанавливается методами таксономии⁷. «Метод таксономии — формальная процедура установления исходной классификации и анализа структуры множества объектов, заданных большим числом признаков»⁸.

Строго говоря, перед нами стоит задача группировки многомерных множеств. Под типом города (таксоном) мы будем понимать односвяз-

⁷ Ю. В. Арутюнян, Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования), «Сов. этнография», 1972, № 3, стр. 12—14.

⁸ Н. Загоруйко, Т. Заславская, Распознавание образцов в социальных исследованиях, Новосибирск, 1968.

ную область в пространстве признаков, выделенную с определенной целью, и так, чтобы связь внутри таксона была выше средней связи с элементами из разных таксонов.

Что же будет представлять собой признаковое пространство в нашем случае? Этими признаками, т. е. факторами, которые необходимо учитывать будут: этническая структура города (мозаичность), положение на определенной этнической территории, функциональный тип города, общая численность населения и история города (генетический фактор).

Мы осветим более подробно проблему функциональной типологии городов Таджикской ССР как более сложную. Функциональной доминантой многих, особенно новых городов, является промышленность. Наиболее правильно проводить функциональную типологию на основе профессионально-социальной структуры населения города. Очевидно, что такая классификация будет статистико-экономической, полученной из материалов переписей населения. Города, как правило, несут следующие основные функции: 1) административно-культурные; 2) промышленность и строительство; 3) транспорт и связь; 4) сельское хозяйство.

Причем в городах, которые являются административно-культурными центрами, численность населения, занятого в области управления и культурного развития, доходит до 30%, а в промышленных городах — численность рабочих в промышленности составляет более 50% общего числа самостоятельного населения города. В городах комплексного развития в промышленности занято 40—50%, а в управлении до 20% самостоятельного населения, в городах же промышленно-сельскохозяйственных более 20% его работает в сельском хозяйстве.

Б. С. Хорев писал о необходимости создания четкой иерархии центров разных рангов, в зависимости от чего и будут определяться параметры целесообразных величин, выделенных таким путем групп городов (дифференцированно по отдельным экономическим районам)⁹. С учетом всего вышесказанного, на основе анализа материалов переписей 1959 и 1970 гг. (особенно распределения населения по отраслям народного хозяйства и по общественным группам) мы предлагаем следующую типологию городов Таджикской ССР:

Города комплексного развития: Душанбе, Ленинабад, Исфара.

Промышленные города: Советабад, Регар, Шураб, Нурек, Курган-Тюбе.

Промышленно-сельскохозяйственные: Ура-Тюбе, Канибадам, Пенджикент, Орджоникидзеабад, Пяндж, Калининабад, Кайраккум.

Культурно-административные центры: Хорог, Куляб.

Очевидно, что функциональный тип города понятие не статичное, а изменяемое со временем, т. е. города переходят из одного типа в другой. Каждый город на протяжении своей истории мог в отдельные периоды времени исполнять разные функции.

По общей численности города Таджикской ССР можно подразделить на следующие типы:

1) с населением до 20 тыс. человек — Хорог, Пяндж, Калининабад, Шураб, Кайраккум, Нурек, Пянджикент, Советабад, Регар; 2) с населением от 20 до 50 тыс. человек — Исфара, Орджоникидзеабад, Канибадам, Ура-Тюбе, Курган-Тюбе, Куляб; 3) с населением свыше 100 тыс. человек в Таджикской ССР всего два города — Душанбе (столица) и Ленинабад.

Необходимо подчеркнуть, что при проведении конкретных этнографических исследований следует учитывать генетический фактор, т. е.

⁹ Б. С. Хорев, Народнoхoзяйственнoе строeнue гoрoдoв кaк oснoвнoй элемент их типoлoгии (на примере гoрoдoв Узбекистaнa), сб. «Прoблeмы нaрoдoнaселeния», М., 1970, стр. 145.

молодой это город или старый, так как это различие оказывает влияние и на этномикрогеографию заселения города и на интенсивность этнокультурных изменений у его населения.

Вследствие особенностей исторического развития народов Средней Азии на территории современной Таджикской ССР большинство городов — это города новые, возникшие после установления Советской власти, а некоторые юридически оформились как города лишь в последние годы.

Следует отметить, что сравнение этнической структуры городов Таджикистана и прилегающих к ним сельских поселений не дает никакой корреляции. Это говорит о том, что этнический состав города скорее всего не определяется этническим составом прилегающих сел.

Возникновение и рост новых городов чаще всего связаны с развитием промышленности, поэтому они и относятся к типу промышленных городов.

Таким образом, мы видим, что между предложенными нами признаками для типологии (численность, этническая пестрота и функциональное значение города) имеются взаимовлияния, проявляющиеся в определенные отрезки времени. В фиксированный же период времени при построении типологии мы можем считать эти переменные независимыми. Ниже мы представим состав выделенных нами семи таксонов: 1) Душанбе; 2) Хорог; 3) Ленинабад; Исфара; 4) Курган-Тюбе, Советабад, Шураб, Регар; 5) Калининабад, Кайраккум, Орджоникидзеабад, Пяндж; 6) Ура-Тюбе, Канибадам, Пенджикент, Нурек; 7) Куляб.

Если мы хотим получить общую картину этнического развития в городах республики, нам достаточно взять для конкретного этнографического изучения, например, следующий ряд городов: Душанбе, Хорог, Исфара, Регар, Орджоникидзеабад, Ура-Тюбе и Куляб. В этих городах живет свыше 50% всего городского населения республики.

Необходимо, чтобы в выборке были представлены все основные этнокультурные регионы Таджикистана. Н. А. Кисляков, вслед за И. И. Зарубиным и Н. И. Вавиловым, считает, что на территории Таджикистана существовали две древние культурно-исторические области — «согдийская» (к северу и западу от Гиссарского хребта) и «тохарская» (к югу и востоку от этого хребта). Он предполагает, что «...таджики, населяющие территорию к северу и западу от Гиссарского хребта, этнически, по-видимому, связаны с населением древнего Согда, для таджиков Гиссара, Куляба, Каратегина и Припамирских районов характерна значительная культурная общность, которая в своей основе восходит, вероятно, к древним обитателям этого края — тохарам»¹⁰.

Учитывая, однако, особенности исторического и этнокультурного развития припамирских народностей, таджиков Каратегина и Дарваза, Куляба и Гиссара в последующие века, мы считаем, что в Таджикистане в настоящее время можно выделить четыре этнокультурных региона:

I — Северо-Западный этнокультурный регион (к северу и западу от Гиссарского хребта);

II — Юго-Восточный этнокультурный регион (к югу и востоку от Гиссарского хребта);

III — Западно-Памирский этнокультурный регион, административно входящий в Горно-Бадахшанскую автономную область Таджикской ССР, где живут припамирские народности или, как они называют себя в настоящее время «памирцы», «памирские таджики»¹¹;

IV — Восточный Памир (административно Мургабский район Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР), где живут в

¹⁰ Н. А. Кисляков, Некоторые материалы к вопросу об этногенезе таджиков, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», 1960, вып. 80, стр. 130.

¹¹ Л. Ф. Моногарова, Современные этнические процессы на Западном Памире, «Сов. этнография», 1965; № 6; е е же, Изживание обособленности припамирских народностей, сб. «Проблемы народонаселения», М., 1970, стр. 364—369.

прошлом кочевники-скотоводы — так называемые «мургабские киргизы» или «киргизы Восточного Памира». В нашей работе мы не будем учитывать этот этнокультурный регион, так как на Восточном Памире нет ни одного города.

Приведем краткую характеристику выбранного нами ряда городов, которые могут дать полную картину этнического развития городского населения Таджикской ССР.

Город Душанбе, столица республики, расположен в Гиссарской долине. В 1925 г. из небольшого кишлака превратился в столицу. Душанбе является политическим, культурно-административным и транспортным центром республики.

Хорог — центр Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. Основан в 1895 г. как военный пост русских на месте маленького кишлака. Удобное расположение в центральной части Шугнана на пересечении главных путей (пешеходных и караванных, впоследствии шоссейных дорог — Душанбе — Хорог и Ош — Хорог), экономические и административно-культурные функции Хорога способствовали его быстрому превращению в город за годы социалистического строительства (получил статус города в 1932 г.). В Хороге находятся предприятия промышленности стройматериалов, предприятия пищевой промышленности. Имеется ряд научно-исследовательских учреждений и учреждений культуры. Являясь центром автономной области, город связан авиалиниями и автомобильными дорогами с районными центрами и с Душанбе.

Регар расположен в Гиссарской долине на западе Таджикской ССР. Это новый город (с 1952 г.). Здесь есть предприятия тяжелой, легкой и пищевой промышленности. Со столицей республики связан железной дорогой и автомобильным сообщением.

Исфара — город на севере Таджикистана, один из старых культурных центров, однако городом стал с 1952 г. Здесь расположены гидрометаллургический и светотехнический заводы, хлопкоочистительный завод и швейная фабрика, предприятия пищевой промышленности. С Душанбе связан (через г. Ленинабад) железной дорогой, авиалинией и автомобильным сообщением.

Ура-Тюбе расположен в предгорьях Туркестанского хребта в Ленинабадской области. Это старый город, в древности он назывался Кирополь, в VII—X вв. — Буджикат, с XV в. — Ура-Тюбе. В нем сохранились старинные памятники. В прошлом далеко за пределами Ура-Тюбе пользовалась спросом изготавливаемая здесь ткань-сукно сорта рагза. В городе имеются предприятия промышленности стройматериалов, легкой и пищевой промышленности. Ура-Тюбе связан с Душанбе авиалинией, шоссейной дорогой и железной дорогой через Самарканд.

Орджоникидзебад — новый город (с 1965 г.); расположен близ Душанбе. Его можно, вероятно, рассматривать как город-спутник столицы Таджикистана. Здесь имеются предприятия керамзитового и крупнопанельного домостроения и пищевой промышленности. С Душанбе город связан автотрассой и железнодорожной веткой.

Куляб, расположенный на юге Таджикистана в долине реки Яхсу (бассейн Пянджа) — старый город, известен с первых веков н. э., бывший центр Кулябского бекства Бухарского ханства и крупный торговый центр. В прошлом через него проходили торговые пути из Гиссара и Каратегина в Афганистан. Получил статус города в советское время только в 1934 г. Здесь имеются предприятия промышленности стройматериалов, легкой и пищевой промышленности. Куляб — крупный культурный центр на юге Таджикистана. Город связан с Душанбе авиалинией, автотрассой и железной дорогой.

В предложенной нами выборке городов для конкретного этнографического изучения культуры и быта их населения представлены, как это видно, города всех трех (где есть города) этнокультурных регионов

Таджикской ССР, включающие как новые, так и старые города, несущие разные народнохозяйственные функции, различной численности и этнической структуры.

В заключение рассмотрим общие вопросы взаимосвязи этнической структуры городского населения с функциональным типом города, влияющие на нее процесса урбанизации.

Представление о стремительном росте населения городов можно получить, обратившись к табл. 5, где дан процент городского населения

Таблица 5

Рост городского населения СССР и Таджикской ССР (в %)

	1913	1939	1959	1965	1970
Таджикская ССР	9	17	33	35	37
СССР	18	32	48	53	56

республики и для сравнения процент городского населения СССР в целом. Из этой таблицы видно, что за последнее время рост городского населения несколько замедлился.

Табл. 6 показывает, что темпы роста населения отдельных городов различны. Это же положение справедливо и для населения одного города в разные периоды времени. Статистические данные свидетельствуют

Таблица 6

Рост населения в городах Таджикской ССР (в %)

	1959 (по отношению к 1939)	1970 (по отношению к 1959)		1959 (по отношению к 1939)	1970 (по отношению к 1959)
Душанбе	271	167	Исфара	104	163
Ленинабад	170	133	Регар	335	136
Куляб	278	167	Советабод	567	112
Курган-Тюбе	93	145	Пенджикент	125	125
Ура-Тюбе	223	138	Шураб	294	89
Канибадам	148	153	Хорог	215	141

о более быстром росте населения промышленных городов с быстро развивающейся индустрией.

Наши материалы подтверждают гипотезу В. В. Покшишевского о том, что при быстром индустриальном росте города приток русского населения больше притока коренного населения. В таких городах, как Нурек, Кайраккум, Калининабад, с быстрым развитием промышленности, процент русского населения оказывается очень высоким. В городах с замедленными темпами роста экономики выше доля коренного населения. Как мы уже отмечали в начале работы, города, несущие преимущественно административно-культурные функции, являющиеся центрами консолидации и развития национальной культуры. Вследствие этого здесь выше процент коренного населения. И, действительно, в городах-административных центрах, таких как Хорог, Куляб, очень высок процент таджикского населения. Для этих городов характерен и минимальный индекс мозаичности, т. е. степень пестроты этнического состава их населения невелика. Индекс мозаичности невелик и у некоторых городов с быстро развивающейся промышленностью, так как там доминирует преимущественно русское население, которое располагает достаточным контингентом представителей «городских» профессий.

Демографические материалы показывают, что нет заметной корреляции между индексом мозаичности и численностью населения города.

Это можно объяснить, пожалуй, тем, что обилие национальностей в городе определяется, в основном, не его «силой притяжения», а более сложными факторами в его этнической истории. Но чем шире народно-хозяйственные функции города, чем богаче его история, тем выше степень этнической пестроты его населения.

В настоящей статье была охарактеризована комплексная типология городов Таджикской ССР и обоснована репрезентативность выборки ряда городов для их дальнейшего конкретного этнографического изучения.

**A COMPLEX TYPOLOGY OF URBAN PLACES OF THE TAJIK
SOVIET SOCIALIST REPUBLIC IN THE LIGHT OF PROBLEMS
ARISING FROM THE MOZAIC STRUCTURE
OF THEIR POPULATIONS**

The author proposes a methodology for the typology of urban places for purposes of ethnographic investigation based upon their composition by nationalities. The «index of ethnic mosaic settlement» first introduced as a concept in ethnography by V. V. Pokshishovski is adopted by the author as the basis for a structural analysis of a city's national composition; she proposes certain methods for determining this index. An urban place is considered by L. Monogarova as a specific sociological structure. A complex typology of urban places in ethnographic study demands that many factors be taken into account: the city's ethnic structure, its location in a certain ethnic territory, the city's functional type, its population numbers, its history (the factor of genesis). The author substantiates the representative character of the sample of urban places for the Tajik SSR (Dushanbe, Khorog, Isfara, Regar, Ordzhonikidzeabad, Ura-Tübe and Kulab) taken for the purpose of further concrete ethnographic studies of the urban population of the Republic as a whole.

Э. Л. Нитобург

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ РАСПАДЕ НЕГРИТАНСКОЙ СЕМЬИ В США

Американские социологи написали в первой половине нашего века немало статей и книг о «распаде негритянской семьи» в Соединенных Штатах. Одни из них возмущались «моральным загниванием» и «безнравственностью» негров в связи с большим числом так называемых «незаконнорожденных» детей в негритянских гетто; другие пытались объяснить некоторые «специфические черты развития семейных отношений американских негров расовыми, биологическими особенностями; третьи говорили о якобы сохранившихся у негров еще со времени жизни их предков в Африке пережитках матриархата, древних религиозных анимистических и политеистических представлений и т. д.¹ Однако эти «объяснения» отвергнуты большинством современных исследователей — антропологов, этнографов и социологов. В частности, виднейший американский социолог негр Э. Ф. Фрэзиер критиковал известного американского антрополога М. Херсковица, пытавшегося объяснить некоторые явления в семейных отношениях американских негров «наследием африканской культуры»². Сам Фрэзиер исследовал развитие негритянской семьи в США в свете исторических и социально-экономических факторов и опубликовал ряд работ по этой теме: «Негритянская семья в Чикаго», «Негритянская семья в Соединенных Штатах», «Семья у свободных негров». В настоящей статье делается попытка коснуться лишь некоторых аспектов этой весьма сложной проблемы.

Негритянская семья в США сложилась не сразу. В ранний колониальный период огромный излишек мужчин в негритянском населении (ибо женщины обычно составляли не более трети живого груза на кораблях работорговцев) привел к тому, что на плантациях в Виргинии и других южных колониях Англии в Северной Америке среди рабов были довольно широко распространены случайные и беспорядочные связи. Некоторые рабовладельцы, чтобы увеличить число своих рабов, уже в то время занимались «рабоводством». Тот же Э. Фрэзиер сообщает, например, что «известны случаи, когда мужчины-негры использовались как жеребцы-производители»³. Девушки-рабыни в южных колониях становились матерями уже в 15—16 лет.

В 30—50-х годах XIX в. в так называемых «пограничных» штатах, поставлявших рабов на плантации «нижнего Юга», «рабоводство» стало важной статьей доходов, и «на женщину-негритянку смотрели, — по сло-

¹ См.: W. W. Elwang, *The Negroes of Colombia, Missouri: A concrete study of the race problem*, Colombia, 1904; Ch. H. McCord, *The American Negro as a dependent, defective and delinquent*, Nashville, 1914; W. D. Weatherford, *The Negro from Africa to America*, N. Y., 1924; J. Dowd, *The Negro in American life*, N. Y., 1926; M. J. Herskovits, *The myth of the Negro past*, N. Y., 1941, p. 139, 170, 180.

² E. F. Frazier, *The Negro in the United States*, N. Y., 1957, p. 12, 13, 626.

³ E. F. Frazier, *Указ. паб.*, стр. 307; U. B. Phillips, *Life and labor in the old South*, Boston, 1929, p. 203—205.

вам Ф. Олмстеда (объехавшего в середине XIX в. в качестве газетного корреспондента рабовладельческие штаты и написавшего о них ряд книг), — как на племенную кобылу»⁴.

Там, где рабыни содержались на положении производителей детей, рабовладельцы в период беременности обычно освобождали их от работы либо уменьшали нагрузку, а после родов предоставляли им возможность лучше питаться и одеваться. Характерны в этом отношении инструкции, данные одним виргинским плантатором своему служащему, управляющему плантацией: «Что касается кормящих женщин, то вам надлежит предупредить надсмотрщиков, чтобы они были добры и снисходительны к этим женщинам, не заставляли их, пока они с грудными детьми, ходить на какую-либо работу, не допускали, чтобы они терпели лишения, которые причинили бы им вред, и обеспечивали их всем, что может для них потребоваться; о детях следует хорошо заботиться... и следить, чтобы никто из них не пострадал в случае болезни из-за отсутствия надлежащего ухода»⁵.

Так было, однако, не везде. Жестокое обращение с рабынями нередко приводило к тому, что у них происходили выкидыши прямо в поле. Часто мать вскоре же после родов заставляли работать в поле с младенцем за спиной, а в случае невыполнения урочного задания наказывали ночью кнутом⁶.

Формальные права на семью рабы не имели. Все же многие рабовладельцы — из соображений необходимости, а иногда и из моральных побуждений — старались считаться с пожеланиями рабов. Обычно брачные связи рабов находились под неослабным контролем хозяйки — жены рабовладельца. Случайные связи между рабами при положительном отношении со стороны хозяев приводили к браку и созданию рабами своей семьи. Это происходило чаще всего у домашней челяди и квалифицированных ремесленников, которых хозяева обычно знали лично. Их статус был несколько выше, чем у рабов, занятых на плантациях. Но и у негров, работавших в поле, особенно если они работали по соседству, опять-таки при благоприятном отношении со стороны хозяев, создавались семьи⁷.

Жениться и развестись рабы могли только по воле хозяина. При вступлении раба и рабыни в брак священник в церкви говорил им о совместной жизни не «до смерти», а «до вашего отделения друг от друга». Официальной регистрации брак рабов не подлежал, так как в этом случае мог быть нанесен ущерб праву собственности рабовладельца. Поэтому, хотя «добрый хозяин» мог разрешить рабу жениться и пользоваться клочком земли, смерть хозяина либо иные обстоятельства всегда могли разрушить такую семью раба⁸.

На некоторых плантациях имелись семьи рабов, состоявшие из трех поколений. Это бывало, как правило, в тех случаях, когда основатель такой семейной группы был квалифицированным ремесленником и сумел завоевать особое положение.

Стабильность и прочность семей рабов зависели от многих факторов. Прежде всего, ее укреплению способствовало появление детей. Там, где семье давали возможность отделиться, завести собственное небольшое хозяйство и т. д., общие интересы сплачивали ее.

⁴ F. L. Olmsted. The cotton kingdom, N. Y., 1953, v. 1, p. 46.

⁵ Цит. по: E. F. Frazier, The Negro family in the United States, Chicago, 1969, p. 36.

⁶ U. B. Phillips (ed.), A documentary history of American industrial society, Cleveland, 1910, vol. I, p. 312, 313.

⁷ E. F. Frazier, The Negro family in the United States, p. 18, 21, 26, 30.

⁸ «The life and writings of Frederick Douglass», N. Y., 1950, v. I, p. 270, 271; vol. II, p. 142, 143; A. Nevins, Ordeal of the Union, N. Y., 1947, vol. I, p. 449, 450.

Несколько иначе обстояло дело на Севере в период существования там рабства. В пуританских колониях Новой Англии «разведение» рабов не практиковалось, и рабыни не оценивались по своей плодовитости. Следует иметь в виду, что экономика Новой Англии не нуждалась в большом количестве рабов. В то же время у пуритан семья была важнейшей социальной, экономической и духовной ячейкой, основой пуританского образа жизни. Брак и семья тут всячески освящались, внебрачные отношения строжайше преследовались и наказывались. Как члены религиозной общины и часть семейного хозяйства рабовладельца, рабы подпадали под действие норм семейной жизни в этих общинах. Они обязаны были жениться и хранить святость брачных уз. Перед женитьбой рабы должны были объявить о своем намерении вступить в брак, затем следовало «оглашение» и только потом уже происходило торжественное венчание. Правда, общей фамилии супруги не получали, и в церковной книге появлялись записи о браке «Цезаря-негра» и «Дины-негритянки». Тем не менее нельзя не согласиться с утверждением Л. Грина о том, что браки рабов в Новой Англии были более устойчивыми, чем в остальных американских колониях⁹.

Однако в принципе семья рабов никогда не могла быть прочной, ибо она подвергалась слишком многим испытаниям. Нередко рабовладелец продавал отца или мать с детьми на другую плантацию. Хорошо еще, если эта плантация была недалеко, и отец мог хотя бы изредка навещать свою семью. В противном случае происходил полный разрыв семейных связей. Смерть рабовладельца-хозяина и распродажа с аукциона рабов или раздел их между наследниками также разрушали семьи рабов.

В таких условиях наиболее важным членом негритянской семьи была мать. Хозяева в своих же собственных интересах не разделяли при продаже мать и ее маленьких детей. Поскольку среди рабов, работающих в поле, формальных браков не было, женщина обычно была главной фигурой во всех хозяйственных делах семьи, и именно она придавала такой семье некоторую стабильность. Будущий зять, например, должен был прежде всего получить согласие матери на брак с ее дочерью. Таким образом, на плантациях Юга среди рабов развивался тип семьи, которая сохранялась главным образом благодаря родственным узам и чувствам, существующим между матерью и детьми, живущими вместе с ней¹⁰.

Ведущая роль негритянской женщины в семье нашла, по словам У. З. Фостера, отражение и в организации домашнего хозяйства рабовладельца, которое, как правило, находилось в ведении экономки-негритянки, обладавшей исключительной властью над остальной домашней челядью и игравшей немалую роль в воспитании его детей¹¹.

В колониальный период в городах, особенно в Новой Англии, нередко вступали в брак рабы разных хозяев. Дети, родившиеся от таких браков, как правило, принадлежали хозяину жены. Однако в браки вступали не только рабы, но и свободные негры с рабынями (которых они иногда с этой целью выкупали) и рабы со свободными негритянками. Если женщина была рабыней, то ее хозяин добивался того, чтобы ее дети оставались рабами. Если женщина была свободной, то и ее дети становились свободными¹².

Брачные связи между белыми и неграми начались сразу же, как только негров привезли в Америку. Вначале, ввиду малого числа негри-

⁹ L. J. Green, *The Negro in colonial New England, 1620—1776*, N. Y., 1945, p. 191—195, 211, 214, 325, 326.

¹⁰ E. F. Frazier, *The Negro family in the United States*, p. 31, 32, 41, 47—49; E. F. Frazier, *The Negro in the United States*, p. 309; L. Green, *Указ. раб.*, стр. 211, 212.

¹¹ См. У. З. Фостер, *Негритянский народ в истории Америки*, М., 1955, стр. 213.

¹² L. J. Green, *Указ. раб.*, стр. 196, 197.

тянок, такие связи возникали, как об этом свидетельствуют судебные и другие документы, в основном между мужчинами-неграми и белыми женщинами — кабальными слугами. В XVII в. именно белые кабальные слуги, или сервенты, были главной рабочей силой в английских колониях¹³. Они тогда стоили гораздо дешевле темнокожих рабов. Браки между неграми и белыми женщинами-сервентами, по-видимому, были тогда довольно многочисленными, ибо в ряде колоний появились законы, категорически, под страхом наказания запрещающие браки (и тем более внебрачные связи) между неграми и белыми. В частности, такие законы были приняты в 1664 г. в Виргинии и Мэриленде, в 1705—1706 гг. в Массачусетсе. В 1692 г. в Мэриленде был издан дополнительный закон, по которому белая женщина, вышедшая замуж за негра-раба, становилась сервентом сроком на семь лет, а свободный негр, женившись на белой женщине-серvente, становился кабальным слугой ее хозяина пожизненно, т. е. фактически рабом¹⁴. Но многие хозяева, для того чтобы не отвечать перед судом за своих рабов, не сообщали о нарушении ими этих законов, тем более, что нередко рабовладельцы сами не особенно строго соблюдали их. На практике эти законы не прекратили внебрачных межрасовых связей. С развитием института рабства и утверждением в сознании белых американцев принципа «превосходства белых» социальному осуждению и жестокому наказанию стала подлежать обычно лишь связь мужчины-негра с белой женщиной. Что же касается белых мужчин, то их сожителство с черными рабынями и на Юге, и на Севере было широко распространено. «Хотя и трудно оценить, как многочисленны были внебрачные связи рабовладельцев с рабынями, имеются достаточные доказательства широко распространенного сожителства и даже полигамии со стороны белых хозяев,— пишет Фрэзиер.— Материнская семейная организация, то есть семья, в которой мать была главой и главной материальной опорой, отчасти была обязана своим появлением и внебрачным связям между мужчинами белой расы и рабынями на плантациях»¹⁵.

Рабовладельцы принуждали рабынь к сожителству. Рабыни не имели никаких прав на защиту от притязаний своих хозяев и вообще от белых мужчин. «Изнасилование рабыни,— пишет У. Филлипс,— считалось не преступлением, а лишь нарушением права собственности ее хозяина»¹⁶.

В ряде случаев рабыня сама шла на такую связь, рассчитывая на покровительство со стороны белого хозяина. Главное же, она надеялась на то, что ее дети-мулаты окажутся в особом положении и со временем могут быть освобождены их белым отцом от рабства. Действительно, в отличие от Севера, на Юге мулаты находились обычно в привилегированном положении, выполняли менее тяжелую работу и нередко получали свободу. В качестве одного из «классических» примеров подобного рода можно напомнить об освобождении от рабства своих внебрачных цветных детей Томасом Джефферсоном¹⁷.

В городах, особенно там, где не существовало такого повседневного строгого контроля над рабами, как на плантациях, и где было много свободных негров, связи между белыми мужчинами и негритянками чаще носили случайный характер. Межрасовые внебрачные связи, как об этом свидетельствуют сотни судебных отчетов, были широко распростра-

¹³ А. С. Самойло, Английские колонии в Северной Америке в XVII веке, М., 1963, стр. 6, 7.

¹⁴ Г. Аптекер, Колониальная эра, М., 1960, стр. 66; L. J. Green, Указ. раб., стр. 208—210; E. F. Frazier, The Negro in the United States, p. 51.

¹⁵ E. F. Frazier, The Negro in the United States, p. 310.

¹⁶ U. B. Phillips, Life and labor in the old South, p. 162.

¹⁷ E. F. Frazier, The Negro family in the United States, p. 62, 64, 65; L. J. Green, Указ. раб., стр. 210.

нены в колониальный период даже в городах Новой Англии, где они жестоко преследовались. Множество негритянок-рабынь там привлекались к суду за рождение, а иногда и за убийство своих «незаконнорожденных» детей.

В южных городах не только в XVIII, но и в XIX в. торговля негритянками и мулатками, попадавшими затем в публичные дома, стала частью общей работорговли. В Чарльстоне, а позже и в Новом Орлеане обычным явлением был открытый конкубинат богатых белых американцев с мулатками¹⁸.

Характер семейных групп, возникавших в результате сожителства рабовладельцев с рабынями, довольно значительно варьировал. Отмечены, в частности, случаи, когда рабовладельцы даже отказывались от законной жены, отдалялись от белого общества и все свое внимание и заботу отдавали своим детям-мулатам и их матери. Но это были единичные случаи. Обычно же в результате сожителства белого мужчины с негритянкой возникали негритянские семьи, главой которых была мать.

Некоторое представление о том, насколько широко были распространены объявленные вне закона межрасовые связи, дает статистика. Так, в штате Род-Айленд, где в 1782 г. была проведена специальная перепись, восьмая часть негритянского населения оказалась смешанного происхождения. А в некоторых городах доля мулатов была еще больше: в Бристоле они составляли почти пятую часть, а в Уорвике — даже более трети всего негритянского населения¹⁹.

В 1850 г. в США было зарегистрировано 588,3 тыс. мулатов, в том числе 411,6 тыс. среди рабов (10,4% всех рабов) и 176,7 тыс. среди свободных негров (36,2% всех свободных негров). Причем, по словам президента США А. Линкольна, лишь «весьма незначительное количество их произошло от белых мужчин и свободных негритянок; почти все они родились от черных рабынь и белых господ»²⁰.

Таким образом, у негров-рабов сложились разные типы семьи. На плантациях Юга наиболее распространенной оказалась своего рода матрифокальная семья, в которой ответственность за содержание семьи лежала на женщине. Ей же принадлежала власть над детьми и детьми ее дочерей. Отец-раб, если даже он периодически и появлялся в семье, не обладал в ней почти никаким авторитетом.

Другой тип семьи, где отец был признанным главой и нес обязанности по ее содержанию, был распространен гораздо реже — главным образом среди квалифицированных рабов и домашней челяди.

Что же касается свободных негров и мулатов, то их семья и семейная жизнь в большинстве случаев уже в период рабовладения носила характер стабильного института. Причем в изолированных общинах, на слабо освоенных окраинных территориях, в семьях свободных негров (в том числе и там, где они жили вместе с индейцами) была особенно велика власть отца. Это связано с тем, что мужчина являлся главным работником и защитником семьи в условиях длительной жизни в неосвоенных местах, суровой борьбы с природой и за обладание землей и т. д.²¹

После гражданской войны и отмены рабства наиболее распространенным типом негритянской семьи стала, по словам Э. Фрэзиера, «материнская семья на сельском Юге» (где до первой мировой войны проживали почти $\frac{9}{10}$ американских негров), сохранившаяся со времен рабовладения.

¹⁸ L. J. Green, Указ. раб., стр. 202—205, 213; E. F. Frazier, *The Negro family in the United States*, p. 50, 52, 63.

¹⁹ L. J. Green, Указ. раб., стр. 210.

²⁰ К. Сэндберг, Линкольн, М., 1961, стр. 110; см. также «К столетию гражданской войны в США», М., 1961, стр. 65.

²¹ E. F. Frazier, *The Negro in the United States*, p. 629.

Негритянская женщина была уже «приучена играть преобладающую роль в семье и брачных отношениях», пишет Фрэзиер, и эта роль сохранилась за ней в последующие десятилетия сельской жизни. Хотя негр и получил личную свободу, равенства он не получил. Сложившаяся к концу XIX — началу XX в. на Юге «система Джим Кроу» — система жестокой расовой дискриминации и сегрегации — окружила негритянское население атмосферой враждебности, сделала его жизнь не только трудной экономически, но и полной опасностей, ограничений и унижений. Исследуя обычаи и образ жизни негритянской семьи на сельском Юге, Фрэзиер подчеркивал, что наблюдавшийся уже тогда распад отдельных семей, как правило, происходил «под влиянием внешних экономических и социальных сил, например, когда отец и муж уходил на лесоразработку, либо жена нанималась на работу в город для подкрепления семейного бюджета»²².

Переселение миллионов негров в годы первой и второй мировых войн, а также в послевоенные десятилетия²³ с Юга в большие города Севера и Запада резко усилило дезорганизацию негритянской семьи. В городе дети были тяжелым бременем, так как их родители не знали, как скоро и где именно они прочно оседут. Мужья, отправляясь на Север, нередко бросали семьи навсегда, тем более, что очень часто брак их не был зарегистрирован. Поэтому во многих случаях распад семьи начинался еще до того, как она вся переселялась в город. Но даже многие из семей, сумевших до этого сохранить свою целостность, попав в трущобы «черных гетто», распались, оказавшись в условиях нищеты и длительной безработицы (в 1950—1960-х гг. уровень безработицы среди негров был, как правило, вдвое, а в «черных гетто» даже втрое выше, чем среди белых американцев)²⁴.

После второй мировой войны это явление постепенно приняло такие масштабы, что стало одной из серьезнейших социальных проблем. Весной 1965 г. Министерство труда США издало специальный доклад «Негритянская семья», в котором говорилось, что «три века порой невероятного угнетения сказались на негритянском народе... Достаточно убедительное доказательство тому — постепенный распад негритянской семьи в городских гетто»²⁵. И далее в нем приводятся данные, из которых следует, что почти четверть всех живущих в городах негритянских женщин, бывших когда-либо замужем, разведены либо фактически покинуты своими мужьями, тогда как среди белых американок, по официальным данным, в таком положении находятся менее 8% женщин²⁶.

Авторы опубликованной в том же году книги «Эти Соединенные Штаты» Б. Д. Уоттенберг и Р. М. Скэммон приводят следующие сравнительные данные о негритянской семье, основанные на материалах переписи 1960 г.

1. Семьи, в которых муж или жена не живут дома: у негров — каждая четвертая, у белых — десятая.

2. Женщины в возрасте от 25 до 29 лет, мужья которых отсутствуют, не живут с семьей: у негров — каждая шестая, у белых — тридцатая.

3. Семьи, возглавляемые женщинами: у негров — каждая пятая, у белых — двенадцатая.

4. Браки, расторгнутые в результате формального развода или фактически раздельной жизни: у негров — 198 на тысячу замужних женщин, у белых — 60.

²² Там же.

²³ См.: Э. Л. Нитобург, Субурбанизация и негритянские гетто в США, «Сов. этнография», 1968, № 5, стр. 65.

²⁴ См.: Э. Л. Нитобург, Черные гетто Америки, М., 1971, стр. 18—20.

²⁵ «The Negro family. The case for national action», Washington, 1965, p. 1.

²⁶ Там же, стр. 6.

Удельный вес так называемых «незаконнорожденных» среди негритянских детей, родившихся в 1960 г., составлял 21,6%, а среди белых детей — 2,3% ²⁷.

Приводя эти данные, Уоттенберг и Скэммон справедливо подчеркивают, что они отнюдь не характеризуют положение во всех негритянских семьях. Действительно, если одна из каждых 4—5 семей возглавляется женщиной, то остальные 3—4 семьи, т. е. подавляющее большинство, — нормальные семьи. То же самое можно сказать и о других приведенных материалах. Они важны, однако, как сравнительные показатели.

Статистика убедительно опровергает доводы тех, кто пытается свести причины неустойчивости семейных отношений у американских негров только к их африканскому прошлому и пережиткам рабства. Ведь если бы дело сводилось к одним лишь пережиткам прошлого, то с каждым новым поколением и по мере переселения негров из сельской местности (где они жили раньше) в большие города эти пережитки должны были бы уменьшаться, исчезать, а негритянская семья должна была бы становиться все более устойчивой. Однако в действительности дело обстоит как раз наоборот. Э. Ф. Фрэзиер еще четверть века назад отмечал, что одним из неизбежных последствий столкновения семейной организации и культуры негров сельского Юга с жизнью больших северных городов является рост числа покинутых мужьями семей ²⁸, и статистика подтверждает это.

В 1940 г. доля как белых, так и небелых официально разведенных американок составляла 2,2% всех когда-либо бывших замужем женщин, а к 1964 г. она выросла у белых американок до 3,6%, а у небелых — более чем вдвое и достигла 5,1% ²⁹. Но развод, как известно, стоит денег, а у бедняков их мало, и поэтому они по большей части просто покидают семью. Американский социолог Д. Мэкинтайр так и называет уход от семьи «разводом бедняка». В 1951 г. доля небелых замужних женщин, покинутых мужьями без оформления развода, составляла 12,1%, а в 1963 г. — 14,6% ³⁰. Доля небелых семей, возглавляемых женщиной, выросла с 18,8% в 1949 г. до 23,2% в 1962 г., а белых — сократилась с 8,8% до 8,6%. Доля небелых семей с отцом и матерью за эти же 13 лет сократилась с 76,8% до 72,3%, а белых семей — возросла с 88,0% до 88,8% ³¹.

В 1970 г., по данным официальной американской статистики, 28% всех негритянских семей и только 9% белых семей возглавлялись женщинами. Из них официально разведены были у белых американок 25,3%, у негритянок 14,2%; покинуты мужьями без развода у белых американок 11,4%, у негритянок 33,8% ³².

Перепись 1960 г. показала, что если в сельских районах доля небелых женщин, разведенных или просто покинутых мужьями, составляла 9,6%, то в городах — 22,9% (в том числе разведенных соответственно 1% и 5,6%). Причем особенно высока она была в крупных городах: в Нью-Йорке — 30,2%, Филадельфии — 25,3%, Чикаго, Вашингтоне, Бостоне — 23,5%, Сент-Луисе — 23,1%, Балтиморе — 23% и т. д. ³³.

Об этой же тенденции свидетельствует увеличение доли «незаконнорожденных» детей по мере переселения негров в города: в 1917 г. она составляла 12%, в 1940 г. — 16,8%, в 1950 г. — 18%, в 1963 г. — 23,6%, а в 1969 г. — 29% ³⁴. К тому же средние данные, как всегда, дают лишь об-

²⁷ B. D. Wattenberg and R. M. Scammon, *These United States*, N. Y., 1965, p. 265—267.

²⁸ E. F. Frazier, *The Negro family in the United States*, p. 298, 340, 341.

²⁹ «The Negro family. The case for national action», p. 77.

³⁰ Там же, стр. 67.

³¹ Там же, стр. 62.

³² «Statistical abstract of the United States, 1971», Washington, 1971, p. 39.

³³ «The Negro family. The case for national action», p. 6, 57.

³⁴ C. E. Silberman, *Crisis in Black and White*, N. Y., 1964, p. 45; «The Negro family. The case for national action», p. 59; «United States News and World Report», 16.III. 1970, p. 57.

щее представление, а в негритянских гетто крупнейших городов этот показатель даже еще выше. Так, в Федеральном округе Колумбия доля «незаконнорожденных» среди негритянских детей выросла с 21,8% в 1950 г. до 29,5% в 1964 г. В Гарлеме в середине 60-х годов «незаконнорожденными» было более трети всех негритянских детей³⁵.

Обследование, проведенное в начале 60-х годов в одном из районов Нью-Йорка, показало, что только 57% взрослых негритянок говорят о себе, как о состоящих в браке с живущим вместе с ними мужем, по сравнению с 78% опрошенных белых американок, родившихся в США, 91% американок итальянского происхождения и 96% евреек. У 20 из 93 опрошенных негритянских подростков мать жила в другом месте, а 40 из них отметили, что их отцы не живут дома. 40% подростков сказали, что они имеют братьев и сестер, живущих в других районах, и еще 40% сообщили, что живут вместе с родственниками, которые не являются ни их родителями, ни родителями их родителей³⁶.

Непрочность экономического положения и массовая безработица среди негров приводят к непрочности семейных связей в гетто. В частности, на прямую зависимость между устойчивостью семейных связей и уровнем безработицы указывает и упомянутый выше доклад Министерства труда о негритянской семье. Сравнивая кривую динамики безработицы среди негров-мужчин за 14 лет (с 1951 по 1963 г.) с кривыми динамики разводов и изменения удельного веса небелых замужних женщин, живущих отдельно от мужей, авторы доклада показывают, что пики и спады второй и третьей кривых имели место обычно всегда на год позже пиков и спадов кривой безработицы. «Связь между усилением безработицы и ростом числа разводов вскрывает экономические корни проблемы», — пишут они и заключают, что «когда работы достаточно, негритянская семья является более прочной и более стабильной. Но по мере того как найти работу становится все труднее и труднее, поддерживать стабильность семьи также оказывается все более и более трудно»³⁷.

Давно известно, что бедность в капиталистическом обществе отнюдь не является фактором, укрепляющим семью. И негритянская семья в США в этом смысле не исключение. В послевоенные годы средний доход негритянской семьи составлял от 53 до 63% среднего дохода белой семьи. Однако «средняя семья» у белых американцев в 1960 г. состояла из 3,6, а у негров из 4,3 человек (в том числе семья, возглавлявшаяся женщиной, у белых менее чем из 3, а у негритянок — из 4 человек)³⁸.

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что чем беднее негритянская семья, тем больше в ней детей: в 1960 г. семья со среднегодовым доходом ниже 2 тыс. долл. имела в среднем 5,3 детей, с доходом от 4 до 5 тыс. долл. — 4 детей, от 6 до 7 тыс. долл. — 3,5 детей, выше 10 тыс. долл. — 2,9 детей. Таким образом, при значительно меньшем доходе главы семьи необходимо прокормить больше ртов, а это, как свидетельствуют данные об удельном весе покинутых отцами негритянских семей в трех таких группах, также сказывается на устойчивости семейных связей. В «высшей» из них таких семей в 1960 г. было 13,7%, в «средней» — 27,9%, а в «низшей» — 43,9%³⁹. В федеральном округе Колумбия в 1960 г. среди негритянских семей с доходом более 8 тыс. долл. процент «незаконнорожденных» детей был втрое меньше, чем среди семей с доходом менее 4 тыс. долл. И вообще семьи негритянской буржуазии и обеспеченных слоев интеллигенции отличаются значительной стабиль-

³⁵ «The Negro family. The case for national action», p. 9; C. E. Silberman, Указ. раб., стр. 45.

³⁶ R. M. Williams, Strangers next door, Englewood Cliffs, 1964, p. 240.

³⁷ «The Negro family. The case for national action», p. 21.

³⁸ Там же, стр. 24—26.

³⁹ Там же, стр. 27, 36.

ностью. Однако они составляют не более $1/20$ части всех негритянских семей и не определяют сложившуюся ситуацию ⁴⁰.

В необеспеченных семьях с большим количеством детей негритянская женщина должна работать. Причем ей обычно бывает легче, чем мужчине, получить работу, особенно домашнюю, и это делает ее нередко единственной надежной материальной опорой семьи. За десять лет, с 1950 по 1960 г., число негритянок среди наемных рабочих выросло почти на треть и достигло 2 млн. 245 тыс. В 1950 г. 56% негритянских женщин в возрасте от 25 до 64 лет и только 42% белых американок той же возрастной категории входили в состав т. н. рабочей силы. Но средний заработок белых работников был вдвое выше заработка работниц-негритянок ⁴¹.

Следует, однако, отметить, что в последние 15—20 лет негритянские женщины все чаще приобретают квалификацию. За время с 1950 по 1960 г. доля негритянок, занятых в сфере личных услуг, сократилась с 53% до 45%. В то же время число их среди торговых служащих выросло за эти годы на 45%, а белых женщин — на 24% ⁴². Особенно заметен рост числа негритянок среди служащих и административно-технического персонала. В одном из отчетов Комитета по равным возможностям в области занятости за 1964 г., характеризовавшем положение в 16 тысячах фирм, где работало около 5 млн. рабочих и служащих, говорилось: «В составе занятой здесь рабочей силы негров-мужчин в 4 раза больше, чем негритянок. Однако они составляют лишь 1,2% всех мужчин «белых воротничков», тогда как негритянки составляют 3,1% всех женщин «белых воротничков». Негры-мужчины составляют 1,1% всех мужчин-специалистов (professionals), в то время как негритянки — 6% всех женщин-специалистов. В технических профессиях негры составляют 2,1% всех техников (technicians) мужчин, а негритянки — 10% всех техников-женщин. Поэтому удельный вес негритянок среди женщин «белых воротничков» в 4 раза выше, чем негров среди «белых воротничков» мужчин» ⁴³.

В докладе также отмечалось, что хотя половина негритянок «белых воротничков» занята на канцелярской работе в конторах, 6% негритянок — специалисты, и это соответствует общей доле женщин-специалистов, а удельный вес негритянок-техников — 7%, даже выше среднего для всех женщин, занятых в качестве техников — 5%. В целом удельный вес негритянок, занятых на квалифицированной работе в этих фирмах, был почти равен удельному весу занятых на такой работе белых женщин. Что же касается мужчин-негров, то лишь 9% их было занято квалифицированным трудом, хотя общая доля мужчин, занятых таким трудом, составляла 21% всех работающих в этих фирмах мужчин ⁴⁴.

Ясно, что профессии секретарей, машинисток, стенографисток, телефонисток, кассиров или бухгалтеров требуют большего образования, квалификации и ответственности, чем многие виды занятий, характерные для негритянок в прошлом. Уже в 50-х годах среди работающих женщин доля негритянок со средним образованием выросла более чем в полтора раза — с 14 до 23% ⁴⁵. Исследователи и ранее отмечали более высокий образовательный уровень негритянских девушек по сравнению с негритянскими юношами той же возрастной группы. Данные за 1964 г. показывают, что белые мужчины и женщины в возрасте 18 лет и старше в среднем учились в школе 12,1 года, негритянки того же возраста

⁴⁰ «The Negro family. The case for national action», p. 88. В 1969 г. негритянская буржуазия (включая фермеров-владельцев земли) составляла 4% занятого негритянского населения.

⁴¹ Там же, стр. 25.

⁴² Там же, стр. 72.

⁴³ Цит. по: «The Negro family...», p. 32.

⁴⁴ Там же, стр. 32, 33.

⁴⁵ «Labor fact book 17», New York, 1965, p. 72.

10 лет, а негры 9,2 года⁴⁶. Значительно больший процент негритянских юношей по сравнению с девушками покидает среднюю школу, не окончив ее. То же самое происходит и в колледже.

Американские социологи объясняют отставание негров-мужчин от негритянок в области образования тем, что многие негритянские матери проявляют гораздо больший интерес к судьбе своих дочерей, нежели сыновей. Так считает, в частности, Т. Петтигрю. Об этом писал и Э. Ф. Фрэзиер. Таково же мнение бывшего директора-исполнителя Национальной городской лиги Уитни Янга, заметившего, что если хоть один ребенок в бедной семье имеет шанс получить высшее образование, то мать-негритянка обычно предпочитает, чтобы им была дочь⁴⁷.

Неравенство в образовательном уровне, независимо от причин этого явления, не может не сказываться в области занятости и доходов, не говоря уж о престиже, ибо занятость в качестве «белого воротничка» и тем более специалиста связана по традиции с гораздо более высоким социальным престижем, чем занятость в качестве «синего воротничка». К тому же, в отличие от «синих воротничков», удельный вес которых в последние два десятилетия неуклонно падает, потребность в «белых воротничках» вообще и особенно в специалистах быстро растет.

Увеличивающаяся безработица и зачастую неспособность негров-мужчин прокормить семью также оказывают влияние на отношения внутри этой семьи. В частности, авторы исследования о семейных отношениях среди населения Детройта выяснили, что в 44% изученных ими негритянских семей преобладающую роль играет женщина, тогда как среди белых американцев такое положение лишь в 20% семей. По их мнению, это является «совокупным результатом дискриминации при найме на работу..., жилищной сегрегации и низкого школьного образования негра-мужчины»⁴⁸.

Авторы исследования не случайно упомянули здесь жилищную сегрегацию. Она также оказывает свое влияние на семейные отношения. В настоящее время почти $\frac{4}{5}$ американских негров — горожане. 7 млн. негров, т. е. треть всего негритянского населения страны, живут в 12 крупнейших городах. В связи с растущим притоком их туда и огромным спросом на дешевые квартиры в негритянских гетто домовладельцы разбивают — *э-э 9—с ои хин вькэгэээ 'жэплэгя оячгожэн ен пбидвях эячягэю* — меи, либо строят в комнатах несколько рядов нар у каждой свободной стены. Обветшавшие дома негритянских кварталов до отказа забиты людьми⁴⁹. Тем не менее квартирная плата там довольно высока⁵⁰. Чтобы иметь возможность платить за жилье, квартиросъемщики нередко пускают к себе временных или постоянных жильцов. Э. Ф. Фрэзиер, например, говоря о гетто больших городов, отмечал, что почти в трети негритянских квартир, особенно там, где главой семьи являются женщины, сдаются комнаты или углы жильцам⁵¹. Нередко две семьи негров-бедняков вынуждены снимать одну комнату только ради того, чтобы иметь возможность разделить между собой квартирную плату.

Естественно, что проживание нескольких семей в одной комнате приводит к частым трениям и конфликтам и едва ли может способствовать укреплению семейных отношений. Корреспондент одной из американ-

⁴⁶ «The Negro family...», p. 31.

⁴⁷ A. Pettigrew, *A profile of the Negro American*, Princeton, 1964, p. 16; W. Young, *To be equal*, N. Y., 1964, p. 25.

⁴⁸ R. O. Blood and D. M. Wolf, *Husbands and wives: the dynamics of married living*, Illinois, 1960, p. 34, 35; M. Gordon, *Assimilation in American life. The role of race, religion and national origins*, N. Y., 1964, p. 170.

⁴⁹ См.: «The Negro in the United States. The economic and social situation», Washington, 1966, p. 7, 11, 13.

⁵⁰ См. об этом: «Нет! — расизму», М., 1969, стр. 38, 39, 42; «Народы против расизма», М., 1970, стр. 68, 69.

⁵¹ E. F. Frazier, *The Negro in the United States*, p. 635, 636.

ских газет В. Клейн, проживший по заданию редакции месяц в трущобах Нью-Йорка, писал: «Десятки семей живут в такой тесноте, что немислимо какое-либо подобие интимности. Дети спят в ногах у родителей. В одной квартире, состоящей как бы из полутора комнат, живет отец с семьей детьми и стоят две двупальные кровати...»⁵²

Конечно, было бы ошибочным рассматривать тяжелые жилищные условия сами по себе как причину неустойчивости семьи. Но в совокупности с расовой сегрегацией и дискриминацией негров, со всем их экономическим и социальным статусом, отсутствие нормальных жилищных условий, несомненно, способствует усилению центробежных тенденций в негритянской семье. «Для значительной части негритянского населения городов,— пишет тот же Э. Фрэзиер,— дом является только местом, где можно приготовить себе еду, поесть и поспать ночью, и откуда, если стоит хорошая погода, каждый старается уйти на улицу. Это относится как к детям, так и ко взрослым. Может быть, именно это объясняет, почему в тех районах, которые населены неграми, так много жителей проводит время на улице...»⁵³.

В американском обществе авторитет мужчины чаще всего измеряется его чековой книжкой, и негр, даже работая, не может соревноваться в этом отношении с белым американцем, имеющим ту же профессию и такое же образование. В подобной моральной атмосфере отсутствие работы или неполная занятость и экономическая зависимость отца от работающей жены подрывают его авторитет в семье и не могут не отражаться на его психологии и поведении. Результатом нередко бывает глубокий пессимизм, отчаяние, пьянство и наркомания, иногда ожесточенность, преступление и тюрьма, но чаще — уход из семьи.

Растущая неустойчивость моногамной негритянской семьи имеет далеко идущие социальные последствия, ибо семья, возглавляемая женщиной, гораздо чаще живет в бедности и, следовательно, в такой семье остается меньше средств на одежду, книги, врача и т. д.; дети, растущие без отца, где мать вынуждена работать, вероятнее всего, лишены достаточного родительского надзора и не получают хорошего образования; такие дети, оставаясь вне контроля, болтаются на улице, бросают школу, совершают всякого рода правонарушения и т. д.

Ответ на вопрос о причинах так называемого «распада негритянской семьи», а точнее — распада некоторой части негритянских семей в США, едва ли может быть однозначным. Проблема достаточно сложна и требует специального сравнительного исследования с учетом общих тенденций развития семьи в различных слоях американского общества. Однако в комплексе этих причин немалую роль играет все еще сохраняющееся тяжелое и, главное, ненадежное экономическое положение значительной части черных американцев.

TOWARD THE PROBLEM OF THE SO-CALLED BREAKDOWN OF THE NEGRO FAMILY IN THE USA

The paper deals with the so-called breakdown of the Negro family in the USA. The author describes the specific situation and the distinctive role of woman and mother as the chief person and the main support in the families of black slaves on the plantations of the American South.

In our times the high proportion of matrifocal Negro families, as well as the high percentage of so-called «illegitimate» births among American Negroes, are due, according to the author, not so much to the peculiar features of the evolution of the family among slaves in the XVIII—XIX centuries as to racial discrimination and segregation. This has led to the severe social-economic situation of the US Negro population which is undergoing a rapid process of urbanization.

⁵² «New York World Telegraph and Sun», 23.VI.1959.

⁵³ E. F. Frazier, The Negro in the United States, p. 635, 636.

Л. М. Землянова

СТРУКТУРАЛИЗМ И ЕГО НОВЕЙШИЕ МОДИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ США

Одна из отличительных черт американской фольклористики 1960-х годов — повышенный интерес к теоретическим проблемам семиотики, формально-структурного анализа и моделирования. Можно назвать десятки работ, в которых структурализм объявляется панацеей, способной избавить фольклористику от ее пороков и поднять ее на высочайший уровень научного познания. Работы эти неоднородны и по тематике, и по методологии, но почти все они оппозиционны традиционным направлениям — даже тем, в лоне которых выращивались концепции, проложившие путь структурализму. Нельзя не учесть значение этого критического пафоса при оценке современной структуральной фольклористики.

Структурализм, отмечает Л. Сэв, «возник и получил распространение в условиях кризиса буржуазного мировоззрения, когда со всей очевидностью раскрылась несостоятельность традиционных философских систем и учений в решении важнейших вопросов бытия и сознания»¹. Кризис пробудил и неудержимое стремление подвергнуть сомнению многие теории, долгие годы считавшиеся в буржуазной науке вполне убедительными, и он же определил чрезвычайную эклектичность теоретических основ структурализма. «Его нельзя рассматривать в качестве единого и монолитного философского течения, — пишет Сэв, — поскольку он выступает в самых различных формах, порой фрагментарных, порой даже противоречивых. Двусмысленно его отношение к марксизму, которому, с одной стороны, отводится роль ближайшего родственника или по меньшей мере прародителя, а с другой — он непрерывно отвергается как „мертвая ветвь“ генеалогического древа структурализма»².

Стремительное продвижение структурализма на передний план научно-общественной борьбы было подготовлено предшествующей эволюцией других направлений буржуазной фольклористики. Создавая иллюзию объективности и признания исторической детерминированности явлений фольклора, структурализм остается продуктом неопозитивистской философии, сохраняющей внутренние органические связи с фрейдизмом и юнгианством, с различными направлениями антропологической и историко-географической школ. Хотя его поборники полемизируют, порой страстно, с фрейдистами и юнгианцами, именно к этим течениям восходят такие доминантные положения структурализма, как утверждения бессознательно-моделирующей, знаково-архетипической природы фольклорной деятельности. При всем своем критическом отношении к устаревшим методам финской школы, представители новейших семиотических концепций идут по стопам Стифа Томпсона, поощрявшего формалистический подход и разработку статистических спо-

¹ Л. Сэв, О структурализме. Заметки об одной из сторон идеологической жизни Франции, «Проблемы мира и социализма», 1971, № 6, стр. 79.

² Л. Сэв, Указ. раб., «Проблемы мира и социализма», 1971, № 5, стр. 83.

собою описания и классификации фольклорных материалов. Под эгидой историко-географической школы в американской фольклористике еще в 50-е годы усиленно обсуждались проблемы структурального анализа «универсального» фольклорного стиля, символических «культурных кодов», возможность решения их с помощью электронно-вычислительных средств³.

Значительное воздействие на фольклористику оказывала бурно развивавшаяся в те годы структуральная лингвистика. Теории структурно-моделирующей грамматики побудили и фольклористов заняться поиском знаково-символических систем. Иногда эти поиски приводили к модернизации принципов «закрытого прочтения» текстов, широко применявшихся последователями «новой критики». Р. Якобсон, предлагая внедрять в фольклористику структурно-знаковый анализ, прямо ссылаясь на опыт «новых критиков». Отвлекаясь от идейного содержания устного народного творчества, он сосредоточивал внимание на лингвистических уровнях—фонологическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом—и их символических связях, проявляющихся в каждой единице поэтического языка — от метафор и метонимий до префиксов и рифмованных окончаний. На конференции «Стиль в языке» (Индианский университет, 1958 г.) Якобсон сказал, что такой анализ должен подтвердить «мудрое предположение Рэнсома относительно „метро-значимого“ процесса как органического акта»⁴, т. е. процесса имманентного развития элементов поэтической грамматики, протекающего вне связи с объективной исторической реальностью. Поэзия, согласно Дж. К. Рэнсому и другим лидерам «новой критики»,— полностью независимая область слов, не имеющая цели вне себя. Стремление перенести внимание на словесную «сверхреальность» придавало принятому «новыми критиками» методу «закрытого прочтения» онтологический характер. Они выдвигали понятие некоей языковой структуры, существующей якобы независимо и призванной существовать над миром бытия, а не отражать его. Опираясь на методологию «новых критиков», Якобсон и его единомышленники прокладывали в фольклористику путь для структурализма. Но к структурализму вели и пути, проложенные представителями антропологической школы, фрейдистско-юнгянской и других направлений.

В 1955 г. в «Журнале американского фольклора» была опубликована программная статья Клода Леви-Стросса «Структурное изучение мифа»⁵. Применив принципы структурной лингвистики, он предложил, однако, перенести внимание с отдельных компонентов формы или формалистической грамматики на восприятие мифа или другого фольклорного явления как структуры элементов, обладающей собственными законами развития. Миф, в трактовке Леви-Стросса,— особое языковое явление, располагающееся над уровнями фонем, морфем и семантем, на уровне синтаксиса. Для структурального анализа мифов он разбивает их на короткие фразовые (конститутивные) единицы по принципу предикативности и группирует их так, чтобы можно было показать, что структура мифа складывается из связей отношений между функциями персонажей. Связки отношений располагаются по диахронным и синхронным осям, с помощью которых раскрывается «логическая модель

³ См., например, G. L. Andersen, The McBee Keysort system for mechanical sorting folklore data, «Journal of American Folklore», 1953, vol. 66, № 262.

⁴ R. Jakobson, Closing statement: Linguistic and poetics, «Style in Language», ed. by Th. Sebeok, N. Y., London, 1960, p. 369.

⁵ В данной работе статья Леви-Стросса цитируется по оригиналу. Не претендуя на исчерпывающий анализ концепции Леви-Стросса, автор счел необходимым осветить лишь те ее аспекты, которые получили развитие или критическую оценку в американской науке. На русском языке статья Леви-Стросса была опубликована в журнале «Вопросы философии» (1970, № 7) с послесловием Е. М. Мелетинского, в котором читатель найдет более подробное изложение взглядов Леви-Стросса и сведения о публикациях его работ.

мифа, обеспечивающая преодоление противоречий». Модель строится по формуле: $fx(a) : fy(b) \simeq fx(b) : fa - 1(y)$, где a и b — персонажи мифа или сказания; a выполняет негативную функцию x , а b — позитивную функцию y . Вторая часть формулы (справа от знака $\simeq$) означает, что в процессе мифообразования может произойти инверсия и замена отношений между функциями и персонажами на противоположные. В результате в спиральном развитии мифа образуется новый виток — $fa - 1(y)$.

Процесс мифообразования Леви-Стросс толкует как «континуум при неизменной структуре»⁶, протекающий имманентно и бессознательно. Миф — инструмент первобытного мышления, где, как и в языке, решающая роль принадлежит не содержанию сообщенного материала, а структурной организации этого материала. Поэтому Леви-Стросс в погоне за «континуумом структурных оппозиций» не интересуется конкретными произведениями и фактами этнографии и мифологии, взятыми в историко-диахронных аспектах, не считает с границами жанров и эстетической природой фольклора, как вида искусства. На первом месте у него — синхронный разрез, позволяющий сосредоточить внимание на структуре мифа, настолько «очищенной» от каких-либо диахронных связей с «событийными» слоями исторической жизни, что она превращается в своего рода универсальный арматурный штамп, вырезающий бинарные или тернарные оппозиции в любом фольклорном, мифологическом или этнографическом явлении.

Исследуя структурный континуум кулинарных рецептов, Леви-Стросс выделяет триадность оппозиционных отношений между символическими значениями трех видов пищи — сырая, приготовленная и испорченная. Сырая — исходный полюс, приготовленная — «культурная трансформация» сырого (внутри нее вычлениаются два вида — пища вареная и пища жареная); испорченная — «естественная трансформация» сырого. В оппозиционно-символических отношениях этих трех видов пищи Леви-Стросс видит семиотическое обозначение оппозиций в сфере мифологических представлений (вода — огонь), семейных отношений (мужское начало — женское начало), общественных отношений (демократические нравы — аристократические обычаи). С помощью такого рода арматурных схем Леви-Стросс «надеется открыть для каждого особого случая, каким образом приготовление пищи в обществе выступает в качестве языка, на который оно бессознательно переводит свою структуру или подчиняется все еще бессознательно раскрытию своих противоречий»⁷.

Примечательно, что при определении функций структурных противоречий Леви-Стросс нередко обращается к фрейдистским категориям. Разрезая на конститутивные единицы миф об Эдипе и выводя на основе их всеобъемлющую формулу мифоструктурного континуума, Леви-Стросс обращается к Фрейду. «Эта формула, — пишет он, — становится особенно значимой, если вспомнить Фрейда, считавшего, что необходимы две травмы (а не одна, как часто говорят) для рождения того индивидуального мифа, в котором и существует невроз»⁸.

Работы Леви-Стросса, продемонстрировавшего возможность союза между антропологией, фольклористикой и структуральной лингвистикой, в американской науке были встречены с полемическим интересом. Нарушения жанровых границ, нивелирование таких устоявшихся категорий, как сюжет и мотив — эти и многие другие стороны методологии Леви-Стросса настораживали фольклористов. Многим из них были более близки идеи и терминология историко-географической школы, юнгианства и «новой критики», направленные на изучение стабильности и вы-

⁶ C. Levi-Strauss, The structural study of myth, «Journal of American Folklore», 1955, vol. 68, № 270, p. 443.

⁷ C. Levi-Strauss, The culinary triangle, «Partisan Review», 1966, № 4, p. 595.

⁸ C. Levi-Strauss, The structural study of myth, p. 443.

живания сюжетов. Б. Во противопоставил «сверхдинамизму» Леви-Стросса устойчивость структурных уровней, замкнутых в границах одного жанра или произведения⁹.

Увлечение структурализмом пробудило в американской фольклористике повышенный интерес к работе В. Я. Проппа «Морфология сказки»¹⁰. Б. Во и многие другие американские структуралисты пытаются найти у В. Я. Проппа подтверждение собственным концепциям. Безосновательно зачисляя Проппа в свои ряды, они игнорируют принципиальные различия в методологии и целях структурного анализа, которым занимаются фольклористы США, с одной стороны, и морфологией сказок, которая была разработана советским ученым — с другой.

В. Я. Пропп писал, что «изучение структуры всех видов сказки есть необходимейшее предварительное условие исторического изучения сказки. Изучение формальных закономерностей предопределяет изучение закономерностей исторических. Однако таким условиям может отвечать только такое изучение, которое раскрывает закономерности строения, а не такое, которое представляет собой внешний каталог формальных приемов искусства сказки»¹¹. Американские же фольклористы пытаются переосмыслить положения Проппа в духе модных структуралистских концепций. Особенно показательны в этом отношении работы Алана Дандиса.

Дандис провозглашает Проппа своим единомышленником, но при этом перетолковывает его концепцию так, чтобы подтянуть ее к стандартам «новой критики», словно не замечая, что Пропп как раз возражал против превращения анализа формы в самоцель. Для Дандиса главное — формально-структурный, онтологический анализ вариантов, взятых в синхронных срезах.

Даже в методологии Леви-Стросса он усматривает уступку диахронному историзму и находит в ней пять серьезных ошибок. Первая из них — «перенесение на фольклор языковой структуры». Вторая — «втискивание фольклора в прокрустово ложе формулы, основанной на исследовании родовых отношений». Третья — «чрезмерное расширение количества вариантов мифа». Четвертая — «смещение синхронного и диахронного анализов». Пятая — «недоказуемость выдвигаемых гипотез»¹². Упреки Дандиса в значительной мере справедливы, однако в ходе собственного анализа Дандис не только повторяет ошибки своего оппонента, но и углубляет их. Он еще более решительно, чем Леви-Стросс, отказывается от диахронного анализа, как от устаревшего, на его взгляд, следования историко-филологической модели XIX века, игнорирует диалектику мифической фантазии, пренебрегает объективным, конкретным содержанием структурных единиц.

Дань «атомизму», нередко ошибочно отождествляемому с традицией материалистической эстетики, требующей конкретно-исторического (на языке Дандиса «атомистического») подхода к явлениям искусства, Дандис усматривает даже у С. Томпсона на том основании, что в его работах фигурирует понятие содержания. Совершая экскурс в историю этнографии, он старается уловить в трудах А. Кребера, Ф. Боаса, Р. Бенедикт, М. Мид и других авторитетных ученых отрицательное отношение к «атомизму», чтобы подчеркнуть, что только структурализм — достойный на-

⁹ B. Waugh, Structural analysis in literature and folklore, «Western Folklore», 1966, vol. XXV, № 3, p. 163.

¹⁰ В. Я. Пропп, Морфология сказки, М., 1969 (второе издание). Эта работа дважды издана в США на английском языке — в 1958 г. в издательстве Индианского, а в 1968 г. — Техасского университетов.

¹¹ В. Я. Пропп, Указ. раб., стр. 20.

¹² A. Dundes, The morphology of North American Indian folktales, «FFCommunications», № 195, Helsinki, 1964, p. 43—47.

следник «культурного релятивизма», «холизма» и «органицизма», которые развивались в противовес историко-материалистическим традициям. Помимо Проппа, в союзники себе Дандис избирает гештальтистов, семантиков и Э. Кассирера. Все они, по Дандису, внесли вклад в коренной пересмотр «изжитого» определения фольклористики как исторической науки. «Новая наука о фольклоре,— пишет он,— должна включать синхронный структурный анализ, который приведет к созданию точных определений материалов фольклора, определений, основанных на формальных морфологических признаках»¹³.

Основное преимущество своего метода Дандис усматривает в том, что он якобы позволяет разработать такую «экономную» структурную модель, которая сводит множество вариантов сказок к нескольким комбинациям основных и вариативных мотивов. Но термин мотив, как и понятие функции, заимствованное из работы Проппа, Дандис заменяет собственным термином «мотифема». Вариативные, позиционные оттенки мотифем он обозначает термином «алломотивы» (по аналогии с терминами структурной лингвистики и программистики: «морфемы» и «алломорфы», «морфы» и «фоны»). Все сказки североамериканских индейцев он сводит к четырем комбинациям шести «мотифем».

I. Ядерная пара: недостаток/недостаток ликвидирован.

II. Четырехмотифемный ряд, в основе которого лежит оппозиция: запрет/нарушение.

III. Четырехмотифемный ряд, в основе которого лежит оппозиция: обман/хитрость.

IV. Комбинация из шести мотифем¹⁴.

Дандис подчеркивает, что при такой классификации содержание вообще не следует принимать в расчет, ибо «со структурной точки зрения, не имеет значения, какого объекта не хватает. Это может быть солнце, огонь, пища и т. п.»¹⁵. Неважно, о ком и о чем повествует сказка — о юноше ли, который состоит в родстве с самим солнцем и совершает удивительные подвиги, или о хрупкой девочке, подобравшей в поле сверчка и неосторожно погубившей его, об индейской Золушке или об индейском Озирисе. Содержание сказок безжалостно скручивается и втискивается в структурные схемы с единственной целью — подогнать сюжеты к минимуму «мотифемных» комбинаций. Чтобы окончательно освободить фольклористику от проблем идейного содержания, Дандис заменяет понятие глубины содержания «мотифемической глубиной». Она определяется, пишет он, количеством мотифем, вклинивающихся между членами таких мотифемных пар, как «запрещение и нарушение», «обман и хитрость» или особенно «недостаток и уничтожение недостатка... Сказки американских индейцев имеют меньшую мотифемную глубину, нежели европейские сказки»¹⁶.

Структурная «экономия» Дандиса выхолащивает не только богатство идейного содержания, поэтической образности и национального своеобразия индейских народных сказок, но она ведет к уничтожению тех доминант в фольклористике, без которых невозможно подлинно научное изучение народного искусства. В целях, например, «научной определенности» Дандис предлагает стереть различия между такими жанрами, как миф и сказка, сказка и суеверие — на том основании, что «миф и сказка структурально не являются различными жанрами»¹⁷, а суеверия представляют собой «сжатые и компактные выражения структурной модели, обнаруживаемой также в некоторых сказках»¹⁸. Он ста-

¹³ A. Dundes, Указ. раб., стр. 112.

¹⁴ Там же, стр. 53.

¹⁵ Там же, стр. 62.

¹⁶ Там же, стр. 94.

¹⁷ Там же, стр. 112.

¹⁸ Там же, стр. 107.

жит под сомнение необходимость собирать и исследовать различные и многообразные варианты сказки, так как цель структурного анализа — «анализ множества сказок одновременно. Преимущество этого подхода в том, что можно исследовать исторически между собой не связанные, но структурно идентичные сказки, встречающиеся в данной культуре»¹⁹.

В течение длительного времени фольклористов разных стран и эпох волновали проблемы исторического генезиса и социальных функций фольклора. При всем своем стремлении к «экономии» Дандис не мог обойти эти проблемы. Но поскольку его структурный метод оказался здесь бессильным, он заимствует ответы из арсенала неофрейдистских и юнгианских теорий. Структурный метод, признается он, в решении проблемы генезиса фольклора оказывает поддержку юнгианству, ибо «знание структурных альтернатив в данной культуре может быть полезным как в формировании гипотезы архетипов, так и в оценке этой гипотезы»²⁰.

Что же касается социальных функций фольклора, то Дандис, вслед за неофрейдистами, рассуждает о двух его функциях — «явной» и «скрытой». «Явная» заключается в том, что фольклор служит задачам воспитания конформизма и фиксируется в левой части структурной оппозиции: «запрет/нарушение». «Скрытая» фиксируется в правой части и означает, что в фольклоре сублимируются и находят удовлетворение запрещенные в обществе подсознательные влечения и желания индивидуумов.

Связь с неофрейдистскими концепциями характерна для многих работ Дандиса. Излагая свое кредо в статье «Текстура, текст и контекст», он подвергает критике Р. Дорсона, Ф. Атлея, У. Бэскома, С. Томпсона и других крупнейших американских фольклористов за субъективность критериев при определении специфики фольклора и фольклорных жанров. Однако взамен предлагается все тот же структурный «онтологизм» «внутренних критериев», предполагающий анализ произведений на трех уровнях: текстура (морфемы, фонемы, аллитерации, рифмы, ударения), текст (сюжет) и контекст. Контекст, по определению Дандиса, «это особая социальная ситуация, в которой используется данное произведение»²¹. Но в процессе анализа пословиц и загадок, которыми Дандис занимается в этой статье, становится очевидным, что «социальная ситуация» понимается им в духе неофрейдизма. В «опозиционных загадках» (т. е. построенных на сочетании двух противоположных по смыслу утверждений) «социальный контекст» он сводит к угрозе кастрационной импотентности для того, кто не мог разгадать смысл загадки. И это утверждается на том основании, что в загадках упоминаются ущербные части тела: ноги, которые не ходят; глаза, которые не видят; уши, которые не слышат, и т. п. Но, в отличие от неофрейдистов, у Дандиса «социальный контекст» остается внешней структурной оболочкой, окружающей внутренние структуры (текст и текстуру) и соединенной с ними в сложные цепи, наподобие клеток в растительных тканях. Таким образом, понятие социальной ситуации формализуется как текст и текстура, а связь структурализма с неофрейдизмом несколько вуалируется.

Более откровенно предлагает объединить структурный анализ с неофрейдизмом профессор Техасского университета Роджер Абрахамс, утверждающий, что ядро магического воздействия фольклорных произведений на аудиторию заложено в особой символической организации структуры этих произведений, обеспечивающей слушателей «социально одобренным выходом антисоциальных мотивов»²². Подсознательные

¹⁹ A. Dundes, Указ. раб., стр. 100.

²⁰ Там же, стр. 109.

²¹ A. Dundes, Texture, text and context, «Southern Folklore Quarterly», 1964, vol. XXVIII, № 4, p. 255.

²² R. Abraham, Introductory remarks to a rhetorical theory of folklore, «Journal of American Folklore», 1968, vol. 81, № 320, p. 147.

агрессивные импульсы и сексуальные инстинкты, преодолевая гнет общественных запретов, как бы аккумулируются в структурных оппозициях фольклорных произведений, и разрешение этих конфликтов в процессе исполнения произведения доставляет слушателям необходимую разрядку. Благодаря конфликту между структурными элементами фольклорное произведение «отражает и проецирует „реальность“», — пишет Абрахамс. Слово «реальность» взято у него в кавычки не случайно, так как под «реальностью» имеется в виду «культурный контекст» в неопределенном истолковании — как организация ритуально-сексуального этоса данного этнического региона. Чтобы сохранить «социальную связность» и нормы этоса, индивидуумы должны дать выход накапливающимся в их подсознании агрессивным инстинктам посредством конфликта, искусственно спровоцированного в структуре фольклорного произведения. «Социальная связность» достигается, по Абрахамсу, благодаря фольклору, который является «игрой, проекцией конфликта в безличную и безвредную среду»²³.

Абрахамс одобрительно относится к анализу Дандиса, но предлагает дополнить его еще одним уровнем — «разногласия и стратегии», означающим анализ связей между «конфликтующими элементами социальной жизни и искусственно враждующими компонентами произведения»²⁴. На этом уровне он дает сравнительный анализ пословиц и загадок, утверждая, что в пословицах нормативно закрепляется социальная связность, тогда как загадки антинормативны, поскольку их структура выражает антисоциальные агрессивные действия и не всегда обеспечивает разрешение структурного конфликта (имеются в виду случаи, когда загадка не разгадана, т. е. конфликт не разрешен). Анализируя на этом же уровне баллады, Абрахамс делит их на два типа: «моралистические» и «романтические». В первом преобладают темы убийства и наказания, во втором — неудачной любви и смерти героев. Выделяя эти типы, Абрахамс структуральный анализ связывает непосредственно с неопределенным клише. Структуральную специфику баллады он усматривает в сведении действия к минимуму «мотифем» (одна или две), подчеркивая, что такое сжатие действия является прямым выражением сексуальной регрессии в «культурном контексте» баллад. В первом типе баллад, поясняет он, «отрицание нормальной сексуальности привело к садистической репрессии», во втором — к «мазохистической инфантильной регрессии». Оба типа «означают отступление от зрелости к инфантилизму и судорожным реакциям садо-мазохистского направления. Любовь подавлена или извращена, и ее место занимает кастрационная смерть»²⁵. Следовательно, резюмирует Абрахамс, структуры баллад отражают структуры консервативных культурно-этнических групп, где сексуальные отношения находились под гнетом общественных запретов.

Искусственное сопоставление фольклорных структур и неопределенных догм неизбежно приводит к искажению сущности идейного содержания и поэтической образности баллад. Специфика баллады как жанра заключена в ее глубоко драматической образности, в трагическом разрешении конфликтов. Баллада — это как бы небольшая лирическая драма, где трагизм действия подчеркивается тем, что предыстория отсутствует и повествование дано только в кульминационной фазе. События, действующие лица, чувства и мысли схвачены в момент наивысшего напряжения конфликта. Но трагизм балладного драматизма коренится не в сфере фрейдистских оппозиций между подсознанием и общественными запретами, а в толще социально-исторического опыта народной

²³ R. A b r a h a m s, Указ. раб., стр. 147.

²⁴ Там же.

²⁵ R. A b r a h a m s, Patterns of structure and role relationships in the Child Ballad in the United States, «Journal on American Folklore», 1966, vol. 79, № 313, p. 455.

жизни. Баллада, как и вся народная поэзия, никогда не замыкалась в рамки болезненной психики. Напротив, баллада, повествовавшая о социально-бытовых и личных конфликтах, осуждала насилие и деспотизм, ложь и подлость во имя этических идеалов, отстаивающих гуманизм и нравственное здоровье.

Во второй половине 60-х годов, когда структурализм выдвинулся в число самых модных направлений, наметились попытки объединить структурализм не только с неотрейдиизмом, но и с психопатологией. В 1967 г. сотрудник Вашингтонского университета Делл Скилс пытался подвести под морфологии сказок Проппа и Дандиса психопатологический базис, утверждая, что якобы морфологические функции сказок, установленные Проппом, психологически символизируют состояние транса, подобное разновидностям шизофрении или сна без пробуждения. С другой стороны, морфология Дандиса, в которой герой часто является жертвой, наводит на мысль о психологическом символизме параноидного психоза²⁶. Для Скилса фольклорное произведение есть не более как проекция универсальных конфликтов между инстинктивными импульсами индивидуумов и общественными запретами, и поэтому устойчивость фольклорных структур он объясняет стабильностью подсознательных процессов. Впрочем, с точки зрения Скилса, не только фольклор выражает психопатологические транссы, но и величайшие произведения мировой литературы. Например, Фауста он аттестует как «жертву параноидной атаки»²⁷.

Особое место в современной американской структуралистике занимает «кантометрический эксперимент», проведенный под руководством известного знатока, собирателя и исследователя народных песен Алана Ломакса. На материалах песенного фольклора разных народов и эпох Ломакс задумал с помощью вычислительной техники определить общие структурные закономерности в песенных стилях и социальной эстетике фольклора. В течение ряда лет под его наблюдением работала группа исследователей, в которую входили лингвисты, музыковеды, этнологи и программисты. Результаты эксперимента были изложены в книге «Стиль народной песни и культура».

В чем суть «кантометрического эксперимента»? Ломакс определяет песню как «особый акт коммуникации, подобный языку, но с более четко организованной структурой и большим запасом избыточной информации»²⁸. В этом определении эстетический фактор не учитывается, равно как не выделяются качественные отличия песни от языка. «Избыточность информации», о которой говорит Ломакс, указывает скорее на количественные различия в степени коммуникабельности знаковых единиц, нежели на специфику песни как вида искусства. Степень же коммуникабельности у Ломакса определяется не объективным содержанием песен и не художественностью его выражения, а нормативными структурными моделями этоса данного культурного региона. Строго определенная структура песни способствует связности данной социальной структуры. Минуя конкретное содержание песенной «информации», Ломакс стремится установить связи между двумя структурными рядами: рядом стилизованных структур песенного исполнения и рядом «культурных», «социальных» структур. В число факторов, влияющих на формирование и выживание песенных структур, Ломакс включает: «сферу производства», «политический уровень», «уровень классовых напластований», «строгость сексуальных нравов», «господство мужского или женского начал», и «уровень социальной связности». Эти параметры в сумме составляют

²⁶ D. S k e e l s, Two psychological patterns underlying the morphologies of Propp and Dundes, «Southern Folklore Quarterly», 1967, vol. XXXI, № 3, p. 244.

²⁷ Там же, стр. 260.

²⁸ «Folk song style and culture», by Alan Lomax with contributions by the cantometrix staff and with the editorial assistance of E. Erickson, Washington, 1968, p. 3.

«социальную базу» стиля, говорит Ломакс, но в ходе программированного анализа песен предпочтение он отдает доминантам, типичным для неофрейдистской семиотики — «строгость сексуальных нравов», «господство мужского или женского начал» и «уровень социальной связности».

Закодировав с помощью программистики вокальные, мелодические, оркестровые, ритмические и другие параметры стилевой структуры исполнения песен, Ломакс стремится к получению такой «крупной координатной сетки», которая позволила бы составить карту глобального распространения стилевых структур песенного творчества, сводя их к шести типам:

1. Соло без аккомпанемента; встречается у рыбаков и охотников-одиночек, пастухов. Этот стиль исчезает в более сложных «культурных» структурах. 2. Хоральный, несинхронный. Характерен для примитивных «культурных» структур и напоминает пение птиц или гомон обезьяньего стада. Представляет самую раннюю модель объединенного песнопения. 3. Хоровое, несвязное пение, соответствующее таким социальным структурам, при которых члены первобытных обществ еще не объединены под властью вождя. В этом стиле имеется полиритмия и полифония. Сейчас его можно встретить у пигмеев и бушменов в Африке. 4. Хоровое унисонное пение, распространенное в артелях рыбаков и охотников, во главе которых стоит предводитель мужского пола. Отличается громкостью, резкостью и «агрессивностью» мужского исполнения. 5. Полифонические хоры, чаще всего женские. Этот стиль встречается в Полинезии, Меланезии, Новой Гвинее, Индии, Африке и в Центральной Европе. 6. Мелодически усложненное сольное пение. Встречается среди пахарей, строителей ирригационных каналов или бродячих певцов. Развивается одновременно с искусством придворных бардов.

Естественно, что сведение грандиозного наследия песенной культуры человечества к шести стилям — эксперимент, чреватый большими натяжками и искажениями, особенно если учесть, что он зиждется на структурно-неофрейдистской семиотике. Многие сопоставления и выводы Ломакса вызывают недоумение. Почему, например, полифонический хор — выражение женского начала, а унисонное пение — мужского? Вместо аргументов Ломакс апеллирует к неофрейдистским *verba magistri* и заявляет, что «вокальное сжатие следует отыскивать там, где женщинам запрещались добрачные половые связи, а вокальное расслабление — там, где эротическое поведение было относительно свободным от запретов»²⁹.

Надуманность подобных выводов объясняется главным методологическим просчетом Ломакса — в поисках «социологического» структурного содержания песенных стилей он пытается установить соответствие между рядами песенных структур и «культурных» моделей, минуя конкретное содержание фольклорных произведений. Объективную диалектику социально-исторических, семейно-бытовых и мировоззренческих противоречий народной жизни, отраженной в содержании, в форме песен и характере их исполнения, Ломакс, с одной стороны, подменяет неофрейдистскими оппозициями между сексуальными инстинктами и общественными запретами, с другой — повторяет ошибочные утверждения вульгарных социологов относительно прямолинейных связей между характером и способом труда и художественными стилями. Захваченный поисками чисто «структурного аспекта прекрасного»³⁰, Ломакс совершенно забывает о содержании прекрасного. Для него неважно, кем, кому и о чем конкретно поется в данной песне, важно лишь, есть ли соответствие между структурой стиля исполнения и данным этико-сексуальным «бихевиористским синдромом»³¹.

²⁹ A. L o m a x, The good and the beautiful in folk song, «Journal of American Folklore», 1967, vol. 80, № 317, p. 229.

³⁰ Там же, стр. 216.

³¹ Там же, стр. 233.

Несомненно, идейное содержание, форма песен и стиль их исполнения отражают особенности исторического момента национального характера, а также этических норм, политических идей и других атрибутов данной общественно-экономической формации. Поиски объективных закономерностей в развитии песен и связей песенных стилевых структур с объективной исторической реальностью — актуальная и важная задача фольклористики. Но тот путь, который избрал Ломакс, несмотря на всю его незаурядную эрудицию как ученого, не приводит к решению этой задачи. «Кантометрический эксперимент» оставляет исследователя в плену метафизических, субъективистских построений структурных рядов, в которых теряются и конкретное историческое содержание народных песен, и прелесть их художественной образности, и национальное своеобразие, не говоря уже об эстетических и мировоззренческих качествах фольклора как искусства народных масс.

В структуральном анализе Ломакса песня как жанр искусства растворяется в параметрах и кодах, подобно тому, как в книгах Маршалла Маклюэна, посвященных современной «телевизионно-электронной» массовой культуре», нивелируется роль литературы, как продукта, на его взгляд, отживающей «гутенберговской галактики».

Применение программистики к фольклору привело к тому, что значение песенного искусства Ломакс сводит до уровня «песенного случая» (event). Подобного рода программистические определения стали применяться и к другим жанрам фольклора, например к сказкам. Обратимся к докладу Р. Джорджиса на международной конференции по структурному анализу сказок, которая была организована Урбинским университетом в Италии в 1968 г.

Резко отказываясь от всех когда-либо применявшихся определений и концепций, Джорджис утверждает, что фольклорная сказка — это «коммуникативный случай». В нем следует различать кодировщика (рассказчик), декодировщика (слушатель), зашифрованную посылку (текст), характер трансмиссии, обратной связи и генерации «социальных функций». «Социальные функции» определяются как «выбор тождества из множества социальных тождеств»³².

Каждая сказка, как «коммуникативный случай», уникальна и неповторима, как неповторим любой случайный разговор. Поэтому проблема содержания сказки Джорджису представляет просто неуместной. Рассказывание сказки — одномоментное происшествие или разговор, возникающий в процессе общения людей. Изучать его следует с помощью диаграммированных моделей, как изучают, например, взаимовлияния токов в электронике или подводных течений в океанах.

Первая фаза диаграммированной модели представляет кодировщика и декодировщика в разъединенном состоянии (см. рис. 1). Последующие фазы обозначают момент выбора «социального тождества», т. е. слушателя, и начало трансмиссии, т. е. рассказа (см. рис. 2). Кульминационной фазой считается максимум «обратной связи». В диаграммированной модели это выражено слиянием двух схем, более жирным контуром чертежа и более крупными стрелками, которые условно обозначают «социальные функции» (см. рис. 3). Заключительная фаза — рассказчик и слушатель расходятся, схемы уменьшаются, от сказки не остается ничего, кроме диаграммированной модели (см. рис. 4). Диаграммированная модель фольклорной сказки, предложенная Джорджисом, — образец структурно-семиотического подхода к фольклору в его наиболее крайнем проявлении, когда исследователь, лишенный чувства меры, вообще готов свести «социальные функции» к чертежам и графикам, а эстетическое и идейное воздействие — к мертвой схеме, совершенно забывая, что речь

³² R. Georges, Toward an understanding of story-telling events, «Journal of American Folklore», 1969, vol. 82, № 326, p. 318.

идет об искусстве, а не о транзисторной технике. Единым махом пытается он разрубить узел противоречивых концепций, определений и нерешенных проблем фольклористики, предложив схему, низводящую фольклор до уровня случайного разговора. В этой крайности особенно ясно выделяется коренной порок структуралистских направлений, стремящихся механически перенести методы и выводы лингвистической семиотики и программистики на фольклористику вместо конкретного исторического, диалектического анализа фольклора как искусства народных масс.

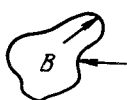

Рис. 1.

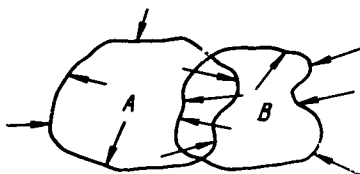

Рис. 2.

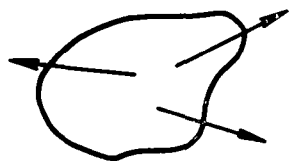

Рис. 3.

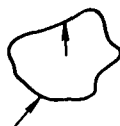

Рис. 4.

Структурализм в американской фольклористике 60-х годов, как и эпоха, породившая его,— явление противоречивое и неоднородное. Сама эклектическая философская основа его способствует размножению гибридных форм, где в сплаве предстают самые различные концепции —от «новой критики» и бихевиоризма до неопрейдизма. Каждая из этих форм своими корнями уходит в сложную идеологическую борьбу, втянувшую в свою сферу и фольклористику. Не принимая этого во внимание, нельзя понять, почему выступления структуралистов в американской фольклористике сопровождались критикой господствующих традиционных направлений и поисками методологии, позволяющей перейти от эмпиризма к теоретическому осмыслению огромного количества фактов, накопленных в арсенале фольклористов и этнографов разных стран мира. Количество этих фактов прогрессивно возрастает благодаря новым средствам общения, новым формам полевых работ в условиях научно-технического прогресса. В этом отношении достойны более пристального внимания и критического осмысления попытки использовать методику структурного анализа и вычислительную технику для статистических обобщений при изучении, например, элементов поэтики, равно как и при составлении научных справочников, каталогов и карт.

Что же касается концептуальной, философской направленности работ американских структуралистов, то, вопреки их претензиям на «объективность» и «историзм», вопреки критике субъективистских теорий, они оказались не способными вывести фольклористику на дорогу подлинно исторического изучения фольклора, погружаясь в дебри абстрактных схем. Никакое моделирование в науке не может быть плодотворным, если оно отрывается от действительности. В тех же структурных моделях, которые разрабатывают американские исследователи, фольклор, лишенный полнокровного исторического содержания, неизбежно теряет свою идейно-познавательную и эстетическую сущность.

В рассмотренных работах американских ученых структурализм сеет идеи, дегуманизирующие фольклор, ведущие к отрицанию творческой

роли народных масс в создании мирового искусства. Фольклор представляется как грандиозный континуум структур, способный лишь пассивно регистрировать отдельные сдвиги в окружающей жизни. При такой постановке вопроса проблемы народности и классовой природы фольклора, без решения которых нельзя понять ни истории фольклора, ни его будущих судеб, либо игнорируются, либо освещаются в духе весьма реакционных теорий. И это вполне закономерно. Раскрывая причины физического идеализма, В. И. Ленин писал: «Реакционные попятывания порождаются самим прогрессом науки. Крупный успех естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождают забвение материи математиками. „Материя исчезает“, остаются одни уравнения. На новой стадии развития и, якобы, по-новому получается старая кантианская идея: разум предписывает законы природе»³³.

В наши дни диалектическая противоречивость научного прогресса в обстановке углубляющегося кризиса буржуазного мировоззрения и процветания идеалистических теорий еще более обостряется, порождая многообразие антинаучных концепций во всех сферах общественных буржуазных наук. Это подтверждается и при знакомстве с модификациями структурализма в американской фольклористике, все более откровенно впитывающими в себя те субъективистские теории, критика которых в свое время в значительной степени способствовала распространению самого структуралистского направления. Очевиднее, чем когда-либо, в нашу эпоху марксизм-ленинизм предстает как учение, единственно способное указать реальные пути для подлинно исторического изучения фольклора как искусства народа для народа.

STRUCTURALISM AND ITS MOST RECENT MODIFICATIONS IN CONTEMPORARY FOLKLORE STUDY IN THE UNITED STATES

A distinctive feature of American folklore study in the sixties is a heightened interest in theoretical problems of semiotics and in formal structural analysis. While creating an illusion of objectivity and of recognizing folklore phenomena as being historically determined structuralism remains a product of neopositivist philosophy and retains inherent internal links with Freudism and Jungianism, with various trends of the anthropological and the historical-geographical schools. An important influence in this direction is exerted over folklore studies by structural linguistics which stimulate a search for modernized principles of «closed reading» of texts widely made use of in the «new criticism».

Structuralism has arisen and spread under conditions of a growing crisis in the bourgeois world outlook. This crisis has both aroused an irrepressible urge towards questioning theories which had long been considered beyond doubt and stimulated the extreme eclecticism of the theoretical principles of structuralism, which appears in different forms. Each of these forms is rooted in the complex ideological struggle of the sixties which has drawn folklore study within its orbit. In the works by American scientists examined here structuralism sows ideas which tend to dehumanize folklore and lead to the negation of the role of popular masses in creating the art of the world.

³³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 326

Н. А. Томилов

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У ТАТАР ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Сибирские городские татары представляют собой своеобразную и довольно многочисленную группу татарского этноса. Общее число их по переписи 1959 г. составляет 206 тыс. человек, из них 104 тыс. проживает в Западной Сибири¹.

Изучением этнических процессов у национальных групп в городах Сибири специально никто не занимался. Между тем города, почти все сложные по своему этническому составу, являются важными центрами интернационального сближения трудящихся, растет их значение в развитии этнических процессов². Судьба отдельных групп городского населения, в силу исторических причин оказавшихся изолированными от костяка своей нации или народности, представляет, несомненно, научный интерес.

Большая часть татар сосредоточивается в настоящее время в таких крупных городах Западной Сибири, как Новосибирск, Кемерово, Омск, Томск, Тюмень и др. Меньшая их часть расселена в небольших городах (типа Юрги, Колпашева, Асина, Ишима, Чулыма и др.) и многочисленных рабочих поселках городского типа. В городах и поселках данного региона по численности татары стоят на третьем месте после русских и украинцев.

Автор данной статьи попытался выяснить направление и степень интенсивности этнических процессов среди татар сибирских городов в годы Советской власти. Попутно выяснялась и роль факторов, оказывающих влияние на специфику этих процессов в условиях города.

В последние два-три столетия в западносибирских городах росла численность коренных сибирских народов, а также различных национальных групп.

Работы по изучению современных этнических процессов у татар городов Западной Сибири проводились в 1969—1971 гг. Проблемной лабораторией истории, археологии и этнографии Томского университета. В результате исследования удалось выяснить, что коренные сибирские татары частично смешались на этой территории с пришлыми поволжскими и приуральскими татарами, но сейчас сохраняют значительное своеобразие в языке, культуре, быте, этническом самосознании.

Одновременно сотрудники лаборатории собрали материал и среди городского татарского населения, большинство которого составляют в

¹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР», М., 1963.

² В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов у народов СССР, «Сов. этнография», 1961, № 4, стр. 23; В. В. Покошишевский, Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения, «Сов. этнография», 1969, № 5.

наши дни пришлое татары из Европейской части страны и их потомки. Объектами исследования стали города Томск и Колпашево, семь городских поселков Томской области (в том числе Моряковка, Тогур, Красный Яр и др.) ³, в которых имеются большие группы татар. Татарские группы этих населенных пунктов являются типичными для Западной Сибири по целому ряду характеристик — истории формирования, процентному соотношению ко всему городскому населению, степени признания русского языка родным и т. д.

Всего татар в городах Западной Сибири 104 166. Они составляют 48,6% от всего татарского населения и 2,1% от всего городского населения этого региона. В Томской области, где проводилось исследование, насчитывается 6848 городских татар. Они составляют 50,9% от всех татар области и 1,9% от всего городского населения. О том, что материалы по

Таблица 1

Распространение этнонимов среди татар городов Томской области, %

Этнонимы	Томск	Колпашево	Городские поселки
Сибирские татары	24,3	44,4	50,8
Томские татары	32,0	2,8	1,2
Эуштинцы	0,3	—	0,8
Чаты	0,2	—	—
Тюменские татары	0,6	—	0,4
Тобольские татары	0,3	5,6	—
Чулымские татары	0,1	—	—
Бухарцы	0,2	—	—
Казанские татары	21,4	23,6	30,5
Другие территориальные самоназвания казанских татар (пензенские, пермские и т. п.)	2,5	12,5	4,9
Мишари	4,3	—	—
Кряшены	—	—	0,4
Татары, не отнесшие себя ни к одной из названных групп	13,8	11,1	11,0
Абсолютное число опрошенных	1133	144	246

татарам Томской области характерны для всех городских татар Западной Сибири, свидетельствуют следующие сопоставления. Среди городских татар Западной Сибири доля мужчин составляет 49,7%, а среди томских татар — 48,2%, доля считающих родным языком русский среди всех западносибирских татар 14,8%, а среди томских — 14,7%.

В работе используются материалы переписей 1897, 1926, 1959 гг., данные Томского областного архива ЗАГС, паспортных столов Томска и Колпашева, библиотек, почтовых отделений. Кроме того, в 1969—1970 гг. среди городских татар было заполнено 1523 опросных листа, в том числе 1133 по Томску.

Репрезентативность выборки дает возможность с некоторыми оговорками распространить выводы на все татарское городское население Западной Сибири.

Каждый опросный лист состоял из 68 вопросов ⁴, позволяющих осветить многие стороны этнического развития городских татар. Так как в статье дается общая характеристика современных этнических процессов среди татар сибирских городов, в ней приводятся лишь основные по-

³ Данный регион был выбран для обследования потому, что автор живет в Томске и мог выезжать в Колпашево и рабочие поселки для сбора материалов.

⁴ За основу был взят вариант разработанного в Институте этнографии АН СССР для изучения этнических процессов в Татарской АССР опросного листа, несколько переработанный и дополненный нами.

казатели опросных листов. Используется в работе и конкретный этнографический материал по культуре и быту, собранный в ходе бесед с информаторами, а также результаты наблюдений автора статьи и студентов — членов этнографического кружка Томского университета⁵.

Так как формирование городских групп татар в Западной Сибири происходило в разные периоды и различными путями, нам представляется необходимым кратко охарактеризовать историю образования татарских групп в выбранных для обследования пунктах.

Татарское население Томска сложилось из разнородных тюркоязычных элементов. Первыми татарами — жителями Томска, основанного в 1604 г., были местные эуштинцы и чаты, образовавшие категорию «служилых татар»⁶. Такие группы в XVII в. имелись во многих городах Западной Сибири⁷. В 1622 г. в Томске числилось 300 служилых татар⁸, в XVIII в. число их уменьшается до 61 чел.⁹. Позже бывшие служилые татары и их потомки попадают в разряд «оседлых инородцев». В качестве «служилых людей» в первой половине XVII в. в Томск посылались также татары из Тюмени, но лишь на определенный срок¹⁰. У томских татар были связи и с тарскими татарами, которые занимались перевозками грузов из Тары в Томск¹¹, а также с тобольскими татарами, поскольку часть томских татар («подводные люди») привлекалась правительством для перевозки грузов между Томском и Тобольском¹². Эти связи, продолжавшие сохраняться в XVIII — XIX вв., способствовали сближению языка томских тюрков с языком тоболо-иртышских татар¹³.

В XVII в. в западносибирских городах, в частности в Томске, на постоянное жительство оседали также бухарцы (узбеки)¹⁴, которые еще до присоединения Западной Сибири к России занимались в этих местах торговлей, являясь посредниками между купцами Сибири и Средней Азии¹⁵. В первые годы после строительства Томска несколько бухарцев купили у русских властей землю около города¹⁶ и образовали своеобразную бухарскую колонию¹⁷. Приток их из Средней Азии продолжался и в XVIII в.¹⁸ В первой половине XVII в. в Томске появилась также небольшая группа казанских татар¹⁹. В XVIII в. число татар — выходцев из Европейской части России увеличивается. Но особенно усиливается переселенческое движение казанских татар в Сибирь в XIX — начале XX в.²⁰ Если по данным путешественника Фалька, побывавшего в Томске в 1771 г., число всех татар и бухарцев города достигало 200 человек²¹,

⁵ Материалы хранятся в архиве музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева.

⁶ З. Я. Бояршинова, Население Томского уезда в первой половине XVII века, «Труды Томского гос. ун-та», серия ист.-филол., т. 112, Томск, 1950, стр. 112, 113.

⁷ С. В. Бахрушин, Сибирские служилые татары в XVII в., Научные труды, т. III, ч. II, М., 1955, стр. 166.

⁸ Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. II, М.—Л., 1941, стр. 286.

⁹ Г. Н. Потанин, Материалы по истории Сибири, М., 1867, стр. 8.

¹⁰ С. В. Бахрушин, Указ. раб., стр. 166.

¹¹ А. Титов, Сибирь в XVII в., М., 1890, стр. 19.

¹² З. Я. Бояршинова, Указ. раб., стр. 104.

¹³ А. П. Дульзон, Диалекты татар — аборигенов Томи, «Уч. записки Томского государственного педагогического института», т. XV, Томск, 1956, стр. 300.

¹⁴ С. В. Бахрушин, Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв., Научные труды, т. IV, М., 1959, стр. 207.

¹⁵ Х. Зияев, Средняя Азия и Сибирь в XVI—XIX вв., Ташкент, 1962.

¹⁶ И. Фальк, Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска, «Полное собрание ученых путешествий по России», т. VI, СПб., 1824, стр. 538.

¹⁷ «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», т. 16, СПб., 1907, стр. 269.

¹⁸ С. В. Бахрушин, Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв., стр. 208.

¹⁹ Г. Ф. Миллер, Указ. раб., т. II, стр. 320.

²⁰ В. В. Храмова, Западносибирские татары, в кн.: «Народы Сибири», М.—Л., 1956, стр. 474.

²¹ И. Фальк, Указ. раб., стр. 541.

то в 1864 г. число мусульман (ими как раз были татары и бухарцы) в Томске составило уже 494 человека²², а в 1880 г. 1090 татар были постоянными жителями Томска²³. Наконец, по данным переписи населения 1897 г., в Томске было 221 человек, принадлежащих к местным тюркам, 68 бухарцев и 1322 «пришлых» татарина²⁴. Такое увеличение численности татар произошло главным образом за счет переселенческого потока из Поволжья, Приуралья и других районов Сибири.

Этническое взаимодействие самых различных по своему происхождению тюркоязычных групп в Томске происходило еще в дореволюционный период. Так, бухарцы, проживавшие длительное время совместно с татарами, постепенно были ассимилированы ими, забыли свой родной язык и сохранили лишь частично национальное самосознание. Процесс ассимиляции бухарцев татарами характерен был для других городов Западной Сибири²⁵.

В Томске также смешивались местные татары (этнографическая группа томских татар) с пришлыми поволжскими татарами, распространявшими среди коренных тюрков свой язык и культуру. В этот же период среди тюркской группы города распространяются диалекты казанских татар. Это произошло благодаря созданию нескольких татарских училищ (незадолго до революции в городе действовали четыре частных начальных училища и одно русско-татарское училище с общим числом учащихся в 1912 г. 290 человек²⁶) и изданию с 1912 г. в Томске газеты «Сибиря»²⁷ на татарском и русском языках. Процесс смешения местных тюрков с казанскими татарами и бухарцами был характерен и для многих других западносибирских городов²⁸.

Тесные контакты с русскими также не могли пройти бесследно для татар сибирских городов. В Томске уже в 30-х годах XVII в. значительная часть татар жила по соседству с русским населением, у которого заимствовались хозяйственные и культурные достижения. Двуязычие становилось характерной чертой татарского населения, заключались браки между русскими и татарками²⁹. Некоторые местные тюрки были обращены в христианство³⁰. Длительное совместное проживание приводило к тому, что часть татар была ассимилирована русскими³¹. Но большинство коренных татар Томска подпало в конце XVII в. под влияние мусульманской религии, распространявшейся бухарцами и казанскими татарами. В условиях царской России эти религиозные различия способствовали некоторому обособлению татарского населения. Тем не менее в XIX — начале XX в. влияние русских на татар продолжало усиливаться благодаря хозяйственным и культурным контактам.

Татарское население г. Колпашево и обследованных городских поселков складывалось в основном в годы Советской власти. По данным опроса, 51,4% татар переселились в Колпашево сравнительно недавно, а в городских поселках эта цифра поднимается до 67,1%. Подавляющее большинство татар этих населенных пунктов по происхождению казанские татары, лишь в пос. Моряковка проживает небольшая группа по-

²² Н. Костров, Историко-статистическое описание городов Томской губернии, Томск, 1885.

²³ Н. Костров, Однодневная перепись населения города Томска 16 марта 1880 года, Томск, 1880, стр. 17, 19, 20, 24.

²⁴ С. К. П а т к а н о в, Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. II, Тобольская, Томская и Енисейская губернии, СПб., 1911, стр. 130.

²⁵ «Россия. Полное географ. описание нашего отечества», т. 16, стр. 269.

²⁶ Сб. «Город Томск», Томск, 1912, стр. 54, 55.

²⁷ Там же, стр. 72.

²⁸ И. Г. Георги, Описание всех обитающих в Российском Государстве народов, ч. 2, СПб., 1799, стр. 23.

²⁹ «Очерки истории г. Томска (1604—1954)», Томск, 1954, стр. 15.

³⁰ З. Я. Б о я р ш и н о в а, Указ. раб., стр. 74.

³¹ И. М а л и н о в с к и й, Прошлое Томска, в сб. «Город Томск», Томск, 1912, стр. 7.

томков коренных сибирских татар — переселенцев из соседней дер. Тегильдеево, перемешанных с казанскими татарами³².

В годы первой мировой войны численность татар Томска и Колпашева увеличилась за счет интенсивного переселения сюда беженцев из Татарии и Башкирии, а в 1921—1922 гг. — беженцев из голодавшего Поволжья³³. По данным Всесоюзной переписи населения, в 1926 г. в Томске было уже 4152 татар, что составило 4,5% общего числа горожан. В Колпашеве в 1926 г. числилось 99 татар, или 7,1% от всех жителей³⁴.

В целом за годы Советской власти процесс переселения татар из Поволжья и Приуралья в значительной степени ослаб — по нашим материалам лишь 6,2% опрошенных татар Томска прибыли из этих районов за последние полвека. Незначительной оказалась и миграция татар из Средней Азии и различных районов Сибири — лишь 6,4% всех опрошенных. Одновременно усилилась миграция татар из деревень Томской области в город — около 22% опрошенных были выходцами из села, прибывшими сюда в послереволюционный период. Группу потомственных горожан составляют, по нашим данным, 65,6% опрошенных.

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в городах Томской области проживали 6848 татар³⁵, из которых 5615 человек — в Томске.

В первые десятилетия Советской власти в связи с экономическими преобразованиями в нашей стране в Томске стали интенсивнее протекать процессы смешения коренных сибирских татар (эуштинцев, чатов) и бухарцев с казанскими татарами, начавшиеся еще в условиях дореволюционной России³⁶. В городе полностью исчезли различия в материальной культуре и быте между бухарцами, пришлыми и местными татарами. Сближению тюркских групп Томска способствовали и новые явления общественной жизни. Работа татарского клуба, открытие татарской библиотеки³⁷, праздники сабантуя, проводившиеся регулярно в 1920—1930-е годы на городском ипподроме, и другие мероприятия приобщали местных татар к культуре поволжских татар и стирали различия в этом плане между коренными и пришлыми татарами.

Наиболее четко процесс консолидации тюрко-татарских групп отразился в языке. Главную роль сыграл язык поволжских татар. Сфера распространения его расширилась в связи с открытием в Томске и в соседних татарских деревнях школ с обучением детей на литературном татарском языке (основой его является диалект казанских татар) и с выходом татарских газет «Азад Себер» («Освобожденная Сибирь»), «Себер юксылары» («Пролетарии Сибири») ³⁸. В 20-х годах возникает татарское педагогическое училище, открываются тюрко-татарские отделения на рабфаках вузов³⁹, постепенно ликвидируется неграмотность среди взрослого татарского населения.

Перечисленные выше мероприятия в конечном счете привели к тому, что в настоящее время почти все татары Томска говорят на литературном татарском языке в отличие от сельских коренных татар, тюркские

³² П. Г. Иванов, Томские татары, «Труды общества изучения Томского края», вып. 1, Томск, 1927, стр. 104.

³³ Л. А. Голишева, Деятельность национальных отделов по вовлечению нерусских народностей Сибири в восстановление народного хозяйства (1921—1922 гг.), «Вопросы истории Сибири», вып. 1, Томск, 1964, стр. 140.

³⁴ «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. VI, М., 1928, стр. 248—250.

³⁵ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года», РСФСР, стр. 356.

³⁶ Н. М. Ядринцев, Сибирские инородцы, их быт и современное положение, СПб., 1891, стр. 17.

³⁷ «Вся Сибирь. Справочная и адресная книга на 1924 г.», Л., 1924, стр. 241.

³⁸ А. П. Дульзон, Указ. раб., стр. 311; Л. А. Голишева, Указ. раб., стр. 133.

³⁹ П. Г. Иванов, К истории татарской школы в Сибири в связи с подготовкой культурных работников среди сибирского турецкого населения, «Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда», т. V, Томск, 1928, стр. 137.

говоры которых хоть и значительно трансформировались, но продолжают функционировать в некоторых деревнях по сей день⁴⁰.

Консолидационные процессы среди городских татар выразились также в изменении этнического самосознания, главным образом у коренных татар и бухарцев. Как видно из табл. 1, составленной по данным опроса, почти полностью исчезли такие самоназвания, как «бухарцы», «эуштинцы», «чаты» («цаттыр») — к ним отнесли себя всего лишь 7 человек. Смена национального самосознания бухарцев свидетельствует о том, что ассимиляция их татарской средой в Томске завершилась. Этот процесс характерен был в годы Советской власти для всех бухарцев Сибири, проживавших как в городской, так и в сельской местности⁴¹. Более устойчиво сохраняются самоназвания «пришлых» татар: «казанские» татары и «мишари». Значительная часть опрошенных считает себя «сибирскими» и «томскими» татарами (табл. 1), т. е. пользуется самоназваниями коренных сибирских татар данного региона. Интересно, что в числе назвавшихся этими двумя этнонимами оказались и татары, предки которых переехали в Томскую губернию из Европейской России.

Таким образом, татары Томска, представляющие собой группу с некоторыми традиционными чертами культуры и быта, сформировались путем смешения различных тюркоязычных групп, подпавших под сильное влияние языка и культуры казанских татар. Последние постоянно оказывали и оказывают в настоящее время влияние на языковые и этнокультурные процессы и среди сельских татар Томской области, являющихся также смешанными по своему составу⁴².

Значительно меньший размах процессы смешения представителей разных тюркских групп и народов принимали в Колпашеве и поселках городского типа. Это связано с малочисленностью татарских групп в этих населенных пунктах и большей однородностью их этнического состава. Процент называвшихся «казанскими татарами» в небольших городских поселениях оказался выше, чем в Томске.

В последние десятилетия все больше городские татары Западной Сибири сближаются с русскими. Совместное проживание, общение в труде и учебе, дружеские связи, культурные контакты в условиях городской жизни, выравнивание социального положения татар и русских являются основой для такого сближения. Важное значение для этого процесса имеет «сквозное» расселение татар в городах и поселках среди русских в пределах улиц, кварталов и отдельных домов. В наши дни часть татар Томска живет по-прежнему в районе бывшей татарской слободы (Заисточья). Нами были обследованы 9 улиц и 12 переулков этого микрорайона. Оказалось, что в данном районе в настоящее время проживает лишь около 30% всех городских татар, а более 70% — в других районах среди русского населения. В свою очередь и русские, начиная с середины XIX в.⁴³, активно заселяли Заисточье — сейчас они составляют 76,1% всего населения этого района, в то время как татары — лишь 23,1%.

Одним из важных результатов процесса сближения татар с русскими в городах является распространение среди них русского языка. По данным переписи 1959 г., 14,8% всех татар городов Западной Сибири записали своим родным языком русский в отличие от 5,4% по переписи 1926 г.⁴⁴ Примечательно, что в небольших городах и городских поселках

⁴⁰ М. А. Абдрахманов, К вопросу о закономерностях диалектно-языкового смешения (на материале тюркского говора дер. Эушта Томского района), Автореф. канд. дис., Томск, 1960, стр. 2.

⁴¹ Ф. Т. Валеев, Сибирские бухарцы во второй половине XIX — начале XX в. (Историко-этнографический очерк), Автореф. канд. дис., Ташкент, 1965, стр. 16.

⁴² Н. А. Томилов, У татар Томской и Новосибирской областей, сб. «Полевые работы 1969 года». (Из истории Сибири), вып. II, Томск, 1969.

⁴³ Гагемейстер, Статистическое обозрение Сибири, ч. II, СПб., 1854, стр. 148.

⁴⁴ «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. VI, стр. 14, 15; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, РСФСР, стр. 354—357.

языковая ассимиляция татар происходит интенсивнее, чем в крупных городах. Так, если в Томске в 1959 г. 13,3% татар назвали русский язык своим родным языком, то в остальных городах 20,9% татарского населения считает русский язык родным.

Двуязычие сибирских городских татар — характерное явление сегодняшнего дня. Степень свободного владения (т. е. умение говорить, читать и писать) русским языком у татар даже выше, чем степень владения татарским (табл. 2) ⁴⁵. По данным опросных листов выяснилось, что

Таблица 2

Этнокультурные признаки, в %

Этнокультурные характеристики	Районы исследования			
	г. Томск	г. Колпаше- во	Городские поселки	Сельская местность
	Абсолютное число опрошенных			
	1133	144	206	1479
Язык				
Свободно владеют языком				
татарским	50,5	26,4	48,1	64,4
русским	85,0	77,8	87,4	77,3
Обычно говорят с родителями по-русски	15,5	15,3	17,0	7,0
Обычно говорят с женой (мужем) по-русски	21,4	30,6	40,3	9,3
Обычно говорят с детьми по-русски	31,4	43,0	46,1	14,5
Обычно говорят на производстве по-русски	76,3	70,8	88,4	53,8
Обычно читают газеты и журналы				
на татарском языке	17,4	11,1	12,5	26,8
на русском языке	79,4	77,8	95,6	69,1
Обычно читают художественную литературу				
на татарском языке	10,9	1,4	7,8	12,9
на русском языке	60,7	76,4	55,3	50,4
Традиционные культура и быт				
Носят национальную одежду, головные уборы, обувь	7,6	1,4	2,9	12,6
Знают более трех национальных блюд в пище	54,6	34,7	34,0	62,1
Не употребляют в пищу свинины	72,8	41,7	42,2	75,5
Празднуют свадьбу по религиозному обряду	11,0	11,1	15,1	25,8
Любят смотреть спектакли, концерты на татарском языке	53,6	33,3	48,5	71,1
Национальные установки				
Считают, что национальный состав коллектива не имеет никакого значения	88,6	93,0	94,2	80,8
Положительно относятся к смешанным национальным бракам	66,8	86,1	84,0	66,0

татарский язык сохраняет значение основного разговорного языка. Но и роль русского языка также велика — почти все татары пользуются им в разных разговорных ситуациях, а 26% татар городов и 30,08% татар рабочих поселков назвали его своим основным разговорным языком. На производстве и в учреждениях татары говорят только по-русски. Заметно проникновение русского языка в семейное общение татар — в разговорах с родителями, супругом, детьми многие из них пользуются русским или русским и татарским языками.

Углубившиеся в последние десятилетия процессы сближения с русскими, влияние русской культуры и русского языка привели к значительной трансформации духовных запросов татарского населения. Татары предпочитают обучать своих детей в русских школах для того, чтобы у них была возможность получить дальнейшее образование. И хотя в городской библиотеке (бывшая русско-татарская) Томска продолжает

⁴⁵ Это объясняется тем, что большинство молодежи читать и писать по-татарски не умеет, так как обучение в школе проходило на русском языке.

сосредоточиваться литература на татарском языке, из 160 взрослых читателей лишь 8 татар пользовались ею в 1969 г. Более полные показатели о пользовании литературой на татарском и русском языках дают опросные листы. Приведенные в табл. 2 данные свидетельствуют о большой роли русского языка в этой сфере духовной культуры городских татар. В то же время, видимо, у определенной части татарского населения сохраняется постоянный интерес к печатным изданиям и на родном языке. Об этом говорят, в частности, данные о подписке на периодику Татарской АССР в Томске за 1964—1970 гг. (табл. 3) и сведения о подписке на русскую и татарскую периодику, полученные в почтовом отде-

Таблица 3

Количество журналов на татарском языке, выписанных в Томске

Наименования журналов	Годы						
	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970
Азат хатын	22	18	23	45	42	73	74
Казан утлары	—	—	13	24	28	41	23
Чаян	31	40	31	46	61	70	64
Ялкын	—	—	—	5	10	3	3
Всего	53	58	67	120	141	187	164

лении № 28 г. Томска, обслуживающем район Заисточья. В 102 татарских семьях в 1970 г. было выписано 190 журналов и газет, из них только 20 на татарском языке. Следует также отметить, что литературу на татарском языке читают в основном люди среднего возраста, среди которых преобладают женщины.

С большим интересом городское татарское население посещает концертные программы на татарском языке, однако велика тяга татар и к выступлениям русских сценических коллективов.

Крупные изменения произошли в годы Советской власти и в материальной культуре татарского населения городов. Еще в дореволюционный период произошел переход от традиционных типов татарских жилищ к русским. Исчезает старая утварь и мебель, так что интерьер домов татар не отличается от интерьера домов остального городского населения. Большинство татар сейчас даже затрудняется описать старые жилища.

У городских татар преобладает покупная или сшитая по современным образцам одежда. В головных уборах (тюбетейках, особым способом повязанных женских платках) и обуви (ичигах, которые носят лишь дома) очень редко сохраняются традиционные формы да и то у людей пожилого возраста.

Гораздо прочнее национальные традиции сохраняются в пище татар. Во многих семьях готовят традиционные татарские блюда — мучные изделия — чэкчэк, баурсак, пәрәмәч, бәлиш и др., плов, мясной суп с домашней лапшой и т. п. В целом городские татары проявляют значительную осведомленность в национальной кухне — большинство из них знает более трех татарских блюд (табл. 2). Кроме того, среди татар среднего возраста сохраняется сложившееся еще в прошлом под влиянием мусульманской религии отрицательное отношение к употреблению в пищу свинины. Однако у значительной части городских татар (особенно среди молодежи) укрепляется нигилистическое отношение к этому запрету. В пище городских татар широкое распространение получили также блюда, заимствованные ими от русских или приготовляемые по кулинарным книгам.

В этнографической литературе отмечалось, что в городских условиях черты национальной культуры населения утрачиваются быстрее⁴⁶. Как видно, городские татары Западной Сибири не представляют в этом отношении исключения. В семейном быту и семейных отношениях произошли также значительные перемены, выразившиеся прежде всего в изменении положения членов семьи—в равноправии женщин, большей самостоятельности детей, ослаблении власти главы семьи (в дореволюционном прошлом она нередко принимала деспотические формы).

В советский период распространились новые формы семейных праздников—общественная регистрация брака, комсомольская свадьба, празднование дня рождения и др. Тем не менее именно в семейной обрядности сохраняются черты, отличающие татар от русских—это прежде всего обряды наречения именем, свадебный, похоронный, поминальный, положительное отношение у части татар к обряду обрезания и т. д. И если в праздновании родин и свадеб появилось много общесоветских черт (хотя и в этих случаях подчас совершается религиозный обряд и сохраняются национальные особенности), то похоронный и поминальный обряды мало изменились за последние полвека. Сохранение национальных черт в семейных обрядах и торжествах не препятствует сегодня тому, чтобы в них участвовали соседи и друзья иной национальности. Лишь среди небольшой части татарского населения продолжают наблюдаться некоторые пережиточные формы семейного быта и духовной культуры, которые способствуют сохранению замкнутости этой части татар.

Процесс сближения с русскими находит свое выражение и в динамике смешанных в национальном отношении браков. Процент смешанных браков у татар Томска в 1927—1930 гг. составлял 13,2% и был ниже, чем среди татар городов всей Западной Сибири⁴⁷. В следующие десятилетия количество смешанных браков значительно увеличилось (табл. 4). В 1961—1964 гг. браки татар с русскими в Томске составили 55,5% от всех браков татар и 87,2% от всех смешанных браков. В эти же годы происходило выравнивание соотношения браков, в которых муж является русским, а жена татаркой, с браками, в которых, наоборот, муж—татарин, а жена—русская. Нарушение прежней традиции не выдавать татарских девушек за инонациональных мужчин имеет большое значение для дальнейшего развития процесса сближения татар с русскими.

Данные табл. 4 свидетельствуют об усилении ассимиляционных процессов среди татар городов Западной Сибири. Можно заключить, что здесь налицо прорыв эндогамности, по терминологии Ю. В. Бромлей⁴⁸, среди компактной в прошлом группы татар Томска. В 1956—1964 гг. в городе было зарегистрировано немногим более 42% однонациональных браков от общего числа всех браков, заключенных в эти годы татарским населением. Еще более высок процент смешанных браков с русскими у татар Колпашева и рабочих поселков.

Важными для характеристики этнических процессов, как было отмечено уже многими исследователями⁴⁹, являются материалы об изменениях в национальном самосознании. Особенно показательны в этом отношении данные об определении своей национальной принадлежности представителями второго поколения в национально-смешанных семьях. Для того, чтобы выяснить, какую национальность избирают татары-под-

⁴⁶ Л. В. Хомич, О содержании понятия «этнические процессы», «Сов. этнография», 1969, № 5, стр. 84.

⁴⁷ «Естественное движение населения в Сибкрае за 1925—1927 гг.», Новосибирск, 1930, табл. 24, стр. 88.

⁴⁸ Ю. В. Бромлей, Этнос и эндогамия, «Сов. этнография», 1969, № 6.

⁴⁹ И. С. Гурвич, Некоторые проблемы этнического развития народов СССР, «Сов. этнография», 1967, № 5, стр. 63; В. И. Козлов, Современные этнические процессы в СССР (К методологии исследования), «Сов. этнография», 1969, № 2, стр. 64; Л. В. Хомич, Указ. раб., стр. 82, 83 и др.

Численность браков и национальный состав брачующихся у татар Томской области за 1927—1964 гг.*

Годы	Всего за- ключено	Смешанные браки							
		всего		муж—татарин жена—русская		муж—русский жена—татарка		прочие	
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Браки татар Томска									
1927—1930	181	24	13,2	17	70,8	2	8,3	5	20,9
1931—1935	169	39	23,1	20	51,3	9	23,1	10	25,6
1936—1940	147	49	33,3	26	53,1	15	30,6	8	16,3
1941—1945	96	50	52,1	24	48,0	15	30,0	11	22,0
1946—1950	246	98	34,9	52	54,2	25	26,1	21	19,7
1951—1955	411	189	46,0	94	49,7	56	29,7	39	20,6
1956—1960	520	281	54,0	136	48,4	70	24,9	75	26,7
1961—1964	281	179	63,7	78	43,6	78	43,6	23	12,8

Браки татар Колпашева и городских поселков

1931—1935	15	3	20,0	1	33,3	1	33,3	1	33,3
1936—1940	28	13	43,4	7	53,8	6	46,2	—	—
1941—1945	17	12	70,6	12	100,0	—	—	—	—
1946—1950	58	33	56,9	22	66,7	7	21,2	4	12,1
1951—1955	76	48	63,2	24	50,0	17	35,4	7	14,6
1956—1960	114	80	70,2	38	47,5	20	37,5	12	15,0

* Меньшее количество браков в 1961—1964 гг. по Томску объясняется тем, что в 1961 г. отсутствуют данные о национальности в записях актов о браках за январь—апрель, июль—июль, сентябрь—декабрь, в 1964 г. — с апреля по декабрь, а с 1965 г. — таковые данные в бланках вообще отсутствуют. До 1927 г. по Томску, до 1931 г. и после 1960 г. по Колпашеву и рабочим поселкам имеются лишь единичные непредставительные данные, поэтому они не включены в данную таблицу, или таких данных вообще нет.

ростки Томска и Колпашева при получении паспортов нами были произведены выписки из всех форм 1 в паспортных столах районных отделений милиции этих городов. В подсчет включен материал за 1961—1969 гг. и за первое полугодие 1970 г. — всего 1048 выписок. В результате анализа полученного материала удалось установить, что русскую национальность избрали 86,9% подростков из смешанных татарско-русских семей и 81,0% из русско-татарских семей.

При использовании формы 1 приходится учитывать возможные неточности. В частности, в 40% случаев от всех наших выписок подростками не проставлена национальность родителей. Надо полагать, что в большинстве случаев это выходцы из однонациональных семей, но не исключены и другие варианты. Л. Н. Терентьева, впервые разработавшая методику использования материалов паспортных отделов милиции для выяснения национального самосознания подростков в национально-смешанных семьях, указывает также на известную ограниченность этого источника, «обусловленную регламентацией, действующей в паспортной системе» (подросток может выбрать только национальность своих родителей)⁵⁰. В наших материалах мы встретили 23 случая исправления административными работниками данных о национальности подростка, когда при наличии обоих родителей — татар подросток в форме 1 писал национальность «русский». В быту нам приходилось встречать людей — выходцев из русско-татарских семей, которые по паспорту считаются русскими, но в среде окружающих их татар они говорят по-татарски, соблюдают частично татарские традиции, считаются татарами, у таких людей подчас возникает как бы двойное самосознание — в среде татар они называют себя татарами, а в среде русских — русскими.

⁵⁰ Л. Н. Терентьева, Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях, «Сов. этнография», 1969, № 3. стр. 29.

Среди части татар встречаются также двойные (татарские и русские) имена и отчества (для удобства общения с русскими, как они сами объясняют).

В заключение подведем некоторые итоги исследования. Как показывают источники, формирование городских групп татар Западной Сибири происходило в разное время. В небольших городах и рабочих поселках они появились, как правило, позднее, чем в старых крупных городах, т. е. в основном уже в советский период⁵¹. Недавнее образование татарских групп в небольших городах и поселках явилось причиной того, что среди них под влиянием условий городской жизни и иной этнической среды быстро разрушались традиционные устои быта и культуры.

Татарские группы старых городов, имевшие давнюю историю и свои сложившиеся традиции, видимо, отчасти сохраняют этническую специфику в языке, культуре и быте.

Современные этнические процессы среди татар старых городов явились продолжением процессов, проходивших еще в дореволюционный период, но развивающихся с разной степенью интенсивности.

В первые годы Советской власти в старых городах протекали процессы дальнейшего смещения тюркского населения разных групп и народов (казанских татар, мишарей, коренных сибирских татар, бухарцев и др.), сопровождавшиеся ассимиляцией некоторых из них со стороны казанских татар. Смещение групп поволжских и приуральских татар с западно-сибирскими татарами явилось особенностью этнических процессов среди татар в данном регионе, по сравнению, например, с этническими процессами среди татар Европейской части страны, Средней Азии, Восточной Сибири. В последние десятилетия на первый план в Западной Сибири выдвинулись процессы сближения татар с русскими. В настоящее время во всех типах городских поселений проходят активные межнациональные контакты, в результате которых часть татар утрачивает некоторые элементы этнических признаков, а иногда среди них наблюдаются и случаи изменения национального самосознания. Более интенсивно эти процессы протекают в небольших городах и рабочих поселках.

В результате сравнения этнокультурных процессов среди городских и сельских татар мы обнаруживали почти во всех показателях значительную разницу, свидетельствующую о более интенсивном развитии этих процессов в условиях города.

Выявляется близость по некоторым показателям татар Томска и татар сельской местности (по степени владения татарским языком, чтению художественной литературы на татарском языке, знанию национальных блюд, по национальным установкам и др.). Это объясняется тем, что давние и постоянные родственные связи татар старых городов с сельскими татарами (в Томске интенсивные связи с сельскими родственниками в настоящее время поддерживают 50,93% опрошенных, в отличие от 36,57% в Колпашеве и рабочих поселках)⁵², регулярность пополнения татар вышеуказанных городов за счет населения татарских деревень привели к некоторой относительной тождественности этнопсихологических стереотипов двух групп. Видимо, в дореволюционный период это тождество было выражено ярче, в наши дни наблюдается нарушение его, идущее в первую очередь со стороны городских татар.

⁵¹ Официальные данные свидетельствуют, что в Западной Сибири все рабочие поселки возникли в основном в советский период. См.: РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1968 года, М., 1968.

⁵² О характере родственных связей населения города и села в целом, о влиянии их на горожан см.: Д. М. Коган, Связи городского и сельского населения как одна из проблем этнографии города, «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 40—50.

Г. Д. Барнов

ГРУЗИНСКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА 1960-Х ГОДОВ

Изучение устного народного творчества в Грузии имеет давние традиции, однако фольклористика как самостоятельная научная дисциплина сложилась лишь после установления в Грузии Советской власти. В 60-х годах проведены работы, как бы подводившие итоги исследований нескольких поколений грузинских фольклористов.

В начале 60-х годов по инициативе Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели АН Грузинской ССР осуществлен ряд хорошо подготовленных, технически оснащенных экспедиций с целью собирания образцов устного народного творчества. Были разработаны специальные инструкции для собирателей. Экспедиции, укомплектованные в основном студентами Тбилисского университета, были направлены в Кахети, Картли и Имерети. Большую помощь собирателям оказывали интеллигенция и учащаяся молодежь соответствующих районов. Работа экспедиций широко освещалась в республиканской печати, особенно в газетах «Комунисти», «Ахалгазрда комунисти», «Соплис цховреба»; там же систематически печатались лучшие образцы народного творчества.

В результате проделанной работы собрано огромное количество совершенно новых материалов, выявлены интересные варианты ранее известных текстов. Все материалы после соответствующей обработки были переданы в Архив Отдела фольклора Института истории грузинской литературы — самый богатый фольклорный архив в Грузинской ССР¹. Следует сказать, что архив систематически пополняется не только за счет фольклорных экспедиций. В 1959 г., например, достоянием архива стала богатейшая коллекция, собранная известным фольклористом конца XIX — начала XX в. П. Умикашвили и его многочисленными корреспондентами². Кроме того, в институте хранятся личные архивы-коллекции Н. Бакурадзе, В. Котетишвили, М. Келенджеридзе, А. Капанадзе и многих других видных фольклористов.

За годы Советской власти в Грузии было издано свыше 50 фольклорных сборников. Особого внимания заслуживают: «Хевсурская народная поэзия» (1931) с обширными комментариями А. Шанидзе, сборник «Народная поэзия» (1934), в котором многие стихотворения сопровождаются интересными пояснениями В. Котетишвили (второе издание сборника осуществлено в 1961 г. под редакцией Е. Вирсаладзе), четыре тома серии «Грузинского фольклора» и др.

Несколько интересных изданий было осуществлено и в 60-е годы. В 1961—1967 гг. вышел в свет трехтомник «Грузинская народная историческая словесность», в котором представлено 555 текстов и много ва-

¹ Архив был создан в 1932 г. при Государственном музее; в 1936 г., когда был организован Институт истории грузинской литературы им. Ш. Руставели, архив был передан институту.

² Часть этой коллекции (поэзия) в 1937 г. была опубликована Ф. Гогичаишвили. Остальные материалы оставались неопубликованными. М. Чиковани совместно с В. Мацаберидзе провел большую работу для публикации этих материалов, и в 1964 г. вышел научно обработанный четырехтомник, ставший настольной книгой для фольклористов (П. У м и к а ш в и л и, Народная словесность, т. I—IV, Тбилиси, 1964, на груз. яз.).

риантов. Тексты подготовила, снабдила предисловием и примечаниями К. Сихарулидзе. Она же подготовила в 1970 г. второе издание хрестоматии народной словесности. В 1961 г. вышли в свет «Трудовые песни» (сост. Т. Окрошидзе). Интересен также пятитомник «Народная мудрость», опубликованный в 1963—1964 гг. В первых двух томах его собраны сказки, в третьем — эпос, легенды и сказания, в четвертом — поэзия, а в пятом — шутки, поговорки и загадки. В книге «Аджарская народная поэзия» (1969) впервые полностью представлены основные жанры аджарской народной поэзии. В 1970 г. издан сборник «Лазские сказки», подготовленный З. Тандилава, «Хевсурские и пшавские народные стихи» (сост. А. Очаури) и др.

Накопленные в архивах Института литературы, Института рукописей им. К. Кекелидзе и краеведческих музеев огромные материалы, публикации многочисленных фольклорных сборников, наличие квалифицированных кадров — все это обусловило возможность издания полного академического корпуса грузинской народной поэтической словесности. В 1963 г. состоялась республиканская конференция фольклористов, на которой специально обсуждался вопрос о принципах издания многотомника грузинской народной поэзии. Наряду с основным текстом целесообразно, по мнению участников конференции, помещать и варианты, каждый том снабдить вступительной статьей, указателем имен и примечаниями, а в ряде случаев и словарем. Издание решено осуществить в восьми томах: I том — мифологические стихи, II — героическая поэзия, III — обрядовая поэзия, IV — любовная поэзия, V — бытовая поэзия, VI — историческая поэзия, VII — трудовая поэзия и VIII том — современные стихи.

В 1970 г. началась подготовка еще одного интересного издания — фольклорного словаря. Читатель найдет в словаре ответы на многие вопросы. Здесь будут охарактеризованы различные фольклористические течения, известные национальные и международные фольклорные памятники, жанры устной словесности, деятельность собирателей и т. п. Уже проведены подготовительные работы. Определен тип словаря, составлен и уточнен словник. Написана большая часть статей.

При активном участии грузинских фольклористов в 60-х годах началась публикация сборников сказок народов СССР и других стран. В настоящее время издано уже двадцать книг; работа в этом направлении продолжается.

С начала 60-х годов ежегодно проводятся республиканские конференции координационного совета по фольклору при Отделении общественных наук АН Грузинской ССР (председатель — М. Чиковани). На эти конференции собираются фольклористы из Аджарии, Абхазии, Южной Осетии, из различных городов республики, сотрудники краеведческих музеев и работники Республиканского дома народного творчества (музыковеды, хореографы). Заслушиваются и обсуждаются теоретические вопросы, итоги полевой работы. На этих конференциях научные работники обмениваются мнениями по важнейшим проблемам современной фольклористики, устанавливают тесные творческие контакты с коллегами, получают научную информацию. Все это тем более необходимо, что в республике, помимо отдела фольклора при Институте грузинской литературы им. Ш. Руставели, существует несколько очагов по изучению грузинского фольклора: при Тбилисском пединституте им. А. Пушкина, Батумском научно-исследовательском институте, Кутаисском пединституте, Сухумском научно-исследовательском институте, Цхинвальском научно-исследовательском институте, Телавском пединституте. В 1968 г. в Тбилисском госуниверситете была учреждена кафедра фольклористики, которую возглавила К. Сихарулидзе.

Одной из важнейших задач отдела фольклора Института им. Руставели является монографическое изучение жанров устной словесности.

Значительные успехи достигнуты в области исследования грузинского народного эпоса.

Эпос занимает почетное место в сокровищнице национальной культуры. За свою многовековую историю грузинский народ создал целый ряд выдающихся эпических памятников. В первую очередь следует назвать сказание о богорборце Амирани, историю трагической любви Абессаломы и Этери, охотничий эпос, связанный с богиней Дали, и др. Грузинский Амирани является двойником греческого Прометея. Сказание об Амирани можно отнести к числу самых значительных памятников национального эпоса. Поэтому неудивительно, что оно изучено очень детально и многосторонне. В этом отношении большую и плодотворную работу проделал М. Чиковани, который привлек данные о древнейшем периоде развития грузинской народной музыки и фольклора, а также широко использовал достижения смежных наук, особенно археологии. Археологические материалы свидетельствуют о том, что сказание об Амирани возникло примерно шесть тысячелетий назад. Результатом длительной и кропотливой работы над сказанием об Амирани стала книга М. Чиковани «Народный грузинский эпос о прикованном Амирани» (М., 1966), которая охватывает широкий круг вопросов: генезис сказания об Амирани, вопрос о древнегреческих источниках и т. д. Сказанием об Амирани занимались многие ученые. История их изысканий отражена в двухтомном труде М. Чиковани «Грузинский эпос» (т. I—1959, т. II—1965).

М. Чиковани посвятил свои исследования и другим памятникам грузинского народного эпоса — «Этериани», «Тариэлиани», «Ростомани» и др. Монография о Ростомани принадлежит также В. Мацаберидзе. Необходимо отметить, что Д. Бардавелидзе в своей статье «Проблема индивидуального характера в грузинском фольклоре» (сб. «Грузинский фольклор», III, 1969) на основе анализа персонажей романтического эпоса Этериани выявил своеобразие характера как художественного компонента в фольклорном произведении.

В монографии Е. Вирсаладзе «Грузинский охотничий эпос» (1964) исследуется ранний пласт богатого и многообразного охотничьего эпоса, в котором отразились древнейшие религиозно-мифологические представления народа. Особое место в монографии уделено исследованию художественных образов, поэтических приемов и традиций исполнения охотничьего эпоса.

К. Сихарулидзе в течение ряда лет работает над проблемой героической и исторической словесности. Наряду с текстологической работой, результатом которой явилась публикация нескольких интересных сборников, К. Сихарулидзе занимается теоретическими исследованиями. Итоговой работой в этой области следует считать книгу «Вопросы грузинской народной героической поэзии» (1970).

В работе А. Ахвледиани «Историко-героическая словесность Аджарии» (1970) показано отношение народа к историческим событиям, определена социальная функция этих произведений историко-героического характера³.

А. Глонти опубликовал двухтомное исследование «Грузинская народная новелла» (1963, 1966), которое, по существу, можно считать продолжением интенсивной работы по исследованию сказок, начатой еще в 30-е годы. Е. Вирсаладзе, А. Глонти, К. Сихарулидзе, М. Чиковани и другие исследователи в своих трудах уделяли особое внимание таким проблемам, как, например, место сказки в устном народном творчестве, отражение в ней языческого и христианского мировоззрения, традиции ис-

³ Основные вопросы грузинской народной исторической словесности рассмотрены в книге К. Сихарулидзе «Грузинская народная героико-историческая словесность», Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).

полнения, классификация, художественная композиция и т. д. В книге Глонти всесторонне освещена бытовая сказка, рассмотрены особенности ее языка и стиля. Т. Окрошидзе исследует художественные образцы фантастической сказки ⁴.

Первая попытка каталогизации грузинских сказок предпринята Е. Вирсаладзе. Она опубликовала «Указатель сюжетов сказок по системе Аарне — Андреева» ⁵. К сожалению, вышла пока лишь первая часть этой работы, в которой рассмотрены сюжеты сказок о животных, но даже эти материалы дают читателю представление о своеобразии грузинской сказки.

За последние годы грузинские фольклористы и этнографы все больше внимания уделяют вопросам мифологии. М. Чиковани в книге «Вопросы греческой и грузинской мифологии» (1971) определил общие для греческой литературы и грузинского фольклора представления и сюжеты. В книге дан сравнительно-исторический анализ мифов локального характера, легенд и преданий об отдельных божествах, показано значение мифологии для развития культуры, рассмотрены вопросы так называемой грузинской теогонии и др. Значительное место отведено изложению дохристианской мифологической системы и ее художественному отражению в народной поэзии.

В разработке вопросов поэтики важное место занимает работа Д. Бардавелидзе «Вопросы грузинского народного стихосложения» (1960). Это первое серьезное исследование, в котором в широком историческом аспекте рассматриваются основные компоненты грузинских народных стихотворений и песен. В книге показана история зарождения и развития размеров народного стиха, освещено интонационно-ритмическое разнообразие грузинских стихов и песен. Что же касается такого сравнительно нового компонента народной поэзии, как рифма, то в грузинском народном стихе, как показал автор, она зародилась еще в долитературный период, и это обстоятельство в дальнейшем сыграло существенную роль в формировании литературной рифмы.

В 1963 г. вышла в свет книга Т. Окрошидзе «Грузинские народные трудовые песни», которой автор завершил многолетнюю исследовательскую работу в этой области фольклористики. В ней рассмотрены основные виды грузинской народной традиционной трудовой поэзии, сделана успешная попытка научного анализа и классификации. В интересующий нас период появились и другие работы, посвященные трудовой поэзии ⁶.

Грузинская литература на всех этапах своего развития обращалась к фольклору, как к источнику вдохновения и неисчерпаемой сокровищнице художественно-выразительных средств. Сложнейшие вопросы литературно-фольклорных взаимоотношений (роль народной словесности в развитии церковной и светской литературы, проблемы версификации и т. п.) всегда были в центре внимания грузинских фольклористов. Многое было сделано в этом направлении в 60-е годы. К юбилею Шота Руставели (1966) была издана книга М. Чиковани «Шота Руставели и грузинский фольклор» (этой проблемой М. Чиковани интересуется еще с 30-х годов; его труд «Народный сказ о витязе в тигровой шкуре» в 1936 г. издавался дважды). Связи поэмы Руставели с народным творчеством был посвящен доклад И. Мегрелидзе «Шота Руставели и грузинский фольклор», прочитанный на заседании Литературной секции Института востокове-

⁴ Т. Окрошидзе, Художественные образы грузинской фантастической сказки, «Грузинский фольклор», т. I—II, 1964 (на груз. яз.); ее же, Персонажи грузинских фантастических сказок, «Грузинский фольклор», т. III, 1969 (на груз. яз.).

⁵ «Литературные разыскания», т. XIII, Тбилиси, 1961.

⁶ Дж. Чхеидзе, Основные виды трудовой поэзии в аджарской устной словесности. Батуми, 1961 (на груз. яз.); Т. Мамаладзе, Кахетинские трудовые песни, Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).

дения АН СССР 13 октября 1938 г. Доклад был опубликован в журнале «Советское востоковедение» (1940, № 1). Впоследствии И. Мегрелидзе издал обширную монографию по этому вопросу⁷, были опубликованы также интересные статьи К. Сихарулидзе и Е. Вирсаладзе⁸.

Грузинские фольклористы изучают творчество как ранних, так и современных грузинских писателей с точки зрения фольклорно-литературных взаимосвязей⁹. В этом отношении обращают на себя внимание двухтомный труд К. Сихарулидзе «Грузинские писатели и народное творчество» (1956—1966 гг.), и «Фольклорные этюды» Н. Шамандзе (1970 г.).

В 1968 г. в сборнике, изданном к 150-летию со дня рождения Н. Бараташвили, была напечатана статья Е. Вирсаладзе «Проблемы народного творчества первой половины XIX века и грузинские романтики». Автор выявляет связи творчества грузинских романтиков, в том числе Н. Бараташвили, с народной словесностью.

Над проблемами литературно-фольклорных взаимосвязей работают также А. Цанава¹⁰, Г. Барнов¹¹, Г. Челидзе¹² и др.

В грузинском советском фольклоре развиваются преимущественно поэтические жанры. Основные этапы коммунистического строительства получили наиболее яркое отражение именно в песенном творчестве. В разное время было издано несколько сборников, в которые вошел репертуар современных сказителей. Грузинские ученые всегда с большим вниманием относились к исследованию проблем современного фольклора¹³. В 1961 г. Д. Гогочури была защищена кандидатская диссертация на тему «Отражение социалистического строительства в грузинской народной поэзии». В книге А. Цанава «Революционная поэзия грузинских рабочих» рассмотрены стихотворения и песни, распространенные среди грузинских рабочих в период первой и второй русских революций, произведения рабочих поэтов, образцы политической сатиры и т. д. Проблема революционной борьбы посвящена и работа А. Ахвледiani «Революционная народная поэзия Adjарии» (Батуми, 1968).

В настоящее время ведется серьезное исследование мегрело-чанского (А. Цанава и З. Тандилава) и сванского (Д. Цередиани, О. Ониани) фольклора. Мегрело-чанский и сванский языки являются бесписьменными картвельскими языками, и сохранившиеся на этих языках народные стихотворения относятся к наиболее ранним образцам грузинского фольклора. В сванском, например, отсутствует рифма, что характерно для древнего периода грузинского стихосложения. Хорошо сохранились также классические образцы синкретического искусства (баллады о богине охоты Дали и об охотниках).

⁷ И. Мегрелидзе. Руставели и фольклор, Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).

⁸ К. Сихарулидзе, «Вепхисткаосани» и грузинская народная героическая поэзия (на груз. яз.), сб. «Шота Руставели», Тбилиси, 1966 (на груз. яз.); Е. Вирсаладзе, Шота Руставели и грузинская народная любовная поэзия; там же.

⁹ Как известно, грузинский фольклор оказал определенное влияние и на творчество великих русских писателей — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. М. Горького.

¹⁰ А. Цанава, К. Гамсахурдия и народное творчество, Тбилиси, т. I—1970; т. II—1972 (на груз. яз.).

¹¹ Г. Барнов, О некоторых источниках творчества Ладос Асатиани, «Мацне», 1968, № 2 (на груз. яз.).

¹² Г. Челидзе, Проблемы народно-поэтических источников «Арсена из Марабды» М. Джавахишвили, «Вопросы грузинской литературы», т. I, Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).

¹³ Т. Бегнашвили, Новые мотивы в современном фольклоре, «Труды Тбилисского гос. университета», т. IV, 1940; М. Чиковани, Некоторые вопросы современной устной словесности, «Литературные разыскания», VII, 1951; его же, Образ Ленина в грузинском народном творчестве, «Литературные разыскания», XIII, 1961; К. Сихарулидзе, Советский патриотизм в грузинской народной поэзии, «Литературные разыскания», VII, 1951; Е. Вирсаладзе, Отражение строительства социалистической деревни в народной поэзии, там же; Г. Самхарадзе, Образ Ленина в грузинской народной поэзии, Тбилиси, 1957; Т. Окрошидзе, Отражение Великой Октябрьской революции в грузинской народной словесности, «Литературные разыскания», XI, 1958, и др. (все указанные в сноске работы — на груз. яз.).

Книга А. Цанава «Вопросы грузинской народной словесности (по материалам, записанным в Мегрелии)» (1970) — результат собирательской работы четырех экспедиций. В ней анализируются мифы (божества охоты — Месепи, Ткашмапа, Очокочи), поэзия, сказки; последняя, четвертая, глава посвящена поговоркам и загадкам.

В отделе фольклора завершена работа над аннотированной библиографией грузинского фольклора, первая часть которой (1829—1900 гг.) уже сдана в набор (сост. Е. Вирсаладзе, Ф. Зандукели, М. Гогичайшвили). Библиография охватывает все периодические издания и отдельные публикации периода 1829—1955 гг.

Значительным событием в области библиографии грузинского фольклора были работы Э. Арджеванидзе¹⁴. В них аннотируются материалы грузинской устной народной словесности, опубликованные в русской периодической печати — газете «Кавказ» в 1846—1918 гг. и в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» в 1881—1929 гг.

Следует приветствовать издание сборника «Грузинский фольклор». Правда, пока вышли лишь три книги, но можно надеяться, что скоро сборник начнет выходить регулярно. В сборнике публикуются как труды общетеоретического характера, так и результаты полевой работы, хроники и др.

В течение ряда лет коллектив отдела фольклора Института грузинской литературы был занят составлением трехтомника истории грузинской народной словесности («Грузинская народная поэтическая словесность», 60 печ. л.). В I и II томах (изд. в 1960 и 1968 г.) анализируются традиционные жанры, а в третьем томе будут рассматриваться проблемы современного фольклора. Этот обширный труд отразил все основные достижения грузинской фольклористической мысли. Он рассчитан не только на широкие круги читателей, но и является учебником для студентов и аспирантов. В настоящее время на основе этого труда готовится к печати однотомник (30 печ. л.) на русском языке.

Грузинскому фольклору отводится важное место при исследовании общеславянистических проблем. Древнейшие связи картвельских племен с другими племенами, географическое положение Грузии, торговые пути — все это учитывается при разработке многих фольклористических проблем международного масштаба. Поэтому многие исследователи-фольклористы все чаще обращаются к грузинским материалам. Образцы грузинского фольклора переведены на многие языки народов Советского Союза и зарубежных стран.

Поскольку в нашем обзоре шла речь только о последнем десятилетии развития грузинской фольклористики, нам пришлось, естественно, обойтись молчанием много интересного. Говоря о планах на будущее, следует отметить также, что наряду с текущей работой грузинские фольклористы ведут усиленную подготовку ко Всесоюзной конференции фольклористов, которая состоится в ноябре текущего года в Тбилиси и будет посвящена проблемам теории фольклора.

¹⁴ Э. Арджеванидзе, Аннотированная библиография материалов грузинской народной словесности, опубликованных в газете «Кавказ», 1965, е е же, Аннотированная библиография материалов грузинской словесности, опубликованных в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).

Ю. Г. Самойлов

ГОРЬКОВСКИЙ АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Архитектурно-этнографический музей под открытым небом в Горьком начал создаваться в 1968 г. За прошедшие четыре года были разработаны научно-методические основы, программа первой очереди, схема планировки музея, поставлены на отведенные им места некоторые экспонаты.

Музей разместится в городской лесопарковой зоне (Щелоковский хутор), будет занимать около 30 га.; ныне формируется экспозиция его первой очереди. Здесь будут представлены памятники крестьянского быта конца XVIII — начала XX вв.¹ различных районов Нижегородского Поволжья.

При назначении очередности освоения территории учитывалось несколько обстоятельств. Во-первых, преимущество предоставлялось постройкам, имеющим большую художественную и этнографическую ценность. Во-вторых, прежде всего следовало переносить в музей жилые, хозяйственные и культовые сооружения, находящиеся на грани разрушения. И в-третьих, обращалось внимание на степень изученности народного зодчества в разных районах с тем, чтобы экспозиция строилась на строго научной основе, без элементов случайности.

Объекты, уже занявшие места в экспозиции, а также отобранные для переноса в музей, должны воплощать в себе архитектурное и этническое своеобразие построек данного региона.

С точки зрения отражения подлинно народных традиций в народной архитектуре Нижегородского Поволжья привлекают внимание жилища начала и середины XIX в., хозяйственные постройки, а также культовые здания XVII—XVIII вв., в которых продолжались древние приемы планировки, конструирования, композиции и декоративной обработки деталей. Несомненно, право на экспонирование имеет и жилище, украшенное знаменитой поволжской домово́й резьбой. В этих постройках народные мастера сумели органично сочетать декоративные формы классицизма с древними формами народного жилища.

Определяя тематическую направленность экспозиции, ее создатели исходили из того, что Нижегородское Поволжье как в географическом, так и в этнографическом отношениях занимает промежуточное положение: низменное таежное Заволжье сменяется лесостепным холмистым Правобережьем, переходящим в степные районы.

Каждый регион отличается от другого климатом, растительностью, ландшафтом, различна и архитектура крестьянского жилища и связанных с ним построек усадебного комплекса.

Народная архитектура Нижегородского Поволжья по праву считается одним из высших достижений русской национальной архитектуры. Здесь

¹Исключением являются культовые сооружения, наиболее ранние из которых построены в XVII в.

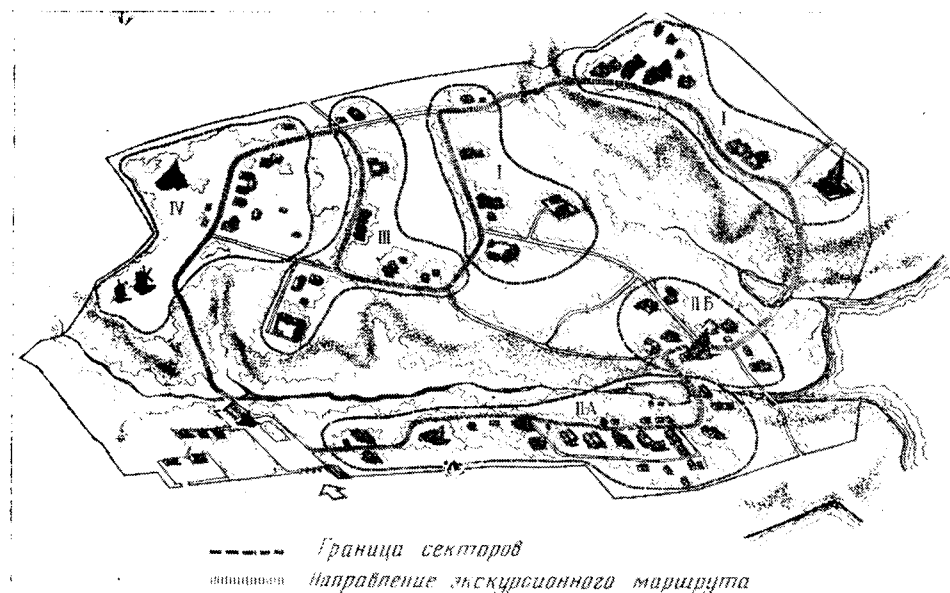

Рис. 1. Горьковский архитектурно-этнографический музей под открытым небом. Схема планировки: I — Северный сектор; II—А — Северо-Западный Поволжский сектор; II—Б — Юго-Восточный Поволжский сектор; III — Срединный сектор; IV — Южный сектор

были созданы уникальные памятники культового строительства — Воскресенская церковь в с. Костылиха (1652 г.) с открытым внутрь шатром сплошной рубки, одна из первых деревянных многоярусных церквей — Покровская в с. Старые Ключищи (1650 г.). Великолепны поволжские избы, пышно украшенные глухой барельефной резьбой, сочетающей в себе ампирные мотивы с образами и сюжетами, созданными народной фантазией, своеобразные типы мельниц и колодцев, отличающиеся инженерной выдумкой и художественной выразительностью.

Другая характерная особенность Нижегородского Поволжья — многообразие хозяйственной деятельности крестьян в XVIII—XIX вв. Наряду с земледелием здесь широко развивались различные промыслы, перерабатывающие местное сырье и продукты сельского хозяйства: прядильные, канатопрядильные, красильные, кожевенные, сталелитейные, кузнечные, слесарные, валяльные и др. Были развиты и разнообразные художественные промыслы.

Третья особенность этого региона — сложный национальный состав сельского населения. Здесь наряду с русскими с давних времен живут и малые народы — мордва, марийцы, татары, чуваш, сохранившие до XX в. своеобразие своей материальной и духовной культуры.

Экспозиция музея должна отразить особенности хозяйственной и промысловой деятельности крестьян. В нее будут включены наиболее характерные типы народного зодчества, оснащенные типичными бытовыми предметами. Но наряду с типичными постройками в экспозиции будут представлены и некоторые выдающиеся памятники народного зодчества.

Анализ крестьянского зодчества, и в первую очередь жилища, позволил нам сделать вывод о том, что всю исследуемую территорию Нижегородского Поволжья можно разделить на Северную, Поволжскую, Срединную и Южную зоны, каждая из которых имеет свои этнографические особенности. Эти зоны в значительной степени совпадают с географическими районами области: Северная зона накладывается на Северный район, Поволжская зона занимает большую часть Прибрежного района,

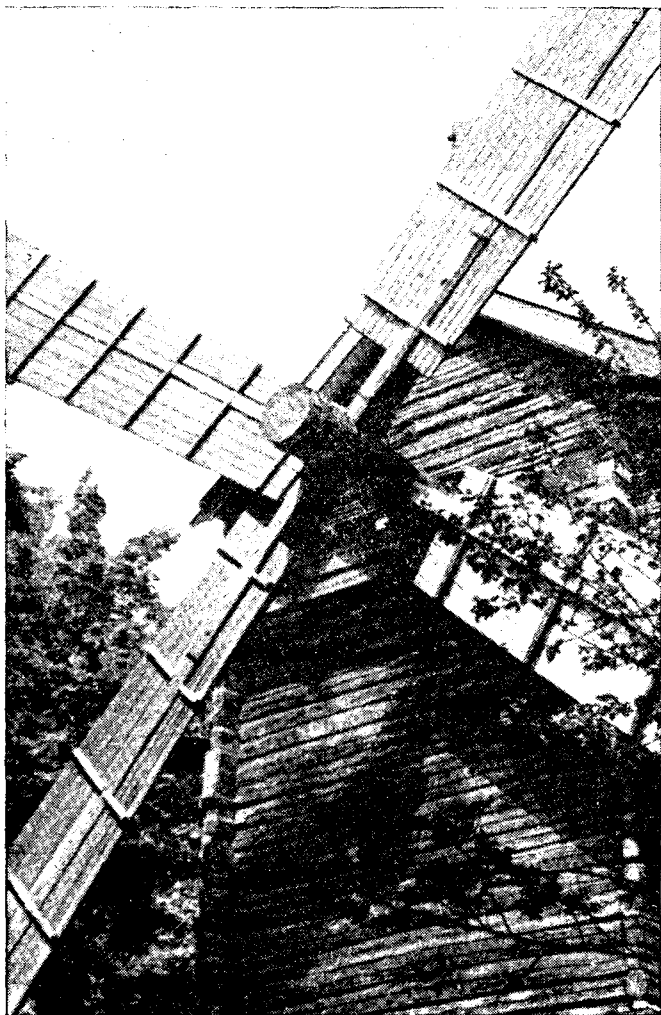

Рис. 2. Ветряная мельница из Городецкого района (конец XIX в.)

Срединная и Южная располагаются в Южном лесостепном, Юго-Восточном степном и части Прибрежного (Окского) районов. Это обстоятельство дает возможность при разработке экспозиции воссоздавать типичные для каждой зоны ландшафты.

Для Северной зоны характерна компактная застройка усадьбы с однорядной или двухрядной связью. В жилище преобладают северные типы — на высоком подклете двухэтажные избы связью, пятистенки крестовые, избы с горницей «на верях». Крытые дворы, чаще всего срубной конструкции, двухъярусные с хлевами и зимней баней в нижнем и поветью со взвозом в верхнем этаже. Из хозяйственных построек распространены рубленые одно-двухэтажные амбары, верховые овины, иногда объединенные с крытым рубленным гумном.

Архитектурно-конструктивное решение жилища отличается лаконизмом и простотой: широко использовались в прошлом веке двускатная крыша на «самцах» и «курицах» с орнаментированными скульптурной резьбой повалами и геометрической выемчатой резьбой причелинами, применялись простые неорнаментированные наличники и ставни. Покрывы хозяйственные постройки преимущественно тесом по «курицам» и

Рис. 3. Изба из дер. Кошелево Ковернинского района (начало XX в.)

«соломой по «спишникам» и «суковедам». Застройка деревень отличалась высокой плотностью, малыми расстояниями между избами и хозяйственными дворами, гнездовым расположением бань и амбаров. На улицах и в усадьбах не было зелени. В изгородях преобладали прясла, встречался и «заплот».

В Северной зоне выделяются марийские усадьбы, для которых типичны покоеобразные дворы с воротами, двухэтажные амбары и летние постройки — «кудо».

На территории Поволжской зоны народное зодчество, имея общие черты, все же в различных районах заметно отличается, особенно по своим архитектурным и декоративным признакам. Поэтому зона разделена на две подзоны: северо-западную и юго-восточную.

В северо-западной подзоне в комплексе усадьбы преобладала двухрядная и глаголеобразная связь с «мокрым» двором при двускатной крыше или сухим двором и крышей «отполком». Наиболее распространенные типы жилища — избы связью, четырехстенные и пятистенные на среднем подклете или двухэтажные. Крытый двор, преимущественно свайной конструкции с ограждением из пластин и жердей и рублеными хлевами, сараями и зимней баней, имел «поветь» во втором ярусе с дверью для загрузки сена. На усадьбе располагались рубленые амбары

Рис. 4. Изба из дер. Ульяново Городецкого района (середина XIX в.)

с повалами, верховой овиц и открытое гумно с мякинницей. В архитектурно-декоративном решении жилища широко использовались в течение всего XIX в. глухая резьба, главным образом растительного характера, с изображениями львов, фараонов, сиринов и других сказочных существ. В процессе эволюции жилища конструкция и композиция его последовательно менялись: от самцовых щипцов с повалами, подкрылками, волоковых окон к самцам из пластин с «лобовой» доской, двум волоковым и одному красному окнам и, наконец, дощатому фронтому с подшивным карнизом, трехчастному большому слуховому окну, украшенному резьбой карнизу с фризовой резной доской, пышным наличником с резным очельем и филленчатыми ставнями. В композиции жилища существенную роль играли парадные въездные ворота: верейные столбы с плетенкой и розетками, воротные и калиточные арки со львами и цветами. Резьба часто раскрашивалась красками, иногда применялась роспись на фронте в виде львов, вазонов с цветами и пр. В конструкции крыши с середины XIX в. широко применялся тес по стропилам. Значительная часть деревень в подзоне располагалась по речкам и оврагам и состояла из небольшого количества домов, поставленных близко один к другому. Своеобразны были в этом районе колодцы со ступальным колесом, а также промысловые постройки: работни, стирни для валяльного промысла и водяные токарни для посудного.

В юго-восточной подзоне Поволжской зоны также в основном бытовала компактная застройка в виде двухрядной, глаголеобразной, а позднее и однорядной связи. Жилища — четырехстенки, пятистенки, связью на среднем подклете или с высоким подпольем, а иногда и двухэтажные. В конце XIX в. строили и «полудомки» — деревянные избы на кирпичных кладовых. Крытые дворы представляли собой свайные постройки с ограждением из жердей в «заплот» или плетня, с рубленным «омшанником» для зимнего содержания скота и повестью над стойлами, сообщавшимися с первым ярусом при помощи лестницы-стремянки. Въездные ворота

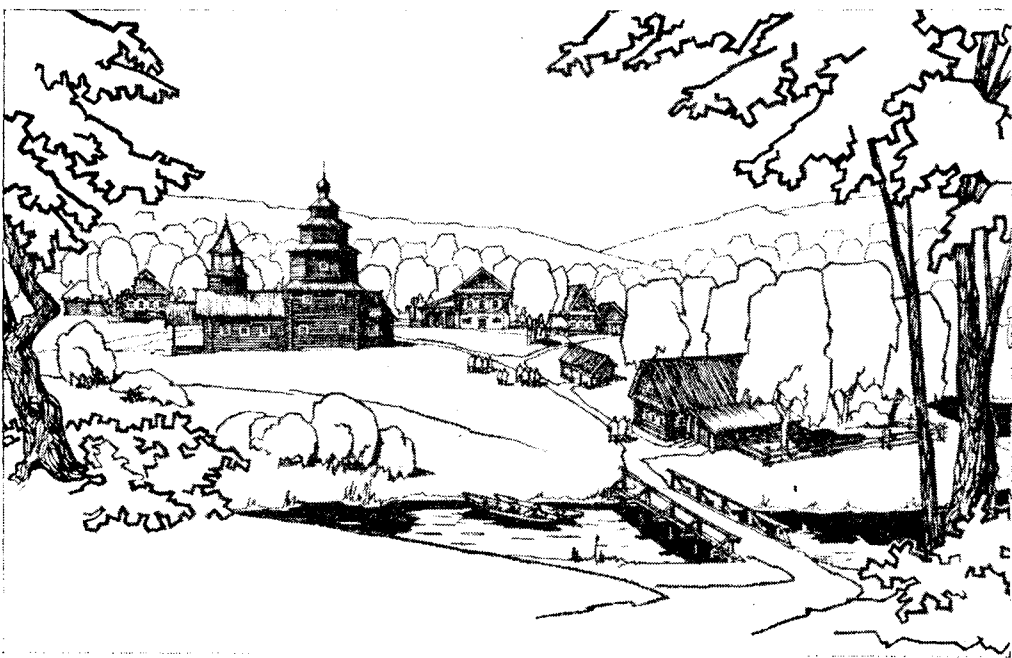

Рис. 5. Юго-Восточный Поволжский сектор музея. Проект.

при двухрядной связи избы и крытого двора не имели воротных арок, верев украшались изображением колонн с капителью. На усадьбе за двором на большом расстоянии один от другого размещались рубленый амбар, баня, открытое гумно с верховым или ямным овином и «мякинницей». Жилище этой подзоны отличалось большим разнообразием архитектурно-художественных решений.

В жилище районов, расположенных под Нижним Новгородом, до конца прошлого столетия применялись дощатые шипцы, украшенные пышной барельефной резьбой по причелинам, подкрылкам, обкладкам, а место стыка дощатой обшивки шипца со срубом украшалось широким поясом из нескольких «красных» досок с резьбой. Наличники со ставнями, украшенные резьбой, непрерывно видоизменялись и, наконец, превратились в силуэтные со сложным прорезным рисунком в виде гирлянд, вазонов с цветами, птиц-пав. Фронтоны также украшались по краям силуэтными элементами.

В восточной части подзоны перспективные фронтоны с небольшим слуховым оконцем, украшенным пышным прорезным очельем, сплошь покрывались резьбой. Карниз с модульонами, розетками, фризовой доской с растительным побегом, виноградными кистями и цветами опоясывал избу. Наличники с глухой резьбой на ставнях дополняли богатый резной наряд крестьянской избы. В этом районе резьба никогда не раскрашивалась и в ней почти не использовались сказочные сюжеты. У большей части хозяйственных строений были соломенные крыши стропильной конструкции.

Застройка сел и деревень была просторной, с большими разрывами между строениями. Фруктовые сады и церкви, видные издалека, дополняли облик сельских поселений юго-восточной части Поволжской зоны.

В Срединной зоне в прошлом веке была широко распространена покоеобразная застройка с открытым двором и двухрядной связью, а также переходные формы, такие, например, как двор на отставе. Нередко дворы свайной конструкции с плетневыми ограждениями, «омшанником», поветью покрывались четырехскатной крышей из соломы или камыша под

Рис. 6. Клетская церковь из села Зеленово Городецкого района (1720 г.)

вертикальными гнетами. В усадьбе на огороде строили погреб с «напогребницей», баню, открытое гумно с ямным овином. Кладовые, рубленные из тонкого леса, стояли перед избой. Иногда кладовой служили полуземлянки, так называемые «выходы».

Крестьянские избы на невысоком подполье, преимущественно четырехстенные, с прирубом, а более ранние — со связью, украшались глухой резьбой по причелинам и подкрылкам. Ставни делались силуэтные и простые, однако резьба на них была менее пластична и художественна. Ограждали усадьбу частоколом или плетнем.

Интересным явлением в крестьянском зодчестве Срединной зоны было строительство в конце прошлого века жилых домов и кладовых из местного известняка-ракушечника, распиленного на небольшие камни с простой, профилированной или обработанной «под шубу» поверхностью.

Особую группу среди крестьянских построек занимают усадебные комплексы татар-мишарей, представляющие собой открытые дворы, не замкнутые хозяйственными постройками и избами.

В Южной зоне крестьянские избы ставились без подполья; они были низкие, крытые четырехскатной соломенной крышей. Чаще всего дома строили отдельно от хозяйственного двора или располагали их так, чтобы они сообщались со служебными помещениями крытым переходом. Хозяйственные строения представляли собой каркасную конструкцию «на сохах» с плетевыми или глинобитными стенами и соломенными крышами. Комплекс усадебных построек мало чем отличался от подобных комплек-

зов других зон, однако наряду с привычными типами хозяйственных строений здесь использовались и местные типы: «выходы», «шиши» — овины.

Участок, отведенный под музей, обладает разнообразным рельефом, ручьями, искусственными водоемами, покрыт лесом с деревьями и кустарниками лиственных пород, имеет открытые небольшие поляны. Однако ландшафт музейной территории характерен лишь для Поволжской зоны, и чтобы создать природную среду других географических районов края, требуется вырубка существующих и посадка новых пород деревьев и кустарников. Участок хотя и не отвечает оптимальным требованиям, удобен в том отношении, что деревья и кустарник, перепады рельефа, овражки позволяют разместить экспозицию этнографических зон на изолированных территориях.

По проекту, главный вход и административно-хозяйственная зона музея находятся в юго-западной части участка. Выбор места определился тем, что здесь расположены остановки городского транспорта и в непосредственной близости находятся различные коммуникации (водопровод, электричество, связь).

Наиболее интересные по ландшафту места в южной части, с которых открывается вид на долину и водохранилище, отводятся под экспозицию Поволжской зоны, причем на северо-восточном склоне разместится Северо-Западный поволжский сектор, а на юго-западном — Юго-Восточный. Северный сектор располагается вдоль крутых склонов долины, идущей с северо-запада на юго-восток. Западная часть всей экспозиционной территории будет занята Средним и Южным секторами. Сильно изрезанные, покрытые лесом склоны оврагов, идущих в широтном и меридиональном направлениях, отводятся под зону отдыха.

При разработке экскурсионного маршрута исходили из следующих положений: посетители должны совершить круговой маршрут, последовательно знакомясь с экспозицией каждой зоны по местам с наилучшей ландшафтной характеристикой.

Маршрут начнется на главной площади с изучения плана музея, сводной архитектурно-этнографической экспозиции и отдельных музейных предметов и фрагментов. Экспозиция Северо-Западной поволжской зоны откроется показом крестьянских изб и клетской деревянной церкви (1720 г.) из дер. Зеленово Городецкого района. Далее на пологом склоне долины размещается малодворная деревня по типу деревни Городецкого или Семеновского районов. Переправившись по мельничной запруде через долину посетители попадут в приволжское юго-восточное село. Центром композиции будет деревянная многоярусная церковь, перенесенная из с. Старые Ключищи. Через мост по крутому склону мимо шатровой деревянной церкви, служащей вертикальной доминантой не только музея, но и прилегающей парковой зоны, маршрут ведет в Северный сектор, где экспонируются русские и марийская усадьбы, скитские постройки и т. д. Отсюда посетитель переходит в Срединный сектор, где сначала знакомится с бытом и зодчеством мордвы и татар, а затем с русскими усадьбами.

Южный сектор представлен группой крестьянских усадеб с избами, обращенными к деревянной шатровой церкви XVII в., из с. Костылиха Чернухинского района. В конце маршрута экскурсанты осмотрят церковь, а также ветряные мельницы шатрового и столбчатого типов, стоящие на самом высоком месте. Заканчивается осмотр экспозиции на главной площади музея. Общая протяженность маршрута — около 3 км.

Архитектурно-этнографический музей под открытым небом в Горьком будет выполнять не только важную культурно-просветительную функцию, но, несомненно, будет способствовать более глубокому изучению народной архитектуры и быта крестьян Нижегородского Поволжья и значительно расширению научных знаний о материальной культуре той или иной этнографической зоны, а также более целенаправленной деятельности научных учреждений.

С. Л. Каландадзе

«ТАЛАВАРИ» — НАРОДНЫЙ КОСТЮМ ХЕВСУРОВ

Как известно, национальный костюм каждого народа, изменяющийся и развивающийся на протяжении веков, имеет свои самобытные черты, сформировавшиеся в соответствии с теми природными и экономическими условиями, а также обычаями, в которых жил тот или иной народ. Более того, одежда, по мнению ученых, в каждую эпоху дает наилучший материал для изучения материальной и духовной культуры народа¹.

Хевсурская народная одежда «талавари» давно привлекала внимание исследователей. Автор XIX в. А. П. Зиссерман, несколько лет проживший в Хевсуретии, считал, что «полудикие» хевсуры представляли собой ни более ни менее как потомков крестоносцев, нашедших прибежище в горах Кавказа. Поводом для этого странного предположения послужило якобы большое сходство в одежде и вооружении хевсур с амуницией участников крестовых походов². Это мнение впоследствии разделяли многие путешественники и исследователи, которые интересовались историей хевсур и их бытом. В дальнейшем в результате плодотворной работы грузинских ученых появилась возможность правильно объяснить происхождение хевсур и появление на их одежде орнаментов с изображением креста³.

В фондах Государственного музея Грузии им С. Н. Джанашиа имеется богатая коллекция хевсурской одежды. Мы рассмотрим наиболее характерные ее образцы и попытаемся оценить их художественные достоинства.

Талавари носили и мужчины и женщины. Частями женского талавари являются: платье «садиацо», верхняя одежда — «коккло» и «папанаги», тулуп «ткави», кокошник «сатаура», шарф «мандили», вязанные шерстяные ноговицы «пачичи», кожаные чуваки «каламани» и вязаная обувь «амокерили татеби». В мужской талавари входят: рубаша «перанги», брюки «шалвары», черкеска «чоха», тулуп «ткави», шапка «куди», ноговицы «пачичи» и чуваки «каламани».

При первом же взгляде на женский и мужской костюмы бросается в глаза большое сходство силуэта и тождество колорита.

Хевсурский талавари совершенно не похож на другие кавказские костюмы. Однако детальное изучение показывает, что он содержит в себе элементы, отражающие древнейшие ступени развития грузинской одежды⁴. Г. С. Читая исследовал происхождение и развитие покроя хевсурских рубаш. Он установил, что рубаша такого покроя когда-то носили и в других районах Грузии, но там они значительно больше изменились. Что способствовало сохранению в Хевсуретии старинного покроя на про-

¹ И. Цицишвили, Материалы к истории грузинской одежды, Тбилиси, 1955, стр. 16 (на груз. яз.).

² А. П. Зиссерман, Очерки Хевсуретии, газ. «Кавказ», 1851, № 22.

³ См.: В. В. Бардавелидзе, Г. С. Читая, Хевсурский орнамент, Тбилиси, 1940.

⁴ Л. И. Молодини, Г. А. Чачашвили, Каталог грузинского костюма, 1964, стр. 12 (на груз. яз.).

тяжении веков? Можно с уверенностью утверждать, что это было следствием замкнутой жизни местного населения, в силу природных условий практически оторванного от других районов Грузии.

Хевсурский костюм имеет несомненную художественную ценность. Он свидетельствует об одаренности и трудолюбии хевсурской женщины. Шитьем талавари занимались почти все хевсурки. Каждая из них должна была уметь ткать «толи» (ткань для шитья талавари), красить ее, кроить, шить и вышивать. Художественные способности мастерицы наиболее ярко проявлялись в орнаментации одежды.

Рис. 1. Народный хевсурский костюм «талавари»

Орнамент прочно вошел в быт хевсур. Он встречается и на изделиях из кости и камня, но особенно широко распространен в резьбе по дереву, металлу и на тканях. По мнению авторитетных исследователей, большинство терминов, обозначающих элементы хевсурского орнамента, — грузинские, «что несомненно указывает на происхождение большинства элементов хевсурского орнамента из грузинской этнической среды и исключает возможность их заимствования от иных неродственных племен»⁵.

Самой трудной работой была вышивка талавари. При вышивании пользовались черными, синими, красными, зелеными и желтыми нитками, цвета сочетались с большим вкусом и чувством меры. Вообще для хевсурской вышивки характерны спокойные и мягкие переходы цвета. Основы композиции орнамента определены вековыми традициями, однако нам не доводилось встретить двух одинаково вышитых талавари. Каждая мастерица проявляла способности и вкус, по-своему размещая (при соблюдении некоторых общих принципов) элементы орнамента и цветовые сочетания.

⁵ В. В. Бардавелидзе, Г. С. Чита я, Указ. раб., стр. 44.

Отметим, кстати, что «хевсурский орнамент наряду с эстетической функцией имеет и апотропейное назначение и... он по своей функции связан с древнейшим мировоззрением хевсур»⁶.

Для выполнения орнаментального узора на одежде хевсуры применяли кроме ниток также металлические украшения и стеклянные бусы, бисер и белые пуговицы. Расположенные в определенном порядке, эти украшения должны оберегать от различных злых духов.

Составные части женского талавари

«Садиацо» (рис. 2, 1) — одна из основных частей женского талавари. Шьется из цельного, сложенного пополам куска материи. Снизу примерно на $\frac{1}{3}$ длины платья пришивалось полотнище. Спереди оно называлось «кокомони», а сзади «азготи». Затем пришивались рукава.

Платье окрашивали в темно-синий или черный цвет, потом вырезали отверстие для шеи и, наконец, приступали к вышивке и украшению «параги» (нагрудника). Вышитый цветными шерстяными нитками и украшенный бусами и пуговицами, параги представляет собой один из самых характерных элементов хевсурской одежды.

Своеобразные детали садиацо — кокомони и азготи. Кокомони состоит из сшитых четырех поперечных полос, на каждой из которых вышиты по два креста (рис. 2, 1а). Кокомони и заложенное в складки азготи (рис. 2, 1б) отделены от верхней части платья красивой горизонтальной линией орнамента, что придает костюму яркость и красочность.

На садиацо женщины надевают верхнюю одежду «коккло» (рис. 2, 2), которая напоминает грузинскую чоху. Коккло шилась также из толи синего или черного цвета. Она не застегивается, по талии сзади отрезная, доходит лишь до колен, а снизу по бокам имеет разрезы; подобный покрой носит характерное название «самхедро» (наездничий). Воротник у коккло типа стойки, рукава короткие и свободные. Как и садиацо, коккло украшается косыми лоскутами, нашитыми сзади складками от талии вниз. Края передних полочек и подола отделялись зубчатыми шерстяными лоскутами, а спина и бока крестами.

Весной и осенью коккло заменялась «папанагой», также надеваемой на садиацо. В отличие от коккло, у папанаги длинные и узкие рукава, которые затрудняют движения рук, воротничок отложной. По бокам снизу сделаны разрезы до пояса. Папанага, отделанная бусами и пуговицами, серебряными украшениями, надевалась по праздникам. В коллекциях, приобретенных Государственным музеем Грузии в последние годы, папанаги не встречаются.

«Ткави»⁷ — тулуп из вывернутой овечьей кожи — зимняя одежда. Как и коккло, эта одежда, отрезная в талии. Силуэт ткави полуприлегающий. По линии боковых швов ниже талии вставлялись кожаные полосы, расширяющие ее.

По бокам, там где начинались складки, и в середине спинки по линии талии пришивались в виде аппликаций прямоугольные шерстяные синие лоскутки с вышитыми крестами в традиционной тональности (темно-красные, зеленые, желтые и белые). Так же оформлялись и края рукавов. Кроме того, по краям рукавов, по подолу и на воротнике тулупа нашивались полосы из белой телячьей кожи или овечьего меха.

Головным убором хевсурки служит «сатаура»⁸. Наиболее совершенный тип этого головного убора — «магали сатаура» — высокий кокошник

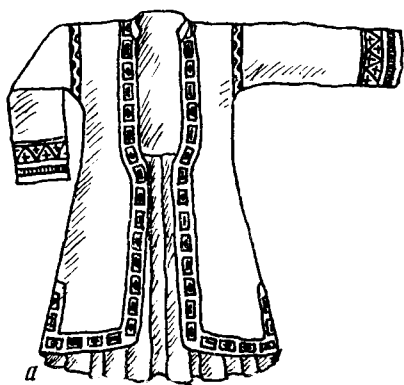
⁶ Мы не имеем возможности остановиться здесь на этом вопросе. Подробнее см.: В. В. Бардавелидзе, Г. С. Читая, Указ. раб., стр. 49.

⁷ Ткави — по-грузински кожа, шкура.

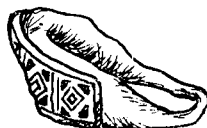
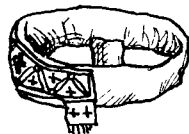
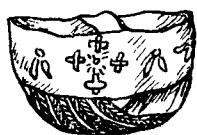
⁸ См. предисловие Г. С. Читая к работе И. Цицишвили «Материалы к истории грузинской одежды», стр. 7.

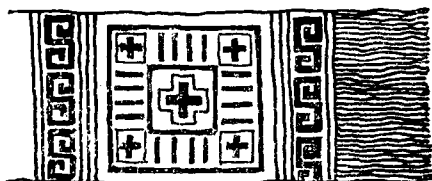
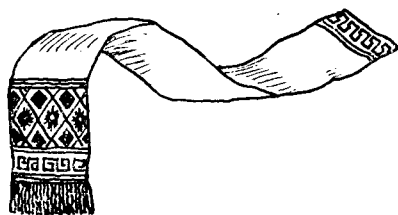
1

2

3

4

Рис. 2. Части женского талавари: 1 — платье «сadiaц» (а — вид спереди, б — вид сзади); 2 — верхняя одежда «кокло» (а — вид спереди, б — вид сзади); 3 — головной убор «сат-таура»; 4 — шарф «мандили»

(рис. 2, 3). Его шили из хлопчатобумажного полотна, а для придания формы набивали шерстью. Спереди в центре головного убора есть полукруглое возвышение. К нему пришивался лоскут толи, повторяющий форму самого сатаура, вышитый шерстяными нитками и бусами. В центральной части лоскута вышивали более крупный геометрический орнамент с изображением креста. Рисунок был четким, чему способствовало подчеркивание основных линий орнамента цветными бусами, которые несомненно обогащают декор сатаура и как бы связывают головной убор с другими частями одежды, тоже, хотя и в меньшей мере, украшенными бусами.

Как правило, хевсурки носят сатаура с 4—5-летнего возраста, а после замужества поверх его — шарф «мандили» (рис. 2, 4), составляющий неотъемлемую принадлежность национальной одежды всех грузинок. В различных уголках Грузии он имеет варианты. Например, в низменной части Грузии был распространен мандили из шелка или другого тонкого материала, в Хевсуретии — из домстаного грубого полотна. Различаются также и способы прикрепления мандили. Обычно один конец шарфа, богато украшенный орнаментом, спускался сбоку и красиво драпировал шею и часть плеча. Высоко поднятый край кокошника сатаура вместе с мандили создавал законченную композицию всего женского головного убора.

Мандили в Хевсуретии придавали большое значение. Если во время поединка женщина бросала между сражающимися мандили, те обязаны были разойтись с миром.

Удачно вписывались в комплекс хевсурской одежды красочные шерстяные «пачичи» — ноговицы, связанные на спицах. Ноговицы завязывались с помощью шерстяного шнура «сацвива». Существует два вида ноговиц: одноцветные и пестрые, причем последние были либо связаны из разноцветных ниток, либо связаны из одноцветной пряжи и расшиты разноцветными нитками. Для пестрых пачичи характерен горизонтальный орнамент в несколько рядов, различный как по цвету, так и по линиям.

Женщины употребляли обувь двух видов: «каламани» (кожаная обувь) и так называемые «амокерили татеби» (вязаная обувь). Каламани изготавливались из коровьей кожи. Кожу сперва вымачивали, а затем из нее выкраивали и шили обувь. Каламани имеют лаконичную форму, цвет их бледно-желтый. Они хорошо сочетаются с декором талавари, удачно завершая общую композицию костюма.

Амокерили татеби хевсурка надевала в торжественных случаях. Эту обувь вязали из грубой шерсти, сушили в растянутом виде. Подошва для прочности подшивалась кожей, а верх украшался бусами и пуговицами.

Составные части мужского талавари

До женитьбы талавари мужчине шила сестра, а после женитьбы — жена. «Хевсурский мужской костюм походит на грузинскую рубаху—чоху, а старинные штаны мусакари—на грузинские шаровары тотбабта»⁹.

В прошлом жизнь в Хевсуретии требовала от ее населения постоянной боевой готовности. Поэтому в одежде хевсура (в частности, в чохе) имеются некоторые своеобразные детали. Так, например, под мышкой у чохи делается небольшой разрез, который позволял руке воина двигаться более свободно. С этой же целью в чохе делались разрезы и по бокам, которые называются «самхедроеби». Характерна этимология этого термина (самхедро — по-грузински воин).

Обязательной принадлежностью одежды молодого хевсура были пояс с кинжалом, а у женатых, кроме того, короткая сабля и железный щит, выкованные местными мастерами. Раньше хевсуры носили и кольчугу;

⁹ С. Макалатиа, Хевсурети, Тбилиси, 1940, стр. 139.

затем она постепенно вышла из употребления, и ее хранят в семьях лишь как реликвию.

Одной из основных частей одежды хевсура является рубаша «перанги» (рис. 3, 1), сшитая из толи. Как и женская садиацо, мужская рубаша шилась из цельного куска материи, сложенного пополам. После того, как ее сшивали с боков, вырезалось отверстие для шеи, пришивались рукава и «параги» — вышитый нагрудник.

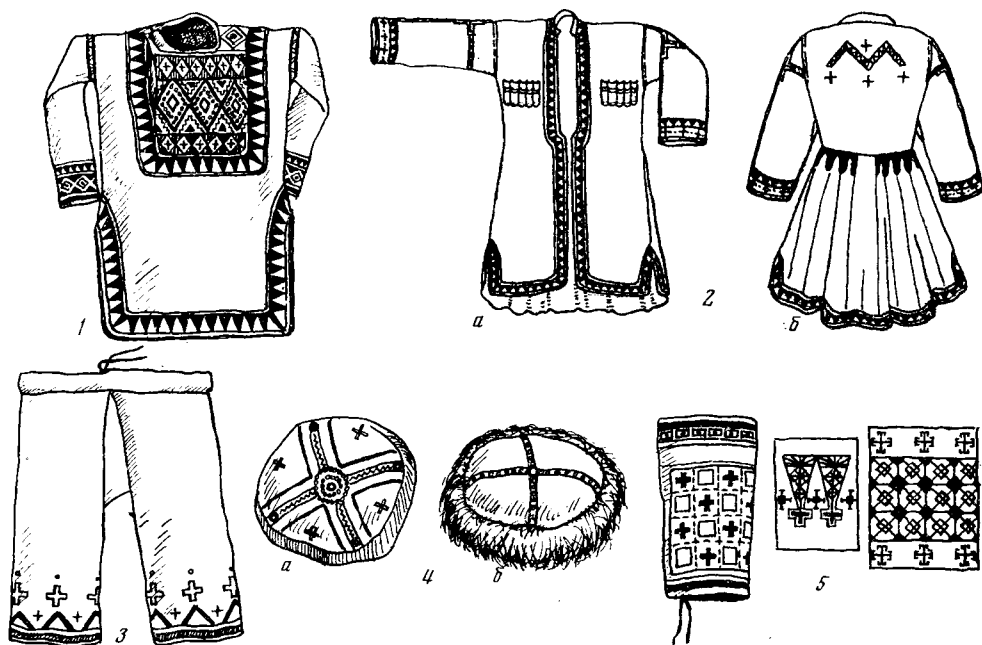

Рис. 3. Части мужского талавари: 1 — рубаша «перанги»; 2 — черкеска «чоха» (а — вид спереди, б — вид сзади); 3 — штаны «мускарини шалвари»; 4 — головные уборы (а — войлочная шапочка «куди», б — шапка из овечьей шкуры); 5 — ноговицы

Параги, как и в женском талавари, служил композиционным центром не только самой рубашки, но и декора всего комплекса одежды. Края чуть удлиненного прямоугольного параги по традиции обводились двухцветной зубчатой орнаментальной линией, внутри которой и размещался рисунок, составленный из различных геометрических фигур. Вышивальщицы каждый раз искали новые варианты цветовых сочетаний и рисунка параги, им удавалось достигать гармоничной многокрасочности и единства. Благодаря этому параги воспринимается как цельное цветное пятно, замкнутое зубчатой орнаментальной линией.

Перед и спинка рубашки были одинаковой длины и доходили до колен. Боковые разрезы достигали талии. Край подола и боковых разрезов обшивались зубчатой цветной полосой. «Сабечури» — спинку мужской рубашки — вышивали шерстяными и шелковыми нитками. Вышитые на сабечури кресты мягко выделяются на темно-синем фоне и как бы подчеркивают прямые горизонтальные и вертикальные линии силуэта перанги.

«Мускарини шалвари» — штаны — состояли из «сацеле» (пояса), «убе» (вставки) и «тотеби» (штанов). Молодежь носила длинные, заправленные в пачича штаны. У пожилых хевсур они были короче, с более широкими штанинами, концы их обшивались бусами и цветной шерстяной тесьмой (рис. 3, 3). Они не перегружались орнаментом, носили их навыпуск. «Чоха» (черкеска) составляет основной элемент одежды грузин (рис. 3, 2). При многих локальных вариантах покроя и украшения

чохи очень схожи и отличаются лишь деталями. Так, например, у хевсурской чохи на спине и по бокам рукавов нашиты кресты из тесьмы.

Хевсуры шили чоху из толи черного или синего цвета. Полы и спинка у нее цельные, а сзади от талии вниз пришивалась узорная складка (азготи). По обеим сторонам чохи на груди нашивались гнезда для газырей. Рукава чохи под мышкой имеют разрезы. Чоха доходит до колен.

Как отмечалось выше, на спине и по бокам чохи нашиты кресты, которые помимо апотропейного имеют и декоративное значение. Если кресты, вышитые на спине, почти повторяют рисунок женской кокло, то кресты по бокам представляют собой отличительную черту мужской чохи. Их цветовое решение, как правило, всегда сочетается с остальными украшениями этой части одежды, а их четкие и стройные линии как бы подчеркивают мужественность хевсура.

Хевсурская женская и мужская одежда имеет много сходных элементов в декоре: это орнаментальные линии по краям передних полочек, подола, разрезов рукавов чохи. Однако здесь нет механического повторения одного и того же мотива.

На чохе и на мужской рубаше орнаментальные линии составляют обычно не встречающийся на женской одежде двухцветный зубчатый орнамент, который декоративно связывает рубаху и чоху хевсура.

Мужчины, как и женщины, поверх чохи носили зимой тулупы—«ткави». Материалом для ткави и здесь служила овечья шкура, однако мужской тулуп был шире в плечах. Воротник ткави не украшался. Для декоративного оформления мужского тулупа, так же как и для женской ткави, применяли вышитые лоскутки.

Главным убором (рис. 3, 4а) хевсур была войлочная шапочка «куди», похожая на шапки живущих по соседству тушин. Форма ее проста. Ее украшали черной плетеной тесьмой и белыми бусами, но в общем украшений было меньше, чем у женщин. Шапка была декоративно связана с другими частями талавари. Основой украшения куди был вышитый большой крест. Зимой хевсуры надевали шапки из овечьего меха (рис. 3, 4б). Они декорировались весьма скромно: в верхней, теменной части пришивались крестообразно две узорные тесьмы, выдержанные в той же цветовой гамме, что и декор тулупа.

В отличие от женских пачичи, мужские ноговицы не вязались, а шились из толи, что давало возможность вышивать на них различные рисунки (рис. 3, 5). Пачичи (ноговицы) подвязывали под коленом при помощи «сацтиве» — цветной шерстяной полоски, украшенной бусами.

На ногах хевсуры носили связанные на спицах узорные шерстяные носки, поверх которых надевали обувь типа чувяков (из коровьей кожи). Эта обувь у хевсур называлась «хунчи». Как и женские каламани, хунчи лишены орнаментальных узоров. Мягкий спокойный цвет обуви сочетался с ярко разукрашенными пачичи.

* * *

В заключение хочется сказать, что художественная ценность хевсурского талавари получила признание у всех, кто более или менее знаком с своеобразной материальной культурой хевсур. Но при этом нельзя забывать о том, что хевсурская одежда была очень тяжелой (вес талавари достигал 15 кг, на один костюм расходовалось до 10 м толи). На изготовление хевсурской одежды уходило очень много времени.

Все это естественно обусловило ее неприемлемость для сегодняшнего дня. Молодежь, которая первой надела легкую, более удобную одежду, уже не может носить талавари. В наши дни хевсуры только в праздничные дни наряжаются в свои национальные костюмы.

М. Г. Абдушелишвили

**МАТЕРИАЛЫ СОВМЕСТНЫХ СОВЕТСКО-ИНДИЙСКИХ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СВЕТЕ ОБЩИХ
ПРОБЛЕМ ГЕНЕЗИСА ИНДО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ РАСЫ**

Группа советских специалистов в составе В. П. Волкова-Дубровина, А. А. Воронова и И. М. Семашко во главе с автором этого сообщения прибыла в Дели 31 марта 1971 г.

Ряд встреч и собеседований с индийскими коллегами состоялся в начале апреля 1971 г. В них принимали участие с индийской стороны — начальник отдела физической антропологии и генетики человека Индийского статистического института С. К. Дас и сотрудник этого же института, руководитель антропологических исследований в г. Пуна К. Ч. Малхотра. Впоследствии к группе советских и индийских исследователей присоединились приехавшие из Калькутты индийские ученые-гематологи Ш. С. Дас и Б. Н. Мукерджи. Было решено, что сбор гематологических данных на местах будет проводить Б. Н. Мукерджи, а лабораторные исследования будут выполняться в гематологической лаборатории антропологического департамента Делийского университета при участии А. А. Воронова, Ш. С. Даса и лаборанток Шушмы Ананд и Сарлы Вишнои.

Советские антропологи познакомили индийских ученых с программой изучения эндогамных групп наиболее представительных популяций Индии.

Предполагалось изучение территориальной этнической группы и кастовых подразделений внутри нее. Работы должны были проводиться в штате Хариана. В качестве объекта изучения были избраны не только крайние касты (брахманы и джулахи), но и средние касты. В штате Хариана наиболее многочисленна каста джатов (примерно 50% всего населения). Поэтому советские специалисты считали целесообразным заменить группу брахманов группой джатов, тем более что индийские ученые полагали, что для изучения дисперсно расселенной брахманской группы потребовалось бы значительно более длительное время, чем то, которым располагала экспедиция, хотя отсутствие материалов о касте брахманов и не позволит дать исчерпывающую антропологическую характеристику исследуемого региона.

Кроме того, советские ученые включили в программу исследования еще одну представительную группу штата Хариана — гуджаров. Таким образом, советские и индийские антропологи наметили изучение пяти групп: джаты, ахиры, раджпуты, джулахи и гуджары.

Перед началом работ для унификации методики были проведены пробные антропологические измерения.

Предварительное посещение сел, в которых экспедиция должна была проводить обследование, необходимо было в организационных целях.

Следовало также самым тщательным образом разобраться в семейных, родственных взаимоотношениях, ибо строго соблюдаемая кастовая эндогамия часто приводила к тому, что даже в крупных селениях с многотысячным населением можно было найти лишь несколько человек, состоящих в близком родстве между собой.

Первой изученной экспедицией группой были раджпуты, в селении Нараяна (92 чел.). Были отобраны мужчины от 20 до 60 лет, причем с таким расчетом, чтобы в первую возрастную группу, от 20 до 24 лет, входило 25%, во вторую возрастную группу, от 25 до 40 лет, — 40%, в третью, от 40 до 60 лет, — 35% всей группы. В селениях Алипур, Банвана, Питампур и Мунгалпур-Кала изучались джаты (103 чел.). В селениях Хайдарпур, Бадли, Либаспур и Самайпур изучались ахиры (102 чел.).

В селениях Нараяна, Сераспур, Кхера-Кала, Схибабад, Пиркурд и Дарьянпуркала изучались джулахи (101 чел.). В селениях Джагатпур, Шерпур, Кхеровал Нагар, Гхади, Моджпур и Гхонда экспедиция изучала гуджаров (100 чел.). Кроме того, было обследовано 13 раджпутов из разных селений. Они не включены в основную группу раджпутов, поэтому данные о них разработаны отдельно, чтобы использовать их в качестве сравнительного материала.

Итоги полевых работ экспедиции: 513 антропологических бланков с измерениями и описаниями признаков головы и лица, 513 морфологических бланков с измерениями и описаниями тела, результаты серологических обследований 513 человек, 200 рентгенограмм кисти, 200 результатов оксигеметрического исследования, 500 одонтологических отпечатков, 500 результатов обследований на цветную слепоту, 10 обследований семей по социо-этнографической программе и 60 фотографий антропологических типов в трех нормах.

Собранный материал уже обработан. Для каждой группы вычислены индексы, средние величины, квадратические отклонения, коэффициенты корреляций и пр. В результате составлены сводные таблицы (табл. 1).

На основании этих данных можно дать следующую морфологическую характеристику изученных экспедицией пяти групп.

1. *Раджпуты*. Длина тела большая, продольный диаметр головы очень большой, поперечный — малый, головной указатель очень низкий, лицо средней ширины и высоты, нос низкий и широкий, губы толстые. Волосы, глаза и кожа темные, волосистой покров умеренный, скулы сглаженные, нос прямой, крылья носа резко выражены, верхняя губа невысокая и ортохейлийная.

2. *Джулахи*. Длина тела средняя, продольный диаметр головы очень большой, поперечный — очень малый, головной указатель очень низкий, лицо низкое и очень узкое, нос низкий и широкий, губы как верхняя, так и нижняя толстые, пигментация темная, волосистой покров на лице и теле слабо развит, высота переносья умеренная, профиль носа прямой, крылья носа резко выражены.

3. *Гуджары*. Длина тела большая, продольный диаметр головы очень большой, поперечный — очень малый, головной указатель очень низкий, лицо узкое и низкое, нос средней высоты и ширины. Верхняя губа средней высоты, толщина губ большая, пигментация темная, волосистой покров на груди и рост бровей умеренно развиты, лицо резко профилированное, скулы сглажены, переносье средней высоты, вертикальный профиль носа выступающий, крылья носа резко выражены.

4. *Ахиры*. Длина тела большая, продольный диаметр головы очень большой, поперечный — очень малый, головной указатель очень низкий, лицо узкое и низкое, нос низкий и средней ширины, губы толстые, пигментация темная, волосы на лице и теле развиты умеренно, скулы сглаженные, переносье средней высоты, нос в вертикальной проекции умеренно выступающий, ноздри выражены резко, губы умеренно выступающие.

Таблица 1

Антропологические признаки	Изученные группы				
	раджпуты	джулахи (чамары)	гуджары	ахиры	джаты
Количество наблюдений	92	101	100	102	103
Длина тела	168,02	165,31	170,00	168,93	169,16
Продольный диаметр головы	195,98	191,47	193,19	192,76	192,89
Поперечный диаметр головы	143,16	139,73	141,53	141,25	143,09
Головной указатель	73,19	72,27	73,22	73,38	73,70
Скуловой диаметр	137,59	133,35	134,33	134,18	136,12
Морфологическая высота лица	122,82	119,57	121,35	119,60	120,63
Физиономическая высота лица	179,67	176,99	177,05	176,04	178,48
Высота носа от бровей	53,97	51,95	53,96	52,24	52,83
Ширина носа	38,03	37,05	36,39	37,25	36,57
Процент выпуклых форм носа	22,83	25,74	42,00	35,29	32,04
Толщина обеих губ	19,07	20,06	19,26	19,07	19,58
Наклон лба	2,33	2,52	2,64	2,65	2,69
Горизонт. профилировка лица	2,74	2,61	2,87	2,79	2,63
Выступание скул	1,21	1,52	1,14	1,18	1,38
Высота переносья	2,14	2,13	2,33	2,30	2,22
Ширина глазной щели	2,06	2,08	2,03	2,19	2,09
Наклон глазной щели	2,14	2,33	2,15	2,08	2,24
Процент наличия складки века	67,78	53,47	51,00	73,53	59,22
Цвет глаз, средний балл	1,96	1,90	1,76	1,89	1,91
Цвет волос, средний балл II	5,65	7,25	7,81	8,70	8,06
Цвет кожи, средний балл	1,56	1,82	1,41	1,49	1,48
Наклон ноздрей	2,41	2,24	2,46	2,38	2,52
Положение основания носа	1,52	1,74	1,90	1,77	1,84
Высота крыльев носа	2,05	2,05	2,00	2,04	2,11
Выраженность крыльев борозд	2,18	2,40	2,22	2,19	2,20
Выступание крыльев носа	2,40	2,19	2,14	2,29	2,35
Высота верхней губы, средний балл	1,90	1,93	1,97	1,81	1,94
Профиль верхней губы	1,87	1,78	2,00	1,81	1,82
Рост бороды	3,17	2,80	3,72	3,14	2,95
Рост бровей	2,30	2,09	2,27	2,26	2,25
Рост волос на груди	2,55	1,46	2,56	2,31	2,02

5. *Джаты*. Длина тела большая, продольный диаметр головы очень большой, поперечный — очень малый, головной указатель очень низкий, лицо низкое и средней ширины, нос низкий и умеренно широкий, пигментация темная, волосяной покров развит слабо, лицо умеренно профилированное, скулы сглажены, переносье средней высоты, вертикальный профиль носа прямой, кончик и основание горизонтальные или слегка приподнятые, крылья носа выражены резко, профиль верхней губы ортохейлийный, губы как верхняя, так и нижняя толстые.

Приведенная выше характеристика изученных групп дает возможность сделать один, с нашей точки зрения, важный вывод. Речь идет о ничтожных различиях между изученными группами. Как видно из сказанного выше, все они характеризуются одним и тем же комплексом дифференцирующих, расодиагностических признаков: всем свойственна большая длина тела (за исключением группы джулахов), очень большой продольный диаметр головы и очень малый поперечный; следовательно, резко выраженная долихоцефалия, очень низкое и узкое лицо, очень низкий и широкий нос, толстые губы, темная пигментация, умеренно выступающий нос и резко очерченные крылья носа. Комплекс этих признаков укладывается в рамки индо-средиземноморской расы, точнее индо-памирской ветви этой расы. Но в пределах вариаций типов, входящих в эту расовую категорию, изученные нами группы не имеют сколько-либо заметных различий между собой. Пока трудно решить, в чем причины этого сходства. Так или иначе, в настоящее время нет

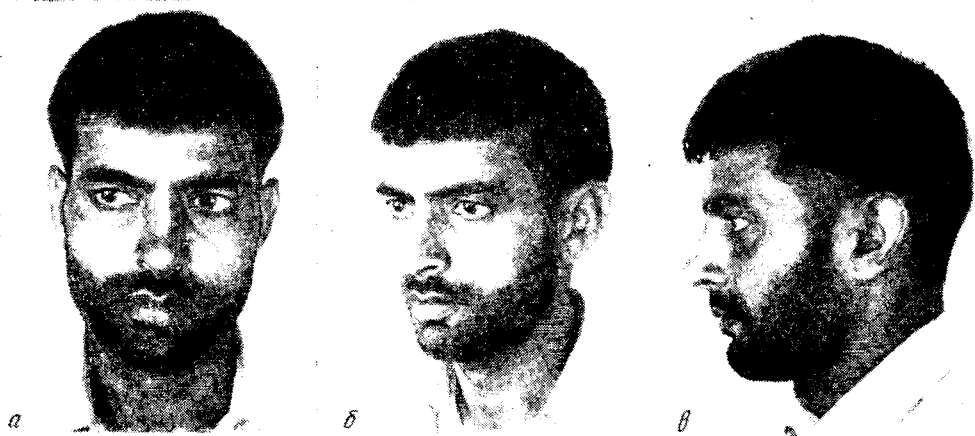

Рис. 1. Представитель группы гуджаров

Рис. 2. Представитель группы ахиров

достаточно веских аргументов для того, чтобы категорически утверждать необходимость изучения всех каст для антропологической характеристики территориальных групп Индии. Конечно, поскольку мы изучали лишь один регион, пока можно говорить только о том, что выбор количества кастовых подразделений должен решаться самостоятельно в каждом конкретном случае. По нашему мнению, только так может строиться будущий план антропологических работ в Индии. Следует сразу же оговорить, что этот вывод сделан лишь на основании выполнения одной из многих программ — антропометрической; нет еще результатов серологического, одонтологического, генетического и морфологического анализов. Но даже если выводы этих исследований не совпадут с результатами антропометрических измерений, то для этнической антропологии проведенная работа все-таки сохранит свое значение.

Таким образом, определение места изученных нами групп в общей расовой систематике не представляет особой трудности, что в свою очередь открывает возможности для установления ареала распространения наиболее близких к ним групп. Уже предварительные результаты сопоставления собранного материала позволяют наметить контуры распространения аналогичных форм и этногеографическую дифференциацию

некоторых антропологических признаков и даже сочетания этих признаков. В наиболее сопоставимых с нашими данными индийского антрополога Гуха¹ представлено немало групп, сходство которых с изученными нами группами не представляет никаких сомнений. Это раджастанцы, раджпуты, малаялы брахманы, гуджаратцы брахманы, маратхи брахманы и некоторые другие. Это означает, что возможно дальнейшее сопоставление наших и зарубежных, прежде всего индийских, антропологических материалов. Большой интерес представляет сравнение данных, полученных экспедицией 1971 г., с данными советских антропологов по смежным территориям, например, материалом, собранным ранее советскими антропологами Н. Н. Чебоксаровым и А. А. Зубовым. Отчетливо видно, что изученные нами и нашими предшественниками группы (джаты, гуджары, бихарцы, гонды, хиндустанцы и некоторые другие) практически идентичны. Собранных индийским антропологом Гуха, Н. Н. Чебоксаровым и А. А. Зубовым и нашей экспедицией материалов, видимо, достаточно для предварительного сравнения с имеющимися в науке сведениями о прочих группах индо-памирской расы. Представители индо-памирской ветви на территории Индии характеризуются очень низким головным указателем, низким и узким лицом, низким и прямым носом, умеренным развитием волосяного покрова и темной пигментацией. Конечно, можно было увеличить количество характерных признаков, так же как и количество индийских групп, укладывающихся в пределы вариации названных признаков, но полный анализ полученных результатов материала — дело будущего, в настоящее же время мы можем проследить территориальное распространение установленных форм.

Наиболее полные и сопоставимые с нашими материалы собраны Г. Ф. Дебецом² в Афганистане в 1965—1968 гг. Среди изученных им афганских групп явно преобладают группы, которые также характеризуются низким головным указателем, низким и узким лицом, низким и прямым носом, умеренным развитием волосяного покрова, темной пигментацией (гуджары, пашаи Алингар, джаты, нари, кати, пуштуны, таджики, чиласи Тираи, пашаи Алишанг, таджики Балх и т. д.).

Однако следует обратить внимание на один, по нашему мнению, весьма существенный факт. Те же признаки, что и у изученных в Индии групп и почти все в том же сочетании, но не так ярко выраженные, встречаются и у некоторых афганских групп. Так, например, головной указатель несколько выше, лицо значительно выше и шире, нос выше, процент выпуклых форм спинки носа больше, волосяной покров развит больше, пигментация несколько светлее. Но, повторяем, все названные выше афганские группы в общем характеризуются тем же комплексом отличительных признаков, который зафиксирован в группах Северо-Западной Индии. Заслуживает внимания, что аналогичные комплексы нередко встречаются также среди некоторых групп Средней Азии. Это прежде всего туркмены, таджики, узбеки и т. д., т. е. те группы, которые относятся к каспийскому типу индо-памирской расы. В Средней Азии, как известно, представлена восточная ветвь каспийского типа индо-памирской расы. Западная ветвь этого типа охватывает некоторые группы Кавказа, расселенные у западного берега Каспийского моря. Но в данном случае мы входим в круг антропологических проблем, касающихся населения Кавказа, и мне как кавказоведу хочется несколько подробнее остановиться на них.

¹ B. S. Guha, Racial affinities of the peoples of India, «Census of India», vol. I, part. III, Simla, 1935.

² Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Афганистане, «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 75.

Как уже неоднократно отмечалось нами³, все аборигенное население Кавказа относится к южной ветви большой европеоидной расы. Ареал распространения индо-средиземноморской расы довольно широкий и охватывает территорию примерно между 44 и 20 параллелями (от Индии до Атлантического океана). Эта раса в свою очередь делится на три большие подрасы: индо-памирскую, средиземноморско-балканскую и переднеазиатскую. Средиземноморско-балканская группа типов преобладает среди населения Южной Европы и Северной Африки и при общем европеоидном облике характеризуется волнистыми волосами, сильно развитым третичным волосным покровом, узким и резко профилированным лицом, умеренно выступающим и узким носом и несколько утолщенными губами. Очень близко в морфологическом отношении подходит к средиземноморско-балканской и индо-памирская группа типов, отличающаяся от предыдущей несколько более темной пигментацией. Эта группа типов преобладает среди некоторых народов Средней Азии (таджиков, узбеков, туркмен), Афганистана, Ирана и Северной Индии. Между индо-памирцами и балкано-средиземноморцами сосредоточена группа типов, выделяемая как общий тип, получивший название переднеазиатского. Морфологически этот тип характеризуется сильным развитием третичного волосного покрова, выраженными надбровьями, резко выступающим, среднешироким, с выпуклой спинкой, носом, с очень высоким переносом. Ареал его распространения — Закавказье, Анатолия, Месопотамия, Сирия, Палестина и Аравия⁴. Основные ветви индо-средиземноморской (т. е. южноевропеоидной) расы встречаются среди современного населения Кавказа, правда с некоторыми местными особенностями. Каспийский тип в большей мере соответствует индо-памирской группе типов, понтийский — средиземно-балканской, а переднеазиатский — это самый распространенный тип для современного населения Кавказа. В свою очередь эти три основные группы типов на Кавказе представлены разными местными типами: каспийская группа представлена западнокаспийским типом, понтийская — адыгским типом, а переднеазиатская — ассириоидным, арменоидным, иберийским, кавкасионским и колхским. Каспийский тип на Кавказе преобладает среди азербайджанских, курдских, некоторых дагестанских групп, а также в группах персидского Азербайджана и прикаспийского Ирана. Для них характерны: темная пигментация, низкий головной указатель, малая ширина лица, умеренное выступание скул, длина тела ниже среднего и умеренное выступание спинки носа. Переднеазиатский тип преобладает среди ассирийских, армянских, грузинских, западноазербайджанских и западнодагестанских групп. У представителей этого типа темные волосы, длина тела ниже средней, высокий головной указатель, относительно широкое лицо, выпуклая форма спинки носа, сильное развитие третичного волосного покрова и т. д. Адыгский тип входит в состав аборигенных групп северо-западного Кавказа. Это прежде всего кабардинцы, адыгейцы, черкесы, абазины, ингуши и, отчасти, некоторые западногрузинские группы. Характерные особенности этого типа: горизонтальное положение кончика носа, высокий процент наличия складки верхнего века, прямой профиль спинки носа, головной указатель ниже среднего, узкие лоб и лицо, слабое развитие бороды и относительно светлая пигментация.

Таким образом, средиземноморско-балканская группа типов, распространяясь на территории Южной Европы, Северной Африки и всего бассейна Средиземного моря, посредством адыгского типа понтийской ра-

³ М. Г. Абдушелишвили, Антропология древнего и современного населения Грузии, Тбилиси, 1964. См. также: его же, The genesis of the aboriginal population of the Caucasus in the light of anthropological data, М., 1968.

⁴ Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологических классификаций, в сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», М., 1951.

сы заходит на территорию Северо-Западного Кавказа. Индо-памирская группа типов, распространяясь на территории Средней и Южной Азии, западнокаспийским типом каспийской расы представлена на территории Восточного Закавказья. Переднеазиатская же группа типов, охватывая территорию Кавказа и более южных областей, сосредоточена между этими двумя названными выше типами. Все эти типы, представленные среди аборигенного населения Кавказа, несмотря на различия между собой, значительно меньше отличаются друг от друга, чем территориально более отдаленные представители основных ветвей южноевропейской расы; поэтому в какой-то степени можно говорить о кавказской общности в составе юноевропейской или индо-средиземноморской расы; корни этой общности, по-видимому, надо искать в глубокой древности. В настоящее время не может быть сомнения в том, что только на Кавказе сосредоточены местные разновидности всех трех основных ветвей индо-средиземноморской расы. Здесь, на узком кавказском переходе Евразии, по-видимому, соприкасались ареалы распространения этих ветвей и проходили процессы ассимиляции. Возможно, что здесь происходило формирование местных особенностей этих разновидностей и дальнейшее распространение начавших дифференцироваться юноевропейских форм⁵.

Так или иначе, территория Кавказа представляет все основные ветви индо-средиземноморской расы. Естественно возникает вопрос об автохтонности этих расовых типов; прежде всего, несколько слов о наиболее распространенном в населении Кавказа переднеазиатском типе. Не подлежит сомнению, что переднеазиатский тип своими корнями уходит в глубокую древность. Во всех палеоантропологических материалах из Передней Азии явно преобладают довольно близкие друг к другу долихокранные формы, эпохальная трансформация которых привела к образованию современных брахикранных переднеазиатских типов. Г. Ф. Дебеч справедливо отмечает, что данные о современном распространении переднеазиатской группы позволяют утверждать, что ее формирование происходило примерно на той же территории, на которой она распространена в настоящее время⁶. По нашему мнению, нет оснований искать наиболее древних представителей переднеазиатского типа исключительно в брахикранных сериях Передней Азии. Широко распространенный процесс брахикефализации не только не исключает возможности родства современных брахикефалов с древними долихоцефалами, а, наоборот, может служить одним из доказательств такого родства. С другой стороны, серьезного внимания заслуживает наблюдение Л. В. Ошанина о том, что характерный для «арменоидов» комплекс признаков и в настоящее время сочетается иногда с длинной формой черепа⁷. Мы абсолютно согласны с Г. Ф. Дебечем, который делает следующий вывод: «...Значение головного указателя для классификации европеоидных типов Передней Азии оказывается значительно меньшим, чем это обычно предполагается. Нельзя считать арменоидными все брахикранные черепа, а главное, нельзя отделять от арменоидного типа все долихокранные черепа»⁸. Итак, как видно, нет необходимости искать исключительно брахикранных предков для современных представителей переднеазиатского типа, хотя возможность наличия таковых не исключается. Это значит, что среди средиземноморских долихоидов Передней Азии нетрудно найти формы черепа, довольно близко стоящие по строению

⁵ М. Г. Абдущелишвили, The genesis of the aboriginal population of the Caucasus in the light of anthropological data.

⁶ Г. Ф. Дебеч, Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии. «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. XVI, М., 1951, стр. 355—370.

⁷ Л. В. Ошанин, Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. I, Ереван, 1957.

⁸ Г. Ф. Дебеч, Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии.

лицевого скелета, и в особенности носа, к переднеазиатским. Все сказанное позволяет утверждать, что переднеазиатский субстрат, наиболее северная разновидность которого представлена в древнем населении Кавказа, лег в основу дальнейшего формирования основных антропологических типов современного населения Кавказа. Следует отметить региональность, обусловленную естественной изменчивостью признаков в образовании отдельных разновидностей антропологических типов Кавказа, что и определило отклонение от «классических» переднеазиатских форм как древних, так и современных представителей переднеазиатских типов Кавказа. Однако, несмотря на эти морфологические отличия, все-таки нельзя не видеть общности процессов формирования локальных типов переднеазиатской расы на территории Передней Азии и Кавказа. Итак, палеоантропологические материалы дают основание говорить о том, что Кавказ относится к территории, на которой происходило становление переднеазиатского расового типа.

Несколько слов о другой кавказской ветви южноевропеоидной расы, так называемом понтийском типе средиземноморско-балканской расы. Впервые его выделил в составе населения Северного Кавказа В. В. Бунак (1932)⁹, который отнес этот тип к средиземноморской ветви европеоидной расы без какой-либо примеси представителей северной ветви европеоидов¹⁰. Г. Ф. Дебеч определил место понтийского типа среди центральноевропейских групп антропологических типов. В представленной Г. Ф. Дебечем схеме понтийский тип фигурирует в качестве переходной формы, сложившейся в результате смешения главных подразделений европеоидной расы¹¹. В. П. Алексеев считает, что понтийский тип сформировался в рамках средиземноморской ветви европеоидной расы, без участия северной ветви, причем его автохтонное происхождение свидетельствует о местных истоках этногенеза народов — представителей этого типа. Нельзя не согласиться с В. В. Бунаком и В. П. Алексеевым в том, что понтийская раса относится к южной ветви европеоидов и что в ней нет видимой примеси элементов северо-европеоидной расы. Мы разделяем мнение В. П. Алексеева, что народы, которые относятся к понтийскому типу, являются потомками древнейшего населения Северного Кавказа. Однако гипотеза В. П. Алексеева, которая заключается в том, что понтийский тип — это результат грацилизации древнего, массивного варианта, представленного в кавкасионском типе, вызывает у нас возражения¹². По нашему мнению, понтийский, в данном случае адыгский тип, сформировавшийся в результате развития местных кавказских палеоантропологических типов, довольно ясно прослеживается в древних краниологических сериях с территории Кавказа.

И наконец, третья, основная ветвь индо-средиземноморской расы — каспийский тип, который относят к индо-памирской группе. Палеоантропологические материалы с территории современного расселения западнокаспийского и переднеазиатского типов свидетельствуют о большом сходстве между ними: везде преобладает длинноголовый, узколицый, лептотинный, довольно грацильный тип. Аналогичные формы, начиная с неолитического времени, известны и за пределами Кавказа на территории Передней, Средней и Юго-Западной Азии, что свидетельствует об их широком распространении. В палеоантропологических материалах из Восточного Закавказья нет данных о появлении каких-либо иных форм,

⁹ V. V. Bunak, Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas, «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», 1932, № 3.

¹⁰ В. В. Бунак, Антропологические исследования в южной Белоруссии, «Антропологический сборник, I», ТИЭ, т. XXXIII, М., 1956.

¹¹ Г. Ф. Дебеч, Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас, «Сов. этнография», 1958, № 4.

¹² В. П. Алексеев, Краниология народов Восточной Европы и Кавказа в связи с проблемами их происхождения, М., 1967.

отличающихся от местных элементов, наоборот, все говорит о преемственности населения, проживающего с незапамятных времен на этой территории. Поэтому мы не имеем оснований для утверждения, что каспийский тип сформирован в процессе заселения Кавказа с юго-востока, как об этом писал Г. Ф. Дебеч в 1960 г.¹³ Тем не менее западнокаспийский тип несколько отличается от остальных антропологических типов Кавказа. Следует сказать, что по мере углубления в предшествующие периоды эти отличия постепенно стираются, а это, естественно, заставляет думать о древней гомогенности кавказских антропологических типов, дифференцированных в настоящее время. Отличия западнокаспийского типа от прочих кавказских типов в настоящее время выражаются в следующих признаках: продольный диаметр головы несколько больше, поперечный — меньше, головной указатель ниже, лицо уже, нос ниже, процент выпуклых форм спинки носа меньше, скулы выражены больше, переносье ниже, профиль верхней губы более выступающий, волосной покров меньше и пигментация несколько темнее. Для поисков аналогичных форм мы обратились к материалам, собранным Г. Ф. Дебечом в Афганистане в 1963—1968 гг.¹⁴, которые наиболее сопоставимы с кавказскими материалами. Сравнительный анализ показал, что в Афганистане преобладают группы, которые отличаются от кавказских типов теми же признаками, что и западнокаспийский тип, только различия эти выражены сильнее. Так, например, поперечный диаметр головы у изученных Г. Ф. Дебечом афганских групп меньше, чем у западнокаспийских групп, головной указатель ниже, лицо уже и ниже, процент выпуклых форм спинки носа ниже, скулы выражены больше, переносье ниже, волосной покров развит меньше, пигментация темнее.

Поиски более далеких параллелей привели нас к группам, проживающим в северо-западной части Индии. Материалы и советских (Н. Н. Чебоксарова и др.) и индийских (Б. С. Гуха и др.) антропологов свидетельствуют о существовании здесь аналогичных форм, однако степень выраженности дифференцирующих признаков особенно ясно прослеживается на материалах, собранных нами в Индии в 1971 г.: продольный диаметр головы больше, чем в афганских группах, поперечный меньше, головной указатель очень низкий, нигде не выходит за пределы долихокраничных категорий, лицо уже, нос ниже, процент выпуклых форм спинки носа примерно такой же, скулы выражены больше, переносье ниже, профиль верхней губы более выступающий, волосной покров на теле выражен так же, как в афганских группах, борода слабее, пигментация темнее и т. д. В прилагаемой таблице в качестве примера приводятся группы, относимые к переднеазиатскому (армяне) и индо-памирскому (азербайджанцы, афганцы, индийцы) типам, на которых можно проследить степень выраженности дифференцирующих эти типы признаков (см. табл. 2). Основная ценность наших данных заключается в том, что они хорошо сопоставляются с материалами Кавказа, Средней Азии и Афганистана.

Таким образом, в настоящее время появилась возможность проследить этногеографическую изменчивость признаков, дифференцирующих понтийские, переднеазиатские и каспийские типы. Эта дифференциация путем постепенного нарастания направленных различий приводит от Кавказа к северо-западной Индии. Подобная закономерность дифференциации не может быть случайной, тем более, что она прослежена на почти идеально унифицированном материале. Она, вероятно, является показателем древнейшей генетической преемственности населения Юго-Западной Азии. Однако направление этой преемственности пока оста-

¹³ Г. Ф. Дебеч, Антропологические типы, «Народы Кавказа», т. I, серия «Народы мира. Этнографические очерки», М., 1960.

¹⁴ Г. Ф. Дебеч, Антропологические исследования в Афганистане, М., 1965.

Таблица 2

Признаки	Сравниваемые группы			
	армяне Алавердского р-на Армянской ССР, по М. Г. Абдушелишвили	азербайджанцы Касум-Исмаиловского р-на Азербайджанской ССР, по Г. Ф. Дебецу	афганцы Пашай (Алиагар) Афганистан, по Г. Ф. Дебецу	индийцы-чамары штата Хариана, Индия, по М. Г. Абдушелишвили
Длина тела	167,7	165,1	166,2	165,3
Продольный диаметр головы	184,9	188,8	193,5	191,5
Поперечный диаметр головы	159,7	151,6	146,0	139,7
Головной указатель	86,1	80,5	75,5	72,3
Скуловой диаметр	143,2	139,3	137,3	133,4
Морфологическая высота лица	128,8	124,2	125,4	119,6
Физиономическая высота лица	182,7	180,1	181,1	177,0
Высота носа от бровей	59,0	57,4	55,4	52,0
Ширина носа	36,8	36,1	35,4	37,0
Профиль спинки носа, % выпуклых	53,0	44,0	57,0	25,7
«Толщина» обеих губ	14,9	15,1	17,1	20,1
Наклон лба	2,86	2,42	2,17	2,52
Горизонтальная профилировка лица	2,80	2,34	2,42	2,61
Выступление скул	1,08	1,60	1,55	1,52
Высота переносья	2,62	2,62	2,33	2,13
Ширина глазной щели	2,07	2,04	2,13	2,08
Наклон глазной щели	2,02	2,08	2,13	2,33
Складка верхнего века % наличия	64,0	56,0	59,0	53,5
Цвет глаз	1,05	1,60	1,68	1,90
Цвет волос, балл II	3,61	5,35	6,49	7,25
Положение осей ноздрей	2,46	2,24	2,40	2,24
Положение основания носа	2,20	2,26	2,38	1,74
Высота крыльев носа	2,07	2,04	1,95	2,05
Выраженность крыльевых борозд	2,20	1,80	1,61	2,40
Выступление крыльев носа	2,03	1,82	1,85	2,19
Высота кожной части верхней губы	1,92	1,98	1,58	1,93
Профиль верхней губы	2,05	2,17	2,09	1,78
Рост бороды (у лиц старше 25 л.)	3,66	3,54	3,19	2,80
Рост бровей	2,30	2,46	2,13	2,09
Волосы на груди (у лиц старше 25 л.)	3,23	2,81	2,24	1,46

ся неясным. Бесспорным нам кажется лишь то, что каспийский тип на Кавказе появился не в результате проникновения южных форм, ибо корни этого типа довольно ясно прослеживаются в палеоантропологических материалах Кавказа. Типологическое сходство между древним и современным населением Восточного Закавказья отмечалось и Г. Ф. Дебецом¹⁵. К сожалению, на нашем материале нельзя ответить на вопрос, к какой именно из европеоидных форм следует отнести европеоидный компонент, прослеживаемый на территории Индии. Как известно, индо-арийцы, которые расселились на территории Северной Индии на рубеже II—I тысячелетий до н. э., не были здесь первыми европеоидами. Чтобы решить эту проблему, необходимо изучить и другие европеоидные группы Индии (с широким привлечением палеоантропологических данных), используя тот же унифицированный метод, который применялся для исследования хиндиязычных групп штата Хариана и Союзной территории Дели в 1971 г. Следует также иметь в виду, что обобщения, построенные лишь на основании одних соматических признаков, явно недостаточны. Поэтому как в Индии, так и на Кавказе, где нам приходится работать, в программу исследований постоянно включаются генетические разделы. Эти данные пока находятся в процессе лабораторной обработки и не могут служить основой для сопоставления с антропометрическими данными. Дальнейшие исследования проблем этнической антропологии Юго-Западной Азии могут открыть новые пути к изучению

¹⁵ Г. Ф. Дебец, Антропологические типы.

не только этногенеза народов этих стран, но и проблем расогенеза вообще и генезиса индо-средиземноморской расы в частности.

Материалы, собранные советско-индийской антропологической экспедицией, позволяют проследить сходство и различия между отдельными кастами одной и той же этнотерриториальной группы, определить их место в общей антропологической систематике. Большое значение имеет сопоставление данных, собранных советскими учеными в Индии, с материалами, собранными советскими учеными в Афганистане, Средней Азии и Закавказье, использование наиболее унифицированных данных проф. Г. Ф. Дебеца и автора этих строк, которому посчастливилось работать с Г. Ф. Дебецом в продолжение многих лет. Кроме того, наши материалы дают возможность сопоставления данных антропометрии с данными морфологии, серологии и генетики и позволяют поставить вопрос об их совместном использовании в исследованиях этногенетических проблем.

Анализ и дальнейшее изучение собранных экспедицией материалов — дело будущего. Осталось сказать несколько слов об индийской экспедиции. Советские и индийские специалисты встречались несколько раз и обсуждали перспективы будущих совместных работ и формы публикаций собранных материалов. Было решено, что сами участники экспедиции будут готовить отдельные темы. Обобщение будет сделано ведущими советскими и индийскими специалистами в заключительных главах. Результатом совместного труда советских и индийских антропологов явится сборник, который должен быть напечатан в Советском Союзе на русском языке с развернутым английским резюме и в Индии на английском языке с русским резюме.

Уже сейчас ясно: советско-индийская совместная антропологическая экспедиция безусловно принесла пользу и советским и индийским антропологам; они обменялись опытом полевых работ, совместно искали методические основы интерпретации собранных материалов; если к этому добавить установившиеся дружественные взаимоотношения между советскими и индийскими коллегами, то трудно переоценить значение подобных коллективных исследований вообще.

С. Я. Серов

«КАСТОВАЯ СИСТЕМА» В КОЛОНИАЛЬНОМ ПЕРУ

Назначение настоящей статьи — показать систему социальной стратификации, «кастовую систему», существовавшую в XVI—XVIII вв. американских колониях Испании. Она именовалась «кастовой», но не приобрела, как мы увидим, такой статичности, чтобы ее можно было приравнять к ставшему классическим образцу индийских каст — варн.

Само слово «каста» на Иберийском полуострове применялось в средние века для выделения любой группы людей или животных, обладающих какими-либо «чистыми» признаками¹. В американских же колониях этот термин стал определителем смешанного, метисного населения. Первоначально группы метисов, мулатов и т. п. назывались «смешанные касты» или «цветные касты», но уже к XVII в. это название вытесняется более простым — «касты». Они отделялись от белых — европейцев и креолов — и от индейцев; к последним часто применялся термин «раса», не совпадавший с принятым в науке пониманием этого слова.

Специфика перуанского (и в значительной части испано-американского общества вообще) состоит в том, что кастовое (в научном, современном нам смысле) деление было здесь наиболее характерно для тех групп, которые так не именовались. Самыми замкнутыми слоями колониального общества были правящие, состоявшие из белых, и общинники-индейцы. В первые годы после завоевания Перу деление на белых владетельцев и индейских подданных было четко установлено и определялось самими цветом кожи и чертами лица. Испанцы поэтому без особого ригоризма воспринимали допуск в высшие слои общества отдельных небелых (инков, племенных вождей, метисов инкской крови и т. п.). Но в последующие десятилетия испанская по происхождению группа замкнулась, чтобы сохранить свое положение, законодательно замкнула индейские общины и ввела деление на касты согласно доле испанской крови среди метисов. Это деление, как будет показано ниже, оказалось наименее действенным.

Формальный аспект этого процесса наиболее четко сформулировал шведский латиноамериканист М. Мёрнер, подытоживший результаты многочисленных конкретных исследований. По его мнению, кастовая система латиноамериканских колоний (в том числе и португальской Бразилии) возникла как следствие перенесения в обстановку многорасовости «иерархического, сословного и корпоративного общества Иберийского полуострова»².

¹ Словарь Коваррубиаса и словарь Испанской королевской академии производят слово «каста» от латинского *castus* — «чистый», «беспорочный». В словаре же Корониаса показаны многочисленные примеры употребления этого термина в средние века именно по отношению к скоту. На этом основании слово «каста» этимологически связывается с готским *kasts* — «группа животных», «выводок птиц» и с галльским *caste* — «поколение», «род», «вид».

² М. Мёрнер, Мисцегенация и взаимовлияние культур в Латинской Америке как историческая проблема, в сб. «Расы и народы», т. I, М., 1971, стр. 196; см. также М. Мёрнер, *Race mixture in the history of Latin America*, Boston, 1967.

Действительно, социальная структура испанских королевств позднего средневековья, как и во всей Западной Европе, была иерархичной. Иерархическая система строго соблюдалась благодаря специфике исторического развития Испании. Реконкиста — отвоевание Иберийского полуострова у арабов — придавала всему укладу жизни военизированный оттенок, что обыкновенно связано с четким делением общества на иерархически расположенные взаимодействующие группы.

Определенная иерархия существовала и в среде конкистадоров — завоевателей Америки. Например, при разделе захваченной у индейцев добычи всадники получали больше, чем пехотинцы, командиры больше, чем рядовые, и т. д. После завоевания при раздаче пожалований первые конкистадоры обладали большими правами, чем вновь приезжавшие поселенцы. Ремесленники, торговцы, слуги занимали соответствующее место в этой системе.

Для индейцев Перу включение в иерархическую структуру не было слишком большим потрясением, поскольку инкское общество также было иерархическим. Испанские конкистадоры, уничтожив верхушку социальной пирамиды государства инков, заместили собой «снятые» слои, оставив почти неизменной общинную систему. Разумеется, это не могло происходить автоматически и без конфликтов. Наиболее сложную из социально-психологических проблем, возникших при стабилизации колониального общества, представляла, пожалуй, проблема сосуществования различных этнических групп.

Расизм как уничижительное отношение к людям другой расы не был свойствен испанской идеологии периода конкисты. Существовавшее чувство превосходства «своего» над «чужим» выражалось в представлении о католицизме как «превосходнейшей из религий», в противопоставлении людей цивилизованных «варварам» и т. д. В период позднего средневековья в иберийских государствах существовало требование «чистоты крови», по которому нужно было доказать отсутствие предков — мавров или евреев. Но здесь слишком явно заметен примат религиозной розни (это требование формулировалось и по-иному: следовало доказать принадлежность к «старым христианам», т. е. отсутствие ближайших предков из новообращенных мусульман либо иудеев), не дающий возможности приравнять этот вариант разделения к более позднему, дошедшему до наших дней в виде расизма. Расовые различия как принцип закрепления социального неравенства — явление позднее. В XVI же веке для испанцев индейцы были просто язычниками, которых надо обратить в католичество и подчинить «христианнейшему из государей» — королю Испании.

Забота о «расовой чистоте», таким образом, не могла помешать начавшемуся с первых же лет завоевания Америки и принявшему массовые размеры процессу метисации. Темпы этого процесса были столь быстры, что в Парагвае, где испанские колонисты имели целые гаремы до 20—30 наложниц, в 1575 г. метисы могли выставить отряд в 3 тысячи бойцов, в то время как испанцы — только в 200 чел.

Это объясняется, конечно, и небольшой численностью белых женщин в Америке. Согласно пассажирским спискам кораблей, шедших в Западные Индии, как тогда официально называлась Америка, доля женщин в общем числе пассажиров составляла около 10%³. Даже в Лиме, где испанское население было более многочисленным, чем в горных районах Перу, в 1537 г. на 380 испанцев приходилось лишь 14 испанок⁴. Широкая метисация объяснялась подчас и иными факторами. Например, в Новой

³ «Catálogo de pasajeros de Indias durante los siglos XVI, XVII y XVIII», t. 1 (1509—1534), Sevilla, 1940; t. 2 (1535—1538), Sevilla, 1942.

⁴ См. D. de Trujillo, Relación del descubrimiento del Reyno del Perú, Sevilla, 1948, p. 94.

Испании (Мексике) в середине XVI в. испанские поселенцы предпочитали жениться на девушках из приютов, созданных специально для метисок-сирот, потому что местные власти, на попечении которых находились приюты, снабжали воспитанниц приданым. Дело доходило до того, что небогатые испанцы просили принять их дочерей в эти приюты (в таком случае испанки тоже получали приданое)⁵.

Большую роль в первые десятилетия конкисты играло стремление конкистадоров добиться повышения своего социального уровня при помощи связи с туземной аристократией. Представители маргинальных слоев испанского общества искали за океаном возможности разбогатеть и поднять свой социальный престиж. Недаром многие конкистадоры, получив желаемую сумму — в счет ли ограбления индейцев, разработки рудников или продажи энкомьенд,— уехали обратно в Испанию, в родные места, чтобы занять там более высокое положение, ранее недоступное из-за бедности.

Завоеватели стремились связать свое имя с именами местных владетелей и даже племенных и общинных вождей — касиков или курак, которых рассматривали как «князей» (*príncipes*). Сохраняя общинную структуру, существовавшую в Тауантинсуйо — «империи» инков, испанские власти признавали и права курак. Некоторые кураки, оказавшие испанцам содействие в завоевании, получили испанские аристократические титулы и гербы. Включение их в среду победителей становилось еще надежнее, если они устанавливали родственные связи с новыми властями, так что и индейцы были заинтересованы в узаконенной или фактической связи своих родственников с конкистадорами. Испанская корона также проявляла интерес к такого рода союзам — по политическим мотивам. Испанская администрация даже делала попытки стимулировать метисацию (с целью ассимиляции) этих слоев индейцев. Еще в начале XVI в. на Антиллах командор Овандо рекомендовал испанцам жениться на дочерях касиков, ибо таким образом управление всеми индейцами вскоре оказалось бы в руках у законных детей испанцев — метисов, воспитанных в испанских традициях. В Перу аналогичной политике покровительствовал первый епископ г. Куско доминиканец Вальверде. Браки испанцев с дочерьми курак, принявших христианство, встречали благоприятное отношение церковных властей и королевской администрации⁶. Дети собственно конкистадоров, а не колонистов принимались либо в группу отца (внебрачное рождение не играло особой роли), либо в группу матери⁷. Многие из последних и не осознавали себя метисами, оставались индейцами по культуре и языку. Для тех же, кто принимался в отцовскую группу, обозначение «метис» никак не было главной характеристикой; оно заслонялось социальным положением, личными качествами и т. д. Но постепенно, с возрастанием численности метисов, прежде всего в городах, в портах, в рудничных поселениях (в тех центрах, где ведущую роль играли испанцы), они складываются в отдельную социальную группу, вернее, в группы, стоящие культурно вне испанской и индейской, но связанные — генетически и культурно — и с той и с другой. «Там, где индейское население было многочисленным,— пишет Клаудио Эстева Фабрегат,— на плоскогорьях Мексики, в Центральной Америке или в северных и центральных Андах, при метисации проявляется в основном индейская модель. Там же, где индейское население в тот же самый период было малозначительным, как в районе современной Аргентины и Уругвая, метисация, наоборот, ясно моделирует испанское

⁵ C. E. Marshall, *The birth of Mestizo in New Spain*, «Hispanic American Historical Review», vol. XIX, № 2, 1939, ps. 169, 170.

⁶ R. Koneitzke, *Die Mestizen in der kolonialen Gesetzgebung*, «Archiv für Kulturgeschichte», B. XLII, H. 2, 1960, S. 132.

⁷ Многочисленные примеры браков конкистадоров и индейских «принцесс» приводит A. Rosenblat, *La población indígena y el mestizaje en América*, vol. 2, Buenos Aires, 1954, ps. 82—86.

превосходство»⁸. Проблема «смешанных каст», как стали называться эти группы, становится ощутимой уже во второй половине XVI в.⁹ К этому времени перуанское общество приняло ту форму, которая сохранилась более или менее неизменной до конца колониального периода.

В индейских деревнях процесс метисации не принимал такого размаха, так как довольно рано испанцам, метисам и мулатам было запрещено здесь жить. Нарушители закона подвергались судебному преследованию.

Управление жизнью огромной Испанской Америки облегчалось установленной колониальными властями структурой. Все общество рассеклось прежде всего на две части: «республика индейцев»¹⁰ и «республика испанцев». Обе «республики» имели возможность общаться между собой по ограниченным каналам, в идеале — лишь через королевских чиновников и через священников. Тем самым индейцы должны были получать из испанской культуры только то, что считала нужным передать им администрация, и отстранялись от активного участия в делах вице-королевства. С другой стороны, «испанцы» не имели права в обход властей эксплуатировать индейцев. В «республику индейцев» входили только индейцы-общинники. Их образ жизни регулировался традиционными общинными нормами и испанскими законами. Индейцы же, ушедшие из общины (чтобы не платить подать, чтобы избежать общественных работ и т. д.), входили в «республику испанцев» вместе с метисами разных видов, неграми и белыми.

«Республика испанцев» состояла из множества более или менее четко отделенных друг от друга групп. Белое население Перу наиболее резко делилось на креолов¹¹ и приезжих из Испании, не родившихся в Америке (они звались «европейцами», «полуостровитянами» и «чапетонес»: от «чапета» — румянец). Обе группы обладали в значительной мере характерными чертами каст в привычном для нас смысле — как замкнутых объединений, хотя между ними грань была, несомненно, слабее, нежели между белыми и «цветными». Основная причина враждебности этих групп — это борьба за посты и пожалования. Новоприбывшие, как правило, имели связи в Испании и пользовались большими привилегиями, оттесняя креолов. Испанские короли и Совет Индий к тому же настороженно относились к притязаниям креолов, особенно после ряда восстаний конкистадоров и колонистов в середине XVI в. в Перу. Имевшие обычно земельные наделы креолы не так зависели от королевской власти, как испанцы, приезжавшие с единственным желанием — разбогатеть на королевской службе и вернуться обратно. Для объявления креолов «граждански неполноценными» приводились различные объяснения — вплоть до утверждения, что креолы «вырождаются от неба и погоды тамошних провинций и теряют доброе влияние испанской крови», что земля Америки «...лучше рождает травы и металлы, нежели полезных людей, ибо вырождаются даже те, кто происходит от прибывших из Испании»¹².

⁸ C. Esteva Fabregat, *El mestizaje en Iberoamérica*, «Revista de Indias», año XXIV, 1964, № 95—96, p. 283.

⁹ M. Mörner and Ch. Gibson, Diego Muñoz Camargo and the segregation policy of the Spanish crown, «Hispanic American Historical Review», vol. XLII, № 3, 1962, p. 562.

¹⁰ «Республика», разумеется, не в смысле «народоправство», но «народоустройство».

¹¹ Об историческом происхождении названия «креол» (этимологически — от латинского *creare* — «порождать») пишет Гарсиласо де ла Вега Чимпуокльо: «Это имя придумали негры... Среди них так называется негр, рожденный в Индиях; придумали они его, чтобы отличить... родившихся в Гвинее (так звалась наибольшая часть атлантического побережья Африки.— С. С.) от тех, что родились в Индиях, ибо тех, кто родился в стране отцов, считают более почтенными и лучшими, чем их детей, родившихся в чужом краю, и отцы обожают, если зовут их креолами. Испанцы же по сходству ввели это имя в свой язык...» (Inca Garcillasso de la Vega, *Primera parte de los Comentarios Reales...*, Madrid, 1723, ps. 339—340). Позднее название утратило уничижительный оттенок.

¹² J. de Solórzano Pereira, *Política Indiana*, Ambers, 1703, p. 127.

К концу XVIII в. борьба креолов за первенствующее положение в колониях все чаще проявлялась в форме патриотизма, нередко бескорыстного.

Разумеется, дихотомия «креол=чапетон» была не единственным разделением в группе белых. Существовало отъединение (и объединение) по месту происхождения в Испании и месту жительства в Перу (чувство «малой родины» было сильно развито в том обществе), по профессионально-корпоративному принципу и т. д.

Ниже белых на социальной лестнице стояли метисы с разными долями белой, индейской и негритянской крови. Инка Гарсиласо де ла Вега сообщает в книге «Королевские комментарии» следующие определения различных групп, существовавших в Перу конца XVI в.: 1) кастилец (castellano) — родом из Испании; 2) креол (criollo) — сын испанца и испанки, родившийся в Америке; 3) негр, или «гвинеец» (negro, o guineo) — негр родом из Африки; 4) мулат¹³ (mulato) — сын негра и индианки или индейца и негритянки; 5) чоло (cholo) — дети мулатов («испанцы пользуются им для оскорбления», говорит Гарсиласо); 6) метис (mestizo) — сын испанца и индианки (Гарсиласо отвечает тем, кто считал слово «метис» оскорбительным: «я зову себя так во весь голос и горжусь им»); 7) «горец» (montañés) — метис из горных районов. Гарсиласо считает это определение оскорбительным, долженствовавшим подчеркнуть дикость; 8) куатральбо (cuatralbo) — сын испанца и метиски или метиса и испанки, с одной четвертой частью индейской крови; 9) тресальбо (tresalbo) — сын метиса и индианки или индейца и метиски, с тремя четвертями индейской крови.

«Все эти имена,— пишет Гарсиласо,— и другие, о которых, чтобы не утомлять, мы не станем говорить, были придуманы в моей земле, чтобы обозначить поколения, появившиеся после того, как пришли испанцы; и мы можем сказать, что они принесли эти названия вместе с другими вещами, которых не было раньше»¹⁴.

Большая часть известных нам наименований каст относится к концу колониального периода. В это время система каст находилась уже на стадии разложения. И, как часто бывает, именно на этой стадии развития четче проявились ее формальные черты. В XVIII в., «веке просвещения», образованные креолы и европейские путешественники активно собирали сведения о фольклоре, истории, быте народов испанских колоний. Пробуждение национального самосознания в высших кругах креолов и метисов способствовало развитию интереса к этим вопросам.

Венесуэльский ученый Анхель Росенблат в книге «Индийское население и метисация в Америке» приводит публиковавшиеся в различное время номенклатуры каст. Их явно фольклорный характер позволяет усомниться в справедливости мнения М. Мёрнера, что сложная номенклатура — дело творчества ученых и художников, сохранивших для нас эти названия. Более убедительно, на наш взгляд, предположение того же автора, что сложное деление к концу XVIII в. не играло столь уж существенной роли.

Ниже приводятся некоторые из названий, позволяющие представить сложность кастовой системы в Перу.

В середине XVIII в. Хорхе Хуан и Антонио Ульоа записали следующую номенклатуру, существовавшую на побережье Перу и в Картахене де Индиас (Новая Гранада):

- 1) мулат — белый с негром;
- 2) терцерон (tercerón) — белый с мулатом;

¹³ Связано со словом «мул». Вообще номенклатура каст во многом соотносится со скотоводческими терминами. Например, в списке, приводимом французским ученым Ж.-Ж. Вирейем (J.-J. Virey, *Histoire naturelle du genre humain*, Paris, 1824, vol. 2, pp. 183—195), фигурируют такие названия, как «morisco», «cambujo», «barzino» и пр., относящиеся к мастям скота.

¹⁴ Inca Garcillasso de la Vega, Указ. раб. стр. 340.

3) квартерон (cuarterón) — белый с терцероном;
4) квинтерон (quinterón) — белый с квартероном;
5) испанец — белый с квинтероном;
6) самбо (zambo) — негр, мулат, терцерон, квартерон, квинтерон с индейцем;

7) «сальто атрас» (salto atrás), «скачок назад» — квартерон или квинтерон с мулатом или терцероном, а также терцерон с негром.

8) «тенте эн эль айре» (tente en el aire), пригл. «повиси» — терцерон с мулатом или квартерон с терцероном» и т. д.¹⁵

Эти данные относятся к побережью, где процент индейцев был мал, а основные группы населения составляли белые и негры, потому-то приведенная номенклатура и отражает главным образом градацию смешения двух этих рас.

Существовавший в фольклоре широкий (Ж.-Ж. Вирей приводит 24 наименования каст) «спектр расовых цветов», по определению чилийского этнографа А. Липшута¹⁶, не отражался в официальных документах. Законы упоминали только основные расовые группы — белых, индейцев, негров и метисов до квартерона. Более подробная градация — дело общественного саморегулирования. Жизнь перуанского колониального общества нормализовалась не только государственными предписаниями, исходившими из Испании, но и обычаем. Окруженные индейцами и метисами — носителями иных культур — креолы и испанцы с тем большим ригоризмом утверждали свои нормы быта, позволявшие им не расторгнуться в массе населения, сохранить свое господствующее положение в обществе. Одним из показателей принадлежности к правящей группе, группе завоевателей, стали соматические признаки. Чем светлее была кожа у человека, чем больше у него было европеоидных признаков, тем большей, предполагалось, была и доля испанской крови в его жилах.

В колониальный период в Испанской Америке повсеместно утвердилась так называемая «баррагания» — вид долговременного сожительства, не оформленного юридически. Дети, рожденные от «барраганы», не признавались законом, но общественное мнение относилось к ним снисходительнее, нежели к иным незаконнорожденным. Связь их с отцом была довольно прочной и возможности ассимиляции шире.

В Перу распространился еще один тип семьи — матрицентрический. Поскольку женщина из «цветных каст» работала наравне с мужчиной (в том числе занималась торговлей на рынках или вразнос, была прислугой и т. д.), то она могла быть независима материально; кроме того, она чаще вступала в случайные связи, причем отец обычно не признавал ребенка. По мнению Г. Эскобара, «... большинство перуанских метисных семей, как сельских, так и городских, относится к типу так называемых матрицентрических, состоящих из женщины с ее детьми, родившимися от случайных связей, в большинстве своем более чем с одним мужчиной и относительно кратковременных»¹⁷.

Таким образом, в Перу были наиболее распространены три типа семьи: 1) моногамная семья; 2) «баррагания» — долговременное сожительство, признанное обычно общественным мнением, но не законом; 3) матрицентрическая семья.

В таких условиях соблюдение границ между «кастами» было практически невозможно. Если господствующая группировка стремилась сохранить свое положение, то находившаяся в становлении метисная группа размывала социальные перегородки.

¹⁵ Цит. по: A. Rosenblatt, Указ. раб., стр. 174.

¹⁶ A. Lipschutz, El Indoamericanismo y el problema racial en las Américas, Santiago de Chile, 1944, ps. 70—71.

¹⁷ G. M. Escobar, El mestizaje en la región andina: caso del Perú, «Revista de Indias», 1964, № 95—96, p. 202.

Часть метисов, стремясь повысить свой общественный статус, искала место в административном аппарате, чтобы как можно больше приблизиться к креольско-испанской сфере и по возможности войти в нее. Здесь установленный А. Липшуцем «закон этнической мутации»¹⁸, согласно которому линии «спектра расовых цветов» постепенно смешались к белым, действовал наиболее целенаправленно. Метисы приписывали себе большую, чем в действительности, долю «испанской крови», чтобы получить выгодный пост в чиновной иерархии. И хотя правительственные указы запрещали предоставлять метисам административные должности, однако сама повторяемость этих указов¹⁹ свидетельствует о том, что эти законы в действительности не очень строго соблюдались. В такой ситуации, когда административный статус определялся местом в «кастовой» иерархии, по «закону обратной связи» статус метиса позволял ему воспользоваться соответствующей долей общественного престижа.

Для более широких слоев населения, состоявших из ремесленников, торговцев, мелких производителей — прототипа «средних слоев», — характерной была иная тенденция. Если в жизни первой группы принцип иерархичности, связанной с социальным статусом, господствовал, то в массе «цветных каст» (признававших его, разумеется) постепенно складывались иные отношения, основанные на принципе индивидуализма, а не корпоративности, более соответствующие развивавшемуся буржуазному укладу. Если «верхние слои» тяготели к белым, то эти «средние слои», наоборот, принимали в себя и размывали социально близкие к ним круги «белого» населения, а также включали многих бежавших из общин индейцев. Последние, даже не подвергаясь еще физической метисации, принимали культуру метисов, называли себя метисами и со своей стороны привносили элементы индейской культуры в жизнь метисов. Относительная открытость этой группы способствовала ускорению темпов метисации, несмотря на противодействие властей, обеспокоенных ростом численности метисов²⁰.

Низшие слои в социальной иерархии составляли люди с примесью негритянской крови. Торговля неграми к моменту завоевания Перу была распространена по всей Америке. Еще в отряде Писарро имелись негры. Вскоре негры — рабы и вольноотпущенники — составили заметную часть «республики испанцев». Число мулатов и самбо было столь значительным, что они вместе с неграми составили отряд в 500 человек уже во время восстания Эрнандеса Хирона в 1555 г. Неграм и их потомкам был запрещен любой труд, кроме неквалифицированного. Здесь еще раз проявилось обычное для Испанской Америки расхождение между законом и реальностью. Негры в действительности часто распоряжались индейцами, хотя номинально считались «низшими». В конце XVIII в. некоторые богатые негры покупали право считаться белыми, по специальным королевским указам, так называемым *cédulas de gracias al sacar*.

В колониальном обществе имела еще одна метисная группа, юридически принадлежавшая к «республике испанцев». В этой группе перемешивались все касты: она состояла из преступников, бродяг, нищих и т. д. Огромное множество их переходило из города в город, из поселка в поселок, грабя незащищенных индейцев. Интенсивное перемещение этой группы, естественно, способствовало дальнейшей метисации (в архивах Испании и латиноамериканских стран сохранилось немало документов, посвященных этому вопросу)²¹. Во время восстания индейцев под руко-

¹⁸ A. Lipschutz, *El problema racial en la Conquista de América y el mestizaje*, Santiago de Chile, 1967, p. 302.

¹⁹ R. Koneitzke, *Colección de documentos para la formación social de Hispanoamérica*, Madrid, t. 1, 1953, ps. 498, 512, 513, 554—556, 567; t. 2, 1958, ps. 61, 64, 65, 68, 85, 99, 100.

²⁰ C. M. Escobar, Указ. паб., стр. 201.

²¹ См. M. Mörner, *La Corona española y los foráneos en los pueblos de indios de América*, Estocolmo. 1970.

водством Хосе Габриэля Кондорканки в 1780—1782 гг. значительную силу в его войсках представляли люди из «маргинальных слоев». Проблема обуздания такого рода элементов стояла перед колониальными властями с середины XVI в. В 60-е годы судья Хуан Матьенсо писал: «Негры и мулаты и некоторые метисы, дети индианок от испанцев, неспокойны, дурны и неисправимы, и число их настолько возрастает, что, может быть, придет время, когда будут они ходить отрядами, совершая нападения и грабежи, или объединятся с индейцами и взбунтуют их, что было бы полным разорением...»²².

Для метисов и индейцев переход в маргинальные слои предоставлял возможность вырваться из кастовой системы, отмечает Норман Мартин, автор исследования о бродягах в Новой Испании²³. Аналогичной работы, посвященной андийскому региону, к сожалению, пока еще нет. Тем не менее можно предположить, что сходные социальные условия привели к появлению большой маргинальной группы и в Перу по тем же причинам, что и в Новой Испании.

Таким образом, к концу XVI в. в вице-королевстве Перу сложилась кастовая социальная система (кастовая и по названию, и по принципу организации), постепенно усложнявшаяся в течение всего колониального периода. Эта система, возникшая как средство политической защиты малочисленной группы испанцев от растворения метисными массами, стала регулятором общественной и культурной жизни, быта и труда, с разными нормами в разных слоях. Ведущие касты — белые с тяготеющими к ним слоями метисов — были тесно связаны с социальными институтами, построенными по испанским образцам и существенно не менявшими свою структуру в течение нескольких веков. Этим объясняется то, что социальная динамика этих групп была незначительна и проявлялась главным образом в действии упомянутого «закона этнической мутации».

«Смешанные касты» были несравненно более динамичны как в социальном, так и в культурном отношении. Они легче поставляли новых членов и в высшие касты, и в низшие слои и принимали в себя новых членов гораздо легче, чем высшие страты. Культурной моделью для них был испанский либо креольский уклад (по различным причинам они не могли пользоваться некоторыми испанскими ценностями, прежде всего теми, которые служили символом общественного положения — из-за генетической и культурной связи с индейцами и метисами). «Смешанные касты» восприняли многие элементы индейской культуры и выработали на их основе свои собственные. Пресловутый «закон этнической мутации», конечно, не переставал действовать и в этих слоях.

Вышеизложенная система, как было показано, не на всех своих уровнях действовала одинаково. В борьбе тенденций — к отъединению групп и к размыванию границ между ними — одна тенденция сильнее проявлялась в одной группе, другая — в другой, в зависимости от среды и времени. Стремление сохранить границы между кастами четко видно в официальных документах. Политика короны и церкви, опиравшаяся на средневековую традицию, была направлена к упрочению иерархизированного общества. В церковных приходах имелись отдельные книги регистрации белых, индейцев и «каст». Священники стремились соблюдать эндогамность «каст» при заключении браков, «чтобы женить их законно и позволительно», по выражению иезуита Х. Гумильи. Однако традиционной для церкви была также тенденция к растворению всех этнических групп в христианской общности, и эта тенденция проявилась, например, в начале XVIII в., когда, согласно булле папы Климента XI, кварталы были объявлены белыми, и поэтому, как отмечает в 30-х годах XVIII в. Гу-

²² J. de Matienzo, Gobierno del Perú, Paris — Lima, 1967, p. 84.

²³ N. E. Martin, Los vagabundos en la Nueva España, Siglo XVI, México, 1957.

милля, «среди новообращенных уже нет иных различий, кроме как между индейцами и метисами»²⁴.

Выше говорилось об иерархической стратификации согласно соматическим признакам. Таким же внешним показателем места в социальной иерархии была одежда. Указ 1571 г., например, гласил: «Никакая негритянка, ни свободная, ни рабыня, да не носит золото, жемчуг или шелка; но если свободная негритянка или мулатка выйдет замуж за испанца, то может носить золотые сережки с жемчужинами, и ожерелье, и на юбке опушку из бархата, и не могут носить, и да не носят накидки из газа (*bigato*) или другой ткани, но платки, которые были бы длиной чуть ниже пояса. В противном случае с них будут сняты и для них потеряны золотые драгоценности, шелковые одежды и накидка»²⁵. Политическая группировка «мантуанос» в Венесуэле конца XVIII в. получила свое прозвище потому, что жены членов этой колониальной элиты имели право посещать обедню в накидке — «манте». Многочисленные запреты метисам носить оружие были связаны, вероятно, не только с боязнью восстаний, но и с тем, что сам факт ношения шпаги или аркебузы определял принадлежность к «белым».

Закон запрещал метисам, мулатам и самбо заниматься определенными видами ремесел²⁶. Выбор профессии регулировался двояко: с одной стороны, закон затруднял доступ к административным должностям, временами — к должностям церковным, к некоторым ремеслам, определенным социальным группам, создавая преграды «поднятию касты». С другой стороны, обычай не позволял члену высших слоев заниматься работой низших каст. Пережитки такого отношения к труду и к техническим наукам сохраняются в Перу и по сей день.

Борьба двух тенденций — к повышению и сохранению своего престижа, осознаваемая и принимаемая как норма общественной жизни, с одной стороны, и к размыванию каст, к слиянию их в новые социальные группы, на иной основе — с другой, — такая борьба происходила главным образом в среде метисного населения. В креольско-испанских кругах вторая тенденция проявлялась крайне слабо вплоть до конца XVIII в. Среди метисов постепенно, вначале неосознанно, при противодействии властей, а нередко и самих членов «каст» возобладала вторая тенденция, не давшая колониальному перуанскому обществу застыть в строго регламентированных рамках. Называя организацию метисных слоев кастовой, мы исходим прежде всего из ставшего традиционным исторически реального наименования. В результате контакта испанской и индейской культур только европейская часть «республики испанцев» организовалась по кастовому принципу с явной целью удержатъ господствующие позиции. «Республика индейцев» при поддержке колониального законодательства сохранила прежнюю общинную структуру. Метисная же группа, сама возникшая в результате «активного взаимодействия» испанцев, индейцев и негров (в результате контакта не только физического, но и культурного), поскольку она с самого начала была включена в «республику испанцев», организовалась по установленным здесь нормам стратификации. Однако, поскольку именно эта группа стала носителем новых социально-экономических отношений, наряду с частью креолов создав перуанскую буржуазию, внутри нее кастовое деление довольно быстро стало фикцией.

С установлением республики «кастовое» деление было формально отменено и все граждане были признаны равными перед законом, но пережитки этого деления сохранялись до XX в.

²⁴ J. Gumilla, *El Orinoco ilustrado y defendido*, Caracas, 1963, p. 85.

²⁵ N. León, *Las castas del México colonial o Nueva España*. Noticias etnoantropológicas, México, 1924, p. 10.

²⁶ R. Konezke, *Colección de documentos...*, t. 1, ps. 484, 485, 488, 491, 492, 498, 512, 513, 554—557, 567.

С. Б. Чернецов

ЭФИОПСКАЯ МАГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Магия, магические представления и магическая практика, игравшие значительную роль в духовной жизни народов, населяющих Эфиопию, поражали всех исследователей, занимавшихся культурой этой страны, начиная с И. Лудольфа, родоначальника изучения этой страны в Европе¹. За Эфиопией прочно утвердилась репутация «настоящего кладезя» суеверий и магической практики², и некоторые современные исследователи утверждают, что магические представления «нигде в мире не являются столь живой действительностью, как в Эфиопии»³. Причина живучести магических представлений в христианской Эфиопии — многовековая политическая и культурная изоляция страны, в которой христианство не смогло окончательно уничтожить древнюю политеистическую идеологию народа. Народное сознание соединило в себе разнородные элементы монотеизма и политеизма в своеобразном сплаве, характеризующий который Б. А. Тураев писал: «В христианской, но отсталой в культурном отношении Абиссинии почти не существует грани между верой и суеверием, религиозностью и магической практикой. Представители духовенства и церковники промышляют перепиской и продажей ложных молитв, последние пользуются почитанием наравне с каноническими, которые, в свою очередь, как и само Святое Писание, могут употребляться для магических целей, действуя через механическое чтение и ношение на шею и т. п., даже простое хранение»⁴. Подобный синтез монотеизма и политеизма не является исключительно эфиопским феноменом, он имел место повсюду, где на смену прежним политеистическим воззрениям приходил монотеизм. Это явление было открыто также на русской почве «археологическими романтиками», и в первую очередь Ф. И. Буслаевым, который дал ему название «двоеверие», прочно вошедшее в русскую научную литературу⁵. Он же показал место магии в народном сознании, функцию магической практики и причины живучести подобных представлений.

«Двоеверие» характерно не только для русских. Оно присуще идеологии средневековой в целом. Как устная, так и письменная литература многих народов запечатлела двоеверие как характерную для этой исторической эпохи черту духовной жизни. О проявлении этой черты в Эфиопии И. Ю. Крачковский писал: «Едва ли не наиболее существенную

¹ H. L u d o l f, *Historia Aethiopica sive brevis et succinta descriptio Regni Habessinorum, quod vulgo male Presbyteri Iohannis vocatur*, Francofurti ad Moenum, 1681, lib. III, cap. IV.

² E. L i t t m a n n, *Arde'et: The magic book of the disciples*, «Journal of the American Oriental Society», vol. XXV, New Haven, 1904, p. 1.

³ O. J ä g e r, A. R e i h e r w e r d e r, *Äthiopische Zauberrollen und ihre Bilder* Baessler — Archiv, N. F., Berlin, 1966, Bd. XIX, S. 142.

⁴ Б. А. Т у р а е в, *Абиссинские магические свитки*, «Сборник статей в честь П. С. Уваровой», М., 1916, стр. 178.

⁵ Ф. И. Б у с л а е в, *О народной поэзии в древнерусской литературе*, т. 2, СПб., 1910, стр. 32.

количественно часть абиссинской литературы составляют всякие «отреченные» писания, начиная с библейских апокрифов и кончая заговорами и заклинаниями. Главный интерес этой области заключается в том, что она, будучи не менее всей эфиопской литературы проникнута книжным элементом, гораздо чаще, чем другие отрасли, отражает народные представления; нередко эти представления уводят нас в самую толщу не только семитов, но и соседних с ними кушитских племен»⁶. Немецкий исследователь эфиопской литературы Э. Литтманн, утверждал, что «большая часть эфиопской литературы является литературой магической»⁷.

Насколько справедливы утверждения о том, что письменные памятники эфиопской магии, т. е. писания, предназначенные для магического употребления, при всем своем разнообразии составляют особый, единый род литературы, а именно литературу магическую? На основании какого признака можно объединить в одну группу произведения, «начиная с библейских апокрифов и кончая заговорами и заклинаниями»? Какое место в духовной жизни народа занимают эти произведения эфиопской письменности по сравнению с аналогичными произведениями устного магического творчества? Все эти вопросы неизбежно встают перед исследователями эфиопской магической литературы.

Первый признак, на основании которого можно выделить произведения эфиопской магической письменности среди прочих литературных памятников, есть признак функциональный. И. Ю. Крачковский так определил их назначение: «Одну из популярных отраслей этой «отреченной» литературы составляют так называемые магические свитки. Содержанием их всегда являются различные тексты, иногда даже канонические, которым, однако, приписывается магическое значение. Еще чаще они наполнены заговорами, заклинаниями и нередко простым набором таинственных имен, значение и происхождение которых почти невозможно установить. Для обладателя свитка это неважно, так как предохранительная сила обыкновенно приписывается не столько чтению свитка, сколько его ношению или даже простому нахождению в помещении»⁸. То же самое относится и к книгам Священного Писания, например, к Псалтири, чтение которой, хранение и ношение на теле считалось чудодейственным. Нередко чтение Псалтири с магическими целями сопровождается также магическими действиями и обрядами⁹. Используется Псалтирь и для изгнания бесов из одержимых¹⁰. Таким образом, произведения магической литературы, будь то апокрифические сказания, заговоры или заклинания, в отличие от других литературных памятников предназначаются не столько для прочтения, сколько играют роль предохранительных амулетов.

Каждое произведение эфиопской магической литературы предназначено для определенного человека. Это выражается и в том, что в тексте обязательно и неоднократно указывается имя владельца, а когда подобное произведение переходит из рук в руки, имя прежнего его обладателя тщательно выскабливается и на его месте пишется новое. Таким образом, кроме функционального признака, в тексте магического произведения имеется и формальный (имя владельца), который не свойствен другим литературным жанрам. В текстах же содержатся и указания на

⁶ И. Ю. Крачковский, Абиссинский магический сборник из собрания Ф. И. Успенского, «Доклады АН СССР», 1928.

⁷ E. Littmann, Указ. раб., стр. 2.

⁸ И. Ю. Крачковский, Указ. раб., стр. 163.

⁹ Б. А. Тураев, Из эфиопской отреченной литературы, сб. «Христианский Восток», т. VI, вып. 1, Пг., 1917, стр. 63, 73.

¹⁰ Е. Е. Долганев, Современная Абиссиния. Очерки быта, культуры, религиозной и общественной жизни эфиопского (абиссинского) народа, Сергиев Посад, 1897, стр. 15, 16.

способ употребления того или иного произведения (ношение на шее, обертывание вокруг тела, хранение в доме, окропление водой и т. п.). Подобные указания характерны не только для эфиопской магической литературы, но и для русской¹¹, греческой¹², коптской¹³ и др.

Эти признаки характерны не только для произведений магической литературы, но и для устных заговоров. Как отечественные, так и зарубежные исследователи заговоров до сих пор не проводили в своих работах разграничения между заговорами письменными и устными, несмотря на то, что между этими двумя родственными формами магии существует значительное различие как в назначении, так и в использовании. В чем же оно заключается?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, следовало бы определить само понятие «заговор», так как до сих пор в научной литературе нет общепринятого единого определения. В настоящей работе мы используем определение Н. Познанского: «Заговор есть словесная формула, обладающая репутацией достаточного и неотразимого средства для достижения определенного результата, при условии соблюдения всех требующихся при этом предписаний, средства, противиться которому не может ни закон природы, ни индивидуальная воля, если она не пользуется с этой целью также какими бы то ни было чарами»¹⁴. На наш взгляд, к этому определению может быть сделано небольшое дополнение: «Заговор есть словесная или написанная формула...».

Правомерно ли разделять заговор устный и заговор написанный? По нашему мнению, на этот вопрос следует ответить утвердительно, так как если устный заговор основывается на вере в силу слова произнесенного, то заговор письменный — на вере в слово написанное. И хотя последний, несомненно, произошел от первого, различие между ними очень большое¹⁵. Вера в могущество записанного слова характерна, впрочем, для магии любого народа. По свидетельству этнографов, занимавшихся эфиопской магической литературой¹⁶, письменные «подлинники» имеются и у «дабтара» (особое эфиопское духовенство, подобно древнееврейским левитам не имеющее священнического сана), переписывающих магические свитки.

Переход устного заговора в письменный знаменовал целый этап в развитии человеческой мысли и культуры и повлек за собой весьма важные последствия. Как впервые было доказано Ф. Зелинским, заговор родился из обряда: магическому слову предшествовало магическое действие. Первая ступень развития магических представлений заключалась в том, что действие стало сопровождаться словами, превратилось в обряд: «...для произведения желаемого явления производится чара, т. е. явление, сходное с желаемым и ассоциированное с ним... Мы выразили на словах чару и ее цель и получили формулу заговора»¹⁷. Второй ступенью явилось то, что обряд (само магическое действие) и заговор поменялись местами, и не слова уже сопровождают обряд, а обряд стал сопровождать заговор, превратившись пусть в весьма существенный, но уже не главный элемент магической практики. Рассматриваемый нами

¹¹ Н. Виноградов, Заговоры, обереги, спасительные молитвы и пр., СПб., 1908, стр. 18, 19.

¹² L. Alatius, De templis Graecorum recentioribus, Coloniae Agrippinae, 1645.

¹³ Б. А. Тураев, Коптский пергаментный амулет, сб. «Христианский Восток», т. 1, вып. 2, СПб., 1912, стр. 205, 206.

¹⁴ Н. Познанский, Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул, Пг., 1917, стр. 102.

¹⁵ Н. Виноградов, Указ. раб., стр. 62, 63.

¹⁶ D. Lifchitz, Textes éthiopiens magico-religieux, «Travaux et Mémoires de l'Institut d'Ethnologie», t. XXXIX, Paris, 1940, p. 8, 9; M. Griaule, Le livre de recettes d'un dabtara abyssin, «Travaux et Mémoires de l'Institut d'Ethnologie», t. XII, Paris, 1930.

¹⁷ Ф. Зелинский, О заговорах, «Сборник Харьковского историко-филологического общества», т. X, Харьков, 1897, стр. 24.

процесс перехода заговора из устного произведения в письменный памятник знаменует собой третью ступень развития магических представлений, когда обряд постепенно теряет свое самостоятельное значение и развивается магический культ, т. е. более или менее стройная система магических по своему характеру представлений, какую мы встречаем, например, в Древнем Египте в виде развитого магического культа бога Тота¹⁸. Именно на эту ступень приходится развитие и расцвет магической литературы, которая должна была удовлетворять потребностям магического культа. Если для устных магических произведений, т. е. заговоров и заклинаний, сохранность и передачу из поколения в поколение в неприкосновенности обеспечивал обряд, с которым они были тесно связаны и который составлял основу устной традиции, то на следующем этапе развития магических представлений его заменяет культ, а письменная форма гарантирует памятникам магической литературы их неизменяемость. Таким образом, меняется способ передачи магических произведений, и устную традицию заменяет традиция письменная.

Следует отметить, что сама письменность при своем зарождении и на начальных этапах развития вообще была теснейшим образом связана с магией, точнее, с магическим культом, служители которого являлись знатоками и хранителями письма. Недаром древнеегипетский бог Тот был покровителем одновременно магии и письменности. Магический культ уже близок по своей структуре культу религиозному, но смешивать их тем не менее нельзя, как нельзя смешивать и заговор с молитвой. Хотя заговор и является, по выражению О. Миллера, «предшественником молитвы», принципиальная разница между магическим культом и культом религиозным, а также между заговором и молитвой заключается в том, что «если последняя имеет в виду только добрую волю божества; если вся сила ее в надежде на его милосердие, то заговор... должен иметь на него влияние просто-напросто принудительное»¹⁹. Магическому культу в отличие от культа религиозного совершенно чужда идея греха или воздаяния за грехи. Именно это и имел в виду египтолог У. Бадж, когда писал о «нераспространенности идеи воздаяния среди материалистических египтян»²⁰, чьи магические представления он определил как «материализм».

Разумеется, не у всех народов магические представления сформировались в развитый магический культ. Во многих случаях их развитию помешало проникновение культа религиозного, так как все религии, в особенности монотеистические, всегда стремились искоренить прежние народные верования. Поэтому наиболее характерные магические культы наблюдаются лишь в странах «классического Востока», где их возникновению способствовали древняя старописьменная культура и сравнительно стабильное развитие на протяжении многих веков.

Проникновение христианства в IV в. помешало складыванию в Эфиопии развитого магического культа. Отдельные культы таких божеств, как Даск, Дино, Гудит, Гудале, Тафант и Гор²¹, имевшие определенно магический характер и возникавшие в средневековой Эфиопии, жестоко преследовались и уничтожались как церковью, так и светскими правителями. Близкий по своей природе к шаманизму современный экстатический культ Зар, возникший в Эфиопии в середине XIX в. и распространившийся отсюда в арабские страны, также встречал противодей-

¹⁸ Б. А. Тураев, Бог Тот, «Записки историко-филологического факультета Императорского Петербургского университета», ч. 46, СПб., 1898.

¹⁹ О. Миллер, Опыт исторического обозрения русской словесности, СПб., 1865, ч. 1, вып. 1, стр. 84, прим. 2.

²⁰ W. Budge, The book of the dead, London, 1922, p. 20, 21.

²¹ A. Dillmann, Über die Regierung, insbesondere die Kirchenordnung des Königs Zar'a—Jacob, Berlin, 1884, S. 38—40; G. W. B. Huntingford, The lives of Saint Takla Haymanot, «Journal of Ethiopian Studies», vol. IV, № 2, Addis-Ababa, 1966, p. 38.

ствие церковников и правительства. Однако полностью уничтожить прежние дохристианские верования церкви никогда не удавалось, и двоеверие, и поныне господствующее в эфиопской провинции,— доказательство этому. Свободное развитие магии остановилось, сфера ее применения сузилась до житейского обихода, ограничиваясь, как правило, врачевательной функцией, но не исчезла магическая литература, удовлетворявшая потребности двоеверного народного сознания.

В устной магии, бытующей в Эфиопии, иноземные заимствования редки и сводятся, как правило, лишь к «тайнственным именам» в заклинаниях, которые чаще всего искажаются до полной неузнаваемости.

При переходе устной магии в письменную вслед за формой менялось и содержание магических произведений. Письменная форма открыла перед магическим творчеством новые, более широкие возможности. Увеличился объем заговора, что позволило широко развиваться такому компоненту, как эпический элемент. Кроме того, в эфиопскую магию широким потоком хлынули иноземные заимствования: апокрифические сказания, библейские пересказы, иноземные магические сюжеты.

В отличие от магии устной, в магической литературе иноземные влияния чрезвычайно сильны, заимствование идет уже «литературным» путем, и редкий пространный магический сюжет эфиопской письменной магии не имеет прототипа среди магических произведений магических литератур коптов, арабов-христиан и даже греков. Так, эфиопский сюжет о св. Сисиннии, убивающем ведьму Верзилю²², восходит через коптскую магическую литературу к эллинистическому сюжету о Гиллу, пожирательнице детей²³, а сюжет «Сети Соломона»²⁴ восходит к халдейскому трактату «Завещание Соломона», известному в латинском переводе²⁵. Эфиопский заупокойный сборник «Свиток Оправдания»²⁶ и по форме и по назначению напоминает «Книгу Мертвых» Древнего Египта. Подобных примеров можно привести множество. Интересно отметить, что заимствование эфиопской магической литературой магических сюжетов в иноземных магических литературах сводилось к переводу чужеземных магических памятников письменности на эфиопский язык — геэз. То же самое можно сказать и о библейских сюжетах, зачастую составляющих эпический элемент эфиопских письменных заговоров, так как Библия (в особенности Евангелие от Иоанна и Псалтирь) всегда пользовалась репутацией не только священной, но и магической книги, обладание и ношение которой само по себе оказывает чудодейственное воздействие.

Еще одним весьма показательным признаком, отличающим письменные произведения эфиопской магии от аналогичных устных произведений и позволяющим говорить о них как о магической литературе, является язык, на котором они написаны. Если языком устных заговоров и заклинаний в Эфиопии служат местные языки и диалекты, то все без исключения памятники эфиопской магической письменности написаны на мертвом языке (геэз), который уже с XIII в. перестал быть разговорным и остался в качестве языка литературы и церкви. И хотя с начала XX в. появилась письменность и на современном амхарском языке, все произведения эфиопской магической литературы и поныне пишутся

²² O. V. L e m m, Koptische Miscellen. XVI—XXV, «Известия Российской Императорской Академии наук», СПб., 1907, стр. 499—501.

²³ L. A l l a t i u s, Указ. раб., стр. 126—129.

²⁴ S. E u r i n g e r, Das Netz Salomos, «Zeitschrift für Semitistik und verwandte Gebiete», Bd. V—VII, Leipzig, 1928—1929.

²⁵ J. P. M i g n e, Testamentum Solomonis. Patrologia cursis completis, t. 122, Paris.

²⁶ W. B u d g e, The Bandlet of righteousness, London, 1929; S. E u r i n g e r, Die Binde der Rechtfertigung, «Orientalia», IX, 1940; Б. А. Тураев, Свиток Оправдания. Сборник статей в честь Потанина, СПб., 1902.

исключительно на геэз. Таким образом, эфиопская письменная магия следует старым литературным традициям в отличие от магии устной, которая всегда пользовалась разговорными народными языками и диалектами. С другой стороны, это лишний раз доказывает, что письменные произведения эфиопской магии, написанные на языке, непонятном народу, предназначались не для чтения и по сути дела выполняли функцию амулетов.

В заключение можно выделить несколько общих признаков произведений эфиопской магической литературы: 1) функциональный признак — все они играют роль письменных предохранительных амулетов, значение которых заключается уже в простом обладании ими; 2) формальный признак — все они написаны на мертвом языке геэз, причем упоминание в тексте имени владельца обязательно, без него подобный письменный амулет теряет смысл; 3) структурный признак — эпическую часть каждого отдельного письменного заговора может составлять определенное число магических сюжетов как местного, так и иноземного происхождения, а также библейские эпизоды и апокрифические сказания; 4) традиционная форма передачи памятников магической письменности, которая заключается в простом переписывании их с изменением лишь имени владельца. Эта традиция характерна для литературных, а не устных произведений.

Все эти признаки, общие для всех письменных произведений эфиопской магии, позволяют рассматривать их как особую разновидность литературы — магическую литературу. Однако при всей близости их к прочим литературным произведениям генетическая связь с устной магией накладывает на них свой отпечаток: и те и другие произведения являются продуктом двоеверного народного сознания и служат одной и той же цели — защищать владельца от всевозможных несчастий и действий враждебных сил.

Родившись из устных заговоров и заклинаний и во многом унаследовав структуру последних, произведения эфиопской магической литературы занимают промежуточное положение между литературными памятниками и магическим фольклором. Исходя из этого положения, следует изучать произведения магической литературы. Относительная стабильность письменного заговора позволяет исследователю рассматривать магические сюжеты письменных памятников в отличие от заговоров мотивов устной магии, но попытки реконструировать первоначальный текст письменного заговора не имеют смысла. При всем сходстве вариантов того или иного заговорного письменного сюжета «подлинный вариант» обнаружить невозможно, в определенном смысле все варианты «подлинны», и речь может идти только о воссоздании архетипа, как и в случаях с заговорами устными. Что же касается иноземных заимствований, то здесь письменная магия представляет собой более плодотворное поле деятельности по сравнению с магией устной.

Разграничение устных и письменных магических произведений представляется совершенно необходимым и весьма плодотворным для изучения как магии в целом, так и отдельных продуктов магического творчества.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Р. Г. Подольный

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ И ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

В последние десятилетия стремительно растет интерес к научной фантастике. Растет и влияние этого жанра на умы, поощряемое вполне реальными успехами астрономии и физики, биологии и кибернетики. Всем известно, что некоторые из этих успехов были предсказаны фантастами и что, в свою очередь, со многими сегодняшними победами ученых-естественников в наиболее яркой форме можно познакомиться, читая современную фантастику.

Почему-то гораздо меньше внимания обычно обращают на роль для научной фантастики данных гуманитарных наук. И сама история, и антропология, и в очень большой мере этнография стали неисчерпаемыми источниками и фантастических идей, и замысловатых сюжетов. Откуда, как не из фантастики, мы получаем картины быта будущего! Но, главное, этнографические сюжеты присутствуют почти всюду, где изображены контакты землян с инопланетчиками. Так же, как антропологические, — всюду, где эти инопланетчики появляются.

Научный материал, этнографический и антропологический, может быть дан в явном виде, с прямыми ссылками на земные аналогии, а может присутствовать как скрытый от глаза, но открытый мысли и чувству фон событий. Этот фон есть в каждой по-настоящему талантливой вещи. Автор может черпать сведения для него из научной или из популярной литературы, может давать длинные ссылки на источники в тексте, либо в примечаниях или вовсе обходиться без них — это уже его дело. Необходим сам фон, а не его оправдания.

Прежде фантастика так хотела быть научной, что считала своим долгом доказывать это на каждом шагу. Жюль Верн в «Таинственном острове» пускался чуть ли не в приматологические изыскания, чтобы читатель поверил в ум орангутана Юпа. Г. Уэллс для объяснения облика своих марсиан (голова да щупальцы) ссылался на научную литературу и объяснял, что, по мнению тогдашних антропологов, эволюция человека должна привести его к такой примерно внешности. Александр Беляев, рисуя людей будущего хилыми, лысыми, без ногтей и почти без зубов, в шутку говорит, что тут все «по науке». Фантасты, обильно занимавшиеся такими оправданиями сто с лишним и даже без малого пятьдесят лет назад, теперь все реже прибегают к ним.

Фантастике уже поверили — иногда даже больше, чем следует. Но одно бесспорно: фантастика интересна для читателей поскольку, по своему преломляя, пытается решать насущные реальные проблемы.

Путешествие на чужую планету для фантаста, к примеру, может быть и способом показать нелепость расовых предрассудков, и средством раскрыть глаза тем, кто готов считать себя образцом для вселенной, а свои религиозные взгляды и бытовые привычки — безусловно идеальными.

Разумеется, это — лишь одна из многих сторон фантастики, но сторона важная. И если путешествие к туманности Андромеды на фоточном звездолете — проекция идей физики, то описание встреч с аборигенами планет этой туманности — проекция на широкий экран литературы идей и материалов истории, социологии, антропологии, этнографии.

Мне кажется целесообразным обратить внимание антропологов и этнографов на то, в каком виде выступают на этом экране некоторые из «их» проблем, как использует данные их наук научная фантастика.

Размеры статьи, разумеется, не позволяют сделать мало-мальски полный обзор фантастики под этим углом зрения. Перед вами — заведомо беглый и, боюсь, весьма субъективный рассказ, а отбор примеров из моря литературных фактов продиктован не всегда, вероятно, беспристрастным вкусом автора.

* * *

Ни в чем, пожалуй, так не расходятся фантасты между собой (и «сами с собою» в разных произведениях одного автора), как в «антропологических» описаниях инопланетчиков.

Вот жители Луны в описании польского фантаста начала века Е. Жулавского:

«...У них есть крылья, хотя они с трудом пользуются ими... Между собой они объясняются при помощи светящихся знаков на лбу. ...под крыльями из натянутой на костях перепонки есть гибкие змеиные руки с шестипалой кистью. Все тело их покрыто черными короткими волосами, мягкими, густыми и блестящими, кроме лба и ладоней... Беззубый рот, окруженный роговым наростом в виде широкого и короткого клюва с крючковатым выступом в середине».

По мнению Виктора Гончарова, советского писателя 20-х годов, селенит по виду — «слоненок на задних лапах... верхние конечности мускулистые и покрытые пергаментной кожей с мелкими черными волосиками...».

Под все детали строения тела своих героев большинство фантастов старается подвести научную базу. Американец Хьюго Гернсбек не только живописует, но и объясняет:

«Рост (марсиан) около 10 футов, их огромные тела похожи на бочку, а сверху возвышается большая несуразная голова с громадными, словно раковины, ушами шириной около фута и хоботообразным носом длиной 3 фута... глаза... как бы сидят на длинных стеблях, которые могут удлиниться и укорачиваться, словно подозрная труба... Поскольку сила притяжения на Марсе мала, там никогда не было очень плотной атмосферы. Поэтому, чтобы не погибнуть, марсианам пришлось значительно развить свои легкие; отсюда их колоссальная грудь, из которой практически и состоит все тело».

По Уэллсу, все тело марсиан состоит из одной головы, а селениты больше всего похожи на огромных насекомых, наделенных мозгом.

Тут испугаешься! И фантаст Э. Гамильтон написал юмористический рассказ «Невероятный мир», в котором Марс заселен марсианами из разных фантастических произведений.

«Ошеломленные глаза Лестера различали марсиан, возвышающихся над толпой на двадцать футов и шестируких; марсиан, похожих на маленьких безруких комариков; марсиан четырехглазых, трехглазых и марсиан совсем безглазых, но с щупальцами, вырастающими из лица; синих, черных, желтых и фиолетовых марсиан, не говоря уже о марсианах неопределенных оттенков, анилиново-красного, вишневого, бурого цвета

и марсиан прозрачных... Удивительнее всего было, что женщины, все без исключения, были привлекательнее мужчин... любая марсианка, бурая, зеленая, синяя или красная, могла быть образцом земной красоты».

Француз Ф. Карсак перенес на некую планету кентавров из древнегреческих мифов. Американец Клиффорд Д. Саймак изобрел живые существа, способные принимать любые формы, в том числе и форму человека.

Советский фантаст В. Савченко во «Второй экспедиции на странную планету» изображает на ней существа в образе космических ракет (за двадцать лет до того они были самолетами и превратились в ракеты в процессе эволюции).

Должен сказать, что ученые сейчас выдвигают и еще более фантастические предположения о возможных основах жизни. Как участник Бюраканской международной конференции по связи с внеземными цивилизациями, я слушал доклад академика В. Л. Гинзбурга. Он, в частности, говорил о принципиальной возможности жизни на основе иных, чем наши атомы, соединений совсем других элементарных частиц.

И на этой конференции на каждую попытку как-то ограничить конкретными условиями среду, порождающую жизнь и разум, отвечали хлестким словосочетанием: «космический шовинизм». Среди его разновидностей были шовинизм углеродно-кислородно-водородный, солнечный, звездный, планетный...

Астрономы, физики, биологи отказывались признать свой способ существования в природе единственно возможным. Они были против исключительности чего бы то ни было во Вселенной — от человека до процесса возникновения жизни на Земле. А другие условия, другие причины неизбежно должны вызвать иные следствия, иные формы жизни, в том числе и разумной.

Задним числом они оправдали всех, кто рисовал себе «другие версии» разума. И тех, кто писал о чужих, но людях — тоже. Человек ведь не исключение (хотя и не правило), значит, природа могла его и повторить.

Но все-таки, по-видимому, за относительно редкими исключениями, гораздо интереснее и писать, и читать про существа, похожие на людей и по внешности, и по своей психологии. И поэтому-то, мне кажется, человекоподобные инопланетчики, для которых фантасты предложили специальный термин — гуманоиды — господствуют на страницах рассказов, повестей и романов. И, главное, потому, что человеческие проблемы удобнее решать, показывая конфликты среди таких же существ.

И. А. Ефремов, впрочем, предложил научное тому обоснование: «Мыслящее существо из другого мира, если оно достигло космоса, так же высоко совершенно, универсально, то есть прекрасно. Никаких мыслящих чудовищ, человеко-грибов, людей-осьминогов не должно быть». И у него в «Сердце змеи» люди, у которых в каждой молекуле место кислорода занимает фтор, даже по росту не отличны от землян. У них другой цвет кожи, но «фиолетовые губы открывают правильный ряд зубов».

Словом, фантасты по-своему пробуют на зуб коренные проблемы эволюционной антропологии.

Неизбежно ли появление разума? — сейчас этот вопрос задают на симпозиумах и конгрессах. Фантасты первыми поставили его — с научной точки зрения — в книгах, которые, увы, не были вполне научными. И все же такой приоритет чего-то стоит.

Но главная заслуга прогрессивной фантастики не в том, что она рисует всевозможные варианты разумной жизни. Важнее то, что научная фантастика утверждает: внешние различия не влекут за собой настолько принципиальных различий духовных, чтобы вызвать непреодолимые

вражду и ненависть. Даже взаимное непонимание не должно вести к борьбе на уничтожение. Это — преломление в литературе антирасистских положений науки и антирасистских тенденций действительности.

Обычаи и правила жизни несуществующих народов! Казалось бы, они могут быть интересны в литературе лишь как антураж, нужны лишь в виде острой приправы к блюду, роль которого играет приключенческий сюжет или фантастическая, научная, этическая идея. Но тогда почему столь многие детали из быта выдуманных людей прочно оседают в памяти?

Даже этнограф, если он специально не занимается малайцами, вряд ли сразу припомнит правила, которых они придерживаются при еде. И, наоборот, не всегда узнает народ по описанию его способа готовить мясо.

Но достаточно почти любому услышать:

«Установлено, что за это время не меньше одиннадцати тысяч человек пошли на казнь, лишь бы не подчиняться повелению разбивать яйца с острого конца», чтобы понять, о ком идет речь.

Это же о гулливеровских лилипутах!

Верно. Гулливеровских. Лилипутах. Но разве это только о них? Там, где наука описывает, исследует, пытается объяснить генезис явления, увидеть тенденции его развития — там фантастика подхватывает и продолжает эту тенденцию, порою превращает рисунок в карикатуру, порою возводит на месте дома дворец, чаще — надстраивает одну из стен дома, чтобы мы яснее увидели прекрасные узоры или, наоборот, трещины на ней.

Аркадий и Борис Стругацкие создали в своей повести «Трудно быть богом» научно-исследовательский Институт экспериментальной истории. Его посланцы на чужих планетах живут среди их обитателей, стараясь внешне ничем среди них не выделяться и пробуют — очень осторожно — корректировать историю. Есть среди этих научных сотрудников по крайней мере один этнограф — Шуштулетидоводус, «специалист по истории первобытных культур, который сейчас работает шаманом-эпилептиком у вождя с сорокапятисложным именем».

Не знаем мы пока иных заселенных планет, и этнографам хватает дел на земле, но Институт экспериментальной истории существует. Функции его выполняет научная фантастика. Пока это мысленные эксперименты; но ведь в практике человечества они всегда предшествуют модельным и натуральным экспериментам. Впрочем, здесь и в принципе возможны только мысленные эксперименты — не поставишь же опыты на людях. А тут в распоряжении фантастов миллионы, миллиарды, триллионы людей, плюс парсеки пространства и тысячелетия времени. Лабораторией и полем становится вселенная. Да экспериментатор еще и задает не только условия эксперимента, но характеристики его объекта, мало того — может влиять на результаты опытов.

Фантаст может как будто делать все, что хочет, не принимая во внимание даже собственные предыдущие рассказы. И Рей Бредбери рисует нам Марс то безлюдный, вымерший, то населенный. Изображает марсиан то воинственными, то милыми и кроткими существами. То у него Марс колонизируют покинувшие Соединенные Штаты негры, причем после ядерной войны на Земле к ним присоединяются остатки белых американцев; то, наоборот, белые обитатели Марса, узнав о войне на Земле, срочно и поголовно возвращаются на старую родину.

Фантаст сильнее, чем любые мифические боги, которые, по точному определению древних греков, все-таки не могут сделать бывшее — не бывшим.

Тем не менее есть правила, обязательные и для фантаста, особенно научного, конечно, но и для «ненаучного» — тоже.

Книги пишут для людей, и книги должны быть интересны, должны

волновать читателей, иначе эти книги не нужны. А чтобы читатель не остался равнодушным, произведение искусства обязано так или иначе отражать жизнь, воспроизводить действительность. И в самых фантастических по масштабам космических конфликтах мы узнаем земные беды и страсти. А если не узнаем — эти конфликты становятся нам неинтересными. И фантасты уходят в глубины океанов и на чужие планеты лишь для того, чтобы на новой сцене новыми гранями заиграли старые драмы человеческой жизни.

В своих философских построениях и мысленных социальных экспериментах прогрессивные фантасты в большой мере опираются на материал, накопленный исторической наукой, в особенности первобытной историей и социологией, то есть дисциплинами, близкими к этнографии и исследующими общие с нею, а также смежные проблемы.

Этнография исследует культуру народов, определяемую иногда как систему условных способов действия. Разные культуры — разные системы условностей. Ученые-этнографы знают, что одна и та же житейская проблема в практике разных народов может решаться разными способами. Фантасты куда лучше самых добросовестных популяризаторов доносят это знание этнографов до своих читателей. Научная фантастика работает над расшатыванием догматического взгляда на мир, показывая условность того, что кажется абсолютным, а иногда — неизбежность того, что кажется случайным.

И далеко не всегда этнография дает материал для фона, на котором разворачиваются события, как-то связанные с фантастическим разрешением проблем, скажем физики. Бывает и наоборот. Физика со своими ракетами, нуль-пространством и прочими аксессуарами дает фон, а действие разворачивается вокруг проблем этнографии.

На земле встречаются представители разных народов, отличающихся друг от друга, по существу, мелочами. В космосе могут встретиться два человечества, чуждые друг другу в бесконечно большей степени, разделенные не только расстояниями, но и химическим составом, средой обитания, размерами, бог знает еще чем. Фантаст поставил над иском в земном уравнении показатель высокой степени, очистил эксперимент от мелочей.

И над этой пропастью существа, каждое лрикосновение которых друг к другу чревато смертельной опасностью для обоих, соединяют в дружеском пожатии руки в тяжелых перчатках скафандров. Это — у Ефремова. И то же, в другой форме, у десятков других писателей, советских, польских, американских, японских.

Но бывает и иначе. Вот великолепный рассказ Роберта Шекли «Проблема туземцев».

На планету Нью-Таити прибывает космический корабль с переселенцами, странствующими уже пять поколений от звезды к звезде.

Их вождь произносит речь:

«На планете есть туземцы... и как все аборигены, они, несомненно, коварны, жестоки и безнравственны. Остерегайтесь их. Конечно, мы хотели бы жить с ними в мире, одаряя их плодами цивилизации и цветами культуры. Возможно, они будут держаться дружелюбно по отношению к нам, но всегда помните, друзья: никто не может проникнуть в душу дикаря. У них свои нравы, своя особая мораль. Им нельзя доверять, мы всегда должны быть начеку и, заподозрив что-нибудь неладное, стрелять первыми!».

Спрятавшись за кустами, слушает эту речь единственный «туземец» Эдвард Дантон, приехавший на планету на несколько месяцев раньше, ходивший здесь в набедренной повязке и как следует загоревший.

Его знание английского рассматривается прибывшими как высокая способность к мимикрии, заявления о миролюбии — как самое черное

коварство, попытки объясниться — как беспримерная наглость. Попытка стосковавшегося по женскому обществу юноши поухаживать за приезжей девушкой Анитой вызывает праведный гнев всех (кроме Аниты), по Дантону открывают стрельбу, в результате которой пришельцы переранили друг друга. Это, естественно, лишь подтвердило их мнение о враждебности и коварности многочисленных туземцев.

Даже сам Дантон чуть было не поверил, что на Нью-Таити есть аборигены.

Напуганные переселенцы предложили Дантону резервацию — для всех его соплеменников. А ему нужна была жена. И он нашел выход. От имени темедленно выдуманных им «цинохов», «дровати», «порогнасти», «ретелльсбройхов», «вителлей», а также других зависимых и малых племен Дантон объявил пришельцам войну, а условием мира поставил равноправие плюс скрепление союза браком между представителями главенствующих родов переселенцев и туземцев.

Брак был заключен. Но Дантон так и остался для всех туземцем по имени Данта.

«Его часто навещали антропологи. Они записали все истории, которые он рассказывал своим детям: древние и прекрасные нью-таитянские легенды о небесных богах и о водяных демонах, о духах огня и о лесных нимфах; о том, как Катамундре было велено создать мир из ничего за три дня, и какая награда его ожидала... От антропологов не ускользнуло сходство нью-таитянских легенд с некоторыми из земных, что послужило основанием для целого ряда остроумных теорий. Их внимание привлекли также исполинские статуи из песчаника, найденные на главном острове Нью-Таити, зловещие, колдовские изваяния, которые, увидав однажды, никто уже не мог позабыть (их вырубил сам Дантон во время своего отшельничества). Вне всякого сомнения, они были созданы некоей древней нью-таитянской расой, обитавшей на планете в незапамятные времена, которая вымерла, не оставив по себе следов. Но гораздо больше интриговало ученых загадочное исчезновение самих нью-таитян. Беспечные, смешливые, смуглые, как бронза, дикари, превосходившие представителей любой другой расы ростом, силой, здоровьем и красотой, исчезли с появлением белых людей. Лишь весьма немногие из старейших поселенцев могли кое-что припомнить о своих встречах с аборигенами, но их рассказы не внушали особого доверия».

Конечно, этот рассказ — острая сатира на жестокость и расизм колонизаторов. Концовка же бьет по другим настроениям, бесконечно менее вредным, и все же ошибочным, по идеализации «детей природы».

На Земле проблема контакта между культурами, взаимопонимания между народами, стоящими на разных стадиях развития, сама по себе достаточно остра. Перед человечеством стоит серьезнейшая задача — удержать в своей коллективной памяти богатства, накопленные всеми его разнообразными культурами, позаботиться о сохранении вклада в историю, сделанного и крупными, и самыми мелкими народами. Взаимопонимания требует и еще более насущная задача — поддержание прочного мира.

На земле оно возможно. Ну, а в космосе?

Большинство писателей-фантастов отвечает на этот вопрос утвердительно.

Во множестве научно-фантастических произведений ключом к взаимопониманию служит общий интерес к науке.

В других рассказах, повестях и романах люди разных планет объединяются для общей борьбы за справедливость и счастье.

Исследуя старые предрассудки, фантасты всерьез занимаются и «предрассудками будущего». В той неприязни людей к роботам, о которой писали К. Чапек, А. Азимов, И. Войсунский и Е. Лукодянов, С. Лем и многие другие, проглядывают элементы расизма, и иногда

описание вызванных этой неприязнью конфликтов — лишь средство по-новому заклеить шовинизм. Но бывает, что фантаст исследует такой конфликт без оглядки на конкретные земные прецеденты. И тогда выясняется, что проблема взаимоотношений людей и машин может стоять остро. У В. Григорьева люди сбегают от слишком заботливых роботов. А Войскунский и Лукодянов устраивают в одной из глав романа «Плеск звездных морей» войну части людей против высокоразвитых роботов. Поняв, что больше не нужны человечеству, роботы в романе коллективно кончают жизнь самоубийством.

Другие фантасты лишут и о приходе на землю новой, поистине машинной цивилизации на смену человеческой, их подстрекают иные ученые-кибернетики, всерьез говорящие о такой возможности. Но тут мы сталкиваемся с фантастикой, в которой этнографии нечего делать — какое уже народоописание, если исчезают народы...

Фантасты открыли новые типы семьи — на планетах, население которых делится не на два пола, а на три, четыре, пять и так далее. Но им не удалось сконструировать незнакомые нашей планете образцы семьи для двуполого человечества. Моногамия, полигамия, полиандрия, групповой брак, промискуитет, — человечество, по-видимому, проверило все возможные в принципе формы семьи, отбирая из них наиболее подходящие к данным условиям, и история не оставила фантастам неиспользованных вариантов.

Что касается вариантов социального устройства общества, то у многих фантастов пользуется большим успехом кастовая система древнеиндийского типа. И. Ефремов в «Часе быка» разделил население далекой планеты на интеллигенцию, «долгоживущих», и людей физического труда, «короткоживущих», которым положено законом умирать в двадцать шесть лет. Правители планеты решили таким способом проблему излишнего роста народонаселения, и используют для укрепления своей власти вражду между этими двумя кастами.

Любопытное общество нарисовал Р. Шекли в повести «Билет на планету Транай». Власть президента и министров ограничивается правом любого из граждан в любой момент уничтожить кого угодно из правителей, доходы граждан перераспределяются путем грабежа, государственный сборщик налогов действует тем же методом, преступлений нет, поскольку они таковыми не считаются. Впрочем, транайца, убившего слишком много своих сограждан, ждет смерть от руки одного из членов правительства — но без всяких судебных процедур.

Разумеется, здесь (как часто в фантастике) перед нами своего рода сатирическая утопия, это, с одной стороны, карикатурное изображение отдельных черт американского общества, с другой, — ироническая проекция в реальность прекраснодушных мечтаний некоторых анархистствующих идеалистов.

В «Четырех четверках» советский писатель Н. Разговоров описал марсианское общество, сложившееся, увы, после истребительной войны «физиков» против «лириков». Войны, в ходе которой «лирики» были побеждены, а из культуры планеты исключили всякие следы их деятельности. Исчезли не только литература и искусство. Исчезли за ненужностью даже домашние животные. Эта повесть не стала всего лишь остроумным откликом на нашумевшую дискуссию. Н. Разговоров сумел тонко показать реванш, взятый эмоциями в душах марсиан, с точным юмором продемонстрировать, что человек не может существовать без поэтического элемента в жизни. Не случайно учебник нормативной грамматики на Марсе начинается со слов: «Все окружающее нас можно подразделить на одушевленное и неодушевленное, к одушевленному относим мы и подарки. Подарком называется вещь, задуманная вами и сделанная вами для другого». «Учение о подарках» преподается с первого по восьмой класс. На изготовление подарков тратится боль-

шая часть свободного времени марсиан. Человеческое тепло согревает их. И, наконец, происходит и внешнее возрождение «лирики».

Можно особо поговорить о том, как представляют себе фантасты изменения в будущем тех нравов и обычаев землян, которые подлежат ведению этнографии, изменения, вызванные переменами в самых разных обстоятельствах человеческого существования. Вот один пример. Удлиняется реальный срок человеческой жизни. Над последствиями этого задумываются экономисты и министры, социологи и историки. И этнографы — тоже.

А писатели начали примеряться к этой проблеме уже давно. Чапек написал пьесу «Средство Макропулоса», которая кончается отказом героев от возможности жить по триста лет. Бернард Шоу создал пьесу «Назад, к Мафусаилу» — по имени библейского персонажа, прожившего, якобы, несколько сот лет. Советские фантасты обратились к этой теме в самые последние годы. Один из героев В. Михайлова в силу сцепления случайностей остается вечно молодым. И его самого и всех вокруг волнует мысль: как это отразилось на его психологии? Стал ли он дороже ценить свою жизнь, не превратился ли, грубо говоря, в труса — ведь теперь, погибнув, он потеряет бессмертие, сотни и тысячи лет, а не годы.

Но бессмертный гибнет, спасая пытающегося покончить с собой старика, гибнет, отдавая не только свои бесконечные жизнь и молодость, но и секрет бессмертия, который должны были найти при исследовании его организма. Человек победил смерть тем, что принял ее.

А Л. Эджубов «открыл» планету Стинбу, где люди живут по двести тысяч лет. Как жалеют обитатели Стинбы людей с их восьмидесятилетним сроком жизни!

Очень важная способность фантастики состоит в том, что она не просто переносит земные конфликты в другие условия, но резко заостряет сами обстоятельства этих конфликтов.

Мы сталкиваемся с проблемами скученности городского населения, обеднения и уничтожения природы. И. Ф. Пол и С. М. Корнблат (роман «Операция „Венера“») рисуют нам мир, в котором ступеньки лестниц административных зданий ночью превращаются в спальни для рядовых рабочих, процветающие чиновники еле поворачиваются в крохотных комнатках, двухминутный душ из пресной воды — явная роскошь, а «настоящее дубовое кольцо» ценится больше золотого. Ну, а за исчерпанием запасов нефти ездят в педальных автомобилях. Менее пародийные, но не менее грустные черты придают этому миру американского будущего во многих своих рассказах Р. Бредбери, Р. Шекли, А. Азимов. Стандартизация еды, строгая карточная система, деление всех граждан на разряды, имеющие строго заданные права и обязанности... Перед нами мир, где трудно дышать и в переносном и в буквальном смысле этого слова — недаром герои Пола и Корнבלата выходят на улицу, сунув в нос фильтры. Для героев «Стальных пещер» Азимова сама мысль о том, что из одного города в другой можно пройти пешком, под открытым небом, кажется абсурдной. Нью-йоркцы описанного Азимовым будущего никогда не видят солнца, их пугает пейзаж, открывающийся за окном самолета. Азимов уверенно рисует целый комплекс связанных с новым образом жизни привычек, незнакомых нашим современникам. Айзек Азимов с истинно научной точностью рисует такие детали, которыми веришь.

«Стальные пещеры» — первый из цикла романов Азимова, объединенных содружеством двух детективов — человека и робота. В следующих романах цикла повествуется, в частности, о совсем иных изменениях образа жизни на планетах, где сотни лет обитают немногочисленные переселенцы с земли.

На одной из этих планет сложнейшей проблемой становится продол-

жение рода. Ее обитатели, окруженные роботами, привыкли к одиночеству и с невероятным трудом переносят общество друг друга.

Нелегкое дело — писать о культуре и быте будущего, но по видимому, и сами авторы ряда пессимистических романов не слишком верят в свои прогнозы. И Рей Бредбери, автор «451° по Фаренгейту» книги о времени, когда жгут книги, все книги (451° по Фаренгейту — температура горения бумаги) — и порою вместе с их хозяевами, — заканчивает свою печальную повесть гибелью американского общества, дошедшего до крайней степени ущемления личности. Зато в живых остаются герои повести, посвятившие себя сохранению культуры.

Герои романа Пола и Корнблата улетают на Венеру. Работают над совместным решением проблем перенаселенной Земли и недозаселенных планет люди и роботы Азимова. А самое, пожалуй, пессимистическое из всех произведений об обществе и быте американского будущего — маленький, всего на половину печатного листа, рассказ Уильяма Тэнна «Нулевой потенциал». Рассказ об обществе, которое сделало идеалом человека посредственность, идеалом жизни — покой, что привело к вырождению человечества.

«...Правящая группа, сознавая свою „неисключительность“, избегала бесконечных конфликтов и трений... волей-неволей стремясь как можно быстрее загладить любые серьезные разногласия, так как обстановка напряжения и борьбы грозила создать благоприятные возможности для творчески настроенных, энергичных людей.

...Президент заявил: «Знаете, я заметил, что даже самый сильный лесной пожар рано или поздно выгорит. Главное — не волноваться».

«...вся система поощрений — в учебе, спорте и даже на производстве — была... приспособлена для вознаграждения за самые средние показатели и для ущемления в равной мере как высших, так и низших. Когда вскоре после этого иссякли запасы нефти, люди с полной невозмутимостью перешли на уголь». А позже «человек, истощив запасы угля, вернулся в обширные, вечно возобновляющиеся и неистощимые леса». Окончательно деградировавший человек становится домашним животным у разумных собак. Этот рассказ — ответ на воспевание в США посредственности в противовес «интеллектуализму», удар по культу Простого Американского Парня — культу, который особенно силен был в недавнем прошлом, но и сейчас сохранил кое-какие позиции.

По версии Уэллса, в будущем возможно, наоборот, не усреднение человечества, а постепенное разделение его на резко различные друг от друга виды. В «Машине времени» перед нами, с одной стороны, потомки эксплуататоров — нежные, красивые и не умеющие работать, лишенные умения мыслить элои, и с другой стороны, подземные труженики морлоки, для которых элои — мясной скот.

Не будет ни того, ни другого — но фантасты уловили определенные тенденции в развитии капиталистического общества.

А некоторые советские фантасты пытаются предсказать хотя бы отдельные черты быта будущего бесклассового общества.

И. Лукодянов и Е. Войскунский в «Плеске звездных морей» демонстрируют, в частности, спортивные игры будущего, где стрельба из лука и полет на маховых крыльях сочетаются с сочинением стихов и пением, представляя собою своеобразное интеллектуально-физическое многоборье. В «Попытке к бегству» А. и Б. Стругацких для людей будущего невозможен отказ в помощи, хотя бы они не понимали мотивы того, кто этой помощи просит. И. А. Ефремов в «Туманности Андромеды» рисует широкую картину грядущего, где нашлось место для анализа исторической обусловленности новых форм морали и правил социального поведения.

Многое странно, смешно, неожиданно в конкретных деталях приду-

манного фантастами мира. ...Но сопоставление удачных и неудачных фантастических произведений ясно показывает, что нельзя выдумывать что угодно, и вымысел подчиняется строгим законам реальности — иначе он становится неинтересен.

Приведенные на протяжении этой статьи примеры взяты часто наудачу, из разных областей фантастики, но они в равной степени демонстрируют эту истину.

Фантасты — мастера выдумывать, тут, как говорится, положение обязывает. И все-таки предложенные ими новые типы организации общества, удивительные обычаи и странные нравы не так уж удивительны и странны для тех, кто знает, какой диапазон обычаев и нравов существует и существовал на земле.

Если фантасты придумывают «закрытые цивилизации», то аналогии им были и на Земле. Достаточно вспомнить Китай или Японию, которые по воле своих правителей на целые столетия были закрыты для иностранцев.

И необычайные искусства, предназначенные для восприятия путем обоняния и осязания — тоже не такая уж диковинка. Тонкости парфюмерии Переднего Востока на рубеже нашей эры вполне могли бы быть приняты «пришельцами» за признаки изощренного искусства. А скульптура предков нынешних эскимосов создана для того, чтобы ее воспринимали не только разглядывая, но и осяпывая. Впрочем, бесполезно и безнадежно ожидать от фантастов, чтобы они сумели по-настоящему оторваться от почвы земных фактов. По-видимому, это невозможно с философской точки зрения. Из земных кирпичиков они строят новое здание. Здание, имеющее собственную ценность. Здание, с планами и деталями которого стоит знакомиться без пренебрежения и предвзятости. Я позволю себе напомнить слова Аристотеля о разнице между историком и поэтом: «...первый говорит о случившемся, второй — о том, что могло случиться; поэзия более говорит об общем, история об единичном». Свифт, пожалуй, лучше всех показал, что это определение поэзии иногда годится и для фантастики.

Бегло коснулся я лишь малой части «контактов» научной фантастики с антропологией и этнографией. Можно было бы назвать гораздо больше примеров из каждого района этих контактов, да и самих районов на самом деле больше. Чего стоит хотя бы район магии!

Ни Бредбери, ни Стругацкие, ни десятки других фантастов не устояли перед соблазном столкнуть XX век с колдунами и ведьмами. Кто из писателей объясняет чудеса телекинезом, кого занимает приложение научной терминологии к весело поданной чертовщине. Наконец, магия порою может выступить и в роли некоей модели науки вообще, роли тем более удобной, что за магию, в отличие от физики или химии, некому обижаться, когда фантаст ошибется в своих описаниях. Так поступили с чародейством и волшебством Стругацкие в веселой повести «Понедельник начинается в субботу».

* * *

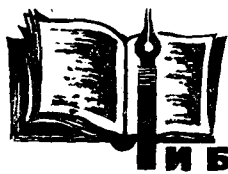
Фантастика — часть литературы. Может ли она что-нибудь дать науке? На этот счет давно и упорно спорят. Одни видят в фантастах пророков и провозвестников всего нового, что несет с собой научно-техническая революция. Другие оставляют за ними роль регистраторов научных гипотез, подбирающих крохи с чужого стола.

Кто же они в своем отношении к научной истине? Нет, не они стоят у руля идущего к ней корабля. Большинство пророчеств не так уж удачно и сбываются чаще всего наименее конкретные предсказания, а их-то легче всего сделать. Но у этих литераторов есть удивительное чутье

на еще не развившиеся, не выявленные тенденции развития общества, направления науки. Там, куда они привлекают ваше внимание, стоит поискать. И часто стоит бояться того, чем они пугают. Фантасты могут порою первыми почувствовать опасность какого-то явления,— как канарейка, которую брали в шахты из-за ее особой чувствительности к рудничному газу. Или первыми, как петухи, приветствовать солнце. Как петухи, без которых солнце все равно взойдет. Но они не дадут его проспать.

Ну, а кроме того, настанет ведь день, когда земная этнография станет частью более общей науки, занимающейся населением всех обитаемых планет. И по отношению к «ксеноэтнографии» научная фантастика, может быть, займет место, какое занимает мифология по отношению к истории.

Даже если это и преувеличение — простите его любителю фантастики.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ТРАДИЦИИ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Revolution und Tradition. Zur Rolle der Tradition im antiimperialistischen Kampf der Völker Afrikas und Asiens. Leipzig, 1971. Tradition und nichtkapitalistischer Entwicklungsweg in Afrika. Probleme der Überwindung vorkapitalistischer gesellschaftlicher Verhältnisse in Basis und Überbau. Berlin, 1971.

Современный этап развития молодых государств Азии и Африки все более характеризуется переходом от борьбы за политическую независимость к попыткам преодолеть экономическую отсталость, искоренить феодальные отношения, осуществить глубокие социальные и культурные преобразования. Наиболее последовательно все эти меры осуществляются в странах, избравших социалистическую ориентацию, ставших на путь некапиталистического развития. Реализация этих жизненно необходимых мер ставит перед руководством стран социалистической ориентации задачу — определить свое отношение к традициям, доставшимся молодым государствам в наследство от прошлых эпох.

Процессы, ведущие в перспективе к коренным структурным сдвигам в странах «третьего мира», привлекают пристальное внимание исследователей. Если буржуазная наука пытается затуманить революционный характер происходящих перемен, обосновать закономерность и неизбежность капиталистического развития этих стран, то ученые-марксисты стремятся поддержать выбор наиболее перспективных путей, выявить препятствия, стоящие на пути некапиталистического развития, помочь революционерам Азии и Африки в разработке теоретических положений, способствующих утверждению социалистической ориентации.

В 1971 г. в ГДР вышли две коллективные работы, в которых исследована весьма важная проблема взаимоотношения традиций с национально-освободительной революцией в целом и с некапиталистическим путем развития в частности. Обе книги написаны коллективом авторов под редакцией и руководством Т. Бютнер, И. Зельнов и г. Мёрдока. Наряду с учеными ГДР в создании второй из этих книг принял участие известный французский африканист Ж. Сюре-Каналь.

Немецкие исследователи поставили перед собой задачу определить роль традиций в антиимпериалистической борьбе народов Азии и Африки, выявить условия преодоления тех докапиталистических общественных отношений, которые сохранились в базисе и надстройке и которые препятствуют прогрессивному развитию этих народов.

В обеих книгах традиции рассматриваются как элементы социальной, политической, духовной жизни, доставшиеся африканским народам в наследство от прошлых, уже ушедших поколений. В них более всего проявляется инерция исторического процесса. Ученые ГДР подчеркивают, что кажущаяся извечность традиций всецело связана с данным конкретным человеческим восприятием и что в действительности любая традиция — продукт определенного этапа жизни общества, отражающая различные стороны этого этапа.

По своему содержанию традиции могут быть прогрессивными или консервативными, они могут быть использованы различными классами и политическими силами для мотивировки своих целей, для оправдания и защиты проводимой политики. Поэтому перед исследователем всегда стоит задача изучения традиций не как изолированных абстракций, а как субстанций, находящихся в непосредственном контакте с политическими и социальными силами данного общества, выявления той роли, которую традиции играют в настоящий момент и могут играть в будущем. Ученые ГДР успешно справились с этими задачами, показав видоизменение различных традиций в условиях

глубоких социальных и политических преобразований, осуществляемых некоторыми странами Азии и Африки.

В прошлом колониальные державы ради получения максимальных прибылей при наименьших затратах, а также создания некоторой социальной базы своего господства в колониях широко использовали традицию. Более того, делая «обычай» одной из основных правовых категорий в колонии, они стремились создать новые традиции, сделать их цементирующей силой всей системы угнетения и эксплуатации народа этой колонии. Европейская администрация стремилась извлечь пользу из реакционных сторон традиции, в то же время систематически разрушая демократические и прогрессивные элементы этой же традиции.

Особое внимание теоретиков колониального режима привлекала община. Ради сохранения господствующих в ней отношений они готовы были пойти на поддержание не только ее экономической и социальной основы, но и регулирующих ее жизнь идеологических принципов. Закостенелые обычаи и нравы, замкнутость, ограниченность производственных возможностей и потребностей — все это вполне устраивало тех, кто более всего боялся новшеств, изменений традиционных структур.

Антиимпериалистическая революция смела многие препятствия на пути прогрессивного развития народов, привела к важнейшим, решающим сдвигам в их судьбах. Ж. Сюре-Каналь справедливо отметил, что последние годы колониального режима и десятилетие независимого развития большинства стран Африки сыграли гораздо большую роль в их развитии, чем предшествующие столетия. Но в то же время эти сдвиги не исключают наличия в странах Азии и Африки громадного количества традиционных норм, играющих самую различную роль в экономическом, социальном и политическом развитии.

С этой точки зрения особое значение приобретает исследование воздействий традиций на некапиталистический путь развития.

Уделяя должное внимание крестьянской общине, ученые ГДР останавливаются на попытках некоторых политических деятелей Африки вдохнуть в нее новую жизнь, использовать ее обычаи и порядки, а кое-где — и ее структурную модель для создания предпосылок социализма в деревне. Авторы убедительно показывают, что подобное стремление проецировать в прошлое социалистические идеалы несостоятельно и противоречит той действительной роли, которую ныне играет община. Она является препятствием на пути развития производительных сил и экономического прогресса и, что особенно важно, препятствием к укреплению союза прогрессивных революционно-демократических сил с крестьянством, без чего невозможна политическая и социальная стабилизация государства социалистической ориентации. Так, К. Эрнст пишет, что некапиталистические преобразования требуют «императивного отказа» от всей системы экономических и социальных отношений традиционной общины. Некапиталистическое развитие неизбежно направлено на проведение продуманных плановых мероприятий, предусматривающих преобразование или даже ликвидацию всего комплекса традиционных общинных структур.

Большое внимание уделили ученые ГДР необходимости значительного ограничения или уничтожения в процессе некапиталистических преобразований института феодальных и патриархально-племенных вождей. На многочисленных примерах авторы показывают, что в своем большинстве этот паразитический слой заинтересован в сохранении консервативных традиций, ибо он сам консервативен и в силу этого противится любым начинаниям революционных правительств, ведущим к коренным изменениям условий жизни общества. Опыт ряда африканских стран социалистической ориентации показывает важность ликвидации политических, экономических и юридических позиций феодалов и вождей, как одной из первых акций революционных правительств.

И. Герцог, исследуя политику руководства Танзании по ограничению власти вождей в центральных и местных органах управления, указывает, что в основе подобной политики лежало твердое убеждение в необходимости уничтожения этой прослойки «собственных» эксплуататоров. Причем, если первоначально правительство отстраняло от власти только крупных вождей, то после Арушской декларации 1967 года, ознаменовавшей решительный поворот в сторону социалистической ориентации, уже все вожди и старейшины были лишены своих прерогатив. Одновременно началось наступление на экономические позиции этих социальных слоев. Были отменены некоторые феодальные обычаи, началось создание так называемых «деревень социализма».

Г. Мёрдок в статье о влиянии традиционных сил на структуру общественных отношений и на правовые формы государства также отмечает растущую борьбу молодых государств с феодальным и патриархально-племенным укладом.

Г. Лаунике, изучая положение традиционных сил в Руанде, пришел к выводу, что иные буржуазные ученые вкуче с колониальными властями пытались в прошлом всячески смазать, затушевать классовую дифференциацию руандийского общества. Выделив в этом обществе господствующую касту, они утверждали, что ее возникновение и господство всецело связано с этническим фактором. На многочисленных примерах Г. Лаунике доказывает, что не каста номадов-тутси, а феодалы различного этнического происхождения составляли господствующий класс в Руанде, и именно с этим классом пришлось столкнуться в первые же дни независимости республиканскому правительству.

Ученые ГДР уделили внимание и такому важному элементу социальной структуры, как большая патриархальная семья, показав ее роль в современном африканском

обществе и перспективы дальнейшего развития. Они указывают, что большая патриархальная семья, хотя и основанная первоначально на принципах взаимопомощи и коллективного труда, отягощена сейчас возрастной олигархией, характеризуется косностью в производстве и духовной жизни и потому является серьезным препятствием для прогрессивного развития стран Африки.

К. Эрнест считает, что социалистическая ориентация требует полного преобразования большой семьи, ликвидации всей системы ее социальных и экономических отношений. Без этого невозможно мобилизовать крестьянские массы на увеличение производства, на создание современного кооперативного хозяйства. В то же время ликвидировать большую семью нельзя кавалерийским наскоком: для этого потребуются многогранный и сложный процесс преобразований, который в конечном счете должен привести к формированию малой семьи, связанной с индивидуальным производством и заинтересованной в развитии производительных сил.

Значительное место в обеих книгах отведено традиционным правовым и судебным системам. Авторы подчеркивают необходимость их преобразования в условиях становления независимых суверенных государств. Г. Мёрдок отмечает, что изгнание колонизаторов сразу же поставило перед руководством молодых государств задачу создания национальных правовых и судебных систем, соответствующих новым политическим и социальным структурам. Задача эта оказалась особенно сложной из-за препятствий в виде многообразия всех этих систем, господства обычного права, иногда искусственно поддерживавшегося колониальными режимами. Причем переход на некапиталистический путь развития еще более обостряет столкновения с такими традиционными формами закона и суда.

Опыт ряда стран (например, Танзании) показывает, что революционно-демократические партии и правительства, реформируя правовую и судебную системы, превращают обычное право в составную часть национальной правовой системы, кодифицируют и объединяют различные системы этого права, используя тем самым позитивный потенциал, накопленный в нем. Что же касается судебных органов, то их реформирование нашло свое отражение в интеграции местных племенных судов в единые национальные судебные органы.

Значительный интерес представляют также исследования ученых ГДР о взаимоотношениях традиций и духовной жизни афроазиатских народов. Глубоко и всесторонне рассматриваются проблемы создания единого национального языка, становления национальной литературы, состояния искусства религии, образования. Seriously исследуются современные учения революционной демократии. Так, Г. Хёпп рассматривает характер и функции одной из многочисленных форм мелкобуржуазного социализма различных наименований и направлений, а именно «исламского социализма».

Подчеркнув, что сам факт увлечения социализмом свидетельствует о росте общего интереса к этому учению, автор в то же время указывает на реформаторский характер ряда появившихся концепций. В частности, «исламский социализм» является идеологическим синтезом интерпретированного ислама и мелкобуржуазного социализма. Г. Хёпп указывает, что переход независимых государств к этапу социалистической ориентации неизбежно потребует принятия идей научного социализма.

В обеих книгах освещается большое количество других проблем, непосредственно связанных с важнейшей задачей ликвидации тех традиционных социальных и политических институтов, а также многих прошлых представлений и понятий, которые оказываются преградой на пути прогресса.

Выход в свет новых работ наших коллег из ГДР заслуживает серьезного внимания ученых Советского Союза. В книгах сделан новый шаг на пути марксистско-ленинского изучения сложных проблем развития стран Азии и Африки.

В. Я. Кацман

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО КУЛЬТУРЕ МАЙЯ

P. Becquelin. *Archéologie de la région de Nébaj (Guatemala)*, «Université de Paris. Mémoires de l'Institut d'Ethnologie», II. Paris, 1969, 321 p.; G. F. Andrews. *Edzna, Campeche, Mexico. Settlement patterns and monumental architecture*. Eugene, 1969, 149 p. W. R. Bullard (ed.), *Monographs and papers in Maya archaeology*, Papers of the Peabody Museum of archaeology and ethnology», vol. 61, Cambridge, Mass., 1970, 502 p.

Значение древней культуры народов майя для изучения специфики развития культуры Месоамерики и вообще древней Америки общеизвестно. Однако это не означает, что древняя культура майя в настоящее время может считаться достаточно изученной. До сих пор по целому ряду вопросов нет еще достаточных сведений, из-за чего невозможно построение общей картины. Поэтому новые материалы, восполняющие существующие лакуны или вносящие значительные изменения в прежние представления, особенно ценны для исследователей древней майяской культуры.

Еще в 1931 г. известный американист Ф. Термер указал на важность археологического изучения области Небах в Гватемале. Действительно, уже по своему географи-

ческому положению на северном склоне Гватемальских Кордильер этот район является центром, где скрещиваются пути между горной и низменной частями страны. Вероятно, и в древности область Небах была немаловажным местом контактов между горными майя и жителями Петена. Поэтому исследование культурно-исторической роли данного района было одной из насущных задач майяской археологии. В последние два десятилетия область Небах, наконец, стала объектом интенсивного полевого изучения. Результатам экспедиции Французского национального центра научных исследований, руководимой П. Беклэном, и посвящена рассматриваемая книга.

Беклэн работал в Небахе три полевых сезона (1964—1965); кроме Небаха, им были исследованы долина в верхнем течении р. Шакбаль и долина Акуль. Выбор этих пунктов следует признать удачным, так как он позволяет воссоздать картину исторического развития почти на всей территории области.

Книга делится на три части. В первой рассматриваются географические условия района, исторические, лингвистические и этнографические данные. Все главы написаны на хорошем научном уровне; жаль лишь, что Беклэн недостаточно использовал очень интересные сообщения, содержащиеся в хрониках киче и какчикелей. Вторая часть посвящена описанию и анализу добытых в раскопках материалов. Наконец, в третьей делается попытка обрисовать развитие местных форм культуры майя по данным стратиграфии и сравнительному анализу находок (с раннеклассического периода до времени испанского завоевания). В семи приложениях приводятся обширные материалы по календарю майя, керамике, погребениям, тайникам и др. В целом монография Беклэна очень интересна и полезна, так как только подобные исследования отдельных регионов могут в конце концов дать подробную и точную картину развития культуры древних майя.

Таким же темным пятном в археологии майя долгое время оставалась северная часть штата Кампече (Мексика) с интересными развалинами города Эц'на. В 1968 г. экспедиция Орегонского университета под руководством проф. Дж. Ф. Эндрюса (ранее исследовавшего Комалькалько¹) провела детальное обследование городища. В результате работ была создана подробная и точная карта Эц'ны, сделаны обмеры и рисунки всех архитектурных памятников и зафиксированы сохранившиеся стелы и негеролифические надписи. В рецензируемой книге опубликованы добытые экспедицией данные (попутно отметим, что в подобных работах, рассчитанных на международную аудиторию, пора уже перейти на метрическую систему, а не давать размеры в футах).

Выяснилось, что Эц'на была в древности значительным центром и существовала с доклассического периода. Некоторые черты в архитектуре городища позволяют думать, что первоначально Эц'на испытывала определенное влияние ольмекской культуры, что для Юкатана является почти сенсацией. К сожалению, автор отчета не заметил этого факта. В более позднее время в зодчестве мастеров Эц'ны сочетаются черты как классического Петена, так и характерного для данного района стиля Пуук. Уже два эти обстоятельства могут вызывать к Эц'не повышенный интерес исследователей культуры майя.

Богата Эц'на и скульптурными, и эпиграфическими памятниками. В книге даны фотোগрафии и прорисовки стел и надписей на них, а также фрагментов монументальной надписи на лестнице четырехэтажной пирамиды. Особое внимание привлекают стелы 8 и 9 с необычным расположением двух фигур, обращенных спинами друг к другу. Эти памятники подтверждают гипотезу Т. Проскуряковой о проникновении в данный район какой-то неизвестной культуры, подавившей на определенное время классические традиции Эц'ны². К книге Эндрюса приложено 5 отдельных карт городища.

Шестьдесят первый том «Записок музея Пибоди» посвящен 40-летию научной деятельности двух выдающихся специалистов в области майяской археологии — братьев О. Л. и Р. Э. Смит. Их работы в Вашактуне, Сан-Агустин-Акасагуастлане, К'аминальхуйе, Небахе и Майяпане широко известны всем занимающимся историей культуры майя.

Том открывается большой работой Г. Э. Д. Поллока «Архитектурные заметки по нескольким городищам области Ченес». Материалы для нее в основном были собраны во время экспедиций автора в 1936 г. и Брэйнерда-Рупперта в 1949 г. Поллок тщательно описывает городища Хочоб, Эль Табаскеньо, Ц'ибильтун, Ц'ибильнокак, Нохкакаб, Чанчен, Цехк'абтун, Нокуич, Санта-Роса-Штампак, Хунтичмуль I, Ушмал, причем перед описанием даются краткие разделы об этимологии названия, географическом положении, источниках водоснабжения, размерах, ориентации и т. д. В заключительном разделе рассматриваются вопросы хронологии развития стиля Ченес и соотношения и связи его с другими архитектурными стилями майя. Работа Г. Э. Д. Поллока дает много нового важного материала и вместе с рецензируемой выше монографией Дж. Ф. Эндрюса существенно восполняет наши знания по мало изученному периоду Пуук.

¹ G. F. Andrews, Comalcalco, Tabasco, Mexico. An architectonic survey, University of Oregon, Eugene, 1967.

² T. Proskouriakoff, A study of classic Maya sculpture, Washington, 1950, p. 159.

Следующая работа (Р. Уокопа) «Протоисторическая керамика Горной Гватемалы», как уже показывает ее название, посвящена описанию и классификации поздней (XI—XVI вв.) керамики, найденной в городищах гватемальского нагорья. Это обширное исследование представляет собой продолжение и развитие ранее опубликованных работ того же автора³. Отличительной чертой их является широкое и продуманное использование данных письменных источников, в частности «Пополь-Вух», «Летописи какичкелей» и «Родословной владык Тотоникапана». Исследования Р. Уокопа дают немало полезных данных по палеоэтнографии киче, какичкелей, покомамов и других индейских народностей Гватемалы, и следует пожелать их продолжения.

В следующей статье (У. Р. Буллэрда) излагаются результаты его исследований в 1956—1959 гг. городища Топоште на оз. Иашха (департамент Петен, Гватемала). Работа Буллэрда посвящена исследованию только позднего этапа жизни городища, который автор датирует XIII—XVI вв. Излагаются данные о памятниках зодчества и монументальной скульптуры, дается подробный анализ керамики. В заключение рассматривается вопрос о связях Топоште и ица. Буллэрд приходит к выводу, что археологические материалы городища подтверждают указания майяских хроник о том, что сфера влияния ица достигала Северного Петена.

Три следующие работы дают предварительные итоги экспедиции музея Пибоди, исследовавшей в 1964—1968 гг. крупное майяское городище Сейбаль в Петене⁴. В первой статье Г. Р. Уилли автором поставлена задача дать формальное, детальное и систематически-таксономическое описание наиболее раннего керамического комплекса Реаль в Сейбале. Уилли пользуется новой, недавно разработанной классификацией⁵ майяской керамики (одним из авторов которой он сам является) и определяет этот комплекс, как входящий в сферу Ше (от комплекса Ше в Алтар-де-Сакрифисо) и, следовательно, классифицирует как Реаль Ше. Вероятное время развития — 1000—600 гг. до н. э.

Во второй статье из этого раздела Дж. А. Саблофф дает описание и классификацию позднего керамического комплекса Байаль из Сейбала. Преобладающая часть его — изделия из так называемой тонкой пасты — связывается с появлением в Сейбале какой-то новой этнической группы⁶. Интересна заключительная часть статьи, где автор прослеживает 20 элементов, общих как для рельефов на стенах, так и для сосудов (стр. 403—404).

Третья статья (Г. Туртеллота) содержит предварительный отчет об обследовании периферии Сейбала. Была осмотрена площадь в 5,5 км², общий же размер городища, очевидно, более 6 км². В исследованной части 98% зданий принадлежит позднеклассическому периоду, но по крайней мере одна треть из них выстроена на слоях доклассического периода. Большинство их было жилыми помещениями. Был раскопано 200 погребений, из которых только два относятся к доклассическому времени.

Последняя часть сборника состоит из четырех статей на различные темы майяской археологии. В первой из них И. Грэхем дает описание малоисследованного городища, расположенного на южном берегу р. Сан-Педро-Мартин в Петене. Данные Грэхема об Околтуне (так он назвал городище) представляют особую ценность, так как теперь это городище фактически уничтожено владельцем ранчо, на землях которого оно находилось. Только возвратившись в США, Грэхем установил, что его Околтун — это открытый в 1943 г. Э. Шуком и посещенный в следующем году С. Г. Морли город Ла-Флорида. Ла-Флорида был сравнительно небольшим городом (зарегистрировано 24 здания), начавшим свое существование в доклассический период, но достигшим расцвета в позднеклассический. Из 12 обнаруженных стел 7 имели рельефы и надписи; кроме того, было найдено 9 алтарей. По стилю все памятники скульптуры Ла-Флориды близки памятникам Иашчилана и Пьедрас-Неграс.

Небольшая, но важная по содержанию статья Т. Поскуряковой посвящена двум надписям из Чич'ен-Ицы: одна высечена на одном из косяков главного входа в Кастильо (зд. 5 В 18), другая — из небольшого здания 6 Е 1. Обе они интересны не столько своим содержанием, сколько тем, что показывают существование (или, вернее, употребление) чисто майяской иероглифики в тольтекский период Чич'ен-Ицы. На основании анализа надписей и сопровождаемых ими изображений Поскурякова приходит к выводу, что тольтекское завоевание города было совершенно отрадами нескольких городов-государств, среди которых были и ица. Эта статья очень важна для выяснения сложных и еще во многом загадочных вопросов этнической истории позднего Юкатана.

³ R. Wauchope, Effigy head supports from Zacualpa, Guatemala, «Los Mayas antiguos», México, 1941, p. 211—23, его же, Excavations at Zacualpa, Guatemala, New Orleans, 1948; его же, Surface collection at Chiche, Guatemala, New Orleans, 1948, p. 123—150.

⁴ Историю изучения Сейбала и подробные сведения об этой экспедиции музея Пибоди см.: Р. В. Кинжалов, Скульптура древних майя, Л., 1971, стр. 28—29.

⁵ R. E. Smith, G. R. Willey and J. C. Gifford, The type-variety concept as a basis for the analysis of Maya pottery, «American Antiquity», v. 25, № 3, 1960, p. 330—40; G. R. Willey, F. P. Culbert and R. E. W. Adams, Maya Lowland ceramics: A report from the 1965 Guatemala City Conference, «American Antiquity», v. 32, № 3, 1967, p. 289—315.

⁶ Памятники монументальной скульптуры этого периода в Сейбале имеют ряд черт, указывающих на происхождение этой группы из Центральной Мексики.

Следующая работа (Р. Уокопа) «Протоисторическая керамика Горной Гватемалы», как уже показывает ее название, посвящена описанию и классификации поздней (XI—XVI вв.) керамики, найденной в городищах гватемальского нагорья. Это обширное исследование представляет собой продолжение и развитие ранее опубликованных работ того же автора³. Отличительной чертой их является широкое и продуманное использование данных письменных источников, в частности «Пополь-Вух», «Летописи какичелей» и «Родословной владык Тотоникапана». Исследования Р. Уокопа дают немало полезных данных по палеоэтнографии киче, какичелей, покомамов и других индейских народностей Гватемалы, и следует пожелать их продолжения.

В следующей статье (У. Р. Буллэрда) излагаются результаты его исследований в 1956—1959 гг. городища Топоште на оз. Иашха (департамент Петен, Гватемала). Работа Буллэрда посвящена исследованию только позднего этапа жизни городища, который автор датирует XIII—XVI вв. Излагаются данные о памятниках зодчества и монументальной скульптуры, дается подробный анализ керамики. В заключение рассматривается вопрос о связях Топоште и ица. Буллэрд приходит к выводу, что археологические материалы городища подтверждают указания майяских хроник о том, что сфера влияния ица достигала Северного Петена.

Три следующие работы дают предварительные итоги экспедиции музея Пибоди, исследовавшей в 1964—1968 гг. крупное майяское городище Сейбаль в Петене⁴. В первой статье Г. Р. Уилли автором поставлена задача дать формальное, детальное и систематически-таксономическое описание наиболее раннего керамического комплекса Реаль в Сейбале. Уилли пользуется новой, недавно разработанной классификацией⁵ майяской керамики (одним из авторов которой он сам является) и определяет этот комплекс, как входящий в сферу Ше (от комплекса Ше в Алтар-де-Сакрифисо) и, следовательно, классифицирует как Реаль Ше. Вероятное время развития — 1000—600 гг. до н. э.

Во второй статье из этого раздела Дж. А. Саблофф дает описание и классификацию позднего керамического комплекса Байаль из Сейбаля. Преобладающая часть его — изделия из так называемой тонкой пасты — связывается с появлением в Сейбале какой-то новой этнической группы⁶. Интересна заключительная часть статьи, где автор прослеживает 20 элементов, общих как для рельефов на стенах, так и для сосудов (стр. 403—404).

Третья статья (Г. Туртеллота) содержит предварительный отчет об обследовании периферии Сейбаля. Была осмотрена площадь в 5,5 км², общий же размер городища, очевидно, более 6 км². В исследовавшейся части 98% зданий принадлежит позднеклассическому периоду, но по крайней мере одна треть из них выстроена на слоях доклассического периода. Большинство их было жилыми помещениями. Было раскопано 200 погребений, из которых только два относятся к доклассическому времени.

Последняя часть сборника состоит из четырех статей на различные темы майяской археологии. В первой из них И. Грэхем дает описание малоисследованного городища, расположенного на южном берегу р. Сан-Педро-Мартин в Петене. Данные Грэхема об Околтуне (так он назвал городище) представляют особую ценность, так как теперь это городище фактически уничтожено владельцем ранчо, на землях которого оно находилось. Только возвратившись в США, Грэхем установил, что его Околтун — это открытый в 1943 г. Э. Шуком и посещенный в следующем году С. Г. Морли город Ла-Флорида. Ла-Флорида был сравнительно небольшим городом (зарегистрировано 24 здания), начавшим свое существование в доклассический период, но достигшим расцвета в позднеклассический. Из 12 обнаруженных стел 7 имели рельефы и надписи; кроме того, было найдено 9 алтарей. По стилю все памятники скульптуры Ла-Флориды близки памятникам Иашчилана и Пьедрас-Неграс.

Небольшая, но важная по содержанию статья Т. Поскуряковой посвящена двум надписям из Чич'ен-Ицы: одна высечена на одном из косяков главного входа в Кастилью (зд. 5 В 18), другая — из небольшого здания 6 Е 1. Обе они интересны не столько своим содержанием, сколько тем, что показывают существование (или, вернее, употребление) чисто майяской иероглифики в тольтекский период Чич'ен-Ицы. На основании анализа надписей и сопровождаемых ими изображений Проскурякова приходит к выводу, что тольтекское завоевание города было совершено отрядами нескольких городов-государств, среди которых были и ица. Эта статья очень важна для выяснения сложных и еще во многом загадочных вопросов этнической истории позднего Юкатана.

³ R. Wauchope, Effigy head supports from Zacualpa, Guatemala, «Los Mayas antiguos», México, 1941, p. 211—23, его же, Excavations at Zacualpa, Guatemala, New Orleans, 1948; его же, Surface collection at Chiche, Guatemala, New Orleans, 1948, p. 123—150.

⁴ Историю изучения Сейбаля и подробные сведения об этой экспедиции музея Пибоди см.: Р. В. Кинжалов, Культура древних майя, Л., 1971, стр. 28—29.

⁵ R. E. Smith, G. R. Willey and J. C. Gifford, The type-variety concept as a basis for the analysis of Maya pottery, «American Antiquity», v. 25, № 3, 1960, p. 330—40; G. R. Willey, F. P. Culbert and R. E. W. Adams, Maya Lowland ceramics: A report from the 1965 Guatemala City Conference, «American Antiquity», v. 32, № 3, 1967, p. 289—315.

⁶ Памятники монументальной скульптуры этого периода в Сейбале имеют ряд черт, указывающих на происхождение этой группы из Центральной Мексики.

Работа Дж. Э. С. Томпсона «Бакабы, их изображения и их знаки» является в сущности продолжением и развитием более ранней статьи того же автора⁷. В данном случае, однако, рассмотрение ограничено только областью майя. Томпсон подробно излагает данные литературных источников об этих божествах, анализирует их изображения в пластике Чичен-Ицы и Копана, а также в росписях на сосудах и в иероглифических рукописях. Подробно исследуются связанные с ними иероглифические знаки. Работа Томпсона дает очень много для дальнейшего изучения майяской религии и памятников изобразительного искусства. К сожалению, автор не проанализировал роспись в тикальском «Храме фресок», являющуюся, по нашему мнению, древнейшим изображением бакабов⁸. Это позволило бы ему значительно расширить как хронологические рамки своего исследования, так и выводы.

В последней статье сборника, написанной Р. Э. В. Адамсом, делается попытка анализа социальной структуры общества майя в классический период (на материалах южного района). Он сознательно абстрагируется от данных по позднему юкатанскому обществу, считая, что мексиканское завоевание и разница в шесть столетий могли внести существенные изменения. Автор правильно отмечает, что в рассматриваемый период майяское общество было классом дифференцированным. На основе данных изобразительного искусства и археологии Р. Э. В. Адамс намечает существование нескольких социальных групп. Знать сосредоточивала в своих руках политическое управление обществом, играла главную роль в военных операциях и важнейших религиозных церемониях. Правители, по всей видимости, рассматривались как полубожественные существа; на это указывает культ стел и посвященные им храмы. В руках знати было и руководство внешней торговлей. Анализируя памятники монументальной архитектуры, Р. Э. В. Адамс приходит к правильному выводу, что небольшие размеры святилищ классического периода указывают на ограниченный круг допущенных к данному культу (стр. 491). Относительно назначения дворцов автор справедливо указывает, что понятия удобства и роскоши у древних майя могли значительно отличаться от взглядов современного европейца. К сожалению, Адамсу, видимо, осталось неизвестным, что оба эти вопроса уже были разобраны в советской научной литературе около десяти лет назад⁹. Анализу данных о непосредственных производителях, наиболее многочисленной группе майяского общества, Адамс не уделяет внимания. Зато он довольно подробно характеризует ряд профессий, связанных с обслуживанием нужд знати: изготовители церемониальных костюмов, музыканты, слуги, скульпторы, строители, живописцы, оружейники, писцы и др. В целом статья Адамса представляет полезную и свежую сводку материалов и привлекает внимание новым подходом к весьма важному вопросу.

В заключение можно отметить, что все три рецензируемых книги содержат большое количество нового, хорошо документированного материала, целый ряд тонких наблюдений и интересных выводов; они, несомненно, принесут большую пользу всем специалистам по истории и культуре древних майя.

Р. В. Кичжалов

⁷ J. E. S. Thompson, *Sky bearers, colors and directions in Maya and Mexican religion*, Washington, 1934.

⁸ Р. В. Кичжалов, *Искусство древних майя*, Л., 1968, стр. 34—36.

⁹ Р. В. Кичжалов, *Искусство майя классического периода*, в сб. «Культура индейцев», М., 1963, стр. 66—67, 70.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Этнография имен. М., 1971, 263 стр.

В последнее время внимание к ономастике в Советском Союзе непрерывно растет. Подтверждение этого — издание ряда книг, в том числе и рецензируемого сборника. Появление коллективных трудов такого типа свидетельствует о становлении нового, очень интересного научного направления — этнической ономастики.

Сборник состоит из многих статей, весьма отличных друг от друга и по тематике, и по глубине научного анализа, и по подходу и манере письма, и, наконец, по объему.

Но несмотря на это, может быть, даже благодаря этому, они удачно дополняют друг друга, с разных сторон раскрывая этнографическое значение ономастических материалов, и в целом сборник выглядит, как довольно гармоническое и стройное, хотя и достаточно сложное, структурное целое.

Бесспорным украшением сборника является ряд статей, выполненных на высоком научном уровне. Это лаконичная, но емкая статья В. В. Пименова, в которой методом количественного исследования (с обработкой данных на счетной машине) определяются факторы выбора имени у удмуртов и делается вывод, что интерес к традиционным именам убывает и будет убывать.

Это изящные тюркологические миниатюры Н. А. Баскаксова, продолжающие его давние изыскания о происхождении русских фамилий из тюркских корней. Однако вызывает сожаление, что эти публикации (их уже семь) разбросаны по весьма разным изданиям, тогда как они представляют собой последовательную серию.

Очень стройна и богата выводами о своеобразных структурных закономерностях работа В. А. Липинской. В ней выявляется изменение сельских микротопонимов во времени, их относительное значение, типология, дается классификационная статистика.

В последовательно дедуктивной статье Д. В. Деопика и М. А. Членова на базе всего лишь одной пары формантов (правда, учтенных с исчерпывающей полнотой и количественным охватом) раскрываются кардинальные вопросы этнической истории, показывается, как с помощью топонимического материала можно осветить многие вопросы этапов расселения народа, в данном случае малайцев.

Очень впечатляет смелостью подхода к теме, широтой и одновременно солидностью и обоснованностью своих сопоставлений превосходная статья Л. С. Толстовой. В ней на базе исторической ономастики проанализированы глубокие взаимные связи древней Средней Азии с переднеазиатским Востоком.

Статьи И. Г. Косикова, Н. И. Шатиновой, Т. И. Тепляшиной, С. С. Губаевой, на наш взгляд, не претендуют на выявление закономерностей в решении проблем, но вносят ценный информационный материал.

Однако в адрес многих статей сборника нельзя не сделать порой весьма серьезных критических замечаний.

В статье Я. В. Чеснова удачно раскрыто древнейшее (предэтнонимическое по терминологии автора) противопоставление «свой — чужой», но связь между этими данными и материалом последнего, заключительного абзаца не совсем ясна, т. е. не раскрыт механизм перехода от предэтнонимов типа «свой — чужой» к древнейшим этнонимам типа «люди».

Есть некоторые неточности и в статье А. М. Решетова. Антропоним, бытующий в устной речи, вопреки мнению автора, не изменится от того, запишут ли его иероглифами или буквами. Другое дело конкретная традиция фонетического сохранения или переименования антропонима в иноязычной среде. Имена широко популярных людей, типа Жан Габен или Обри Бердсли, постараются как можно ближе к звучанию оригинала воспроизвести в своей речи и русский, и бенгалец, и вьетнамец, и японец. Но короля Джеймса мы по традиции продолжим называть Иаковом Стюартом. Капитана же Джеймса Кука сейчас зовем Джеймсом, хотя в начале прошлого века печатали труды Иакова Кука. Именно по этим, совершенно условным, вовсе не обязательно связанным с иероглификой традициям, Чжу Дэ-хай в речи корейца будет назван Чу Ток Хэ, в Японии Ли Бо станет Ри Хаку, точно так же, как господин Линь из Пекина в Гуанчжоу будет назван г-ном Лимом. Кстати, в тексте статьи некоторые эти имена набраны с опечатками.

Традиция воспроизведения топонима или антропонима может измениться и в странах с иероглифической письменностью. Еще лет 10—20 назад топоним Вьетнам в Японии произносился соответственно традиционному чтению иероглифов, Эцунан, а сейчас фонетически транскрибируется Бэтонам.

С. М. Хайдакову следовало бы «переводы» на русский язык лакских фамильно-родовых имен взять в кавычки, а заодно сообщить читателю, под какими же все-таки фамилиями записаны в своих паспортах граждане из родов Хабашнахул, Хьючхакхул, Къапанлахул. Думается, что все-таки не «Абиссиновы», не «Львовы» и не «Леваковы». Можно попытаться догадаться, что Къюнкърайхул, действительно, ходят под фамилией Кюнкраевы, но все же хотелось бы не догадываться, а узнать все это от автора с достоверностью.

Из статьи М. Ф. Семеновой остается непонятным, почему в русском варианте у несклоняемой фамилии Фрунзе род. пад. заменяется имен. пад. Какая формальная разница между формами ул. Райниса, отнесенными в пункт 1, и ул. А. Упита, отнесенными в пункт 2? Как звучат сегодня в латышском варианте улицы Прибрежная, Вальная, Пензаская? Одним словом, все приводимые примеры надо было бы точно указать в латышской и русской форме.

В. А. Скрозниковой следовало бы прямо указать в статье, что топоним «Мекстаун» стал нарицательным словом, подобным слову «Маймачен» для китайских поселений в Монголии, или русским словам Шанхайчик. Нахаловка и др. Не совсем удачно словосочетание «beaneaters», переводимое как «пожиратели гороха» (кличка мексиканцев). Ведь мексиканцы едят не горох, а фасоль, beans — значит бобы, а горох по-английски — pea.

Некоторые замечания вызывает в общем неплохая статья Г. Ф. Фельде — единственная в сборнике работа по зоонимии. Непонятно, однако, почему собакам дают клички, которые, якобы, меньше ассоциируются для русского с человеческим существом, например Ирма, Ральф, а свиней не стесняются величать Сидор Карпыч. Кроме того, представляется, что задача исследователя — прежде всего, констатация фактов и их закономерностей. Рекомендации же в области хорошего вкуса, этических и эстетических критериев требуют большей осторожности, не терпя поспешности и категоричности. Пожалуй, нет особой разницы в таких кличках для парнокопытных, как, с одной стороны, нелепая, по мнению автора, Редукция, а с другой — удачная, по его мнению,

Злот и Атлас. Точно так же клички Лидка и Лушка не кажутся более оскорбительными для человека, нежели Джек и Джим.

В целом сборник производит очень хорошее впечатление, и хотелось бы надеяться, что в дальнейшем сложившаяся традиция выпуска в свет работ такого рода будет продолжена.

С. А. Арутюнов

Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сборник МАЭ, т. XXVI, Л., 1970, 384 стр. с илл.

Коллекционные собрания Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР, накапливавшиеся в течение двух с половиной столетий, служат надежным фундаментом для исследований в различных областях этнографии и антропологии.

Выход в свет очередного сборника МАЭ, подготовленного сотрудниками сектора Средней Азии и Казахстана Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР под редакцией Н. А. Кислякова, значительное событие в научной жизни.

Достоинство рецензируемого сборника заключается в том, что в его основу положен региональный принцип. В научный оборот введен коллекционный материал по культуре и быту народов Средней и Передней Азии.

Семь статей сборника посвящены народам советской Средней Азии. Содержащиеся в них материалы, отражающие дореволюционное прошлое этих народов, помогают реально представить, что «... за полвека, прошедшие с момента установления в Средней Азии Советской власти, жизнь народов этой части СССР неузнаваемо изменилась. Советские республики Средней Азии за эти годы превратились из отсталой колониальной окраины царской России в цветущий край с широко развитой промышленностью и механизированным сельским хозяйством» (стр. 3).

Весьма ценной для исследователей истории религии и культов является публикация в статье Н. А. Кислякова материалов о votивных предметах горных таджиков, представляющих собой приношения верующих к местам мусульманских святынь («мазарам»). Представляется весьма убедительным соображение автора о том, что «... в основе почитания мазаров лежал и культ мусульманских „святых“ и более древний культ деревьев, источников, камней и других объектов» (стр. 5). Мазары горного Таджикистана подразделяются на две группы: к первой отнесены собственно гробницы «святых», ко второй — различные почитаемые объекты — отдельные деревья, рощи, скалы, пещеры, источники.

Шесть статей рецензируемого сборника сходны по тематике и посвящены описанию традиционной одежды и украшений, являющихся ценным историко-этнографическим источником у народов Средней и Передней Азии.

В статье Р. Я. Рассудовой дается достаточно полное описание обычной домашней одежды горных таджиков верховьев Зеравшана первой четверти XX в. Автор приходит к выводу, что в этом регионе одежда не дифференцировалась по полу и возрасту. В работе приводятся также данные о различных видах кроя и высказывается мысль об использовании собранных материалов при будущей работе над этнографическим атласом.

Статья ныне покойной Э. Г. Гафферберг посвящена одежде белуджей Туркменской ССР. Изучению этой национальной группы и некоторых других, переселившихся в 1923—1929 гг. из Афганистана в СССР, Э. Г. Гафферберг посвятила всю свою жизнь. Этнограф по образованию, по призванию и по большому опыту полевой, музейной и исследовательской работы, она достойно представляла нашу науку не только в своих трудах, на научных сессиях и конференциях, проводившихся в нашей стране, но и на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (1964 г.).

В опубликованной ею в 1969 г. в Ленинграде монографии «Белуджи Туркменской ССР» Э. Г. Гафферберг показала себя как зрелый исследователь, умело использующий методы этнографической науки для изучения народной жизни во всем ее многообразии. Безвременная кончина Э. Г. Гафферберг в 1971 г. не позволила ей осуществить ее научные замыслы. Статья в данном сборнике — одна из последних работ ученого — является ценным дополнением к названной монографии. С присущей исследовательнице тщательностью обработаны в статье собственные полевые материалы (1958—1967 гг.) и описаны две коллекции, собранные во время экспедиций 1929 и 1957—1962 гг.

Наряду с описанием типов тканей кустарного производства, в статье подробно рассказывается о выработанных многими поколениями белуджей способах снятия мерок и раскройки одежды. Многочисленные данные о покрое одежды и ее функциональной специфике позволили автору провести параллели в одежде белуджей и других иранских народов. Автор проявляет должную осторожность, замечая, что изложенные им «... параллели и предположения являются лишь весьма предварительными, ибо как имеющиеся в нашем Музее коллекции, так и литературные данные настолько скудны,

что в отношении одежды мы еще очень далеки от каких-либо окончательных выводов» (стр. 100), но тем интереснее приводимые в статье соображения о близости некоторых типов одежды белуджей и афганцев, таджиков, джемшидов и хазарейцев. Вполне обоснован вывод автора, заключающий исследование: «Основной же и наиболее яркой чертой современной одежды белуджей Туркмении является ее обилие, богатство и нарядность, что отражает как резкое повышение материального уровня жизни белуджей за 40 лет их пребывания в Советском Союзе, так и новый, высокий уровень культурных требований, предъявляемых современными белуджами ко всем сторонам их материальной и общественной жизни» (стр. 100).

Большое научное значение имеет статья О. А. Сухаревой «Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в.», в которой дается описание двух уникальных предметов — шапки («куляха») и рубахи Мавлоно Шарифа, относящихся ко II половине XVII в. Сравнение куляхи М. Шарифа с известными в науке подобными головными уборами XIV и XVIII вв. позволяет О. А. Сухаревой наметить определенную линию развития этого элемента среднеазиатского костюма.

Отсутствие прямых параллелей в более поздней одежде побудило автора сделать вывод, что только к XIX в. «...развитие форм одежды привело, в силу разных причин, к большому единству покроев, к исчезновению из быта некоторых менее распространенных форм» (стр. 112).

Вызывает интерес статья М. В. Сазоновой «Украшения узбеков Хорезма», базирующаяся на богатом полевом материале. С большой скрупулезностью дается описание бытовавших в Хорезме в конце XIX — начале XX в. женских, мужских и детских украшений. К числу достоинств статьи следует отнести описание технологии изготовления украшений, характеристику их функциональной роли, а также тот факт, что автор сумел отнести их к определенным возрастным группам.

Описание украшений узбеков Хорезма уже само по себе представляет значительный интерес. Однако, не забывая об эстетической роли украшений, автор в то же время стремится выявить их семантику. В этом ей помогают полученные в результате археологических исследований данные о древних представлениях жителей Хорезма (работы С. П. Толстова, В. М. Массона и др.). Подводя итоги анализа отдельных мотивов, форм и видов украшений в сопоставлении с аналогичным материалом у других народов Средней и Передней Азии, автор пишет: «Не связаны ли генетически отдельные элементы, прослеживаемые нами в форме и в названии украшений, с пережитками тех идеологических представлений, которые господствовали некогда у населения древнего Хорезма? Нам кажется, что мы должны ответить на этот вопрос положительно» (стр. 136).

Выдвигаемые доказательства интересны и обоснованны. М. В. Сазонова особое внимание уделяет интерпретации символов, связанных с культом богини Анахиты и бога Яреда, бога воскресающей и умирающей природы Сиявуша (ласточка, конь и пр.). Можно лишь пожалеть, что мотивы, касающиеся других животных и птиц, не получили столь же обстоятельной интерпретации. Вероятно, при обращении к сюжетам, связанным с мотивами животных и птиц, следует обратить большее внимание на пережитки тотемистических представлений.

Вторую часть сборника, «Передняя Азия», открывает статья В. П. Курылева «Одежда анатолийских турок». Почти все коллекции турецкой одежды, пишет автор, поступали в музей в конце XIX — начале XX в. Особый интерес представляет коллекция, приобретенная в Стамбуле при участии В. В. Бартольда (21 предмет). В мужской и женской одежде автор прежде всего выявляет черты традиционности, а также указывает на особенности турецкого костюма, головных уборов, обуви, которые позволяют судить о семейном положении, возрасте, социальной принадлежности. Особенно ценны для этнографов факты о сохранении в вышивке и украшениях элементов, игравших некогда роль оберега. Интересны приводимые автором материалы о современном костюме городских и сельских жителей.

Статья Л. А. Булановой является первой полной публикацией имеющихся в МАЭ коллекций арабской материальной культуры. В состав этого крайне разнообразного собрания входят образцы мебели, музыкальных инструментов, металлической посуды, предметов культа, а также типы одежды из разных арабских стран. При рассмотрении отдельных видов национального костюма женщин Палестины, некоторых районов Сирии и Ирака автор говорит о влиянии мусульманства на женскую одежду. Далее он справедливо подчеркивает, что некоторые украшения, дополняющие костюм женщины, играли роль амулетов.

Отрадно, что одно из богатейших собраний МАЭ — коллекция персидской одежды, насчитывающая около 300 предметов, — обрело серьезного исследователя в лице Ф. Д. Люшкевич, выступившей со статьей «Одежда жителей центрального и юго-западного районов Ирана первой четверти XX в.». Эта публикация важна потому, что в ней содержатся данные о покрое и локальных особенностях персидской одежды. Много внимания автор уделяет вопросу о дифференциации мужской и женской одежды, вызванной различным положением в обществе мужчины и женщины, поддерживаемым мусульманскими религиозными догмами. Описание основных видов женской одежды подчинено локальному принципу (женские костюмы из Исфагана, Шираза и Бушира), отмечаются и некоторые этнические различия.

Статья Л. А. Фирштейн «Земледельческие орудия таджиков и узбеков» написана на основании обширных материалов, собранных экспедициями с 1882 по 1960 г. Иссле-

дваемые автором земледельческие орудия принадлежат оседлым узбекам и таджикам (6 коллекций), горным таджикам (5 коллекций) и припамирским таджикам (1 коллекция). Описанию орудий труда предшествует обстоятельный разбор литературы по рассматриваемому вопросу, который показывает, что появление данного исследования закономерно и своевременно. Характеристика земледельческих орудий сопровождается сведениями о сезонных работах, об условиях труда, что позволяет осветить вопрос о разделении трудовых процессов между полями.

Статья Т. В. Станюкович «Декоративное убранство жилища восточнославянского населения Казахстана» написана на материалах, собранных автором, а также хранящихся в фондах и архиве МАЭ. Автор стремился «... раскрыть возникшие в результате длительного совместного проживания взаимосвязи и взаимовлияния различных национальных культур, проявившиеся в декоративном убранстве домов переселенцев» (стр. 201). Приводимые в статье примеры убедительно свидетельствуют о проникновении в декоративное искусство восточнославянского населения элементов казахской орнаментики и о заимствовании в свою очередь местными жителями у русских, украинцев, белорусов некоторых черт убранства жилища. Рассматривая вопрос о влиянии городской культуры на декор жилища переселенцев, автор указывает, что все видоизменения в декоративном убранстве жилища происходят в рамках восточнославянских декоративных традиций. С этим выводом нельзя не согласиться.

Особое место в сборнике занимает обстоятельное исследование С. М. Марр, которая дала описание религиозных шиитских мистерий Мохаррам и попыталась проследить их генезис. Отмечая ареал распространения Мохаррама и вскрывая его историческую основу, автор присоединяется к мнению об арабском происхождении шиизма и оспаривает распространенное прежде убеждение о его персидских истоках. Личные наблюдения в Исфагане и Тегеране в 1925 — 1926 гг. позволили С. М. Марр дать подробное и красочное описание религиозного праздника шиитов, которое приобретает значение подлинного документального источника, ибо вскоре после пребывания автора в Иране проведение церемоний Мохаррам было официально запрещено.

В науке высказывалось мнение о связи шиитского культа Али-Хоссейна и культа семитского Таммуза-Адониса (А. Е. Крымский, А. А. Ромаскевич), С. М. Марр поставила перед собой цель — выявить те элементы, которые позволяют видеть в Мохарраме явление гораздо более раннее, чем культ оплакивания мусульманских святых. В некоторых особенностях движения участников процессии автор усматривает проявление пережитков древнего ритуала. Такие элементы в Мохарраме, как плащаница, раки и пр., также не отвечают мусульманским воззрениям.

Серьезное внимание уделено символике траурных знамен и наверший. Автор пытается истолковать треугольную форму знамени, навершия знамен и знамен «алам» и «туг» — с изображением различных древних небесных знаков. В некоторых элементах обрядности Мохаррама, по мнению автора, нашли отражение отдельные черты древнего земледельческого культа (например, культа воды и зерна).

Автор представил много доказательств для обоснования главной идеи статьи: Мохаррам «... как сугубо мусульманский праздник, вышел из глубоких недр народной жизни, вырос на языческой обрядности, воспользовался ее эмблемами, переосмыслил их на свой лад» (стр. 366).

В заключение отметим, что рецензируемый сборник богато иллюстрирован уникальными фотографиями из архива МАЭ, а также зарисовками одежды и чертежами кроя, искусно выполненными художниками З. А. Гиппиус, С. В. Цорн, К. Б. Серебровской. Хотелось бы в последующих изданиях видеть большее число цветных иллюстраций.

Сборник МАЭ «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии» является крупным вкладом советской этнографической науки в изучение этого региона.

М. Н. Серебрякова

Т. А. Тот, Б. В. Фирштейн. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., 1970. 202 стр.

Антропологический материал, представленный в книге, охватывает очень широкий стрекз времени (IV в. до н. э. — IX в. н. э.). Период этот характеризовался исключительно бурными историческими событиями, основной причиной которых была миграция ряда племен из глубин Азиатского континента на запад. Вызванная этим движением цепная реакция переселений вовлекла множество этнических групп, что не могло не изменить существенным образом картину распространения антропологических типов.

В IV в. н. э. гунны достигли Центральной Европы, а в VI в. на территории нынешней Венгрии возникло государство аваров. Как отразились эти события на антропологическом составе населения Карпат?

Еще в начале 1930-х годов и позднее ряд ученых (Л. Бартоц, П. Липтак, И. Немешкери), основываясь на антропологическом материале, указывал на присутствие в этом регионе в эпоху раннего средневековья монголоидных групп. Однако при этом

они исходили из весьма устаревших представлений об антропологических особенностях монголоидов¹.

Венгерский исследователь Т. Тот прошел антропологическую подготовку в СССР и хорошо знаком с работами советских ученых, вклад которых в сравнительное изучение монголоидных и европеоидных групп особенно велик. В написанной им первой части книги пересматривается вопрос о соотношении различных расовых типов Аварского каганата. Автор заново исследовал 1140 черепов (55 серий), большей частью уже опубликованных другими антропологами, по программе, включающей признаки профилированности лица и носовых костей, особенно значимые при разграничении европеоидных и монголоидных вариантов. Материалы, содержащиеся в работе, представляют значительный интерес не только с практической, но и с методической точки зрения (например, приведена и описательная, и измерительная характеристика глубины клыковой ямки на всех изученных черепах).

Для каждой из серий вычислен индекс уплощенности лицевого скелета. Этот показатель, предложенный Г. Ф. Дебецем и впервые примененный в более ранних работах Т. Тот, вычисляется на основе довольно громоздких формул, но сущность его очень проста. Положение группы по каждому признаку определяется процентным отношением разности между данной группой и наиболее «европеоидной» к межгрупповой «европеоидно-монголоидной» амплитуде признака. Затем находят средний процент для 5 лицевых размеров. Разграничительная способность этого индекса очень высока². Мысль о том, что одновременное использование нескольких признаков может оказаться гораздо эффективнее сравнения по каждому признаку в отдельности, послужила, как известно, основой для создания дискриминантного анализа. Но авторы, применявших этот метод, обычно не заботились о выборе признаков: информация увеличивалась исключительно при помощи сложных статистических преобразований, Г. Ф. Дебец пошел по другому пути: основным достижением стал необычайно продуманный подбор признаков, внутригрупповая изменчивость и взаимосвязь которых была бы минимальной, а межгрупповая изменчивость и взаимосвязь — максимальной. Когда такие признаки были обнаружены, надобность в сложных вычислениях отпала сама собой.

Средний индекс уплощенности лица на черепах аварской эпохи из Венгрии составляет 15 единиц, что чуть больше, чем в русской серии, но меньше, чем в украинской. Поэтому Т. Тот приходит к заключению, что в целом доля монголоидных элементов была весьма незначительной. Однако величина индекса колеблется очень сильно. По наблюдению автора, она в среднем тем выше, чем меньше численность серии; это дает основания предполагать, что монголоидный тип в населении каганата был представлен небольшими и достаточно изолированными группами (знать?).

Не все выводы в работе представляются достаточно обоснованными. На стр. 27, например, мы читаем, что «слабая уплощенность лица может и не указывать на отсутствие или незначительность монголоидной примеси» — странное заключение, не подтверждаемое никакими фактами.

Т. Тот, в отличие от своих предшественников, не прибегает к более детальной диагностике, оперируя лишь расовыми признаками «первого порядка». Конечно, это уменьшает вероятность ошибки, но, очевидно, приводит к излишней схематизации³. Поэтому проделанную автором работу следует считать лишь первым, хотя и значительным шагом на пути к воссозданию этно-расовой истории Аварского государства.

Другим крупным племенным союзом, вовлеченным в великое переселение, были сарматы. Их антропологическим особенностям посвящена вторая часть книги, написанная Б. В. Фирштейн. Автор исследовал 159 черепов, а также кости посткраниального скелета из сарматских погребений саратовского Заволжья. В этой наиболее полной из всех антропологических работ о сарматах поднимаются вопросы, остававшиеся до сих пор вне поля зрения исследователей. Материал изучен здесь как в хронологическом, так и в географическом аспектах. Б. В. Фирштейн установила близость сарматских краниологических серий к более ранним савроматским. В результате сопоставления черепов из сарматских могил различных периодов исследователь приходит к выводу об изменении расовых признаков у носителей этой культуры на позднем этапе ее существования. Не менее важным является исследование особенностей антропологического типа сарматов разных районов. Различия обнаружились и при сравнении краниологических серий из погребений разных типов. В целом, однако, сарматы характеризовались одним, довольно своеобразным антропологическим типом, аналогии которому Б. В. Фирштейн находит на Алтае, Тянь-Шане и в Семиречье.

Почти каждый из черепов отнесен в работе к какому-либо типу. Метод этот неоднократно критиковался. Отказ от индивидуальной диагностики в антропологии (теория

¹ См. напр.: P. Lipták, Contributions à l'anthropologie des temps Avars de la région de Kiskörös, «Crania Hungarica», t. I, № 2, 1956, p. 52.

² Г. Ф. Дебец, О путях заселения северной полосы Русской равнины и восточной Прибалтики, «Сов. этнография», 1961, № 6.

³ Интересно, что сам Г. Ф. Дебец считал суммарные подсчеты «европеоидности» и «монголоидности» вчерашним днем советской антропологии (см. Г. Ф. Дебец, Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР, в кн. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968, стр. 20).

адиакритичности, если употреблять термин Кизса) считается иногда неизбежным следствием биологической концепции расы, однако настало, пожалуй, время пересмотреть это представление. Использование современных статистических методов позволяет определять расовую принадлежность индивидуума практически безошибочно⁴. К сожалению, визуальная характеристика не столь надежна. Некоторые из определений в работе Б. В. Фирштейн вызывают сомнения. Череп, имеющий угол выступления носа 21° (рис. 5), сближен с переднеазиатским типом, другой (рис. 1), низколицый, с тенденцией к прогнатизму и носовым индексом 64 («экваториальная» комбинация!) отнесен к «смешанным европеоидно-монголоидным». В распределении типов наблюдается следующая закономерность: андроновский и переднеазиатский типы чаще встречаются среди мужских черепов, тип среднеазиатского междуречья — среди женских. На это уже обращал внимание В. В. Гинзбург, исследовавший узбекскую серию⁵. По его предположению, более сглаженные черепа (в большинстве женские) чаще относят к типу среднеазиатского междуречья, а более «матуризованные» (по нашему мнению, правильнее было бы сказать «маскулинизированные») — к переднеазиатскому и андроновскому типам. Это видно из сравнительной таблицы.

Типы	Сарматы (Б. В. Фирштейн)		Узбеки (В. В. Гинзбург)	
	мужские	женские	мужские	женские
Андроновский и переднеазиатский Среднеазиатского междуречья	34 5	12 16	47 24	2 26
Хи-квадрат	12,9		25,6	

В обеих сериях вероятность случайного распределения меньше 1:1000. Очевидно, выбранные диагностические признаки являются не столько расовыми, сколько половыми. Это, конечно, несколько снижает ценность подобных определений, что отмечает и автор.

Очень большой интерес представляет предпринятое Б. В. Фирштейн специальное изучение искусственно деформированных сарматских черепов. Эти черепа преобладают на позднем этапе, они чаще имеют монголоидные особенности в строении лицевого скелета. Автор рассматривает вопрос о влиянии деформации на различные краниологические признаки и привлекает сравнительные данные об искусственно деформированных черепах из других районов.

Отдельная глава посвящена исследованию посткраниального скелета сарматов. Приводятся совершенно новые данные о росте, пропорциях и весе тела (по формулам Дебеца). Все это определяет большую важность проделанной Б. В. Фирштейн работы.

В целом книга представляет собой значительный вклад в антропологическое изучение эпохи великого переселения народов.

А. Г. Козинцев

⁴ V. P. Chopra, I. Schwidetzky, Quantitative Rassensystematik, «Homo», Bd XXI, H. 1, 1970.

⁵ В. В. Гинзбург, Краниологическая характеристика узбеков (по материалам из кладбища Шейхантаур в Ташкенте), «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. сер. т. 82, 1963.

НАРОДЫ СССР

Ю. В. Арутюнян. Социальная структура сельского населения СССР, М., 1971, 373 стр.

Намеченный XXIV съездом партии глубокий поворот экономики к решению многообразных задач, связанных с повышением благосостояния народа, особенно поднимает роль сельского хозяйства в жизни нашего общества.

Интенсивное развитие этой важнейшей отрасли экономики во многом зависит от решения социальных проблем, затрагивающих в настоящее время более 100 миллионов человек, проживающих в сельской местности.

Ценным вкладом в разработку проблем социального планирования села является рецензируемая книга.

Значение этой книги состоит прежде всего в том, что в ней изложены важные результаты изучения сельского населения страны, полученные на основе глубокого марксистского анализа государственной статистики и материалов социологических исследований, осуществленных автором и другими советскими учеными.

Объектом исследования Ю. В. Арутюняна были Татарская АССР, Краснодарский край, Калининская и Московская области, т. е. регионы с различным национальным составом, что позволило изучать социальные проблемы сельского населения на различном этническом фоне.

Автор сумел показать, что социальная структура населения не просто и не только следствие сложившейся производственной структуры. Она оказывает в то же время (при этом в последнее время с возрастающей силой) обратное влияние на производственную и культурную среду, стимулируя их развитие. Именно поэтому разработке планов социального развития отдельных сельскохозяйственных предприятий, регионов, всей отрасли в целом непременно должно предшествовать глубокое исследование социальной структуры на разных уровнях.

Автор исследует классовое деление сельского населения, процесс стирания различий между работниками государственных сельскохозяйственных предприятий и колхозниками и указывает, что по уровню оснащенности техникой, производительности труда, эффективности производства различия между колхозами и совхозами гораздо меньше, чем раньше (стр. 118—120).

За последнее время, особенно после 1966 г., в колхозах и совхозах заметно снизилась оплата труда. После войны произошло «выравнивание» тружеников двух секторов по образованию и т. д.

Не менее интересно и то, что степень обеспеченности колхозников и рабочих совхозов подсобным личным хозяйством как в Калининской области, так и в Краснодарском крае теперь практически одинакова. Автор показал, что в настоящее время размер этого хозяйства зависит не от социального положения сельского жителя, а главным образом от величины его доходов, получаемых от общественного производства (стр. 130). Автор высказывает предположение, что в будущем подсобное хозяйство из средства дополнительных доходов перейдет в сферу досуга, развлечения, что будет отвечать эстетическим потребностям и привычкам сельских жителей (стр. 137).

Увеличение среди сельского населения доли рабочих и служащих, сокращение различий между совхозами и колхозами, усложнение структуры сельского населения — все это, по мнению автора, повышает значение всестороннего изучения классов, социальных групп их особенностей и роли в общественной организации труда и т. д. Важное значение придает автор уровню квалификации и образования как факторам, определяющим качество труда и сильно сказывающимся на процессах, происходящих в деревне.

Заметим, что многолетние исследования Ю. В. Арутюняна о социальной структуре сельского населения вызвали живой отклик в научной литературе. Можно, в частности, указать на статью В. П. Данилова в книге «Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы» (М., 1972), в которой рассматриваются важные вопросы. В. П. Данилов справедливо обращает внимание на некоторые недостатки в формулировках, относящихся к экономическим и правовым аспектам проблемы собственности. Однако с В. П. Даниловым трудно согласиться тогда, когда он во время полемики явно недооценивает роль качества труда, как фактора, определяющего положение трудящегося в социалистическом обществе. Обращает на себя внимание и то, что В. П. Данилов полностью оставляет в стороне эмпирический материал, используемый Ю. В. Арутюняном.

Специальные исследования, проведенные под руководством Ю. В. Арутюняна в Татарии, Краснодарском крае и Калининской области, показали, что с повышением уровня квалификации и образования во всех социально-профессиональных группах сельского населения, независимо от того, идет ли речь о рабочих совхозов или колхозов, возрастает социальная активность, степень участия в делах производства, коллектива (стр. 108).

Быстрый рост квалификации и образования сельского населения, о чем свидетельствуют материалы Всесоюзной переписи 1970 г. (на 1000 человек сельского населения приходилось лиц со средним, полным и неполным, и высшим образованием 499 человек, в то время как в 1939 г. — 63, в 1959 — 316) способствует реализации указаний XXIV съезда КПСС «шире вовлекать трудящихся в управление экономикой».

Повышение уровня квалификации и образования сельского населения существенным образом повлияло на миграционные процессы.

Хотя этой проблемой успешно занималось относительно много советских социологов (в частности, новосибирский социолог Т. Заславская и ее коллеги), однако Ю. В. Арутюняну удалось значительно продвинуться в изучении механизма миграции. В этой связи он сопоставляет разнообразные потребности сельских жителей, влияющие на их поведение в этой области. Одновременно автор, владея современным социально-психологическим анализом, обращает внимание на то, что, с одной стороны, далеко не всегда реальные потребности осознаются индивидуумом, а, с другой стороны, довольно часто даже осознанные потребности не завершаются актами поведения, имеющими целью восстановить равновесие между личностью и средой (стр. 244).

Важное значение придается результатам социологических исследований о степени удовлетворенности условиями работы и жизни с целью определения степени ориентации сельского жителя на изменение ее нынешнего положения.

Сведения о степени удовлетворенности работой, условиями жизни и их отдельными компонентами, равно как и о многих других проблемах, автор получает главным образом с помощью опроса сельских жителей. В целом, информация получена и обработана автором с использованием современных методов социологической науки.

К сожалению, автор не всегда уделяет должное внимание проверке достоверности и устойчивости ответов сельских респондентов на вопросы, касающиеся жизненных идеалов, нравственных представлений, межнациональных отношений, а также на вопросы менее сложного характера: о чтении газет и книг и удовлетворенности заработком, отношении к непосредственному руководству и товарищам и т. д. Полученные данные, на наш взгляд, требуют перепроверки с помощью повторных опросов, других приемов получения сведений и т. д. Ведь и на эти ответы оказывают влияние престижные факторы, отсутствие готовности искренне сообщить о своих жизненных планах и т. д.

Однако то обстоятельство, что ответы респондентов, проживающих в столь разных регионах страны, как Калининская и Московская области, Краснодарский край и Татария, во многих аспектах совпадают и подтверждают гипотезы ученого, равно как и то, что похожие результаты получены другими социологами, позволяет нам утверждать, что Ю. Арутюнян имеет определенные основания делать выводы из собранного им эмпирического материала.

Автор установил, что с повышением уровня квалификации и социального статуса у сельского жителя растет удовлетворенность работой. Например, у механизаторов показатель удовлетворенности своей деятельностью примерно в 1,5—2 раза выше, чем у работников малоквалифицированного труда (стр. 266). С повышением уровня квалификации возрастает, если судить по ответам сельских жителей, значимость содержания труда, социальной стороны труда (отношения с коллегами, непосредственным руководством), возможности продвижения и т. д.

Благоприятное влияние повышения образования на удовлетворенность работой сказывается в полной мере тогда, когда уровень образования сельского жителя соответствует требованиям той социально-профессиональной группы, в которой он находится. При этих обстоятельствах нет расхождений между достигнутым уровнем и его претензиями. Например, для механизаторов в настоящее время достаточный уровень образования соответствует примерно неполному среднему образованию. «Избыточные» или «недостаточные» по образованию категории населения отличаются меньшей удовлетворенностью, но и поисками «выхода» из этого состояния. В частности, у людей с «избыточным» образованием повышенная склонность к мобильности, т. е. изменению социального положения, в том числе к миграции. Размышляя на эту тему, автор приходит к следующему выводу: «Чем выше соответствие личности своей ролевой функции, чем больше сходятся элементы социального статуса, тем выше социальный оптимизм (удовлетворенность); расхождение элементов статуса, несоответствие личности и ее ролевой функции — источник неудовлетворенности».

При отставании личности от среднеобщественных норм статуса возникает аномия личности (алкоголизм, преступность и т. д.), при избытке элементов статуса усиливается динамизм личности. Мера динамизма определяется частотой (степенью) вероятности мобильности (перемены среды или положения в среде), при недостатке ее — динамизм трансформируется в антиобщественную деятельность (стр. 298). В связи с этим автор обращает внимание на стремление людей находиться в среде, близкой им по соответствующим параметрам. Сила выталкивания из среды пропорциональна разнородности среды и группы (индивида), соответственно сила притяжения зависит от меры сходства среды и группы (индивида), однородности их структуры (стр. 298).

Фиксируя существование известных противоречий, возникающих в связи с усложнением профессиональной структуры сельского населения, роста ее квалификации и образования, автор решительно отвергает как нелепые, не совместимые с духом социалистического гуманизма, предположения о целесообразности сдерживания роста образования. Выход из существующего противоречия он видит прежде всего в дальнейшей индустриализации сельской экономики, широком использовании в ней достижений научно-технической революции, во всеобщей механизации и автоматизации труда, что позволит удовлетворить растущие запросы сельского населения на творческий, квалифицированный труд.

Повышение уровня образования сельского населения существенным образом повлияло еще на одну сторону жизни села — резкое возрастание потребностей в сфере культуры и быта. Сельский житель «урбанизируется» чрезвычайно интенсивно (гораздо более быстрыми темпами, чем «урбанизируется» среда) и его запросы в этой сфере все меньше и меньше отличаются от запросов горожанина.

По ряду показателей в потреблении культурно-бытовых благ различия между деревней и городом стали несущественными (по посещаемости кино, радиофикации, обеспеченности библиотечным обслуживанием и т. д.).

Однако в целом различия еще достаточно велики. Особенно сильно отстают от города в этом отношении небольшие по размерам сельские населенные пункты. Не слу-

чайно миграция из мелких сел, как показывают исследования Ю. Арутюняна и других, авторов намного превышает миграцию из крупных. (При этом жители крупных сел чаще склонны к переезду в другие сельские населенные пункты, чем жители мелких сел, которые покидают свое местожительство чаще всего ради города.)

Социологические исследования показывают, что степень неудовлетворенности культурно-бытовыми условиями во всех группах сельских жителей сейчас превышает степень неудовлетворенности условиями работы. Так, например, если среди механизаторов Краснодарского края только 3% совершенно недовольных своей работой, то доля абсолютно неудовлетворенных культурно-бытовыми условиями составила 17% (стр. 246). При этом требовательность к культурно-бытовой сфере явно нарастает с повышением уровня образования и квалификации. Анализ мотивов потенциальной миграции показал, что во всех трех регионах, где проводились опросы (Калининская область, Краснодарский край, Татарская АССР) неудовлетворенность заработной платой ни разу не оказалась на первом месте (стр. 246).

Несомненно, материальные факторы продолжают играть известную роль в оттоке части сельских жителей в город, однако на первый план в последнее время выдвигаются иные ценности. Это обстоятельство особенно касается молодежи, для которой культурные запросы и возможности повышения образования являются главными мотивами переезда в город¹.

Культурно-бытовое строительство на селе уже много лет ведется более высокими темпами, чем в городе. В соответствии с задачей устранения различий между городом и деревней такое соотношение темпов сохранится и в ближайший исторический период. Материалы, приводимые автором, убедительно демонстрируют правильность политики партии в области сельского культурно-бытового строительства.

Особое значение в связи с этим приобретают социологические исследования, позволяющие учесть спрос различных социальных слоев населения на всем его многообразии, обусловленном демографическим и профессиональными различиями.

Планирование, как это подчеркивалось Л. И. Брежневым на XXIV съезде партии, должно опираться на «точное изучение общественных потребностей». Решение этой задачи, как показывает автор, требует тщательного изучения особенностей социальной среды, в которой находятся сельские жители.

Одним из важных параметров структуры населения является ее национальный состав. И этот аспект проблемы автор увязывает прежде всего с уровнем квалификации и образования различных групп сельского населения.

Выводы, касающиеся роли национального фактора в процессах миграции, социальной мобильности автор изучал на материале Татарской АССР, поэтому без дополнительных исследований нельзя утверждать, что они репрезентативны по отношению ко всей территории страны. Вместе с тем исследования, проведенные в Татарии, позволяют предполагать, что основные закономерности динамики структуры сельского населения являются инвариантными по отношению к национальному составу населения. Это, в частности, показывают приводимые автором сопоставления показателей по районам с преимущественно татарским и преимущественно русским населением. Примечательно, что известные различия в системе предпочтений сельских жителей обеих национальностей наблюдаются в основном у лиц старших возрастов (стр. 190).

Автор на основе эмпирических данных приходит еще к одному важному выводу о том, что «овладение русским межнациональным языком и активное приобщение с раннего возраста к общесоветским формам культуры дают особенно большой общественный эффект» (стр. 193—194).

Изучал автор и такую тонкую и малоизученную психологическую категорию, как «социальное самочувствие». Он пытается установить, какое влияние оказывает на «социальное самочувствие» сельского жителя его существование в «своей» и в «иностранной» среде, а также какое значение в связи с этим имеет уровень образования и квалификации (стр. 197 и др.).

Освещая вопросы социальной мобильности сельского населения различных национальностей, автор, в частности, указывает на то, что приобретение высшего образования зависит от степени «урбанизации» населения отдельных республик (стр. 330). По мере сближения города и деревни в союзных и автономных национальных республиках, будут уменьшаться различия между ними по многим показателям в сфере просвещения, культуры и т. д.

Следует заметить, что в некоторых случаях аргументация автора по проблемам национальных особенностей опирается на такие различия между показателями, которые из-за их небольшой величины не могут быть признаны статистически значимыми. При-

¹ Исследуя отношение различных групп населения к условиям сельской жизни, автор затрагивает вопрос о роли чисто сельских ценностей, преимущества естественно-природных условий. Эти преимущества наименее ценят молодые люди и в наибольшей степени — люди зрелых возрастов. В связи с этим автор ставит вопрос о неиспользованных возможностях ремиграции в село (там, где это необходимо) людей старших возрастов. Ремиграция помимо несомненно экономического значения может иметь и социальное, так как пришельцы из города принесут в деревню более высокий уровень культуры и образования (стр. 265).

мером может служить таблица на стр. 302, где сравниваются производственные показатели русских и татарских колхозов.²

Книга Ю. В. Арутюняна содержит настолько богатый и разнообразный материал, что в данной рецензии затронуты только некоторые из проблем, касающихся структуры сельского населения.

Активное использование научных методов в области социального управления процессами, происходящими на селе, могут серьезно ускорить прогрессивные изменения структуры сельского населения и этим самым способствовать и развитию сельскохозяйственного производства и еще более быстрому росту материального и особенно культурного благосостояния сельского населения.

В. Э. Шляпентох

² Автора можно также упрекнуть в том, что некоторые сопоставляемые им показатели по городу и селу спорны. Так, он считает, что село уже опередило город по числу детей, обучающихся в школе. Однако то, что в деревне на 10 тыс. жителей приходилось еще в 1966 г. больше школьников, чем в городе, объясняется прежде всего иной возрастной структурой сельского населения, более высокой рождаемостью. При сопоставлении числа учителей нужно учитывать существование в селе большого числа небольших школ. Наконец, при сравнении села и города по числу клубов учитывать, что клуб в селе выполняет нередко функции кинотеатра, библиотеки и пр.

Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Часть 1. Приангарье, Новосибирск, 1971, 198 стр.

Культурное и бытовое своеобразие русского населения Сибири, сложившееся сначала под воздействием инонациональной среды, а позднее в условиях своеобразной изоляции, издавна привлекало внимание исследователей.

Особенно возрос интерес ученых к насельникам Сибири в последние годы в связи с расширением работ по освоению природных богатств края. Это выразилось в интенсивной экспедиционно-собирательской работе¹, а также в появлении новых статей, монографий, сборников². К числу подобных работ относится и недавно вышедшая книга «Быт и искусство русского населения Сибири».

В рецензируемый сборник вошли семь очерков с весьма разнообразной тематикой, но связанных единым замыслом — показать быт и культуру русского населения Приангарья конца XIX — начал XX в. Благодаря тому, что в сборнике участвовали археологи, историки, этнографы, музыковед и архитектор, стало возможным всесторонне охарактеризовать культурно-хозяйственную деятельность населения, жилище, народную одежду и песенный фольклор, познакомить читателя с историей заселения края.

В статьях использованы материалы, полученные в результате длительного полевого изучения русских, проживающих в бассейне Ангары и ее притоков, а также данные архивов и имеющаяся по этим вопросам литература.

Сборник открывается статьей А. П. Окладникова «Прошлое Приангарья в свете археологии», которая, как пишет автор, «служит своего рода общим историческим введением ко всем остальным статьям, посвященным этнографии русских старожилов Приангарья» (стр. 7). В статье дана широкая панорама археологических работ, проводившихся в Приангарье начиная со второй половины XIX в. Характеризуя добытый археологический материал, автор высказывает мнение, что на основании полученных данных можно «воссоздать в достаточно ярких и определенных контурах прошлое Приангарья на протяжении, по крайней мере, 20—25 тысячелетий» (стр. 20).

В работе Л. М. Сабуровой «Русское население Приангарья» освещены вопросы хозяйственной деятельности русских как в дореволюционный, так и в советский периоды, дана характеристика поселений, жилых и хозяйственных построек, а также народного быта. В известной степени материалы статьи перекликаются с данными книги этого же автора «Культура и быт русского населения Приангарья», вышедшей в 1967 г. и получившей высокую оценку. Тем не менее поместить такую статью в сборнике было необходимо, поскольку в ней содержатся важные для характеристики быта и деятельности русского населения сведения. Читатель знакомится с краткой историей заселения Приангарья разными группами русских и их взаимоотношениями с аборигенами края. Рассказывается также об организации земледелия и системах землепользования, сельскохозяй-

¹ Работа Ангарской экспедиции 1957—1960 гг.; работа Забайкальского отряда 1959—1961, 1965, 1967 гг.; работа комплексной историко-этнографической экспедиции по созданию мемориального заповедника «Сибирская ссылка В. И. Ленина», 1968—1970 гг., где было собрано около 4 тыс. экспонатов.

² В. А. Александров, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., М., 1964; Л. М. Сабурова. Культура и быт русского населения Приангарья, Л., 1967; «Этнография русского населения Сибири и Средней Азии», М., 1969; Н. А. Миненко, Русская семья на Обском Севере в XVIII — первой половине XIX в., «Сов. этнография», 1971, № 6; А. Н. Копылов, Культура русского населения Сибири в XVII — XVIII веках, Новосибирск, 1968.

зяйственных орудиях, бытовавших там в начале XX в. Неубедительным, на наш взгляд, кажется высказывание о том, что «пахотной земли у крестьян тех мест было мало» (стр. 51). Это положение не подтверждено цифрами. В то же время данные, приведенные на стр. 33, свидетельствуют о том, что на душу в среднем приходилось по 0,95 десятины³, что для пореформенной России было высоким обеспечением.

Автор сообщает также немало интересных сведений о женщинах-охотницах, о праве собственности на охотничьи угодья, о распорядке времени на охоте. Полно и обстоятельно изложен материал о поселениях, жилых и хозяйственных постройках, здесь же отмечен весьма любопытный факт существования в прошлом столетии своеобразной формы деревенского самоуправления — «общества». Очень убедительно на большом фактическом материале Л. М. Сабурова сумела показать, как жители Приангарья за годы Советской власти преодолели не только экономическую, техническую, но и культурную отсталость.

В работе Н. И. Лебедевой «Хозяйственный быт Приангарья (XIX — начало XX в.)» освещены наиболее характерные особенности хозяйства русских крестьян этого района. Много внимания в статье уделено земледелию, описаны разновидности орудий труда. Рассказывая об особенностях содержания скота, автор отмечает черты, заимствованные у местных жителей. Очень интересный материал по добывающим промыслам — охоте и рыболовству, крестьянским ремеслам — изложен несколько схематично. Раскрывая характер хозяйственной деятельности и материальной культуры старожиловского населения Приангарья, автор подчеркивает, что климатические условия, географическая среда и контакты с местным населением способствовали тому, что в этих районах Сибири сложилась своеобразная компактная группа населения с присущими ей особенностями быта.

В работе В. А. Горелова дан анализ семьи, ее структуры и взаимоотношений между членами. Привлекает внимание выделенный автором особый тип так называемой «договорной семьи», строящей свои отношения на определенных условиях. Досадно, что автор не пишет о том, насколько широко были распространены такие семьи, когда они существовали. Как интересный факт В. А. Горелов отмечает «обилие в деревнях однофамильцев, большинство которых считает себя родственниками» (стр. 96). Это следует рассматривать, по-видимому, как остатки патронимии, но уже вторичного порядка. (Аналогичные явления наблюдались в XIX в. во многих деревнях Архангельской и Вологодской губерний.) Автор прослеживает изменения в структуре семьи, связанные с проникновением в деревню капиталистических отношений, что выражалось в тяготении к отделению, стремлении заработать деньги и обзавестись собственным хозяйством. Разрушение больших неразделенных семей особенно усилилось после коллективизации, и автор подчеркивает, что носителем новых отношений была молодежь. Несколько удивляет высказывание В. А. Горелова о сущности современной колхозной семьи, которая, по его мнению, «в экономическом отношении превратилась в потребительскую ячейку (?), в то время как предшествующие ей формы имели не только потребительскую, но и производственную функцию, были хозяйственными единицами общества» (стр. 95). Это положение ничем не аргументировано и потому кажется нам бездоказательным. Хотелось бы сделать замечание по поводу таблиц, которыми снабжена статья В. А. Горелова: большинство из них мало понятны и не разъясняют положений автора ни о структуре, ни о численности семьи.

В статье И. В. Маковецкого, посвященной зодчеству среднего Приангарья, отмечается исключительное значение для истории русской архитектуры острожных сооружений, сохранившихся на Илеме и Ангаре. Детально рассматривая устройство срубов, острогов, он отмечает идентичность приемов их строительства с методами возведения построек в северовеликорусских районах. По его мнению, ценность острожных построек, этих уникальных памятников русской архитектуры, заключается в том, что они дают наглядное представление о характере и планировке жилых помещений XVII в., о приемах их освещения. В статье подробно и обстоятельно описана планировка ангарских деревень, крестьянских усадеб и изб. Особое внимание уделено внутреннему и внешнему оформлению жилых построек, в котором, по мнению автора, ярко проявляются тесные связи народного творчества крестьян Сибири и Европейской России.

На огромном фактическом материале написана статья Г. С. Масловой по народному костюму. Приведен подробный перечень тканей, используемых для изготовления одежды, охарактеризованы два разновременных комплекса: одежды старожилов и новоселов Приангарья конца XIX в. Прослежены изменения в одежде, произошедшие за годы Советской власти. Особо выделены производственная и праздничная одежда. Автор подробно останавливается на традиционных головных уборах сибирячек — повойниках, которые в некоторых случаях назывались «кокошниками». По мнению Г. С. Масловой, это явление свидетельствует о существовании здесь кокошников в более раннее время и отражает генетическую связь старожилов с северовеликорусами.

Детальное рассмотрение одежды населения Приангарья на протяжении значительного хронологического отрезка дает автору основание сделать вывод о наличии в одежде различных национальных компонентов: северовеликорусского, западноукраинского, белорусского. Вместе с тем Г. С. Маслова пишет о том, что в одежде местных жителей встречались элементы, характерные для одежды бурят и эвенков, что свидетельствует о происходящих здесь процессах культурных взаимовлияний.

³ Десятина равна 1,09 га.

Несмотря на то что в сборнике преобладают статьи с этнографической тематикой, сюда очень органично вошла статья Н. М. Владыкиной-Бачинской «Свадебная песня Приангарья». По мнению автора, из песенного фольклора наибольшему художественную ценность представляют именно свадебные песни. В результате анализа вариантов напевов автор приходит к выводу об общности интонационной основы напевов Приангарья и Пинежья. Следует отметить, что для этнографов это явление крайне интересно. Известно, что основы музыкальных напевов весьма устойчивы. Все это позволяет предполагать этническую близость свадебной традиции жителей бассейна Ангары и Пинежья. Автор отмечает недостаточную изученность песенного фольклора Сибири.

Рецензируемый сборник — несомненно, существенный вклад в изучение культуры и быта русского населения Сибири. Авторы сумели передать яркий образ жителей этого сурового края, которые смогли не только выжить и приспособиться к трудным условиям, но и создать своеобразную культуру, выработать особый уклад жизни, хотя в основе их быта, по мнению всех авторов, лежат традиции северовеликорусов. Большим достоинством всех статей является широкое использование местной терминологии — «локализмов», придающих своеобразный аромат повествованию. Хотелось бы отметить прекрасное оформление издания. Статьи снабжены точно выполненными рисунками, чертежами и фотографиями, досадно только, что не везде указаны фамилии художников (например, нет фамилий исполнителей рисунков к статьям Г. С. Масловой и Н. И. Лебедевой).

Несомненно, книга будет интересна не только для специалистов, археологов, историков, этнографов и искусствоведов. Ее оценят учителя, краеведы и все, кто интересуется историей, культурой и бытом Сибири.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы вторая часть сборника «Забайкалье» увидела свет как можно скорее.

Л. Н. Молотова

Г. Н. Джавахишвили. Быт и культура шахтеров Ткибули. Тбилиси, 1971, 132 стр. (на груз. яз.).

Рецензируемая книга — первое исследование этнографического характера, посвященное анализу производственного, общественного и семейного быта шахтеров Ткибули XIX—XX вв. Исследование производственного быта шахтеров Ткибули автор начинает с изучения условий формирования и развития рабочих кадров исследуемого района. В книге освещены все этапы развития рабочего класса Ткибули.

Город Ткибули возник в Имеретии (Западная Грузия) в местности Окриба. Жители здесь издавна занимались разработкой залежей железной руды, которую называли «железной глиной» (стр. 13—15).

Первые сведения о залежах каменного угля в районе современного Ткибули появились в 1830 г. Спустя 15 лет Кавказское наместничество попыталось скупить у местных помещиков земли, на которых были обнаружены залежи (стр. 19). Но помещики предпочли сдать правительству свои земли в аренду. Несмотря на низкий уровень производства, начало разработок каменноугольных копей в Ткибули способствовало экономическому оживлению края. Росла сеть дорог, по которым уголь на арбах вывозился к р. Квириле (приток р. Риони), а затем на речном транспорте доставлялся к черноморским портам.

Общая экономическая отсталость царской России середины XIX в. тормозила развитие промышленной разработки ископаемых богатств на окраинах империи. Это усугублялось еще и международным положением России того периода: после поражения царизма в Крымской войне 1853—1856 гг. царское правительство было лишено права держать на Черном море военный флот. Поэтому разработка каменноугольных залежей Ткибули была прервана.

В начале 1860-х годов в Окрибе возобновились работы по добыче каменного угля. Он требовался черноморскому флоту и развивающемуся железнодорожному транспорту, им также пользовались для отопления домов в Тифлисе и Кутаиси. В конце XIX — начале XX в. возникали различные объединения промышленников. Наиболее крупным из них было акционерное общество «Нахшира» (от грузинского слова нахшири — «уголь»), просуществовавшее вплоть до установления меньшевистской власти в Грузии (стр. 21—23). В 90-х годах в Ткибули проникает иностранный капитал.

Вначале на добыче каменного угля в Ткибули использовались в основном солдаты царской армии и приглашенные из Луганска специалисты горного дела. Рост местного рабочего класса (в условиях общей отсталости окраин царской России) в Ткибули шел медленными темпами: к 1900 г. в Окрибе было не более 700 рабочих (стр. 25).

Местное сельское население, особенно в начальный период, с недоверием относилось к новым для него разработкам каменного угля. В промышленное производство вовлекалась преимущественно беднейшая часть крестьян. Работа их носила сезонный характер, так как крестьяне не порывали связей с сельским хозяйством. И тем не менее зарождающаяся промышленность, несмотря на чрезвычайно медленные темпы ее развития, постепенно начала подтачивать патриархальный уклад жизни, все больше вовлекать здешних жителей в сферу капиталистических отношений.

Автор рецензируемой работы Г. Н. Джавахишвили приводит полевые этнографические материалы, свидетельствующие о том, что уже в начале XX в. основная часть

рабочего класса Ткибули состояла из местных крестьян (стр. 26—27). Специалистами же горного дела долгое время были только русские (особенно выходцы из Донбасса) и иностранцы (французы, итальянцы, греки). Перед началом первой мировой войны число иностранцев значительно сократилось (стр. 27). Из грузин в Ткибули до революции не было более одного — двух специалистов. Это объяснялось тем, что крестьяне и рабочие были лишены каких-либо материальных средств для получения образования. Выходцы из зажиточных семей, сумевшие получить образование, как правило, в Окрибу: не возвращались.

Г. Н. Джавахишвили лаконично, но обстоятельно воссоздает условия быта и труда шахтеров Ткибули дореволюционного периода. При этом автор пользуется не только данными литературы, но прежде всего архивными материалами, а также сведениями многих информаторов — старожилов Ткибули, сохранивших память о нечеловеческих условиях труда шахтеров на примитивных ткибульских шахтах (стр. 28—33).

С начала XX в. начинается организационное сплочение рабочего класса Ткибули. Постепенно изживались феодально-патриархальные пережитки в общественном и семейном быту местных рабочих. Росло политическое самосознание пролетариата, чему в значительной мере способствовали связи ткибульских рабочих с революционными организациями в Чиатури, где трудились многие выходцы из Окрибы (стр. 33).

Г. Н. Джавахишвили приводит интересные данные о структуре рабочих семей в Ткибули во второй половине XIX в. Но, к сожалению, он допустил терминологическую неточность при определении форм семейной организации. По его мнению, в Ткибули в период развития капиталистических отношений возникали патриархальные «большие семьи», экономической основой которых якобы являлась их тесная связь с сельскохозяйственным производством (стр. 81—82). На самом деле капиталистический способ производства даже в преимущественно аграрной стране исключает возникновение «больших семей». Что же касается приводимых автором материалов, то они, скорее всего, говорят о существовании в Ткибули того периода так называемых «неразделенных семей», которые весьма существенно отличаются от патриархальной «большой семьи».

Таким образом, быт рабочих и условия их труда в дореволюционном Ткибули представляли собой типичную картину развития новых капиталистических отношений на окраинах Российской империи. Лишь победа Советской власти в Грузии и внедрение крупной индустрии социалистического типа создали все условия для того, чтобы поднать разработку каменноугольных залежей Ткибули на высокий уровень и тем самым создать новые условия для максимального улучшения быта рабочих и их культурного роста. Ткибули из провинциального промышленного городка, где были сильные пережитки феодально-патриархального уклада, превратился в один из экономически развитых промышленных районов Советской Грузии. За годы Советской власти в Ткибули происходила интенсивная сегментация старых «неразделенных семей» и возникновение новых, вовлекаемых в социалистическое производство (стр. 94). Правда, первоначально внешне многое напоминало «старину»: строились дома деревенского типа, с обычным для сельских мест приусадебным участком. И тем не менее происходил существенный социальный сдвиг — окончательный отрыв крестьян от деревни (стр. 94—95). В первые годы Советской власти в Грузии этот процесс шел медленно, но по мере укрепления социалистической системы и роста культурного уровня населения пережитки прошлого в производстве и быту местного населения окончательно исчезли.

Автор особо отметил тот факт, что развитие социалистической промышленности в Ткибули не уничтожило национальных особенностей местного грузинского населения, а наоборот, способствовало дальнейшему росту его национальной культуры (стр. 99 и др.) Вместе с тем в Ткибули живут представители различных народов — русские, армяне, украинцы, белорусы и др. Смешанные браки уже давно стали обычным явлением. Широко распространено двуязычие (стр. 101—102 и др.).

Небольшая книга Г. Н. Джавахишвили является ценным вкладом в советскую этнографическую литературу и показывает, насколько необходимо в наше время этнографическое изучение городского населения.

Г. В. Цулая

Г. Х. Мамбетов. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX — 60-е годы XX века). Нальчик, 1971, 406 стр.

В дореволюционной этнографической литературе история материальной культуры кабардинцев и балкарцев, как и других горцев Северного Кавказа освещена в значительно меньшей степени, чем развитие их духовной культуры или общественного строя. Только в советское время началось по существу серьезное изучение этой темы. Тем не менее до сих пор не было обобщающего исследования по истории материальной культуры сельского населения Кабардино-Балкарии, охватывавшего как дореволюционный, так и советский период. К сожалению, нет таких работ и по другим народам Северного Кавказа. Монография Г. Х. Мамбетова в значительной мере восполняет этот пробел, так как освещает многие важные и актуальные вопросы по данной тематике. В частности, она также окажет большую помощь составителям Кавказского историко-этнографического атласа, разрабатываемого в настоящее время многими научными учреждениями Кавказа.

В основу монографии Г. Х. Мамбетова положен большой и ценный материал, собранный автором во время его многолетних полевых этнографических исследований. Вместе с тем, в работе широко использованы архивные и литературные источники. Разделы, посвященные первым этапам социалистического строительства, написаны в основном по документам центральных и местных архивов. Большинство из них автор вводит в научный оборот впервые.

Среди использованных источников в работе значительное место занимают материалы, хранящиеся в фондах Государственного музея этнографии народов СССР, Государственного музея Грузии и Республиканского краеведческого музея Кабардино-Балкарской АССР. Особо следует отметить, что широко привлекаемые автором разнообразные источники, в первую очередь материалы областного партийного архива и местной прессы дали возможность автору ярко и конкретно показать руководящую и направляющую роль партийных и советских органов в преобразовании культуры и быта сельского населения Кабардино-Балкарии за годы Советской власти.

Монография состоит из введения и пяти глав. В первой главе («Народное хозяйство») дается общий очерк экономического развития Кабардино-Балкарской АССР и характеристика отдельных отраслей хозяйства, в остальных главах детально освещаются основные разделы материальной культуры сельского населения Кабардино-Балкарии (поселение, жилище, одежда, пища).

Главное внимание в работе уделено социалистическому преобразованию материальной культуры кабардинцев и балкарцев, процессу сближения материальной культуры сел Кабардино-Балкарии с городом, формированию общих черт единой советской культуры. Нужно отметить, что история Кабардино-Балкарии дает в этом отношении очень яркий материал, так как работа по социалистическому преобразованию материальной культуры сельского населения велась в Кабардино-Балкарии уже с первых лет Советской власти более планомерно и настойчиво, чем в других областях Северного Кавказа.

Изменение материальной культуры сельского населения Кабардино-Балкарии автор прослеживает по основным этапам социалистического строительства в нашей стране, особо выделяя 20-е годы, период от победы колхозного строя до начала Великой Отечественной войны, а затем — послевоенные годы. При рассмотрении каждого периода Г. Х. Мамбетов отмечает важнейшие особенности развития материальной культуры сел Кабардино-Балкарии.

Как известно, материальная культура отличается относительной консервативностью, она изменяется медленнее, чем экономика, многие черты дореволюционной материальной культуры кабардинцев и балкарцев сохранились вплоть до коллективизации сельского хозяйства, а отчасти и позднее. Поэтому автор начинает исследование материальной культуры этих народов со второй половины XIX века, давая и в этой, по существу вводной части, много нового и интересного материала по истории дореволюционного земледелия, скотоводства, ремесла, различных промыслов, поселений и т. д.

В первой главе автор правильно подчеркивает, что хозяйство кабардинцев и балкарцев находилось не на одинаковом уровне развития. Это объяснялось как географическими условиями, в которых жили эти народы, так и известной разницей в их социально-экономическом строе. К сожалению, интересный вопрос об утере кабардинцами земледельческих традиций, характерных для их сородичей — западных адыгов, издавна отличающихся высоким уровнем развития земледелия и садоводства, не поднят в работе. Как ни странно, земледелие у кабардинцев, занимающих наиболее плодородные земли на равнине Северного Кавказа, находилось, даже по сравнению с соседними горцами, на более низком уровне развития. Господствовала переложно-залежная система, не было удобрения и орошения, преобладающей культурой еще в 1890 годы было просо. Земля обрабатывалась тяжелым деревянным плугом, сохранившимся, по данным автора, во многих селах Большой Кабарды до 1917 г., очень медленно внедрялись железные плуги, бороны и другие фабричные сельскохозяйственные орудия. Однако данная характеристика относится только к Большой Кабарде, где главным занятием населения было скотоводство. Что же касается Малой Кабарды, то здесь земледелие являлось издавна главной отраслью хозяйства и находилось почти на таком же уровне развития, как и в соседних казачьих станицах. Следует, однако, с сожалением отметить, что при характеристике земледелия у кабардинцев, автор рецензируемой монографии вслед за большинством авторов, писавших о земледелии в дореволюционной Кабарде, не делает такого разграничения между Большой и Малой Кабардой.

Зато в заслугу автору следует поставить, что он убедительно показал сравнительно высокий уровень развития земледелия в Балкарии, где, в отличие от Кабарды, широко применялись орошение и удобрение. Иригационные системы балкарцев, как и карачаевцев, всегда поражавшие своим совершенством дореволюционных исследователей, находят на Северном Кавказе аналогии только в Дагестане, где также было широко распространено иригационное земледелие.

С особым интересом читается раздел, посвященный скотоводческому быту кабардинцев и балкарцев и описанию отгонной системы скотоводства. Здесь автор также хорошо показал, что при наличии ряда общих черт, скотоводческое хозяйство и скотоводческий быт кабардинцев и балкарцев имели и свои отличительные черты.

Со скотоводческим хозяйством кабардинцев и балкарцев было тесно связаны многие виды их домашних промыслов, которым, помимо небольшого раздела в рецензируемой работе, автор ранее посвятил специальную монографию: «Крестьянские промы-

лы в Кабарде и Балкарии» (Нальчик, 1962) и ряд статей, к которым он и отсылает читателей. Кабардино-Балкария не была районом широкого развития ремесла и кустарной промышленности, как, например, Дагестан. Большая часть местных промыслов в конце XIX — начале XX века обслуживала в основном нужды самих крестьян. Только знаменитые кабардинские бурки и седла, балкарские сукна находили сбыт в других районах Кавказа и особенно среди терских и кубанских казаков.

Следует отметить, что из всех разделов материальной культуры балкарцев и особенно кабардинцев наименее изученными до настоящего времени были поселение и жилище, которым посвящены следующие две главы книги. Автор монографии впервые дал детальный анализ форм поселений и типов жилищ кабардинцев.

В главе «Поселения» большое внимание уделено истории формирования поселений кабардинцев и балкарцев в советский период. Наибольший интерес представляет характеристика новых кабардинских поселений. В дореволюционной Кабарде преобладали мелкие поселения, возникшие в разное время.

Проводившиеся на Северном Кавказе в 1860-х гг. царской администрацией мероприятия по созданию у горцев больших сел, наподобие казачьих станиц, затронули и Кабарду. Однако здесь все еще вплоть до 1920-х гг. оставалось много мелких населенных пунктов.

Без создания крупных поселений невозможно было обеспечить хозяйственное и культурное строительство этих областей. Поэтому, как правильно отмечает автор, одной из главных задач уже в первые годы Советской власти в Кабардино-Балкарии было объединение мелких поселений преимущественно в Кабарде, а также перепланировка старых кабардинских сел. В этой главе специальный раздел отводится характеристике организации помощи Советского государства переселенцам, взаимопомощи односельчан в период перепланировки и образования новых поселений.

С наибольшей полнотой написана глава «Жилище». В ней дана детальная характеристика усадеб, строительной техники и строительного материала, планировки, внутреннего убранства жилых помещений, отопительных систем, а также хозяйственных построек. Здесь чувствуется не только прекрасное знание литературы, но и непосредственное знакомство автора со всеми деталями местного строительства. Тщательный анализ привлекаемого полевого этнографического и архивного материала дал возможность Г. Х. Мамбетову сделать некоторые существенные поправки к работам его предшественников, исследовавших современное жилище кабардинцев.

В целом рассматриваемый раздел монографии представляет собой самостоятельное ценное исследование. Хочется сделать лишь одно замечание: следовало бы дать больше сравнительного материала по другим народам Северного Кавказа, особенно по адыгам, жилище которых имеет много общих черт с кабардинским.

С большим интересом читается глава о народной одежде кабардинцев и балкарцев. Главное внимание автор уделяет характеристике развития и изменения одежды в советскую эпоху. На наш взгляд, однако, здесь следовало бы подчеркнуть, что процесс изменения одежды у жителей равнинных сел начался раньше и проходил быстрее, чем в отдаленных горных районах республики.

Последняя глава монографии посвящена пище описываемых народов. Автор не только дал подробную характеристику национальной пищи кабардинцев и балкарцев, но попытался также определить степень сохранения и распределения отдельных национальных блюд этих народов в настоящее время. Существующая по этому вопросу литература крайне бедна, поэтому автору пришлось опираться исключительно на собственные наблюдения. В главе дается описание мучных, мясных, молочных блюд, а также способов приготовления пищи из яиц, меда, тыквы, фасоли, картофеля и т. д. Специальный раздел посвящается изменению пищи сельского населения за годы Советской власти. Хочется сделать лишь одно замечание. Как известно, характер пищи любого народа, в том числе и кабардинцев и балкарцев, определяется хозяйственной деятельностью населения, природными условиями и этническими факторами. Однако в работе не всегда обращается должное внимание на эти обстоятельства.

Сделанные нами отдельные замечания не изменяют общей высокой оценки монографии Г. Х. Мамбетова. Перед нами серьезный обобщающий труд по одной из основных тем этнографии народов СССР, выполненный с большой тщательностью.

В исследовании Г. Х. Мамбетова поставлен ряд важных проблем, которые решены на основе разнообразного фактического материала. Всесторонне изучая вопросы материальной культуры сельского населения Кабардино-Балкарии более чем за столетний период, Г. Х. Мамбетов раскрывает общие закономерности ее развития, показывая специфические особенности культуры и быта в прошлом отсталых народов, их переход к социализму.

Автор последовательно показывает планомерный характер преобразования материальной культуры сельского населения Кабардино-Балкарии, осуществляемого под руководством Коммунистической партии Советского Союза, отмечает, что в годы Советской власти ускоренными темпами идет процесс стирания существующих различий в материальной культуре кабардинцев и балкарцев, идет формирование единой материальной культуры этих народов, успешно осуществляется сближение культуры городского и сельского населения.

Б. А. Калоев

Очень разнообразные по тематике статьи рецензируемого сборника объединяет одно, на наш взгляд, чрезвычайно важное и ценное обстоятельство — они все написаны на основании полевых материалов, собранных авторами во время экспедиционных исследований в различных районах Средней Азии.

Открывает сборник статья Н. П. Лобачевой «Очерк культуры и быта колхозников — освоителей Кызылкумов (По материалам колхоза им. М. Горького Турткульского района Каракалпакской АССР)». Весьма удачно выбран объект исследования — многонациональный по своему составу колхоз, население которого вело в прошлом полукочевой образ жизни. На конкретном материале автор исследует процессы развития культуры сельского населения в современный период. Подробно рассматриваются вопросы национальных взаимоотношений, в первую очередь между туркменами и узбеками, составляющими большинство населения колхоза. На основе анализа материальной культуры колхозников (жилища, одежды, внутреннего убранства дома, утвари) автор делает закономерный вывод о том, что в настоящее время в их культуре быстро исчезают специфические узколокальные черты.

Положительно оценивая статью Н. П. Лобачевой, нельзя не отметить, что первый ее раздел, посвященный общественному быту колхозников, явно перегружен цифровыми данными.

Следующая статья сборника, принадлежащая Ф. Д. Люшкевич, «Этнографическая группа ирони» посвящена исследованию весьма интересной, малоизученной группы населения Узбекистана, которая в дореволюционное время из-за религиозных и социальных различий занимала своеобразное социальное положение и держалась несколько обособленно. Полевые материалы, дополненные литературными данными, позволили автору довольно обстоятельно осветить историю формирования этой этнографической группы. Однако вряд ли можно согласиться с автором, что термин «ирони» (одно из основных названий и самоназваний изучаемой группы) носит только «собирательный» характер и совершенно не имеет оттенка этнической принадлежности» (стр. 46). Вторая часть статьи посвящена исследованию некоторых сторон материальной и духовной культуры этой группы, отличающейся от культуры окружающего населения. Заканчивая краткий обзор этой интересной работы, хочется сказать, что она является удачным началом большого исследования, проводимого Ф. Д. Люшкевич по изучению этнографических особенностей ираноязычного населения на территории Узбекской ССР.

Истории ремесел и ремесленных организаций у народов Средней Азии посвящены две статьи сборника. Первая из них — большая работа И. М. Джаббарова «Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX — начале XX века (Историко-этнографический очерк)» знакомит читателя с состоянием ремесленного производства в Южном Хорезме, социальной организацией узбекских ремесленников, а также с бытовыми среди них обычаями и обрядами. На основании материала, собранного во время полевой работы, автор приходит к заключению, что изменения, происшедшие в общественной и хозяйственной жизни Хорезма после присоединения к России, коснулись и ремесленных производств: расширились и усовершенствовались ремесленные предприятия, появились мануфактуры. В статье дается также небольшой обзор литературы по ремеслам и ремесленным организациям как в Южном Хорезме, так и во всей Средней Азии. Однако, к сожалению, в этом обзоре не указаны такие фундаментальные работы по изучаемой проблеме, как монография Е. М. Пещеревой и О. А. Сухаревой¹.

Истории обработки и способом литья металлов в Средней Азии посвящена статья О. А. Сухаревой «К вопросу о литье металлов в Средней Азии». Сопоставляя данные археологов и историков с собственными полевыми материалами, полученными в разных районах Узбекистана, автор приходит к заключению, что в XIX — начале XX в. в Средней Азии было распространено в основном литье чугуна и слабо развито бронзолитейное производство и литье драгоценных металлов — золота и серебра. Очень интересны данные о производстве металлических наконечников для пахотных орудий, которые составляли в XIX — начале XX в. 80—85% всей продукции литейщиков. По мнению автора, в этот период чугунные наконечники почти полностью вытеснили в Средней Азии лемеха из железа.

Большая статья А. С. Морозовой «Туркменская одежда второй половины XIX — начала XX века» является итогом многолетнего изучения автором одежды туркмен как по музейным коллекциям нашей страны, так и на основании литературных и полевых исследований. А. С. Морозова систематизировала материал, определила основные комплексы одежды, выделила специфику покрова важнейших частей женского и мужского костюмов, а также изучила основные виды и способы отделки одежды и ее украшений. Очень интересны соображения автора о генезисе и первоначальном ритуальном назначении отдельных элементов одежды туркмен, тонкие замечания об их культуре, как мате-

¹ Е. М. Пещерова, Гончарное производство в Средней Азии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XV, М. — Л., 1959; О. А. Сухарева, Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века. Ремесленная промышленность, Ташкент, 1962.

риальной, так и духовной, а также о культурном взаимодействии туркмен и других народов Средней Азии, Казахстана и Передней Азии. Так, например, автор связывает бытование у некоторых туркменских племен женских покрывал с сохранением пережитков зороастрийского религиозного культа (стр. 214). При довольно тщательном разборе всех деталей и элементов как женской, так и мужской одежды туркмен, к сожалению, в работе содержится очень мало данных об обуви и носках.

Интересный новый материал содержится в публикации А. Л. Троицкой «Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков Верхнего Зеравшана». В статье описываются разные обряды, а также рассказывается о знахарстве у горных таджиков. Ценность материалов очень велика: они были собраны автором в первые годы Советской власти в изолированном от внешнего мира районе, где древние обряды, обычаи и поверья сохранились в более или менее неизменном виде. Подчас сообщаются уникальные сведения, например, о существовании в кишлаке Мадрушкат в то время обычая помещать на могилах умерших небольшие по размеру куклы в виде мужчин или женщин (стр. 241). Этот обычай является, скорее всего, одним из пережитков доисламских религиозных верований. Интересны и другие обычаи, зафиксированные в этом кишлаке, — отсутствие уплаты калыма среди бедных (стр. 226), шуточная борьба молодых мужчин, несущих калым в дом невесты, с представителями стороны невесты (стр. 229) и многое другое. Приходится только сожалеть, что автор данной работы не попытался проанализировать все эти весьма любопытные стороны жизни таджиков Верхнего Зеравшана. Не всегда последователен бывает автор и при раскрытии того или иного этнографического термина. Вряд ли здесь нужно говорить о том, что исследование истории происхождения терминов имеет важное значение для определения этногенетических и культурно-исторических связей того или иного народа. Хочется пожелать, чтобы А. Л. Троицкая и в дальнейшем публиковала свои полевые материалы, ставшие в наши дни уникальными, но ушла, насколько это возможно, высказанные пожелания.

Г. П. Снесарев в статье «К вопросу о происхождении праздника суннат-той в его среднеазиатском варианте» доказывает, что акт обрезания у мусульман Средней Азии является лишь частью целого комплекса различных по своему генезису представлений и церемоний, составляющих праздник суннат-той. В работе подчеркивается, что в подготовке и проведении этого праздника (в размещении гостей, приготовлении праздничного угощения и т. д.) большое участие принимают соседи. На основе этого автор совершенно справедливо утверждает, что суннат-той являлся торжеством, которое устраивала не одна семья, а вся сельская община, являющаяся наследницей исчезнувшего в свое время кровнородственного коллектива.

Работа Г. П. Снесарева имеет также большое практическое значение, так как в ней дается резко отрицательная характеристика этого обычая и показывается полная несовместимость его с современной социалистической действительностью.

«Формы организации труда в общинах некоторых районов поливного земледелия Средней Азии (конец XIX — начало XX в.)» — так называется статья Р. Я. Рассудовой, которой завершается сборник. В работе показывается, что в сельских общинах Средней Азии, где уже исчезли переделы земель и установилась подворно-наследственное землеустройство, еще преобладала коллективная форма организации труда нескольких хозяйств, хотя наряду с этой формой были и другие: самостоятельный труд одной семьи и совместный труд членов одной семьи и наемных работников. Последние две формы организации труда отражали, по мнению Р. Я. Рассудовой, существование социальной дифференциации крестьянства. В то же время, отмечает автор, сельская община сохраняла свое единство при работах, связанных с устройством и ремонтом оросительной системы. На основании полевого материала автор делает вывод, что коллективная помощь оказывалась какому-либо хозяйству («хашар» или «алгов») не безвозмездно, как утверждают многие исследователи, а на основе взаимных расчетов, которые, однако, производились не сразу и не обязательно в одинаковой форме.

Заканчивая краткий обзор сборника, хочется еще раз подчеркнуть, что, во-первых, все его статьи содержат богатый фактический материал, во-вторых, этот материал в большинстве своем послужил надежной основой для интересных и важных выводов, касающихся различных, зачастую еще малоизученных, проблем этнографии Средней Азии. В этом отношении рецензируемый сборник успешно продолжил традиции, заложенные предыдущими среднеазиатскими этнографическими сборниками², традиции, которые будут, надо надеяться, умножены в последующих выпусках. Желательно только, чтобы в дальнейшем был сокращен разрыв во времени между очередными выпусками сборников.

В. П. Курылев

² «Среднеазиатский этнографический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. сер., т. 21, М., 1954; «Среднеазиатский этнографический сборник», II, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. сер., т. 47, М., 1959.

Рецензируемая работа — прекрасно изданный полиграфистами Душанбе альбом с цветными рисунками, выполненными художниками Ю. П. Гремяченской и Х. А. Жабба. Альбом состоит из 47 таблиц-рисунков, на 37 из них изображены таджикские национальные костюмы, на трех — головные уборы, на семи — чертежи кроя одежды. Издание снабжено введением, в котором говорится о цели создания работы, ссылками на использованную литературу и объяснениями к таблицам, с указанием местных названий всех элементов комплекса одежды. Текст дан на русском и таджикском языках.

Альбом, безусловно, будет интересен не только художникам и костюмерам театров, но и широкому кругу читателей.

Остановимся теперь на недостатках работы. Одним из самых больших из них, на наш взгляд, является то, что здесь изображены только парадные, выходные костюмы из шелка и парчи, причем большая часть из них старинные. Так, из 19 изображенных женских костюмов 12 — старинных и лишь 7 — современных. Среди рисунков мужской одежды 6 старинных парадных костюмов и только 2 современных.

То, что большая часть рисунков посвящена старинному костюму, с моей точки зрения, правильно — надо успеть зафиксировать уходящее. Но то, что изображена только парадная одежда, ошибка, не дающая возможности ориентироваться, как же одевались таджики в будни? С сожалением отметим, что не показана разница между деревенской и городской одеждой.

Кроме того, объяснения к таблицам, или, вернее, рисункам, не соответствуют нарисованному. Возьмем для примера текст к рис. 3: Старинный выходной костюм пожилой горожанки из северных районов Таджикистана, состоящий из шелкового платья с вертикальным воротом, сшитого из фабричной тяжелой шелковой материи «дама» (169). Сверху надет халат из местного шелка типа канауса, называемый «румча» (445-39), обшитый полосой черного бархата. На голове — тонкий хлопчатобумажный платок — «каре» (460-4), поверх которого повязан шелковый платочек — «дурра» с проложенной в его складках бумагой. На ногах кожаные «ичиги» с галошами. Шаровары заправлены в «ичиги». Вероятно, женщина, с которой рисовал художник, была одета точно так. И, видимо, номера поставленные в скобках, являются номерами экспонатов из коллекций института. На рисунке же мы видим халат, покрывающий платье. Из-под него чуть видны носки обуви. Платок, которым повязана голова, немного прикрывает халат и верх рукавов. Таким образом, о покрое одежды судить невозможно. Читателю было бы легче представить, как выглядит тот или иной комплекс одежды, если бы в объяснении давались ссылки на таблицы с чертежами кроя или приводились вместе чертежи кроя и рисунки.

Досадно также, что чертежи кроя даются в общем виде. А между тем для изучения одежды, ее происхождения, родовых и племенных связей важны мелкие, но характерные детали, их связи между собой, с головным убором и с украшениями. Только имея полный комплекс старинной и современной одежды одного и того же района, можно делать какие-либо заключения о процессах изменения в одежде. В силу ограниченности объема сборника целесообразно было бы дать не случайно взятые в разных районах комплексы одежды, а выделить несколько характерных районов, из которых и следовало бы взять образцы праздничной и будничной одежды широких народных масс и верхушки городского населения. Альбом можно было бы тогда использовать как источник для изучения национальной культуры.

Н. И. Гаген-Торн

Х. Г. Ишанкулов. Брак и свадьба у населения Ходжента в новое время (конец XIX — начало XX в.). Душанбе, 1972, 120 стр. (ротапринт).

Небольшая книга Х. Г. Ишанкулова содержит подробное и всестороннее описание свадьбы и брака в дореволюционном Ходженте (современный Ленинабад) и ближайших к нему населенных пунктов с таджикским и узбекским населением. Автор, как видно по содержанию книги, сам хорошо знаком с бытом местного населения; кроме того, им собраны сведения у очень большого количества информаторов. Все это позволило Х. Г. Ишанкулову в своей работе коснуться даже мельчайших деталей исследуемого вопроса: поведение юношей и девушек, достигающих или уже достигших брачного возраста, хлопоты родителей о подыскании подходящего жениха для дочери или невесты для сына. Рассматривается вопрос о брачном возрасте, который в конце XIX — начале XX в. был довольно низок. Считалось нормальным, чтобы жених был на несколько лет старше невесты, хотя часто в практической жизни встречались и отклонения от этого правила. В силу экономических и других соображений молодую девушку нередко выдавали за пожилого или даже старика. Рассмотрены те кри-

терии, которыми руководствовались при выборе невесты или жениха (состоятельность, положение в обществе, для девушки также красота, характер, хозяйственные способности и т. п.). Сваты при посещении дома невесты придирчиво осматривали все хозяйство (тайком заглядывали в кладовые, чуланы и другие места), смотрели насколько в доме соблюдается чистота и порядок, изучали поведение и характер девушки. Существовали народные изречения: «Повидав хозяйство, можно судить о качествах матери девушки», «Посмотри на мать, а потом уже женись на дочери». Обстоятельно описан также обычай «колыбельного сговора», широко практиковавшегося у таджиков и узбеков. В книге уделено внимание воспитанию девочки в годы, предшествовавшие ее половому созреванию.

Автор останавливается на вопросе о предпочтительных и запрещенных браках. Последние определялись в основном нормами шариата, в частности запрещались браки между лицами, вскормленными одной женщиной (молочное родство), а также между теми категориями близких родственников, которые предусмотрены Кораном; с другой стороны, констатируется широкое распространение близкородственных браков, в особенности между кузенами всех степеней. Х. Г. Ишанкулов отмечает, что из числа его многочисленных информаторов 38% были женаты на кузинах (эти близкие браки почему-то названы эндогамными). В качестве причин близких браков выдвинуты такие соображения, как стремление сохранить в семье рабочую силу, домашнее имущество, сократить расходы по свадьбе.

Подробно описаны сватовство и добрачные церемонии, помолвка или так называемый праздник «ноншиканон» (преломление хлеба), «туи фотиha» (праздник, сопровождающийся молитвой), а также период между этими церемониями и свадьбой.

Показан принцип отбора гостей, характер угощения, обмен подарками между представителями обеих сторон, описаны связанные с этими церемониями обряды. После выполнения этих церемоний начинает соблюдаться обычай избегания как между женихом и невестой, так и между каждым из них и ближайшими родственниками другого; избегания эти оканчиваются лишь после свадьбы. Непосредственно перед свадьбой в дом невесты отправляют все необходимое для свадебного угощения, а также ткань и другие вещи для костюма невесты (так называемый «бор»), после чего следовала новая церемония — кройки и шитья.

Уже в день свадьбы с раннего утра проводился целый ряд обрядов: «очищение» жениха и невесты от злой силы; хождение на мост через Сырдарью, где запирали взятый с собой замок («запирание» злых духов), а затем снова отпирали замок («развязывание» счастья), обведение вокруг костра (очищение огнем), «прятание» невесты и др. Бракосочетание совершалось в доме невесты, куда приходил жених, тщательно закутавшись с головой в халат и спрятавшись среди друзей. Обряд бракосочетания совершался как обычно у мусульман: невеста должна была поручить кому-либо из своих родственников (в присутствии свидетелей) выразить от ее имени согласие на брак перед муллой.

Весьма любопытно, что в Ходженте, как и во всем северном Таджикистане, новобрачная переезжала в дом мужа ночью (в отличие от южного Таджикистана, где это происходило днем). Интересны следовавшие затем обряды *рубинон* — открывание лица невесты, *домодбарон* — первый выход жениха после свадьбы, а также *домодталабон* — посещение молодыми дома родителей новобрачной, где она гостит и затем получает от родителей какой-либо подарок (известный в литературе обычай, названный М. О. Косвеню «возвращение домой»).

Несмотря на некоторые локальные особенности, ходжентская свадьба в целом вполне укладывается в рамки традиционной свадьбы северных (равнинных) таджиков. Однако многочисленные подробности, интерпретация ряда обычаев и церемоний, привлечение большой сравнительной литературы делают небольшую книгу Х. Г. Ишанкулова интересной для исследователя, занимающегося данной тематикой.

Считаем необходимым остановиться на вопросах, связанных с материальными затратами, которые падают главным образом на родственников жениха. Прежде всего очень важно отметить, что работа Х. Г. Ишанкулова подтверждает мнение, что в исследованных им наиболее экономически развитых районах Средней Азии калым уже изжил себя. Так, на стр. 50 автор прямо пишет, что выплата калыма с конца XIX в. в ходжентском обществе уже не одобрялась общественным мнением. Далее на стр. 100 сказано, что с начала XX в. столь долго существовавший институт калыма стал постепенно отмирать. Примеры из жизни населения Ферганы, Зеравшанской долины, Шахристана позволяют сделать заключение, что институт калыма как таковой в начале XX в. находился в стадии регресса, а начинает распространяться институт приданого. Здесь следует отметить, что Х. Г. Ишанкулов не совсем правильно трактует сущность приданого: приданым он называет также и те вещи и деньги, которые сторона жениха дарит невесте и которые невеста затем приносит с собой в новую семью. Обычно же под приданым мы понимаем то, что приносила в дом сама невеста.

Автор делит расходы, которые приходится на семью жениха во время подготовки к свадьбе, на две части: а) расходы на саму свадьбу, свадебное угощение, увеселения, подарки гостям, плата за различные услуги, например мулле, и т. п. и б) расходы на подарки невесте, а также на предметы обзаведения для нового хозяйства. Со своей стороны, родители невесты, если они были достаточно состоятельны, тоже

давали за дочерью приданое, часть которого нередко создавалась руками самой девушки; некоторые из этих изделий продавались и на вырученные деньги покупались различные предметы домашнего обихода, тоже входившие в приданое. Нередко отец девушки также нес определенные расходы по устройству свадьбы — на угощение, различные подарки и т. п.

Нужно сказать, что иногда при женитьбе богатого на девушке из бедной семьи кое-что давалось и родителям невесты в виде «подарков», что, естественно, должно было рассматриваться как выкуп или даже калым. Но это делали по возможности тайно, ибо, как уже сказано выше, калым общественным мнением осуждался, и такие случаи были исключением из общего правила. Эта выплата называлась «дополнительной суммой на непредвиденные расходы».

Специальный большой раздел в книге посвящен вопросу о *махре* — шариатном обеспечении жены со стороны мужа. Автор детально рассматривает вопрос о возникновении этого института (выводя его чуть ли не от свадебных подарков жениха невесте в материнском роде, с чем, конечно, трудно согласиться); несомненно, что *махр* пришел на смену калыма и прочих платежей семей жениха отцу невесты, причем это было не только в Средней Азии, но и в других районах распространения ислама. Х. Г. Ишанкулов правильно подметил, что ряд исследователей, писавших о Средней Азии, нередко путал *махр* с калымом, хотя назначение *махра* — это обеспечение жены, в то время как калым поступал в пользу ее отца или других родственников и по существу являлся платой (выкупом) за девушку. Нередко и само население путало *махр* с калымом. Нам в свое время пришлось говорить о том, что в районах, где еще существовал калым, но влияние шариата было уже сильно (например, в горном Таджикистане), от выплаты *махра* стремились отделаться посредством выполнения обряда *бахшидани махр* (прощение *махра*), когда девушку, выходящую замуж, представляли публично заявить, что она отказывается от *махра* (см. нашу работу: Семья и брак у таджиков, М.—Л., 1959, стр. 155). Еще более любопытную подробность приводит автор рецензируемой книги (стр. 100): в ряде случаев представители мусульманского духовенства прибегали к уловке, лицемерно называли калым *махром*. Духовное лицо, оформлявшее брак, настаивало на девушку: «Скажи, свой *махр* получила полностью и подарила своему отцу»; здесь совершенно очевидно желание скрыть уплату калыма отцу девушки, о котором, вероятно, договаривались заранее.

Как показано в рецензируемой книге, *махр* состоял из двух частей: так называемой «наличной» (расходы семьи жениха по свадьбе и подарки невесте) и «отложенной». Иногда эта отложенная часть равнялась $\frac{1}{3}$ всей суммы *махра*, а порой достигала ее половины. Она формально должна была быть выплачена жене в случае смерти мужа из его наследственного имущества или же при разводе по инициативе мужа и таким образом являлась как бы обеспечением вдовы или разведенной женщины. Иногда эта часть конкретизировалась путем закрепления за женой какого-либо недвижимого имущества (участка сада, земли, дома и т. п.). В книге приведены случаи, когда мужья (благочестивые мусульмане) еще при жизни старались освободиться от этого долга (который, по поверью, могут потребовать потом на том свете), передав жене какую-либо свою собственность. В других случаях муж старался освободиться от долга, получив в официальной обстановке согласие жены на отказ от этой части *махра*. Сумма *махра* не была стабильной, она зависела от целого ряда обстоятельств, прежде всего от состоятельности семей жениха и невесты, другими словами, от классовой принадлежности брачующихся. Минимальный его размер составлял 10 дирхемов (в Средней Азии 10 таньга — дирхемов, примерно около 2 рублей), у богатых же людей он был очень высок.

В небольшом заключении автор объясняет некоторые изложенные выше обычаи и правила (брачный возраст, правила поведения юношей и девушек до брака и т. п.), с одной стороны, шариатными нормами, а с другой — связью с жизненной практикой вообще и соответствующими биологическими и историко-географическими условиями, именно поэтому они встречаются у целого ряда других народов, не имевших никакого отношения к исламу.

Хотя это и не составляет основного содержания работы, автор показывает, как преобразовались семейные отношения и свадебные обычаи в советское время. Многочисленные магические представления и действия, якобы способствовавшие счастливой жизни, плодovitости, а также обряды, направленные на охрану новобрачных от злых сил, «сглаза», в настоящее время постепенно исчезают или уже совершенно исчезли и сохраняются иногда в пережиточном виде, потеряв свой первоначальный смысл. В настоящее время свадебное торжество уже мало зависит от общественного положения, национальной или родо-племенной принадлежности: современная свадьба имеет универсальный характер. Новые условия жизни в социалистическом обществе, раскрепощение женщины, изменение отношений между родителями и детьми привели к появлению новых форм брачного обряда, к свободному волеизъявлению желания молодых людей вступать в брак, хотя по традиции (как дань уважения к родителям) сохраняется кое-где обряд сватовства. Вместе с тем автор отмечает как нездоровое явление слишком большие расходы на свадьбу, что нередко рассматривается старшим поколением как дело «чести», престижа. В частности, отмечается как огромное зло большая трата на спиртные напитки, что для таджиков является своеобразным «новшеством», нарушающим порядок свадебной церемонии, ее обаяние, чин-

ность и красоту. Автор констатирует также, что, несмотря на регистрацию новобрачных в загсах, старики еще нередко настаивают на приглашении муллы.

В материалах XXIV съезда КПСС и XVII съезда КП Таджикистана вопрос о борьбе с вредными пережитками прошлого рассматривается как одна из важнейших проблем. Автор показывает, как таджикские ученые изучают положительные и отрицательные стороны народных традиций, обычаев и обрядов, предлагают определенные рекомендации и, таким образом, способствуют изживанию вредных пережитков.

Отмечается появление в Таджикистане дворцов бракосочетания, которые население именуется «домами счастья». Нарядно оформляются также помещения загсов. Получение молодоженами свидетельства о браке отмечается теперь торжественно песнями, танцами и небольшим угощением — *ширину шакар*. Одна из лучших черт старого свадебного обряда — чудесные песни молодежи. Автор жалеет, что сейчас выходят из употребления песни Накш и Лалоло, которые вполне можно было бы петь на свадьбе, заменив некоторые религиозные стихи хорошими современными стихами. Очень красива песня «Ер-ер», исполнявшаяся обычно молодыми женщинами: ее также стоило бы обогатить новыми двустушиями и четверостишиями. Существует интересный и красивый обряд *шарбатдори* (Нуратинский район Узбекистана): женщина, обладающая способностью к декламации, наливает в пиалу шербет и читает стихи о соединении двух любящих сердец (газель). Затем подает каждой гостье пиалу, та же, возвращая пиалу, в свою очередь читает газель. Этот обряд под названием *байтбарак* имел место и в Ходженте, но, к сожалению, особого распространения пока не получил. Существует много других церемоний, которым в книге дается положительная оценка — разжигание костров, расстилание *пойандоза* (дорожки для прохода новобрачных), украшение комнаты новобрачных и др. Поддержать и укрепить эти обряды и создать новые — задача общественности, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Автор сообщает, что новым обрядам он намерен посвятить особую работу.

К сожалению, небольшая интересная книжка Х. Г. Ишанкулова, напечатанная ротарином в издательстве «Дониш», технически плохо оформлена: очень бледный текст, местами едва читаемый, тусклая невыразительная обложка.

Н. А. Кисляков

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Данг Фонг. Первобытная экономика Вьетнама, Ханой, 1970, 490 стр. (на вьетнамском языке).

Одна из важнейших задач ученых Демократической Республики Вьетнам — освождение отечественной исторической науки от вулгаризаторских концепций феодально-колониального периода о древнем прошлом страны. За 27 лет после провозглашения Демократической Республики Вьетнам опубликовано много статей и монографий, в которых на основе новых научных данных, с материалистических позиций рассматриваются вопросы первобытности, рабовладения, раннего феодализма и т. п. К такого рода работам относится рецензируемая книга ученого-экономиста Ханойского университета Данг Фонга. Ее появление сразу же привлекло внимание вьетнамских специалистов. Дело в том, что в книге Данг Фонга впервые сделана попытка на базе материалов археологии, истории и экономики раскрыть закономерности и особенности развития производительных сил и производственных отношений первобытного Вьетнама. В ведущем гуманитарном журнале ДРВ «Исторические исследования» помещен обзор работы Данг Фонга, сделанный археологом и историком Фам-ван-Кинем¹. Эта публикация позволяет нам ознакомиться и с оценкой рецензируемой книги вьетнамским ученым.

Монография состоит из трех частей, заключения и библиографии из 182 наименований трудов на различных языках, в том числе на русском. Предисловие написано директором Института экономики ДРВ Чан Фыонгом.

В первой части (стр. 17—80) речь идет об орудиях труда первобытного человека и технике их изготовления. Автор говорит о древности обитания людей на территории Вьетнама, что подтверждается находками (в районе Донгфо провинции Ниньбинь, а также в провинциях Йенбай и Лангшон), зубов, схожих с зубами синантропа. Кроме того в 1960 г. вьетнамскими археологами при участии П. И. Борисковского в качестве консультанта² было открыто палеолитическое местонахождение на горе До провинции

¹ Фам-ван-Кинь. Некоторые соображения по археологическим вопросам, содержащимся в книге «Первобытная экономика Вьетнама», «Исторические исследования», 1971, № 136, стр. 45—53 (на вьетнамском языке).

² Здесь наблюдается некоторое расхождение между данными Данг Фонга и П. И. Борисковского, который в своей книге «Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии» (Л., 1971, стр. 142) пишет, что первая находка сделана в пещере

Тханьхоа. Обнаружение остатков ископаемых гоминид, однако, приводит Данг Фонга к следующему выводу: «...история Вьетнама насчитывает не 2000 или 4000 лет, а несколько сот тысяч лет и, возможно, еще больше» (стр. 23). Тем самым, вольно или невольно, автор становится на рискованный путь утверждения этнической изначальности.

Фам-ван-Кинь разбирает в указанной выше статье археологическую часть книги. Его возражения автору весьма серьезные, даже резки. С тем, что «материал, собранный в книге разрозненный, непроверенный, носит характер нагромождения...», что ее автор имеет «недостаточно правильные познания и не обладает необходимым кругозором по основам экономического исследования...»³, согласиться трудно, хотя ряд весьма существенных замечаний Фам-ван-Киня представляется нам правильными. В частности Фам-ван-Кинь справедливо упрекает Данг Фонга за то, что тот на стр. 26 первобытнообщинный строй относит к периоду каменного века⁴. Несомненную ошибку автор допускает, когда определяет местонахождение на горе До временем среднего и позднего палеолита, тогда как в действительности оно является древнепалеолитическим (стр. 36—39)⁵. Неудачна в первой части книги попытка провести аналогии между орудиями труда древнего палеолита горы До и каменными изделиями хоабиньской культуры, которая относится, как известно, к мезолиту и раннему неолиту (стр. 41). Неправоммерно, как кажется, сравнение современных этнических групп арем и рук, живущих в пещерах, с хоабиньцами (стр. 47). В главе об орудиях труда и технике раннеолитического периода автор сопоставляет культуру Бакшон с открытой в 1963 г. культурой Куиньван (провинция Нгеан). Несомненно, что между этими культурами существует сходство, но вопрос о том, были ли они взаимосвязаны, требует дальнейшего исследования.

Менее всего материалов по среднему неолиту Вьетнама, поэтому Данг Фонг рассматривает всего две стоянки — Дабут и Донгххой, отмечая более высокий уровень каменной индустрии последней (стр. 58—61). При анализе периода позднего неолита Данг Фонг не только подчеркивает производственно-хозяйственный прогресс: он указывает, что в это время происходят крупные перемещения населения и освоение долин, побережья и островов. К сожалению, очевидно из-за недостатка места, в книге не упоминается об открытых недавно стоянках на островах залива Халонг и в провинциях Тхайбинь и Намдинь. Не вполне четкую позицию занял автор по определению стоянок периода ранней бронзы. На основе того, что в таких стоянках бронзового века, как Лунгхоа, Донгдау, Тышон, Хоангго, найдено сравнительно немного бронзовых предметов, он причисляет их к поздненеолитическим (стр. 68).

Во второй части (стр. 83—272) Данг Фонг рассматривает проблемы, по его терминологии, «присваивающей экономики» (собирательство, охота, рыболовство) и «созидательной экономики» (земледелие, животноводство, ремесло). Известно, что в чистом виде ни «присваивающей», ни «созидательной» экономики не существовало, и лучше говорить о типах хозяйства первобытного человека. Тем не менее автор правильно указывает, что в первом случае человек пользовался продуктами природы без их восстановления, а во втором — посредством своего труда увеличивал их производство. Для иллюстрации своих теоретических положений, Данг Фонг использует многочисленные примеры из жизни современных горных народов Вьетнама и других народов мира, которые еще недавно вышли из первобытности. Приводимые им материалы чрезвычайно интересны в первую очередь для этнографов. Рассматривая сферу присваивающих хозяйств, автор показывает значение природных условий для жизнедеятельности человека. Например, если семье гренландского эскимоса для того, чтобы прокормиться, требуется 2250 кв. км, то район собирательства для 10 семей таких этнических групп Вьетнама, как са, пуок, мангы, ограничивается всего лишь 5 кв. км (стр. 90). Данг Фонг приводит в своей работе и редко встречающиеся в этнографической литературе данные о продуктах собирательства. Так, тхай и са используют 9 видов деревьев, клубней и плодов для изготовления муки; 50 видов лесных овощей; 40 видов побегов бамбука; обычные и древесные грибы; 32 вида насеконных...

Глава об охоте начинается с характеристики особенностей фауны Вьетнама (300 видов диких животных и более 1000 видов птиц), которая, по утверждению автора, сохранилась почти без изменений с самых отдаленных времен, тогда как в других частях света многие животные исчезли. Однако следует вспомнить, что и во Вьетнаме уже нет носорогов, белых слонов, белых фазанов и некоторых других видов фауны, истребленных еще во время господства китайцев (III в. до н. э. — X в. н. э.), которые взимали дань рогом носорога, слоновой костью, экзотическими породами птиц и т. п. В этой же главе Данг Фонг перечисляет диких животных, костные остатки которых найдены археологами на месте стоянок первобытного человека: это в своем большинстве кости дикой собаки, лисицы, дикобраза, гиббона. Автор полагает, что в первобытную эпоху существовало три типа охотничьего инвентаря: ручные мета-

Тхунгланг близ Донгзюа, а вторая — вьетнамо-немецкой палеонтологической экспедицией в 1963—1964 гг. В рецензируемой же книге эта экспедиция названа археологической, а работа ее отнесена к 1965 г.

³ Фам-ван-Кинь, Указ. раб., стр. 46.

⁴ Там же, стр. 47.

⁵ П. И. Борисовский, Указ. раб., стр. 140.

тельные снаряды (палки, копыя, палицы, топоры), ловушки и луки. На наш взгляд, описание последних несколько осовременено.

Раздел «Рыболовство» сравнительно небольшой, но тем не менее дает читателю представление о наиболее распространенных способах рыбной ловли, орудиях рыболовства, средствах водного транспорта у различных горных народов Вьетнама. Подчеркивая важность рыболовства, Данг Фонг указывает на то, что во Вьетнаме насчитывается более 200 видов рыб и что на 1 кв. км озер приходится в 30 раз больше рыбы, чем в водоемах Северной Азии (стр. 144). Хотя в книге это прямо не сказано, подразумевается, что подобная рыболовная техника без особых изменений существовала и в первобытном обществе.

Основное внимание в рецензируемой книге уделено, пожалуй, земледелию. Автор сразу же выдвигает довольно спорный, по нашему представлению, тезис о том, что на всех этапах первобытнообщинного строя экономика Вьетнама базировалась на земледелии. Следует отметить, что того же мнения придерживается и директор Института экономики ДРВ Чан Фыонг, который в предисловии к книге на стр. 10 пишет: «... основой первобытного производства во Вьетнаме являлось земледелие». Однако сам же Данг Фонг, оставляя в стороне такие периоды первобытности, как плеолит и мезолит, заявляет, что земледелие во Вьетнаме возникло в раннем неолите, с появлением шлифованных орудий труда. Затем на стр. 173 он, ссылаясь на статью Чыонг Хока⁶ говорит о мотыгах и прочем сельскохозяйственном инвентаре мезолитической культуры Хоабинь. Но, во-первых, классики марксизма не связывали начало земледелия со шлифовкой камня, указывая, что возделывание растений появилось в период «низшей ступени варварства», т. е. в эпоху среднего и позднего неолита⁷. Во-вторых, в мезолитический период во Вьетнаме отсутствовали как каменные мотыги, так и само земледелие⁸. Впрочем, Данг Фонг делает еще одно отступление от своей первоначальной концепции, говоря, что во Вьетнаме и других областях Юго-Восточной Азии раньше, до появления мотыг, применялись по крайней мере два других способа подготовки почвы для посева: с помощью палки с заостренным концом и «замеса», когда ногами месят увлажненные участки земли (стр. 184).

Данг Фонг справедливо критикует тех авторов, в частности Ю. Ф. Новикова⁹, которые считают, что уже на раннем этапе развития растениеводства первобытные люди использовали удобрения (стр. 200). Достаточно сказать, что большинство горных народов Вьетнама вплоть до образования ДРВ не применяло удобрений.

Много интересных страниц посвящает Данг Фонг описанию подсечно-огневого земледелия на полях «рэй» и «ныонг», первобытной ирригации, культивированию двух подвидов риса — осеннего урожая 10-го месяца по лунному календарю и весеннего урожая 5-го месяца. Основные из выращиваемых ныне растений были окультурены еще в неолите. Как показывает Данг Фонг, родиной риса является Индокитай, а центром выведения риса весеннего урожая — Южный Вьетнам.

В главе «Животноводство» говорится о находках в поздненеолитических стоянках костей свиньи, буйвола и быка, а в стоянках периода ранней бронзы — курицы. По мнению автора, первым домашним животным была свинья и лишь затем буйвол (стр. 221—222). Лошади во Вьетнаме не были широко распространены и появились сравнительно поздно. Опираясь на книгу М. О. Косвена, считавшего родиной домашней лошади Туркмению¹⁰, Данг Фонг отмечает, что диких лошадей в Юго-Восточной Азии вообще не было. Молочное животноводство во Вьетнаме не развито из-за недостаточности кормовой базы, крупный рогатый скот используется как тягло или (у горных народов) служит средством обмена; мясо едят по большим ритуальным и семейным праздникам.

Значительное место в книге уделено первобытным ремеслам. Автор совершенно прав, критикуя тех, кто полагал, что бакшонские ранненеолитические топоры, которые находят и на расстоянии нескольких сот километров от Бакшена в провинции Куангбинь, были предметами товарного производства. Последнее, как известно, возникает в классовом обществе, и связано со вторым крупным разделением труда — отделением ремесла от земледелия, а в период неолита обмен изделий производился внутри племени. Обработку дерева и бамбука Данг Фонг связывает с плетением, а последнее — с ткачеством, которое, по его мнению, развилось из плетения древесных волокон для рыболовных сетей. По данным автора, наиболее ранними видами сырья, использовавшегося для выделки тканей, были волокна листьев банана, тутового дерева, джута и рами. Используя древнекитайские исторические источники, Данг Фонг доказывает, что китайцы впервые познакомились с хлопком и шелководством именно во Вьетнаме и что умение раскрашивать ткани в различные цвета китайцы также заимствовали от предков вьетнамцев (стр. 249).

⁶ Чыонг Хок, Некоторые мнения по вопросу о датировке каменных изделий во Вьетнаме, «Исторические исследования», 1963, № 47 (на вьетнамском языке).

⁷ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 30.

⁸ П. И. Борисковский, Первобытное прошлое Вьетнама, М.—Л., 1966, стр. 81.

⁹ Ю. Ф. Новиков, О возникновении земледелия и его первоначальных формах, «Сов. археология», 1959, № 4, стр. 36.

¹⁰ М. О. Косвен, Очерки истории первобытной культуры, М., 1957, стр. 83.

Производство глиняных изделий началось, по Данг Фонгу, с конца мезолита, с корзиночной керамики. Раннеолитическая бакшонская керамика была в основном лепной; изделия высушивались на открытом воздухе. В период позднего неолита посуда из глины изготовлялась уже на гончарных кругах и обжигалась в печах при температуре до 1000 градусов.

Появление плавки металлических руд совпало с началом распада первобытного общества. Рассматривая эпоху раннего металла во Вьетнаме, Данг Фонг особо подчеркивает, что бронзовые изделия применялись главным образом в военных целях и что они были неспособны быстро вытеснить из употребления каменные орудия. Однако это положение справедливо не только для Вьетнама. Характеризуя этот период в целом, Энгельс писал: «...бронза давала пригодные орудия и оружие, но не могла вытеснить каменные орудия; это было под силу только железу, а добывать железо еще не умели»¹¹.

Последняя часть книги, «Имущественные и товарно-денежные отношения в первобытную эпоху», посвящена проблемам пользования, владения и распределения продуктов, собственности на продукты труда, разбору форм владения и собственности на землю, рассмотрению видов и способов обмена. Формулировка заглавия сразу же настораживает читателя, так как, согласно марксистскому пониманию, «родовой строй абсолютно несовместим с денежным хозяйством»¹². Хотя применительно к первобытности понятие «товаро-денежные отношения» употреблено не совсем удачно, автор рассматривает эти отношения с точки зрения производства средств производства и потребления для простого обмена, а не товарного производства для простого обмена. Деньгами он называет их первые эквиваленты, напр., поделки из камня и раковин. На ранних этапах первобытного общества, как правильно отмечает Данг Фонг, люди пользовались продуктами природы главным образом для непосредственного потребления. В собирательстве труд человека проявлялся, в основном в физических усилиях по добычанию пищи, но в охоте и рыболовстве труд был уже явно овеществлен в создании ловушек, запруд, изготовлении луков, стрел, сетей. По Данг Фонгу, увеличение количества труда, затрачиваемого на производство продукта, ограничивает право свободного пользования и ведет к возникновению частной собственности. Формированию отношений собственности способствует и племенная монополия на участок земли, леса, водоема... Что же касается появления «абсолютного пользования» или владения, то Данг Фонг связывает это с ростом численности населения и уменьшением полезного продукта, находящегося в природе. Автор, несомненно, преувеличивает роль «трудового» и демографического факторов в общественном развитии и очень мало говорит о значении углубляющегося разделения труда, о появлении имущественного неравенства, о накоплении богатств в руках отдельных лиц, о начале классового расслоения.

Обращаясь к производственным отношениям первобытного общества, Данг Фонг широко использует обычное право ряда современных горных народов Вьетнама. Большое внимание уделяется вопросу о том, в чьем владении находятся средства производства. К примеру, у народа эдэ обычное право устанавливает, что «...земля, вода и лес не могут быть захвачены и никто не может сделать их своими. Каждый человек имеет право выжечь ныонг в любом месте, ловить рыбу в любом водоеме, брать мед из любого улья на деревьях и кустарнике, срезать дикий сахарный тростник, солому и бамбук для постройки жилищ, сжигать лес во время охоты» (стр. 281). У этого же народа (как, впрочем, и у ряда других) земля была поделена на области хозяйствования — «кринги», которые в древности являлись общей собственностью коллектива. Ныне право собственности закреплено за «хозяевами земли» — главными представителями ядра сородичей. В их функции входит охрана территории¹³ от возможных захватов чужаков, отправление правосудия, соблюдение обычаев предков. Сородичи, в пределах своей хозяйственной области, могут свободно заниматься подсечно-огневым земледелием, выбирая и обрабатывая нужный участок, но пришельцы обязательно должны получить согласие хозяина земли и поднести ему дары. У мыонгов до недавнего времени широко бытовал обычай, согласно которому охотники были обязаны поднести хозяину земли, где было убито животное, ногу этого животного (стр. 357). Водозаливные поля «руонг» некогда также были в коллективном владении родовых групп, большесемейных и сельских общин, но, как отмечает Данг Фонг, к началу Августовской революции 1945 г. большая часть этих полей находилась уже в руках частных собственников, а оставшаяся — распределялась общинами между семьями для обработки с более или менее регулярными переделами. Автор правильно объясняет сущность перераспределения руонг как защитную реакцию общин против превращения этих земель в собственность отдельных семей. Однако, он все же остается на своей позиции в вопросе о возникновении частной собственности, выводя ее из увеличения трудоемкости продукции. Данг Фонг считает, как это можно видеть из текста его книги, что пережитки имущественных отношений первобытнообщинного строя в наибольшей степени сохранились у матрилинейных обществ

¹¹ Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 161.

¹² Там же, стр. 111.

¹³ Площадь «крингов» доходила до нескольких тысяч квадратных километров.

Вьетнама — эдэ, зяжай, бих, ма, мнонгов и тямов¹⁴. Он иллюстрирует это на примере мнонг ролам, родственные группы которых интегрированы в общины большесемейного или сельского типа. Иногда две-три таких группы живут в одном селении, а иногда одна группа расселяется в нескольких местах. Земля принадлежит родоначальному «пулу», а дочерние группы обрабатывают ее на правах пользования. В способе производства отчетливо выражен переходный характер производственных отношений. В некоторых районах землю обрабатывают сообща всей группой, коллективно охотятся, ловят рыбу, ухаживают за домашним скотом. В других — эти работы выполняют отдельные семьи. В первом случае продукты производства принадлежат всему коллективу, во втором — семье. Общим имуществом, которым заведует женщина, являются длинные дома, буйволы, слоны (средство транспорта), медные котлы, тазы, гонги, одеяла, одежда и украшения. К семейному имуществу относятся также ножи, мотыги, небольшие лодки, мелкие орудия охоты и рыболовства.

Данг Фонг полагает, что самой ранней формой первобытного обмена была «молчаливая» торговля, сущность которой состояла в том, что «торгующие» стороны, предлагая свои продукты, не имели непосредственных контактов между собой. Автор приводит примеры из обмена между этническими группами шать и рук. Свои товары (кости обезьян, сушеные ростки бамбука, жир выдры и т. п.) рук оставляют в расщелинах скал, густых зарослях, дуплах деревьев. Шать приносят свои товары (медные котлы, топоры, соль и пр.) туда же. Та или другая сторона забирала продукты на основе собственной оценки.

Из этой формы торговли Данг Фонг выводит более высокую форму торговли, т. е. лавок без продавца, встречающихся и поныне на обочинах дорог в джунглях Вьетнама. Широкое распространение имела торговля через представителей, как правило старейшин, которым сородичи доверяли свою продукцию для обмена, а также торговля через специальные объединения, которые составляли караваны, ходившие даже в другие страны. В конце XIX в. эти объединения были вытеснены купцами-перекупщиками.

Первыми эквивалентами денег Данг Фонг считает раковины каури и каменные браслеты. Аргументы в подтверждение этого достаточно убедительны. Раковины находили в стоянках первобытных людей вдали от морского побережья, хотя моллюск обитает только в соленых морских водах. Данг Фонг полностью поддерживает предположение П. И. Борисковского, что раковины каури попадали в горы в результате обмена с приморскими племенами и ценились как украшения¹⁵. Народ тхай называет каури «мабиа» (ма — плод, биа — старая денежная единица). У сакау почти все женщины имеют бусы из раковин (ксоонг) и утверждают, что два-три поколения назад ксоонг служили деньгами. На границе с Лаосом серебряный пиастр был недавно эквивалентен 40 крупным или 60 мелким раковинам (средняя раковина величиной с фалангу пальца). И в настоящее время на тамошних базарах каури берут охотнее, чем деньги. У сакау сохраняется обычай, согласно которому с покойником кладут раковины как имеющие большее хождение в потустороннем мире, чем деньги. Невесты получают пять-десять каури в качестве приданого. Как деньги раковины использовали в старом Китае, особенно в провинции Юньнань, где их называли «бэйцзянь» (бэй — раковина каури, онет слов южного происхождения, «бал» или «биа»). В XIII в. хождение каури вместо монет зафиксировал Марко Поло, причем ему передавали, что раковины попали в Китай из Южного Вьетнама (стр. 417).

Каменные браслеты из стоянки Вандьен навели вьетнамских археологов на мысль, что часть их использовалась как средство обмена, так как они были слишком малы, чтобы можно было надевать их на руку (диаметр 5 см), но в то же время слишком велики для ушных подвесок¹⁶. В областях расселения тхай браслеты, сплетенные из бамбука для ношения на запястье, кладут в могилы вместо денег, чтобы расплатиться с духом — хозяином мертвых.

Книга Данг Фонга многоплановая, насыщена большим количеством фактического материала о древности и современном быте многих малых народов Вьетнама. Несмотря на наличие в работе ряда неточных положений и спорных мест, ее автор выполнил поставленную перед собой задачу — создал большую сводную работу по первобытной экономике Вьетнама, во многих отношениях интересную для историков, археологов и этнографов.

А. И. Мухлинов

¹⁴ Тямы значительно более развиты в социально-экономическом отношении и вряд ли правомерно ставить их в один ряд с другими перечисленными здесь народами.

¹⁵ П. И. Борисковский, Указ. раб., стр. 82.

¹⁶ Там же, стр. 140.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Л. А. Шур. К берегам Нового Света. Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века. М., 1971, 286 стр.

В 1964 г. вышла в свет книга Л. А. Шура «Россия и Латинская Америка. Очерки политических, экономических и культурных отношений»¹. Это небольшая, но чрезвычайно ценная работа привлекла внимание к отечественным источникам по Латинской Америке. Однако ни размеры книги, ни, тем более, публикации в журналах и сборниках не давали возможности Л. А. Шуру представить материал читателям в необходимом объеме. С выходом рецензируемого издания такая возможность появилась.

Л. А. Шур отобрал наиболее интересные путевые дневники и письма Ф. И. Матюшкина, Ф. П. Литке, Ф. П. Врангеля, хранящиеся не только в московских и ленинградских архивах, но также в тартуском и пермском архивах. Географический диапазон публикации достаточно широк — здесь и Бразилия, и Перу, и Мексика, районы прибрежные, часто посещавшиеся путешественниками, и внутренние области, описания которых — для тех десятилетий — в литературе вообще неизвестны.

Письмам и дневникам каждого путешественника предпосланы статьи Л. А. Шура. Особенно ценно, что Л. А. Шур не идеализирует своих «героев» и показывает их деятельность на широком фоне общественной, научной и литературной жизни того времени. Это позволяет понять, почему были зафиксированы путешественником те или иные факты и впечатления.

Мы не ставили перед собой цели исчерпывающе охарактеризовать опубликованные Л. А. Шуром источники и уделим основное внимание тем сведениям по этнографии латиноамериканских стран, которые содержатся в дневниках Матюшкина, Литке и Врангеля.

Прежде всего, каждый автор показывает посещенные им страны как большие многонациональные организмы. Сложность национальных отношений, корреляция этнического и социального моментов, этнополитическая оценка колониальных режимов — такова основная проблематика, которой интересовались путешественники.

Очень ценными представляются наблюдения над господствующими классами колоний. Это яркие описания очевидцев, свидетелей того, как колониальное угнетение разлагает и развращает колонизаторов, накладывает неизгладимую печать не только на их социальный, но и на культурно-бытовой облик. Отсталость, возведенная в принцип, коррупция, разъедающая общество сверху донизу, фанатичная религиозность, шовинизм и расизм, характерные для испанских и португальских колонизаторов, вызвали возмущение и резкое осуждение Матюшкина, Литке, Врангеля.

Интересны данные и по коренному населению, особенно Перу и Мексики. Очень любопытно сообщение о том, что кечуа даже в XIX в. знали потомков инков и относились к ним с уважением, поразившим и Матюшкина и Литке. И тому и другому запомнился эпизод, когда в ответ на просьбу доставить череп индейца, колонизатор в качестве подарка русскому посланнику пригнал живого человека. Наконец, весьма показательным и упорным нежелание индейцев что-либо рассказать о своей прошлой жизни, о своем племени, его обычаях.

Уникальны для исследователей материалы о калифорнийских индейцах, иллюстрированные рисунками того времени. Ценность их тем более велика, что несколько десятилетий спустя почти все индейцы этого района были уничтожены колонизаторами.

В дневниках и письмах Врангеля содержатся также данные о населении Мексики 30-х годов XIX в. Автор сделал как бы срез по всей территории страны, от океана до океана.

Весьма подробно Ф. Ф. Матюшкиным и Ф. П. Литке было описано негритянское население. Мы встречаем здесь и проникнутые горячим сочувствием к африканцам описания жестокостей работорговли, и живые зарисовки быта рабов, и сведения об их выступлениях против колонизаторов. Очень интересны встречающиеся сравнительно не часто известия об антагонизме между неграми, происходившими из разных районов Африки (обстоятельство, несомненно, затруднявшее их объединение в борьбе за свободу).

Таким образом, мы видим, что введенные Л. А. Шуром в научный оборот источники представляют значительную ценность. Детальное знакомство с ними позволяет поднять вопрос о желательности дальнейших публикаций подобного рода. Учитывая, что маршрут русских кругосветных плаваний, начиная со второй половины XIX в. был более или менее одинаков, можно было бы проследить историко-этнографические изменения на протяжении многих десятилетий. Это интересно не только потому, что маршруты, а значит и ареал наблюдений были более или менее постоянными, но и потому, что среди русских моряков были люди с гуманитарными интересами и определенной склонностью к фиксации увиденного. Некоторые из них впоследствии стали видными деятелями русской культуры. Известно, например, что в одном из таких плаваний участвовал Н. А. Римский-Корсаков, и впечатления, полученные им, отразились в его и литературном, и в музыкальном творчестве.

¹ Рец. А. Дридзе на эту книгу см. в журн. «Сов. этнография», 1966, № 1.

Поиски материалов, подобных опубликованным в рецензируемой книге, следовало бы развернуть не только в РСФСР, но и в других союзных республиках. Известно, что первое оригинальное эстонское описание кругосветного путешествия, выполненное Юри Юрисоном (1832—1899), опубликованное лишь в эстонской периодике 1867—1869 гг. и никогда не выходившее отдельной книгой даже на языке оригинала, включает очень интересный очерк о Рио-де-Жанейро².

Возвращаясь к рецензируемому изданию, отметим, что работа, которую было необходимо проделать для выявления, прочтения и комментирования обширных, разнородных и разноязычных текстов, выполнена на высоком уровне. Даже самому придирчивому читателю почти не в чем упрекнуть Л. А. Шура.

Но все-таки некоторые недостатки, на наш взгляд, в книге есть. Прежде всего — это терминологические неточности. Так, байдара и байдарка, вопреки утверждению комментатора (стр. 74), — это не одно и то же. Кстати, в тексте (стр. 62) этой неточности нет, Ф. Ф. Матюшкин пишет именно о байдарке. Можно также посетовать на отсутствие комментариев там, где текст этого требует (один из примеров — сообщение о подготовке восстания в Перу, стр. 59). Следовало бы далее отметить, что врач В. Ф. Берви, о котором пишет Ф. П. Литке (стр. 139), был отцом известного русского демократо-просветителя В. В. Берви-Флеровского (1829—1918). Может быть, говоря об английской писательнице Ф. Треллоп (стр. 277), надо было указать, что сын ее также был писателем, еще более известным, и также выпустил описание путешествия по Америке. Это тем более необходимо, что у Ф. П. Врангеля говорится именно о «мистере Треллопе», которого читатель может спутать с его матерью.

Как видим, перечисленные недостатки (их список можно было бы дополнить еще двумя-тремя аналогичными примерами) не носят принципиального характера. Они, разумеется, не снижают той высокой оценки, которой, безусловно заслуживает это нужное и полезное издание.

Хотелось бы высказать пожелание, чтобы серия, столь удачно начатая рецензируемой книгой, была бы продолжена, так как русские источники по этнографии народов Америки представляют серьезный интерес. Достаточно назвать здесь уникальные материалы экспедиции Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821—1829), материалы И. Г. Вознесенского, Г. Г. Манизера и его спутников и т. д.

В заключение хотелось бы отметить высокую полиграфическую культуру издания, а также работу художника Н. А. Седельникова.

А. Д. Дридзе

² Подробнее см.: J. Peegel, *Esimest eesti algupärasest matkakirjandusest ja selle autorist*, «Looming», 1955, № 6.

НАРОДЫ АФРИКИ

«Africana», 8. Этнография, история, языки народов Африки. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XCVI, Л., 1971, 301 стр.

Из печати вышел очередной 8-й африканский этнографический сборник «Africana» под редакцией Д. А. Ольдерогге. Сборник продолжает традицию комплексного изучения этнографии, истории, языков народов Африки, установившуюся в советской африканистике. Большая часть статей посвящена проблемам лингвистики и филологии. Мы же подробнее остановимся на тех работах, которые касаются этнографических и этнолингвистических проблем.

В статье Э. С. Годи́нер «Поземельные отношения в доколониальной Буганде (середи́на XIX в.)» рассматривается сложная и почти не разработанная в советской литературе тема. Доколониальная Буганда — одно из тех раннеклассовых государств Восточной Африки (Буньоро, Торо, Руанда и др.), которые давно привлекают внимание историков и этнографов. Автор концентрирует свое внимание на главном вопросе — в какой степени были свойственны Буганде раннефеодальные отношения и как далеко зашло там разложение родовых институтов. Главным, что препятствовало феодализации, по мнению автора, была сильная власть правителя — кабаки, а также традиционные, общинные по существу, нормы землевладения. Изучение этих норм и тенденций, их изменения показывает сложность и противоречивость процесса разложения родовых порядков у баганда. Большое влияние на ход этого процесса, отмечает Э. С. Годи́нер, оказала военизация государства, ярко проявившаяся в XIX в. Автор связывает развитие системы вассальной зависимости с поземельными отношениями, не останавливаясь на значении скотоводства, сыгравшего определенную роль в формировании иерархической структуры государства. В целом статья Э. С. Годи́нера интересна в плане разработки типологии раннеклассовых обществ.

Для своей статьи «Занятия восточных банту (зинджей) в X—XII вв.» В. В. Матвеев тщательно выбрал в арабских источниках сведения, относящиеся к занятиям коренного населения Восточной Африки, причем краткий отрывочный характер сообще-

ний потребовал внимательного исследования каждого из них. В. В. Матвеев считает зинджей (арабское название населения восточноафриканского побережья) предками нынешних народов Восточной Африки, говорящих на языках банту. Одним из доказательств этого являются слова языка зинджей, записанные в VII—XII вв. К списку этих слов, составленному К. Майнхофом, автор статьи смог добавить еще два, до сих пор существующих в языке суахили (mkwaḵo — тама rinдовое дерево; mḡanga — колдун). В. В. Матвеев приводит также несколько интересных параллелей в описаниях средневековых авторов и европейских путешественников XIX в. Средневековые источники особенно важны для понимания структуры хозяйства зинджей, так как археологических данных, освещающих эту проблему, мы почти не имеем.

Анализу арабских источников посвящена также заметка М. А. Толмачевой «Источники некоторых сообщений Закарии ал-Казвини об Африке». В ней рассматривается ценное географическое сочинение арабского космографа XIII в. «Асар ал-биладва, ахбар ал-ибад (Достопамятности стран и сообщения о рабах Аллаха)».

В сборнике затрагиваются также проблемы, связанные с историей изучения Африки.

В статье Д. А. Ольдерогге «Астраханец в Томбукту в 1821 г. (Путешествие Варги, уроженца Кизляра, в Западный Судан)» рассказывается о малоизвестном путешественнике, посетившем легендарную столицу сонгаев — Томбукту. Путь в этот город был опасен для немусульман, и первый европеец, англичанин Л. Г. Лэнг, побывав там лишь в 1826 г. (он был убит туарегами на обратном пути). Тем более ценными являются для нас записи армянского (по предположению Д. А. Ольдерогге) купца Варги о торговле и различных сторонах жизни Томбукту. Важным дополнением к работе Д. А. Ольдерогге являются подробные примечания к сообщениям Варги и список географических названий, упоминаемых путешественником.

Статья В. С. Ягья «Реформы в Эфиопии (1942—1945 гг.)» касается важных для страны реформ, проведенных после ее освобождения от ига фашистской Италии. Вторая статья того же автора — «Пути и источники образования терминологической лексики в современном амхарском языке». В ней В. С. Ягья останавливается на тех моделях терминов, способах и приемах их образования, которые характерны для художественной, политической и учебной литературы.

Большое внимание в сборнике уделяется этнолингвистическим статьям.

Статья В. М. Мисюгина «Замечания к старосуахилийской письменности» выходит за рамки филологии и имеет прямое отношение к истории народа суахили и его культуры. Основную проблему — соотношение грамматики языка суахили и старинной системы его письма — автор рассматривает в связи с историей возникновения письменности на восточном побережье Африки. Приспособить арабскую графику для нужд языка группы банту, т. е. совершенно отличного от семито-хамитской системы, могли только люди, для которых суахили был родным языком. Эта важная мысль обстоятельно доказывается на материале хроники города Пате, наиболее известного из памятников древней письменности суахили.

Широкий исторический материал позволяет В. М. Мисюгину пересмотреть все еще господствующую на Западе концепцию происхождения языка суахили как смешанного арабо-персидского диалекта, перенесенного на восточный берег Африки и там «бантуизированного».

Две статьи сборника посвящены истории изучения языка суахили. Работа Г. Н. Гоцко «История изучения языка суахили» охватывает период с XVI до начала XX в. (особенно подробно с середины XIX в. по 1914 г.); в ней показано, как изучали суахили в Германии, Англии, Франции и других европейских странах.

Д. А. Ольдерогге в статье «Словарь языка суахили 1811 г. (из рукописных материалов адмирала Крузенштерна)» дает описание небольшого словаря языка суахили, составленного английским капитаном Томасом Сми в районе Занзибара, который хранится в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде и до сих пор оставался неизвестным исследователям.

О языке суахили говорится также в статье Н. Г. Федоровой «Сложные слова и именные словосочетания в суахили» и в заметке А. А. Жукова «Формант to- в глагольной системе языка суахили (киунгуджа)». Н. Г. Федорова выделяет несколько моделей образования сложных слов, отличающихся от словосочетаний по ряду признаков. А. А. Жуков анализирует формант отрицания инфинитива в занзибарском диалекте суахили и показывает его происхождение.

И. М. Логинова в статье «Просодические особенности языков «полубанту» (К вопросу о классификации языков Африки)» сопоставляет акцентологические характеристики восточнобантоидных языков («полубанту») с языками Судана и банту. Языки «полубанту» представляют интерес прежде всего потому, что они распространены в районе банту-суданской лингвистической границы. Генеалогическая классификация языков в этих границах мало разработана и в силу их недостаточной изученности, и ввиду отсутствия надежных критериев принадлежности каждого конкретного языка к семье банту или к «суданским» языкам. Ряд лингвистов относит восточнобантоидные языки к семье банту или к языкам Судана. Анализ акцентологических явлений и просодических особенностей (тон и ударение) восточнобантоидных языков позволяет автору выделить их в самостоятельную языковую группу. Этот вывод весьма важен для общей классификации языков Африки. Заметка А. А. Пономаренко «Амхарский словарь М. Ле-

бединского в собраниях МАЭ» содержит описание единственного большого свода амхарской лексики, составленного в России в начале XIX в. и оставшегося неизданным. Л. З. Сова рассматривает каузативный залог в языке зулу, а также дает общее определение этого понятия для любого языка. В. А. Маянц в своей статье на примере изолирующего языка типично аналитического строя (языка йоруба) показывает способы выражения семантических характеристик предиката. Б. Г. Лемешко в работе «К характеристике глагольной системы языков маника и бамана» определяет основы глагольной системы и ее предположительный состав в двух языках группы манде. Другая статья того же автора называется «Об отрицании в языке хауса». Статья И. А. Осницкой рассматривает один из важных признаков, позволяющий лингвистам выделить чадско-хамитские языки в особую группу. М. А. Смирнова в статье «Тонаграммы глаголов в хауса-английском словаре Барджери» анализирует тональную характеристику глаголов в языке хауса в связи с вопросом об их делении на переходные и непереходные. Статья Г. В. Зубко рассматривает систему глагольных форм и дифференциальные признаки характеристики действия для различных семантических групп глаголов в языке фула.

В заключение следует заметить, что статьи сборника снабжены резюме на французском или английском языках. К сожалению, их объем не всегда достаточен.

В. И. Плоткич

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1972 ГОДУ

Статьи

	№	Стр.
Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования	2	3
Антропова В. В. Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920—1930 гг.)	6	19
Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (Программа, методика и перспективы исследования)	3	3
Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. О месте первоначального расселения гребенских казаков	3	31
Востров В. В., Дахшлейгер Г. Ф., Кауанова Х. Этнографическое изучение казахского народа (К 50-летию образования Союза ССР)	4	34
Ганковский Ю. В. Интернациональное значение опыта решения национального вопроса в СССР	4	3
Гиренко Н. М. Этнолингвистическая ситуация на Занзибаре	5	51
Горелик М. В. Ближневосточная миниатюра XII—XIII вв. как этнографический источник (Опыт изучения мужского костюма)	2	37
Губогло М. Н. Социально-этнические последствия двуязычия	2	26
Гурвич И. С. Современные направления этнических процессов в СССР	4	16
Дахшлейгер Г. Ф.—см. Востров В. В.	4	34
Жданко Т. А. Национально-государственное размежевание и процессы этнического развития у народов Средней Азии	5	13
Зинич Т. В., Наулко В. И. Культурно-бытовое сближение народов Украинской ССР	6	28
Золотарева И. М. Геноеографическая характеристика Монголии по системе крови АВО	2	66
Зубов А. А. Одонтологические данные по населению Прибалтики	1	68
Зубов А. А. Материалы по одонтологии казахов	4	51
К пятидесятилетию образования СССР	5	3
Каландадзе Ц. П. К истории культурных взаимосвязей народов Закавказья	5	30
Калоев Б. А. Осетино-балкарские этнографические параллели	3	20
Кауанова Х.—см. Востров В. В.	4	34
Королева Н. С. Развитие национальных традиций в современных художественных промыслах СССР	5	39
Крюков М. В. К методике сбора полевого материала по системам родства	4	42
Кучинский А. Описание Сибири XVIII в. (Материалы Л. Сеницкого о сибирских аборигенах и их культуре)	1	31
Лазарев Г. З. Из истории японского жилища	1	73
Литвин Э. С. Песенные жанры русского детского фольклора	1	58
Лобачева Н. П. О процессе формирования новой семейной обрядности (по материалам Узбекистана)	1	3
Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Ф. Энгельс и некоторые вопросы эволюции общинного землевладения на Руси IX—XII вв.	1	14
Магомадова Т. С.—см. Виноградов В. Б.	3	31
Моногарова Л. Ф. Комплексная типология городов Таджикской ССР в свете проблем этнической мозаичности их населения	6	52
Наулко В. И.—см. Зинич Т. В.	6	28
Неразик Е. Е. Из истории хорезмского сельского жилища	3	43
Нитобург Э. Л. К вопросу о так называемом распаде негритянской семьи в США	6	64
Пранда А. Влияние билингвизма на некоторые явления народной культуры	2	17
Соколова В. К. Баллады и исторические песни (о характере историзма баллад)	1	52
Стродс Х. Этнографическая наука в Латвийской ССР	1	24
Теплинский Л. Б. Расизм в политике израильских сионистов	3	55

Терентьева Л. Н. Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере СССР	6	38
Фроянов И. Я.— см. Мавродин В. В.	1	14
Хармандарян С. В., Шерстобитов В. П. Юбилей братского союза советских народов	6	3
Чவர் Л. А. Ювелиры-ремесленники и местная художественная традиция в Таджикистане	1	39
Чебоксаров Н. Н.— см. Андрианов Б. В.	2	3
Шерстобитов В. П.— см. Хармандарян С. В.	6	3

Дискуссии и обсуждения

Бромлей Ю. В. Еще раз о соотношении этнической и экономической общностей	3	86
Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей	5	61
Гаген-Торн Н. И. Некоторые замечания о «темных местах» «Слова о полку Игореве» (Заметки этнографа)	2	51
Землянова Л. М. Структурализм и его новейшие модификации в современной фольклористике США	6	75
Фроянов И. Я. Семья и вервь в Киевской Руси (По поводу статьи Ю. М. Рапова)	3	90
Хабургаев Г. А. Этнический состав Древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей	1	85
Халиков А. Х. К вопросу о начале тюркизации населения Поволжья и Приуралья	1	100
Чеснов Я. В. Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии	4	64
Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры	3	73

Народы мира. Информационные материалы

Кочнев В. И., Петров Т. В. Народная республика Бангладеш	4	88
Петров Т. В.— см. Кочнев В. И.	4	88

Из истории науки

Полевой Б. П., Решетов А. М. К. Арсеньев как этнограф	4	74
Решетов А. М.— см. Полевой Б. П.	4	74

Сообщения

Абдушелишвили М. Г. Материалы совместных советско-индийских антропологических исследований в свете общих проблем генезиса индо-средиземноморской расы	6	119
Авакян Н. Х. Способы орнаментации традиционной одежды армян в XIX—XX вв. (В связи с подготовкой Кавказского этнографического атласа)	4	108
Айплатова М. А. Достижения советской этнографической науки в изучении материальной и духовной культуры марийского народа	5	82
Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Некоторые вопросы развития современного городского жилища (По материалам городов средней полосы РСФСР)	3	98
Барнов Г. Д. Грузинская фольклористика 1960-х годов	6	98
Боглар Л. Индейцы намбиквара — маргинальная группа в Бразилии	3	139
Герчук Ю. Я. Этнографические наблюдения русского путешественника Ф. В. Каржавина в Америке (конец XVIII в.)	1	143
Дибиров М. О канатоходстве в Дагестане	1	122
Дмитриева С. И. О специфике культурного развития русского Севера (Были ли Север глухой окраиной России?)	2	68
Драгун В. И. Деревянные жилища крестьян Закарпатья конца XVIII — начала XX века (По материалам Закарпатского музея народной архитектуры и быта)	3	121
Жуковская Н. Л. Этнографические исследования в МНР (Некоторые итоги и перспективы советско-монгольской историко-культурной экспедиции)	5	103
Каландадзе С. Л. «Талавари» — народный костюм хевсуров	6	112
Калиновская К. П. К вопросу о соотношении функций и структуры системы возрастных групп у галла (Эфиопия)	4	136
Кишкин Л. С. О синтезе народного и профессионального искусства (размышления над «Шпаличком» М. Алеша)	5	94
Кияткина Т. П. Применение перфокарт в краниологии	4	132
Кочешков Н. В. Шахматы у монголоязычных народов XIX—XX вв.	1	132

Круглова О. В. Центры крестьянской резьбы по дереву в Ярославской области (Новые данные о теремковых и столбчатых прялках)	4	118
Кузачов К. Г. Социолого-лингвистические исследования в Корякском национальном округе	5	89
Лелеков Л. А. К истолкованию погребального обряда в Тагискене	1	128
Лукьянова Т. П. О некоторых старинных обрядах на Брянщине (Из дневника фольклориста)	2	85
Мак Дыонг. Расселение и этнический состав народов в горных районах Севера Центрального Вьетнама	5	114
Мкртумян Ю. И. Картографирование элементов скотоводческой культуры народов Кавказа	2	61
Некрылова А. Ф. Генезис одной из сцен «Петрушки»	4	126
Новиков Ю. А. Былины Андрея Сорокина (К вопросу о творческой манере сказителя)	2	88
Мочанов Ю. А. Новые данные о Берингоморском пути заселения Америки (Стоянка Майорыч — первый верхнепалеолитический памятник в долине Колымы)	2	98
Ожегов С. С. Наскальные рисунки Падалинских пещер (Бирма)	1	139
Покшишевский В. В. Первые результаты индийской переписи 1971 года	2	102
Самойлов Ю. Г. Горьковский архитектурно-этнографический музей под открытым небом	6	104
Серов С. Я. Кастовая система в колониальном Перу	6	130
Станчу Е. С. Старинное сукноделие молдаван	1	119
Сурцхов Ю. Ю. Об историко-этнической типологии карельской свадьбы	4	102
Титова З. Д. Обзор этнографических материалов XVII—XIX вв. о народах Сибири Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	2	74
Томилов Н. А. Современные этнические процессы у татар городов Западной Сибири	6	87
Туголуков В. А. Институт «доха» у удэгейцев и орочей	3	105
Турсунов Н. Из истории ремесленных цехов Средней Азии (на материалах ткацких промыслов Ходжента конца XIX — начала XX в.)	1	110
Фельдман Н. И. Японские праздники	1	155
Цула Г. В. Кавказские сказания о Петре I	3	134
Чернецов С. Б. Эфиопская магическая литература	6	139
Шавкунов Э. В. О семантике тамгообразных знаков и некоторых видов орнамента на керамике с Шайгинского городища	3	128
Шангина И. И. Изображения коня и птицы в русской крестьянской вышивке XIX — начала XX века	3	116
Шмелева М. Н. — см. <u>Анохина Л. А.</u>	3	98

Поиски, факты, гипотезы

Басилов В. Н. Через сто лет после Маклая	4	443
Виноградов А. В. Бирюза, первобытная мода, этногенез	5	120
Джарылгасинова Р. Ш. Там, где цветет мугунхва (Корейские зарисовки)	2	108
Подольный Р. Г. Фантастическая этнография и этнографическая фантастика	6	145
Путилов Б. Н. В. Бонгу звучат окамы	3	144
Снесарев Г. П. Люди и звери (Этнографические поиски в области культа животных)	1	166

Хроника

Басилов В. Н. Работа Института этнографии АН СССР в 1971 году	3	157
---	---	-----

Научная жизнь

Арановская О. Р., Ивлева Л. М. Конференция фольклористов в Ленинграде	2	128
Борисковская С. П. Выставка «Сокровища Кипра» в Эрмитаже	2	131
Велюс Н. Комплексные экспедиции литовских краеведов	3	171
Власова И. В., Федянович Т. П. Третья поволжская конференция по ономастике	3	166
Жорницкая М. Я., Соколова З. П. Сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 года	5	131
Жукowska Н. Л., Хазанов А. М., Членов М. А. Проблемы алтаистики и монголоведения	5	139
Ивлева Л. М. — см. Арановская О. Р.	2	128
Кюллеш И. Венгерская этнографическая энциклопедия	3	172
Маретин Ю. В. Этнография, антропология и другие науки о человеке на XIII Международном конгрессе по истории науки	4	159

Покровская Л. В. Первый Международный конгресс европейской этнологии	1	178
Рикман Э. А. Новая экспозиция по этнографии Молдавии	1	182
Соколова З. П.—см. Жорницкая М. Я.	5	131
Тумаркин Д. Д. По островам Океании (Этнографические работы во время 6-го экспедиционного рейса «Дмитрия Менделеева»)	2	120
Фараджев С. Б. Всесоюзный семинар-совещание работников музеев	3	169
Федянович Т. П.—см. Власова И. В.	3	166
Хазанов А. М.—см. Жуковская Н. Л.	5	139
Членов М. А.—см. Жуковская Н. Л.	5	139
Шаврина И. Ф. Музей и школа (Из опыта МАЭ)	2	136
Шаповалова Г. Г. Фольклорно-этнографический кружок при Институте этнографии АН СССР	4	172

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Кацман В. Я. Традиции и национально-освободительная революция	6	156
Кинжалов Р. В. Новые исследования по культуре майя	6	158
Савватеев Ю. А. Ценные исследования по первобытному искусству (Работы В. Н. Чернецова о наскальных изображениях Урала)	5	142
Труфанов И. П. О некоторых тенденциях в исследованиях этносоциальных процессов в США	4	175
Фрейденберг М. М. Род и семейная община в югославской научной литературе за последние десять лет	2	139

Общая этнография

Арутюнов С. А. <i>Этнография имен</i>	6	164
Зубов А. А., Пучков П. И., Н. Н. и И. А. Чебоксаровы. Народы, расы, культуры	4	180
Кабо В. Р. A. Lommel Masken. Gesichtetes der Menschheit	2	146
Козинцев А. Г. Т. А. Тот, Б. В. Фиштейн. Антропологические данные по вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы	6	165
Логашова Дж. Б. <i>Этнонимы</i>	3	174
Пучков П. И.—см. Зубов А. А.	4	180
М. Н. Серебрякова. <i>Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. «Сборник МАЭ», т. XXVI</i>	6	163
Файнберг Л. А. <i>Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса</i>	5	150

Народы СССР

Александров В. А. <i>Материалы по истории Якутии XVII века (документы ясачного сбора)</i>	3	176
Алексеев Н. А. Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера	5	152
Варданян Л. М. Ст. Д. Лисицян. Армяне Загезура	1	186
Гаген-Торн Н. И. Т. А. Крюкова. Мордовское народное изобразительное искусство. Вышивка, шитье бисером, узорные ткани, резьба по дереву	1	190
Гаген-Торн Н. И. Н. Н. Ершов, З. А. Широкова. Альбом одежды таджиков	6	179
Гоголев З. В. <i>Yakutia before its incorporation into the Russian State</i>	4	187
Гольберг М. Я. Б. Н. Путилов. Русский и южнославянский героический эпос	5	147
Гурвич И. С. Гоголев З. В. Якутия на рубеже XIX—XX вв.	2	159
Долгих Т. Б. <i>Одежда народов Сибири</i>	5	154
Калоев Б. А., Г. Х. Мамбетов. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (Вторая половина XIX—60-е годы XX века)	6	174
Кисляков Н. А. В. В. Антропова. Культура и быт коряков	5	160
Кисляков Н. А. Х. Г. Ишанкулов. Брак и свадьба у населения Ходжента в новое время (конец XIX—начало XX века)	6	179
Кубъяс Э. <i>Eesti muistendid hiiu-ja vagilasmuistendid, r. 1—3</i>	1	188
Кузеев Р. Г. С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи	5	156
Курылев В. П. <i>Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник. III</i>	6	177
Молотова Л. Н. <i>Быт и искусство населения Восточной Сибири, ч. I — Приангарье</i>	6	171
Пиотровский Б. Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья	5	162
Пушкарев Л. Н. <i>Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. V</i>	2	150

Решетов А. М., Чебоксаров Н. Н. М. Я. <i>Сушанло</i> . Дунгане (Историко-этнографический очерк)	3	181
Робакидзе А. И. Л. А. <i>Чибиров</i> . Осетинское народное жилище	2	152
Родионов М. А. И. Н. <i>Винников</i> . Язык и фольклор бухарских арабов	3	179
Серебрякова М. Н. <i>Традиционная культура народов Передней и Средней Азии</i>	6	163
Сухарева О. А. В. Н. <i>Басилов</i> . Культ святых в исламе	2	157
Трофимова А. Г. А. С. <i>Фараджев</i> . Ордубад. Историко-экономический очерк	1	187
Хомич Л. В. Б. О. <i>Долгих</i> . Очерки по этнической истории ненцев и энцев	4	182
Цулая Г. В. А. А. <i>Глonti</i> . Топонимические разыскания, вып. 1	2	155
Цулая Г. В. Г. Н. <i>Джавахишвили</i> . Быт и культура шахтеров Ткибули	6	173
Чебоксаров Н. Н.—см. Решетов А. М.	3	181
Шлыгина Н. В. <i>Elina Opik</i> . Vadjalastest ja isurizest XVIII saj lopul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses	4	185
Шляпентох В. Э. Ю. В. <i>Арутюнян</i> . Социальная структура сельского населения СССР	6	167

Народы зарубежной Европы

Арутюнов С. А. Н. А. <i>Красновская</i> . Фриулы	4	189
Златковская Т. Д., Маркова Л. В. <i>Этногенез и культурно наследств</i> о на болгарский народ	5	165
Кан А. С. Г. И. <i>Анохин</i> . Общинные традиции норвежского крестьянства	3	182
Маркова Л. В.—см. Златковская Т. Д.	5	165
Штаерман Е. М. <i>Златковская Т. Д.</i> Возникновение государства у фракийцев	1	192

Народы зарубежной Азии

Волчок Б. Я. Г. М. <i>Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин</i> . Древняя Индия. Исторический очерк	2	161
Зак С. Д., Тюльпанов С. И. М. К. <i>Кудрявцев</i> . Община и каста в Хиндустане (из жизни индийской деревни)	4	190
Кудрявцев М. К. <i>Census of India 1961, vol. I. Monograph series, pt. VI, № 3, Socio-economic survey report on Chetlat island</i>	2	163
Мухлинов А. И. <i>Ла Ван Ло, Данг Нэхием Ван</i> . Краткое знакомство с группой народов тай, нунг и тхай Вьетнама	2	165
Мухлинов А. И. <i>Данг Фонг</i> . Первобытная экономика Вьетнама	6	182
Покшишевский В. В. Городская жизнь стран Переднего Востока в освещении французской школы «географии человека» (<i>«Revue Géographique de l'Est», 1969, t. IX</i>)	3	185
Тюльпанов С. И.—см. Зак С. Д.	4	190

Народы Америки

Алексеев В. П. Л. А. <i>Файнберг</i> . Очерки этнической истории зарубежного Севера (Аляска, Канадская Арктика, Лабрадор, Гренландия)	3	186
Гуляев В. И. Р. В. <i>Кинжалов</i> . Культура древних майя	2	166
Дзенискевич Г. И. <i>Bill Vaudrin</i> . Tainaina tales from Alaska	4	193
Дридзо А. Д. Л. А. <i>Шур</i> . К берегам Нового Света. Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века	6	187
Кузьмин А. Н. Э. Л. <i>Нитобург</i> . Черные гетто Америки	5	169
Фурсова Л. Н. М. Я. <i>Берзина</i> . Формирование этнического состава населения Канады. Этностатистическое исследование	4	195

Народы Африки

Плоткин В. И. «Africa»», 8. <i>Этнография, история, языки народов Африки</i>	6	188
Чернецов С. Б. А. К. <i>Булатович</i> . С войсками Менелика II	5	172

Народы Австралии и Океании

Богина Ш. А. Д. Д. <i>Тумаркин</i> . Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820—1865 гг.	2	169
Сенюта Т. В. R. A. <i>Gould</i> . Yiwara: Foragers of the Australian Desert	3	188

<u>Анохина Людмила Алексеевна</u>	2	180
<u>Долгих Борис Осипович</u>	2	176
<u>Ефимов Алексей Владимирович</u>	1	195
<u>Хашаев Хаджи-Мурад Омарович</u>	2	173

СОДЕРЖАНИЕ

С. В. Хармандарян, В. П. Шерстобитов (Москва). Юбилей братского союза советских народов	3
В. В. Антропова (Ленинград). Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920—1930 гг.)	19
В. Т. Зинич, В. И. Наулко (Киев). Культурно-бытовое сближение народов Украинской ССР	28
Л. Н. Терентьева (Москва). Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере СССР	38
Л. Ф. Моногарова (Москва). Комплексная типология городов Таджикской ССР в свете проблем этнической мозаичности их населения	52
Э. Л. Нитобург (Москва). К вопросу о так называемом распаде негритянской семьи в США	64

Дискуссии и обсуждения

Л. М. Землянова (Москва). Структурализм и его новейшие модификации в современной фольклористике США	75
---	----

Сообщения

Н. А. Томилов (Томск). Современные этнические процессы у татар городов Западной Сибири	87
Г. Д. Барнов (Тбилиси). Грузинская фольклористика 1960-х годов	98
Ю. Г. Самойлов (Горький). Горьковский архитектурно-этнографический музей под открытым небом	104
С. Л. Каландадзе (Тбилиси). «Талавари» — народный костюм хевсуров	112
М. Г. Абдушелишвили (Тбилиси). Материалы совместных советско-индийских антропологических исследований в свете общих проблем генезиса индосредиземноморской расы	119
С. Я. Серов (Москва). Кастовая система в колониальном Перу	130
С. Б. Чернецов (Ленинград). Эфиопская магическая литература	139

Поиски, факты, гипотезы

Р. Г. Подольный (Москва). Фантастическая этнография и этнографическая фантастика	145
--	-----

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

В. Я. Кацман (Москва). Традиции и национально-освободительная революция	156
Р. В. Кинжалов (Ленинград). Новые исследования по культуре майя	158

Общая этнография

С. А. Арутюнов (Москва). <i>Этнография имен</i>	161
М. Н. Серебрякова (Ленинград). <i>Традиционная культура народов Передней и Средней Азии</i> , «Сборник МАЭ», т. XXVI	163
А. Г. Козинцев (Ленинград). <i>Т. А. Тот, Б. В. Фириштейн</i> . Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы	165

Народы СССР

В. Э. Шляпентох (Москва). <i>Ю. В. Арутюнян</i> . Социальная структура сельского населения СССР	167
Л. Н. Молотова (Ленинград). <i>Быт и искусство русского населения Восточной Сибири, ч. I — Приангарье</i>	171
Г. В. Цулая (Москва). <i>Г. Н. Джавахишвили</i> . Быт и культура шахтеров Ткибули	173
Б. А. Калоев (Москва). <i>Г. Х. Мамбетов</i> . Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX — 60 годы XX века)	174

В. П. Курьлев (Ленинград). <i>Занятия и быт народов Средней Азии</i> . «Средне-азиатский этнографический сборник», III	177
Н. И. Гаген-Торн (Ленинград). Н. Н. Ершов, З. А. Широкова. Альбом одежды таджиков	179
Н. А. Кисляков (Ленинград). Х. Г. Ишанкулов. Брак и свадьба у населения Ходжента в новое время (конец XIX — начало XX в.)	179

Народы зарубежной Азии

А. И. Мухлинов (Ленинград). Данг Фонг. Первобытная экономика Вьетнама	182
---	-----

Народы Америки

А. Д. Дридзе (Ленинград). Л. А. Шур. К берегам Нового Света. Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века	187
---	-----

Народы Африки

В. И. Плоткин (Ленинград). «Africana», 8. Этнография, история, языки народов Африки	188
---	-----

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1972 году	191
---	-----

На первой странице обложки: Молодежь страны Советов. Фотохроника ТАСС

SOMMAIRE

S. V. Kharmandarian, V. P. Chérstobitov (Moscou). La fête jubilaire de l'union fraternelle des peuples soviétiques	3
V. V. Antropova (Leningrad). Participation des ethnographies à la réalisation pratique de la politique nationale léniniste à l'Extrême-Nord (1920—1930)	19
V. T. Zinitch, V. I. Naoulko (Kiev). Rapprochement culturel et en mode de vie des peuples de la R. S. S. d'Ukraine	28
L. N. Térientiéva (Moscou). Quelques aspects des processus ethniques en régions de Volga, d'Oural et au Nord de la partie Européenne de l'U.R.S.S.	38
L. F. Monogarova (Moscou). Une typologie complexe des villes de la R. S. S. de Tadjikie à la lumière des problèmes de structure ethnique dite «en mosaïque» de leur population	52
E. L. Nitobourg (Moscou). Contribution au problème de la soi-disant désintégration de la famille nègre aux Etats-Unis	64

Discussions et deliberations

L. M. Ziemlianova (Moscou). Le structuralisme et ses modifications les plus récentes dans les études folkloriques modernes aux Etats-Unis	75
---	----

Communications

N. A. Tomilov (Tomsk). Processus ethniques modernes chez les Tartares des villes de la Sibirie Occidentale	87
G. D. Barnov (Tbilissi). Etudes folkloriques géorgiennes des années 1960	98
Yu. G. Samoilov (Gorki). Le musée architectural-ethnographique en plein air de Gorki	104
S. L. Kalandadzé (Tbilissi). Un costume populaire khévsoûre, le «talavari»	112
M. G. Abdouchélitchvili (Tbilissi). Les matériaux des études communes d'anthropologie soviétique — indiennes à la lumière des problèmes généraux de genèse de la race indo — méditerranéenne	119
S. Ya. Sierov (Moscou). Le système des castes au Pérou colonial	130
S. B. Tchérnietsov (Leningrad). Littérature magique éthiopienne	139

Recherches, faits, hypotheses

R. G. Podolny (Moscou). Ethnographie fantastique et lettres de fantaisie ethnographiques	145
--	-----

Critique et bibliographie

Articles de critique et revues

- V. Ya. Katsman (Moscou). Les traditions et la révolution de libération nationale 156.
 R. V. Kinejalov (Léningrad). Nouvelles études sur la civilisation des Maya 158

Ethnographie générale

- S. A. Aroutiounov (Moscou). *Ethnographie des noms* 161
 M. N. Sériebriakova (Léningrad). *Culture traditionnelle des peuples du Proche-Orient et de l'Asie Centrale*: Recueil du Musée de l'Anthropologie et de l'Ethnographie, t. XXVI 163.
 A. G. Kozintsev (Léningrad). *T. A. Toth, B. V. Firshtein*. Données anthropologiques à verser au dossier du problème de la Grande transmigration des peuples: Avares et Sarmathes 165.

Peuples de l'U.R.S.S.

- V. E. Chliapéntokh (Moscou). *Yu. V. Aroutiunian*. Structure sociale de la population rurale de l'U. R. S. S. 167
 L. N. Molotova (Léningrad). *Le mode de vie et les arts des populations de la Sibérie Orientale. P. I: la région d'Angara* 171
 G. V. Tsoulaya (Moscou). *G. N. Djavakhchvili*. Mode de vie et culture des mineurs de Tkibouli 173.
 B. A. Kaloïev (Moscou). *G. Kh. Mambietov*. Culture matérielle de la population rurale de la Kabardino-Balkarie (2e moitié du XIXe — années 60 du XXe ss.) 174
 V. P. Kouryliov (Léningrad). *Occupations et mode de vie des peuples de l'Asie Centrale*: Recueil ethnographique d'Asie Centrale, III 177
 N. I. Gaghen-Torn (Léningrad). *N. N. Yerchoy, Z. A. Chirokova*. Album des vêtements des Tadjik 179
 N. A. Kisliakov (Léningrad). *Kh. G. Ichankoulov*. Le mariage et la noce de la population de Khodjend aux temps modernes (fin XIXe — début XXe ss.) 179.

Peuples de l'Asie hors l'U.R.S.S.

- A. I. Moukhlinov (Léningrad). *Dang Fong*. Economie primitive de Vietnam 182.

Peuples de l'Amérique

- A. D. Dridzo (Léningrad). *L. A. Chour*. Vers les bords du Nouveau Monde. Notes non-publiées des voyageurs russes du début du XIXe s. 187

Peuples de l'Afrique

- V. I. Plotkine (Léningrad). *«Africana», 8. Ethnographie, histoire, langues des peuples de l'Afrique* 188.

- Index des articles et matériaux publiés par la revue en 1972 191.

Sur la couverture: La jeunesse du Pays des Soviets. Cliché TASS

Технический редактор Т. И. Сироткина

Сдано в набор 13/IX-1972 г. Т-16971 Подписано к печати 29/XI-1972 г. Тираж 2400 экз.
 Зак. 5197 Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 17,5 Бум. л. 6¹/₄ Уч.-изд. л. 20,2